

Konfrontační studium
gramatiky a slovní zásoby
ruštiny a češtiny s jinými
slovanskými jazyky

Nokladatelství
Moskevské univerzity · 1983

Московский университет
Карлов университет в Праге (ЧССР)

Сопоставительное изучение
грамматики и лексики
русского языка
с чешским языком
и другими славянскими
языками

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. Г. ШИРОКОВОЙ И ВЛ. ГРАБЬЕ

1005534

Издательство
Московского университета · 1983

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

Л. Н. Смирнов —

доктор филологических наук, зав. сектором славянского языкознания Института славяноведения и балкаистики АН СССР;

Е. В. Клобуков —

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры русского языка филологического факультета МГУ

Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. Под редакцией А. Г. Широковой и Вл. Грабье. Изд-во Моск. ун-та, 1983, с. 312. 460200000

Сборник статей написан совместно с чешскими учеными и посвящен актуальным вопросам сопоставительного изучения и описания славянских языков, в частности русского, чешского, словацкого.

С $\frac{460200000-153}{077(02)-83}$ 152-83

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник статей является результатом международного сотрудничества кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ (с участием членов кафедры русского языка и сотрудников лаборатории «Русский язык в современном мире») с тремя кафедрами философского факультета Карлова университета в Праге: кафедрой русистики (проф. Вл. Барнет, проф. Вл. Грабье, доц. П. Адамец), кафедрой чешского и словацкого языков (проф. К. Гаузенблаз, доц. Я. Порак, доц. В. Будовичова, доц. О. Шульцова и др.), а также с кафедрой общего языкознания и фонетики (проф. М. Ромпортл, доц. П. Новак, доц. Д. Конечна и др.).

Данный сборник является вторым, посвященным вопросам сопоставительного изучения грамматического строя и лексического состава близкородственных славянских языков. Первый сборник «Konfrontační studium gramatiky a slovní zásoby ruštiny a češtiny» вышел в Праге в 1976 г.

* * *

Широкий интерес к сопоставительному изучению языков начался в 50-е годы XX века. Последние десятилетия характеризуются необычайно быстрым развитием одного из направлений сопоставительного изучения языков — синхронной сравнительно-сопоставительной лингвистики, которую называют также конфронтационной или контрастивной. Новую волну сопоставительных исследований в СССР, ЧССР, НРБ, ГДР и ПНР принесли 70-е годы и начало 80-х гг. В ряде стран появились центры по сопоставительному изучению языков, были созданы проекты двуязычных сопоставительных грамматик и исследований, которые ставят своей целью дать по возможности полное описание сходств и различий сопоставляемых языков.

Особо следует отметить выход в 1979 г. в Праге «Русской грамматики», в которой имеются интересные главы, посвященные сопоставительному анализу русского и чешского языков на всех языковых уровнях; основание в 1978 г. в НРБ журнала «Сопоставительное языкознание» («Съпоставително езикознание»), редакция которого поставила перед лингвистической общественностью ответственную задачу изучения болгарского языка в сравнении с другими родственными и неродственными языками мира, а также многочисленные сопоставительные работы чехословацких, немецких, польских, румынских и других русистов и славистов широкого профиля.

Интерес к сопоставительному изучению языков не является случайным, так как сопоставление разных языков очень важно как в практическом, так и в теоретическом отношении. Оно необходимо для создания эффективной методики преподавания языков в иноязычной среде. Сопоставление позволяет вскрыть сходства и специфические для каждого языка различия в выборе лексических, грамматических (и прочих) средств при описании одних и тех же фактов языковой действительности. Сравнение является основой перевода, имеющего своей целью преобразование высказывания одного языка в речевую структуру другого при обязательном соблюдении норм и правил этого языка. Наконец, сравнение позволяет глубже вскрыть такие закономерности и особенности в системе сопоставляемых языков, которые остаются скрытыми при их внутриязыковом изучении.

Сопоставление систем или микросистем разных языков, а также их функциональных возможностей стало основой многих методико-дидактических и учебных пособий.

Следует, однако, иметь в виду, что сравнимость языковых явлений — это не простое сравнение фактов на первый взгляд очевидных и доступных визуальному наблюдению. Сравнимость — это возможность привлечения для сопоставительного анализа таких языковых явлений (словообразовательных, морфологических, синтаксических, лексических и др.), которые в двух или более языках лингвистически релевантны, ситуативно и функционально эквивалентны. В связи со сказанным существенным представляется более глубокая характеристика различных типов эквивалентности (системной, функциональной, узуальной, ситуационной), уточнение самого понятия эквивалентности и исходной точки сравнения (*tertium comparationis*) в различных направлениях сопоставительного языкознания.

Значительные сходства славянских языков, обусловленные не только их генетическим родством, но и внутренними закономерностями развития, во многих случаях предопределили близость инвентаря грамматических средств и инвариантных грамматических значений. Однако это не снимает специфических трудностей практического и теоретического изучения, например, русского языка в инославянской среде и других славянских языков в русской языковой среде. Уже неоднократно было доказано (и прежде

всего чехословацкими лингвистами), что грамматические системы близкородственных языков отличаются не столько средствами выражения, не столько различиями типологического и системного характера (хотя они имеются), сколько неодинаковой функционально-стилистической значимостью изучаемых категорий и их членов, разной степенью употребительности, неодинаковым удельным весом в системе или микросистеме языка.

В связи с этим особую актуальность приобретает изучение языковых явлений с точки зрения выполняемых ими функций, а также определение их функциональных границ, которые при наложении, как правило, не совпадают даже в близкородственных языках.

Нередко различия в близкородственных славянских языках обусловлены разной дистрибуцией сопоставляемых категорий и их форм, их специфическими сочетаемостными свойствами, что является основой межъязыковой интерференции.

Для понимания того, как в родственных языках осуществляется процесс реализации сходных функциональных потребностей, необходимо также соотнесение языковых норм и языкового узуса с учетом возможностей их речевой реализации в том или ином языке.

Наконец, сопоставительное изучение языков требует не только применения, но и дальнейшей разработки методов, теоретических принципов и методических приемов изучения и описания фактического материала сопоставляемых языков, так как до настоящего времени некоторые исходные теоретические принципы и понятия сравнительно-сопоставительной лингвистики остаются дискуссионными, требующими своего дальнейшего решения. Важную роль при этом играют такие сопоставительные работы, в которых показаны конкретные результаты применения системно-структурного и функционального методов, опирающихся на марксистскую методологию.

Указанные аспекты изучения славянских языков получили отражение в большей части работ настоящего сборника, где уделяется внимание главным образом различным проблемам синхронного сравнительно-сопоставительного изучения русского, чешского, отчасти — словацкого и болгарского языков.

Наряду со статьями, в которых рассматриваются принципы сопоставительного изучения славянских языков на разных языковых уровнях (см. теоретически значимые статьи Вл. Барнета, Г. П. Нешименко, П. Новака, И. Г. Милославского и др.), в сборнике содержится ряд исследований, посвященных сопоставительному изучению различных, прежде всего грамматических категорий русского и чешского языков с системной и функциональной точки зрения (категории наклонения, времени, падежа, числа, функционирование местоимений и предлогов), а иногда и с точки зрения формообразования (категория вида). Синтаксическая и лексическая проблематика представлена работами, в которых указанные аспекты пересекаются (вопросы лексической сочетаемости слов,

выражение некоторых содержательных категорий лексико-синтаксическими средствами).

В отдельных исследованиях получили освещение в сопоставительном плане вопросы интонологии и словообразования.

Содержащиеся в сборнике материалы и выводы в равной степени могут быть полезны как для советских, так и для чехословацких русистов и славистов, поскольку они представляют интерес в теоретическом и практическом отношении и могут быть использованы при чтении курсов лекций по сопоставительной грамматике и лексикологии русского, чешского и словацкого языков, в практике преподавания русского языка в инославянской среде, а также чешского и словацкого языков в русской среде.

К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ
ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ
ПРИ СРАВНЕНИИ

1. Сравнение основывается на идее общего, которое получает выражение в частном. Сравнение языковых явлений является, безусловно, универсальным приемом лингвистических исследований, независимо от того, идет ли речь о сравнении различных лингвистических фактов на основе теоретической модели, избранной для их описания, или же о сравнении языковых явлений различных языков. Оба пути — то есть монолингвальное и полилингвальное описание языка — направлены на более глубокое познание сущности языковых явлений. Однако термин «сравнение» в лингвистике закреплен за вторым типом описания, то есть за случаями, когда речь идет о сравнении одного языка с другим языком или же с несколькими языками.

Раньше граница между обоими приемами сравнения не была столь очевидной, однако в настоящее время с точки зрения лингвистических методов она представляется более строго очерченной.

В средневековье в роли теоретических моделей естественных языков нередко выступали классические языки, например, греческий и латинский в Европе, на большей части славянского мира — церковнославянский язык, а на Ближнем Востоке — арабский. При описании естественных языков указанные языки-эталон применялись имплицитно, а нередко — и эксплицитно. В результате появились переводные сопоставительные грамматики типа: *Martini Grusii. Grammaticae Graecae cum Latina congruentis, pars I—II* (Basileae, 1566), а в славянском мире — Аделфотне. Грамматика доброглаголиваго еллинословенского языка. Совершенного искусства осми частей слова (Львов, 1591) ¹. В грамматиках указанного типа категории языка-эталона переносились на описываемый язык. В тексте изложения параллельно указывались как явления языка-эталона, так и явления описываемого языка. Нередко такого рода грамматики (см. выше 2-й пример) служили источником изучения обоих языков.

Эта традиция получила широкое распространение. Почти в каждой национальной филологии можно найти довольно большое количество примеров как следования указанным образцам, так и попытки освободиться от их влияния. Следует заметить, что способ параллельного описания явлений двух языков до настоящего времени представлен в работах, претендующих на признание их сопоставительными.

Однако в указанных выше случаях прием сравнения выполнял чисто иллюстративную функцию. В большинстве примеров

речь шла о параллельном изложении фактов двух языков, которое не ставило перед собой цель глубокого объяснения сопоставляемых явлений. Традиции таких грамматик не очень отличались от традиций лексикографической практики своего времени.

В полной мере экспликативную функцию прием сравнения получает в рамках различных направлений сопоставительного языкознания. В настоящее время сопоставительное языкознание можно представить следующими направлениями:

- 1) сравнительно-историческое языкознание;
- 2) ареальная лингвистика;
- 3) лингвистическая типология;
- 4) лингвистика перевода;
- 5) сравнительно-сопоставительная (конфронтационная) лингвистика.

В этих разновидностях сопоставительного языкознания прием сравнения связан с понятием эквивалентности и с понятием *tertium comparationis*. Последнее является ключевым, препятствующим механическому перенесению особенностей одного языка на другой. Это общий знаменатель, который позволяет более глубоко проникнуть в языковую материю одного описываемого языка посредством другого.

2. Целью нашей статьи является детальное освещение вопросов эквивалентности при сравнительно-сопоставительном анализе языков. Однако специфика сравнения при сопоставлении (конфронтации) будет более выпуклой, если мы примем во внимание и другие направления сопоставительного языкознания, прием сравнения в которых находит отражение в их специфическом понятийном аппарате, вследствие чего понятие эквивалентности в них получает различное содержание.

3. Согласно А. Мейе сравнение может быть использовано в двух целях: прежде всего для установления общих языковых закономерностей, а также для выявления исторических фактов. В таком понимании сравнение (компарация) является единственным инструментом, с помощью которого лингвистика может восстановить историю языка².

Целью сравнения в сравнительно-историческом языкознании является установление взаимно корреспондирующих эмпирически данных явлений в сопоставляемых языках³. Следовательно, предметом сравнения являются морфемы или лексемы, а результатом их сравнения — реконструкция исходного состояния соответствующих явлений, а также установление фонетических законов, которые на основе идентичности сравниваемых явлений способны объяснить как их сходства, так и различия. Требование заданности сравниваемых явлений, рассматриваемых как генетически эквивалентные, в принципе приводит к тому, что предметом сравнения в сравнительно-историческом языкознании были непредсказуемые единицы, которые могут быть заданы списком флексий или лексем. Вследствие этого приемы сравнения не давали нужных результатов в тех случаях, когда речь шла о функциониру-

вании языковых средств, в частности, при изучении их функционирования в области синтаксиса. Р. Ружичка указывает две причины, которые затрудняют реконструкцию репертуара исходных типов предложения в языке. Во-первых, в отличие от реконструкции морфем реконструкция предложенческих типов не может быть результатом сравнения только эмпирических особенностей этих типов, так как необходимо установить и зарегистрировать принципы их построения, правила образования предложенческих моделей (формул), которые были бы способны объяснить правильность построения соответствующих типов предложения. Факт указания на существование подобных предложенческих типов в сравниваемых языках не имеет экспликативной силы. Во-вторых, формально отличающиеся, но эквивалентные предложенческие типы в сравниваемых языках с точки зрения глубинного смысла могут быть отнесены к исходным типам лишь с учетом гипотетической иерархии принципов и правил их построения. Поэтому классический метод сравнительно-исторического языкознания должен быть дополнен приемами установления теоретических моделей, позволяющих при помощи определенных правил выявить также и принципы употребления языковых единиц⁴.

Таким образом, в классическом сравнительно-историческом языкознании *tertium comparationis*, с одной стороны, выступает в виде общего значения таких единиц, как морфемы или лексемы (ср. например, праслав. *сѣпа*, лит. *kaina* *цена, выгода, польза*, греч. *ποῦή* *покаяние, наказание, возмещение* — при этом определение границ семантической идентичности остается весьма проблематичным), а с другой стороны — в виде фонетических закономерностей, существующих между сравниваемыми единицами. В этом случае под эквивалентом понимается формально совпадающие или несовпадающие единицы, соотносимые с установленным *tertium comparationis*.

4. Иное место прием сравнения занимает в ареальной лингвистике, которая конституировалась как реакция на сравнительно-историческое языкознание. В отличие от сравнительно-исторического языкознания, которое отдавало предпочтение факторам временным, а не пространственным, ареальная лингвистика подчеркивает в языковых изменениях примарность пространственного фактора. Основываясь на теории волн Й. Шмидта⁵, ареальная лингвистика исходит из представлений, что и язык, и диалект не имеют собственных точно очерченных границ, но что индоевропейские языки связаны между собой целой сетью переходных явлений.

Ареальная лингвистика, представленная на разных этапах развития такими именами, как А. Мейе, В. Порциг, а также лингвистами итальянской неолингвистической школы, ставила перед собой цель определить границы языковых ареалов и установить принципы их внутреннего членения как средства определения степеней их генетического родства.

Путь к этому представители ареальной лингвистики видели в выявлении общих языковых изоглосс, обнаруживаемых в языках, которые находились или находятся в территориальных контактах.

В отличие от сравнительно-исторического языкознания, в центре внимания которого находились прежде всего архаические языковые явления, ареальная лингвистика в первую очередь уделяет внимание инновациям. При такого рода сравнении разграничение инноваций и архаических языковых явлений становится чрезвычайно важным методическим требованием. О трудности указанного разграничения свидетельствует факт существования дублетных образований. Ср., например, слав. *даръ* ~ *дань*, соответствующие, с одной стороны, греч. δῶρον, арм. tug, с другой — лат. dōnum, др.-инд. dānum и т. п. Поэтому в специальной литературе не является однозначным толкование словообразовательных типов на -г и на -п с точки зрения их принадлежности к инновациям или архаическим образованиям⁶.

Для установления архаических явлений сравнительно-историческое языкознание с успехом применяло генетическую реконструкцию. Для отграничений инноваций от архаических явлений более эффективной является внутренняя реконструкция, которая устанавливает, является ли сравниваемое явление составной частью коррелирующих рядов соответствующей системы (и, следовательно, оно также носит архаический характер), или же его архаический характер определяется этимологически. Однако ареальная лингвистика не может устранить трудностей, которые возникают при разграничении инноваций, общих для контактирующих языков, и явлений, развивающихся параллельно. Методы, разработанные в ареальной лингвистике, можно применять как при генетической интерпретации общих явлений, так и с определенной доработкой при их интерпретации как явлений языкового союза.

Прием сравнения в ареальной лингвистике в отличие от сравнительно-исторического метода включается в другой концептуальный аппарат. Мы уже убедились, что и в новых взаимосвязях этот прием связан с определенным методологическим ограничением. Освоение нового понятийного аппарата проявляется и в специфическом разграничении понятий «эквивалентность» и *tertium comparationis*. В ареальной лингвистике *tertium comparationis* — это необходимое условие установления общей изоглоссы контактирующих языков; эквивалентными же являются инновации, соотносимые с установленным таким образом *tertium comparationis*.

5. Другой реакцией на сравнительно-историческое языкознание является типологическая лингвистика, в рамках которой обнаруживаются новые условия применения общего приема сравнения. В типологии сравнение выходит за рамки родственных языков (следы такого применения были обнаружены уже при аппликации методов ареальной лингвистики на описание языковых союзов).

Одновременно оно развивается в новом методологическом контексте структурной лингвистики. Все это привело к необходимости по-новому специфицировать прием сравнения языковых явлений в рамках типологических исследований. В чешской лингвистике этой проблематике уделялось внимание в начале 60-х годов, особенно в работах Вл. Скалички и Б. Гавранека⁷. В одной из них Вл. Скаличка утверждает⁸, что сравнительно-историческое языкознание в принципе является диахроническим, так как сравниваются различные этапы развития одного и того же языка, двух или большего числа языков, которые восходят к одному источнику.

Типология может быть как синхронической, так и диахронической; она проводит многостороннее сравнение самых различных языков. Выводы, полученные путем типологических сравнений, имеют общезыковое значение. Однако направленность типологии на языковые универсалии является ступенчатой, так как типология имеет дело со всеми естественными (генетически родственными и неродственными) языками; полученные результаты она может проверять практически открытым рядом возможностей сравнения с языковым материалом других языков. Поэтому Вл. Скаличка говорит, с одной стороны, о макротипологии, которая за исходное принимает существование языковых универсалий и одновременно ставит перед собой задачу более глубокого их изучения, с другой — о микротипологии, цель которой — изучение общих закономерностей более закрытой группы языков (например, близкородственных славянских языков)⁹.

Предметом сравнения в типологии являются взаимосвязи явлений, которые имеют характер закономерного сосуществования. Эти взаимосвязи могут носить характер импликации (если встречается А, то не встречается В) или вероятностный характер (если встречается А, то, по всей видимости, встречается и В). Однако цель типологии как науки о типах языка заключается не только в классификации. Синхронная типология свои познания о взаимосвязях языковых явлений использует для более глубокого и всестороннего объяснения языковой структуры. Диахроническая типология исходит из предположения, что отдельные языки являются результатом комбинации различных типов и что история языка объясняет движение от одной такой комбинации к другой.

В типологическом языкознании общий прием (метод) сравнения определяет основные понятия сравнения так, что в основе *tertium comparationis* находится понятие типа, resp. типов языка. При этом тип понимается как совокупность взаимосвязей языковых явлений. Эквивалентными же являются такие явления, которые соответствуют установленным взаимосвязям.

6. Благодаря заслугам Лейпцигского лингвистического центра в сопоставительную лингвистику постепенно включается (особенно в последнее десятилетие) и лингвистика перевода (*Translationslinguistik*).

Здесь общий прием сравнения должен соотноситься с понятийным аппаратом теории перевода, в которой поиск общего знаменателя, позволяющего тексты двух языков считать адекватными, является вопросом первостепенной важности¹⁰.

Г. Егер определяет перевод как операцию, которая между оригиналом (исходный язык) и переводом (*translat*) образует отношение общефункциональной эквивалентности. Под функциональной эквивалентностью понимается соответствие оригинала и перевода на уровнях сигнификативном, прагматическом и синтаксическом. Так как при коммуникации речь идет об установлении связи конкретных смыслов, существующих в сознании, то общефункциональное соотношение двух текстов должно быть дополнено коммуникативной точкой зрения. Согласно Г. Егеру, «с общекоммуникативной точки зрения представляются важными прежде всего те особенности текста, которые существуют или могут выступать как репрезентативные функции, то есть те функции, которые являются отражением определенного содержания сознания, и как коммуникативные функции, которые в самом сознании способствуют формулированию того же содержания».

Таким образом, лингвистика перевода приходит к новому важному понятию: коммуникативная значимость текста (*kommunikativer Wert*), которая создается тремя типами значений текста: актуальным сигнификативным значением, прагматическим значением и актуальным членением.

Так как между языковыми системами и сравниваемыми фактами действительности не существует однозначных отношений (ср. чеш. *ženatý, vdaná*, рус. *женатый, замужем* в противоположность нем. *verheiratet* (е) без различения пола), совпадение между функциональной и коммуникативной эквивалентностью является случаем более или менее идеальным. Именно поэтому понятие коммуникативной эквивалентности в лингвистике перевода становится относительным. Г. Егер между двумя крайними полюсами — коммуникативной эквивалентностью и коммуникативной гетероэквивалентностью (разноэквивалентностью) вводит ступенчатые оценки — максимальную и немаксимальную эквивалентности¹¹.

За несколько лет до этого А. Нейберт пришел к заключению, что коммуникативная эквивалентность становится относительным понятием вследствие потенциальной вариантности в выборе языковых средств при переводе. Он вынужден был поставить вопрос о границах этой вариантности. Вариантность текста перевода в принципе возможна потому, что и исходный текст (оригинал) ее допускает. А. Нейберт прослеживает коммуникативную эквивалентность, с одной стороны, на уровне типов текста исходного языка и языка перевода, с другой — на уровне переводного предложения (*Translatsatz*). Переводное предложение является коммуникативно-эквивалентным в том случае, если оно одновременно выступает как составная часть коммуникативно-эквивалентного текста языка, на который делается перевод. Взаи-

соотношение уровня текста и уровня предложения очерчивает границы вариантности и вводит правила ограничения при выборе языковых средств, которые можно считать коммуникативно-эквивалентными¹².

Выбор лексических и грамматических единиц выполняет требование коммуникативной эквивалентности в том случае, когда он является результатом сравнения не изолированных единиц, а обусловлен функцией предложений, порядком их следования, а также коммуникативной направленностью всего текста. По А. Нейберту, коммуникативная эквивалентность осуществляется на основе двойного отбора: семантически эквивалентные единицы (грамматически взаимосвязанные) помещаются в функционально эквивалентные позиции.

Двухступенчатое понимание коммуникативной эквивалентности на уровне текста и на уровне предложения сближает лингвистику перевода со сравнительно-сопоставительной лингвистикой. Сопоставительное изучение структуры текста оригинала и текста перевода является предпосылкой для адекватного выбора языковых средств. Поэтому лингвистику перевода можно понимать как надстройку над сравнительно-сопоставительной (конфронтационной) лингвистикой, в которой наши знания, полученные в результате сопоставления, модифицируются с точки зрения понятийного аппарата лингвистики перевода. Развитие теории грамматики текста, которое в ближайшем будущем примет во внимание и аспекты сопоставительного изучения, еще в большей степени укрепит союз между лингвистикой перевода и сравнительно-сопоставительной лингвистикой.

Толкование проблематики эквивалентности, характерное для современного этапа развития лингвистики перевода, вновь подтверждает, что общий прием сравнения модифицируется определенным образом в зависимости от потребностей перевода. *Tertium comparationis* здесь понимается как общая коммуникативная значимость текста оригинала и текста перевода, которая образуется трехуровневым единством значений (сигнификативного, прагматического и актуального членения). Эквивалентными являются такие тексты двух языков, которые отвечают условию общей коммуникативной значимости, при этом принимается во внимание двухуровневая коммуникативная эквивалентность, которая обнаруживается на уровне текста перевода и на уровне переводного предложения.

7. Может показаться, что проведенная нами спецификация общего приема сравнения в сопоставляемых языках автоматически и однозначно определяет его особенности и в сравнительно-сопоставительной лингвистике, которую мы рассматриваем как одно из последних направлений сопоставительного языкознания по соображениям исключительно композиционного характера. Однако теория языковой конфронтации и ее аппликация по ряду причин далеко не отвечают вышеупомянутым требованиям.

7.1. Речь прежде всего идет о соотношении сопоставительного

подхода и специальных методов языкового описания. Язык можно описывать, используя различные специальные методы (например, системно-функциональный, дистрибутивный, трансформационный, генеративный, статистический, алгебраический и др.). При применении сопоставительного подхода возникает вопрос, насколько эффективным является его применение в отношении всех указанных методов. Е. Косериу на этот вопрос отвечает отрицательно. По его мнению, задачам языковой конфронтации более всего соответствует системно-функциональный метод, так как он облегчает переход от сообщаемого содержания к отдельным языковым функциям, предоставляя тем самым возможность более глубокого проникновения в язык, что и является целью сопоставительного описания. Напротив, трансформационная грамматика, по мнению Е. Косериу, пренебрегает парадигматической осью языка, так как она хотя и констатирует, какие предложения являются грамматически правильными, но ничего не говорит о том, для выражения каких функций могут быть употреблены те или иные предложения¹³. Отношение специальных методов описания к сопоставительному уже несколько раз подвергалось анализу¹⁴. Однако с точки зрения теории сравнительно-сопоставительной лингвистики речь идет не об установлении того, какой из специальных методов языкового описания является наиболее эффективным при сопоставительном описании, а о том, как вышеуказанные методы модифицируют основные понятия языкового сопоставления: понятие *tertium comparationis* и понятие эквивалентности с точки зрения сопоставительного изучения языка. Именно этому посвящено наше дальнейшее изложение.

7.2. Сущность сравнительно-сопоставительной лингвистики иногда объясняют как обогащение приемом сравнения концептуального аппарата специального метода языкового, как правило, синхронного описания. При этом учитывается, что сопоставляемые языки при применении системно-функционального подхода находятся в отношении системной и функциональной эквивалентности. Предметом сопоставления могут быть языковые системы или же отдельные единицы языка как составная часть этих систем. Поэтому конфронтация должна базироваться на ясной и точной теории языковых систем. Практика современных сопоставлений это требование в общем выполняет без труда. Более трудным является определение функциональной эквивалентности.

При сопоставительном подходе системно-функциональный взгляд на язык часто сводится к отношениям языковое средство — функция. Исходным при конфронтации может быть как языковое средство, так и его функция. Указанная возможность не находится в противоречии с сутью функциональной лингвистики, которая допускает возможность описания как от функции к средству, так и от средства к функции. Этим двум понятиям в одном языке при сопоставлении соответствуют аналогичные понятия в другом языке. Их приведение в отношение эквивалентности часто наталкивается на трудности, ибо, опреде-

лив функцию того или иного средства в одном языке, мы спрашиваем, какое же средство выполняет ту же самую функцию в другом языке. Такой подход часто приводит к переименованию языковых уровней. Примером этого может служить выражение категории многократности в чешском и русском языках.

7.2.1. В отличие от чешского языка, который располагает возможностями грамматически системного выражения многократности действия в рамках несовершенного вида, в русской грамматической системе нет эквивалентного средства выражения многократности. В чешском языке многократные глаголы входят в парадигматику форм чешского глагола (ср. *čítávám* — наст. время, *čítával jsem* — прош. время, реж. буду *čítávat*, *čítával bych* и т. д.) намного глубже, чем в русском языке, где формы типа *хаживал*, *говаривал*, *певал*, *гащивал* морфологически ограничены формами прошедшего времени (прошедшее время многократного способа действия), находятся на периферии современной нормы, представлены довольно узкой лексической базой. Чешские многократные глаголы, напротив, могут быть расширены еще за счет одного, двух или более суффиксов — *-vá* (*chodívává*, *chodívával*), выражающих либо интенсивную повторяемость действия, либо его эмоциональную окрашенность. В системе русского языка нет морфологических эквивалентов, поэтому с сопоставительной точки зрения мы здесь имеем дело с нулевой оппозицией. Отношение между чешским и русским языками в этом случае можно выразить схематически как 1:Ø. Однако это не означает, что русский язык лишен возможности выразить повторяемость действия. Но эту возможность он реализует при помощи других средств, прежде всего — лексических. Ср.: *Mívá pravdu*. — Он (часто) бывает прав; *Chodívá málo*. — Он (изредка) заходит и др. Означает ли это, что системные неэквивалентные средства одного языка субституируются функционально эквивалентными средствами другого? С функциональной точки зрения приведенные соответствия нередко квалифицируются как эквивалентные.

7.2.2. Примеры подобного рода можно обнаружить при сопоставлении различных языков. Так, например, выражению определенности / неопределенности в немецком языке типа *Ein Mann kam ins Zimmer. Der Mann sagte, das...* в русском языке могут соответствовать либо позиция слова в предложении, либо соответствующая интонация, например: *В комнату вошел молодой человек. Он сказал, что...*¹⁵.

7.2.3. Точно так же категория вида в русском языке, грамматически не имеющая системного соответствия во французском языке, может быть по своим семантическим взаимосвязям соотносена с некоторыми временными формами. Так, В. Г. Гак обращает внимание на два случая указанной взаимосвязи. С одной стороны, временным формам французского языка со значением предшествования / непередшествования в русском языке функционально нередко соответствуют глаголы совершенного вида. Таким образом, возникает отношение *passé antérieur* — *futur antérieur* — совер-

шенный вид и *passé composé* и *plusqueparfait* — несовершенный вид. С другой стороны — на базе значения ограниченности / неограниченности, выражаемого временными формами французского языка, образуется отношение *imperfait* — несовершенный вид, *passé simple*, *passé composé* — совершенный вид¹⁶. При этом автор подчеркивает, что указанные отношения выражаются скорее в виде тенденций, обусловленных рядом факторов неграмматического характера.

В первых приведенных примерах при сопоставлении речь идет о перекрещивании разных уровней: сопоставляются единицы разных уровней, поэтому о системной эквивалентности в собственном смысле слова говорить нельзя. В последнем случае, хотя и сравниваются единицы того же морфологического уровня, но говорить о системной эквивалентности *sensu stricto* тоже нельзя. Нельзя говорить и о коммуникативной эквивалентности в смысле приведенного выше определения при объяснении лингвистики перевода. Если бы эти эквиваленты мы хотели назвать функциональными, то понятие функции потребовало бы более четкого определения во избежание коллизии при применении системного и функционального подхода. Целью конфронтации, собственно говоря, является глубокое изучение системы одного языка через призму другого. Лишь голая констатация того факта, что, например, чешским многократным глаголам в русском языке соответствуют лексические средства выражения, не способствует достижению указанной цели.

Но если на основе сопоставления частных систем двух языков можно констатировать, что, например, видовое противопоставление в русском языке более тесно переплетается с частной временной системой, чем в чешском языке, результатом чего является более широкий функциональный диапазон немаркированного члена видового противопоставления (то есть глагола несовершенного вида) в русском языке, как это отмечает новая сопоставительная «Русская грамматика»¹⁷, можно утверждать, что цель системно-функционального анализа достигнута.

7.3. Понятие «функция» при сопоставлении требует уточнения. Приведенные примеры соположения явлений различного характера под одним понятием функционального эквивалента вызвано, по нашему мнению, недифференцированным пониманием значения «функция».

В функциональной лингвистике понятие «функция» включает цель, назначение (*účel*) и средство. Предполагается, что речь идет о свойстве какого-либо явления (например, звукового средства), которое является его носителем. Фр. Данеш это основное телеологическое взаимоотношение выражает двумя равноценными определениями: 1) явление А является средством для достижения цели (F), 2) явление А имеет функцию F. Таким образом, согласно Фр. Данешу «свойство — иметь функцию F — равноценно свойству — служить в качестве средства для достижения цели — F»¹⁸.

На основе этого понимания можно строить различие между интерными и экстерными функциями. Все языковые средства в конечном итоге являются средствами коммуникации. Иерархическое устройство языковой системы — от низших уровней к более высоким, приводит к тому, что эта цель (быть средством коммуникации) реализуется низшими уровнями не прямо, а опосредовано и ступенчато. Элементы низших уровней являются средством реализации своих функций на более высоких уровнях, иными словами, они выполняют свои функции на высшем уровне (например, фонема — на морфонологическом уровне и т. п.). В свою очередь высшие уровни по отношению к низшим являются областью функций средств более низких уровней. Теоретически открытой проблемой является вопрос о том, выполняет ли непосредственно коммуникативную функцию предложение или текст.

Фр. Данеш общефункциональное отношение между уровнями понимает как отношение средства и функции, то есть «каждый уровень по отношению к низшему уровню представляется областью его функций и, наоборот, по отношению к уровням более высоким — областью его средств» (см. прим. 19, с. 343). Так, например, уровень морфем, с одной стороны, является областью функций фонем, а с другой (по отношению к более высоким уровням) — средством образования словарных основ и словоформ.

Имея в виду более высокие уровни, следует учитывать, что там на передний план выступает принцип построения языковых систем и подсистем.

В Пражской лингвистической школе всегда подчеркивалась важность отношений не только внутри системы, но и отношения языковых систем к неязыковой действительности¹⁹. Поэтому под экстерными функциями мы будем понимать непосредственное удовлетворение коммуникативных потребностей, а под интерными функциями — принципы образования структуры (слова, формы, частных морфологических систем, предложений и т. п.). С этой точки зрения эквиваленты, которые приводят авторы «Введения в сопоставительную лингвистику» (см. прим. 15, с. 72), например: *Дядя Никита умирал. — Onkel Nikita lag im Sterben; Версты две она его волочила, так и умер. — An zwei Werst hat sie ihn so mitgeschleppt, und dann war er tot*, в которых мы находим контекстную парафразу выражения видового противопоставления в русском языке, устанавливаются на основе экстерных функций. Однако подобное толкование требует различения коммуникативной и функциональной эквивалентности, поскольку она устанавливается на основе экстерных функций.

Как уже указывалось, при коммуникативной эквивалентности речь идет о сигнификативном и прагматическом аспектах, а также об актуальном членении предложения. Два последних аспекта следует понимать как актуализированные отношением текста оригинала и текста перевода. Экстерные функциональные эквивалентности следует квалифицировать как корреляты текстуально не-

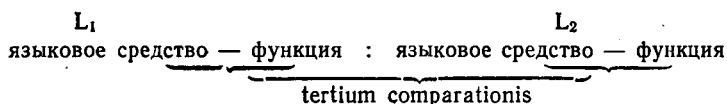
актуализированных общепринятых способов выражения в обоих языках. Так, например, чешский многократный глагол psával и русское *часто писал* невозможно расценивать как *о*кказиональные корреляты. Они имеют характер устойчивых коррелятов. Такого же характера и лексические индикаторы типа немецких fast, beinahe, plötzlich, unerwartet, sofort и др., которые помогают идентифицировать совершенный вид (ср.: *Вдруг раздался выстрел.* — Plötzlich krachte ein Schuss), или fortwährend, unaufhörlich, immer, abendlang и др. (ср.: *Наступила зима. Все реже и реже показывалось солнышко.* — Es wurde Winter. Die liebe Sonne zeigte sich immer seltener), употребляемые для идентификации несовершенного вида²⁰.

Различие интерной и экстерной функций позволяет понятие коммуникативной эквивалентности А. Нейберта интерпретировать как двухуровневое (ср. на с. 15) в других взаимосвязях. Нижний уровень (Die Ebene unterhalb des Textes) является сферой применения экстерно-функциональных эквивалентностей, то есть общепринятых способов выражения в обоих языках одинакового содержания. Коммуникативная эквивалентность на них строится, но ее собственной доминантной в обоих языках являются взаимосвязи явлений, актуализированные эквивалентным отношением текста оригинала и текста перевода, приведенные к общему знаменателю коммуникативной адекватности.

Указанные отношения далее осложняются необходимостью принимать во внимание и интерные функции, которые имеют характер конструкторов — принципов построения. Их сущность можно наглядно показать при сравнении частной модально-временной системы в болгарском и русском языках (равно как и в других славянских языках).

В болгарском языке наряду с изъявительным наклонением (indikativus) различается также пересказывательное наклонение (indirectivus). Индикатив обозначает действие в его реальном течении, а кроме того действие, о котором говорящий сообщает, основываясь на собственном опыте или на собственном убеждении. Пересказывательное наклонение обозначает действие, о котором говорящий сообщает, основываясь на наблюдениях или опыте другого лица. Для выражения пересказывательного наклонения в болгарском языке употребляется словоформа на -л. Ср. следующие пары индикативных и индирективных временных форм: наст. время — *кажа* — *кажел съм*; аорист — *казах* — *казал съм*; буд. время — *ще кажа* — *щал съм да кажа* и т. д.²¹ С точки зрения рассматриваемой проблематики мы видим, что образование на -л в болгарском и русском языках (иногда и в чешском) включаются в качестве конструктора построения частных временных систем на основе других принципов. Иными словами — словоформа на -л выполняет в них другую функцию. Наряду с ориентацией на момент речи в русском и болгарском языках проявляется еще также и категориальная возможность выражения индикатива и индиректива.

7.4. Разграничение интерных и экстерных функций имеет значение не только для установления эквивалентных явлений в сопоставляемых языках, но и для определения понятия *tertium comparationis* при системно-функциональной конфронтации. Как уже указывалось, определение понятия *tertium comparationis* зависит от выбора специального метода лингвистического описания, который принимается исследователем. Кроме разграничения интерных и экстерных функций другим важным моментом, который следует учитывать при определении *tertium comparationis*, является то, какие функции для исследователя являются исходными. В общей схеме конфронтации связь между приведенными понятиями

проявляется таким образом, что выбор ориентации на интерные или экстерные функции определяется целью описания (установление теоретически системных эквивалентностей или установившихся эквивалентных условий выражения тех же самых коммуникативных содержаний). Понятие же *tertium comparationis* зависит от того, какой тип функций является исходным для исследователя.

Разработка теории сравнительно-сопоставительной лингвистики в настоящее время настолько продвинулась вперед, что исследователь уже не задерживается на вопросе определения *tertium comparationis*, а выбирает одно из существующих пониманий. Разумеется, это не означает, что путь поиска других возможных пониманий *tertium comparationis* закрыт.

В современной сопоставительной лингвистике *tertium comparationis* чаще всего выделяется на основе логико-содержательных категорий, на основе функционально-семантических категорий, грамматических категориальных значений, языковых моделей или же на базе естественного языка, избранного в качестве общего знаменателя конфронтации.

С точки зрения различной роли интерных и экстерных функций при конфронтации нужно решить вопрос, является ли выбор понимания *tertium comparationis* произвольным, или же он мотивирован характером избранной функции.

Несомненно, что понимание *tertium comparationis* как логико-содержательной категории в большей степени соответствует установлению эквивалентности в рамках экстерной функции. Э. Кошмидер за исходное принимает *das Gemeinte* «мыслительное содержание» и прослеживает его манифестацию (*das Bezeichnete*) в сопоставляемых языках²². Так, например, он считает, что в сравнении с немецким и латинским языками, в которых предше-

ствование выражается при помощи плюсквамперфекта, некоторые славянские языки для выражения того же значения используют лексические средства или синтаксические функции вида.

На экстерных функциях основывается также эквивалентность при определении *tertium comparationis* в понимании функционально-семантических категорий (или функционально-семантических полей) А. В. Бондарко. Эти категории включают в себя морфологические, синтаксические, словообразовательные и контекстуальные средства, объединенные общим семантическим инвариантом²³. То, что в одном языке выражается на одном уровне, в другом языке может выражаться на другом. Эквивалентность, основанная на функционально-семантических категориях, приводит к установлению взаимоотношений явлений как одного уровня, так и разных уровней.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в том случае, когда основой *tertium comparationis* являются данные естественного языка, как это, например, находим у М. Затовкянюка (см. прим. 9), который сравнивает морфолого-синтаксические конструкции с глаголами *být* и *mít* в восточно-славянских языках.

Эквивалентность, сформулированную в понятии интерной функции, легче постичь в том случае, когда понятие *tertium comparationis* основывается на категориально-грамматическом сравнении или же на языковых моделях.

7.4.4. При понимании *tertium comparationis* как логико-содержательной категории вслед за Фр. Данешом следует различать два уровня анализа — когнитивный (*cognitive level*) и уровень языкового значения (*linguistic meaning*). Фр. Данеш обращает внимание на то, что очень часто оба уровня совпадают, однако в таких случаях, как (1) *John likes music* и (2) *Music pleases John* с точки зрения грамматического значения между двумя уровнями имеется различие, хотя речь идет об одном и том же сообщаемом событии, то есть о предложениях, имеющих одинаковую пропозицию. При конверсии глаголов *like* и *please*, позволяющей первое предложение парафразировать вторым и наоборот, оба предложения имеют различную семантическую структуру. В первом предложении имеется носитель отношения — отношение — объект отношения, во втором предложении причиной радости является музыка. Джон является объектом воздействия, а *pleases* — само воздействие. Фр. Данеш различие между обоими предложениями обобщает в виде идентифицирующих вопросов: по отношению к первому предложению мы ставим вопрос: *Каково отношение Джона к музыке?*, по отношению ко второму: *Как музыка действует на Джона?*²⁴.

При сопоставительном анализе нет необходимости подчеркивать значение различия обоих уровней. Так, например, в русских предложениях *В саду пахнет розами* и *В саду пахнут розы* только последнее структурно эквивалентно чешскому предложению *V zahradě voní růže*, хотя все три предложения дают информацию об одном и том же событии.

Эквивалентность первого русского предложения с чешским основана по нашей терминологии на экстерной функции. Констатация безэквивалентности этого типа предложений с точки зрения интерных функций в чешском языке имеет значение для познания синтаксической системы предложений в русском языке.

Для понимания сущности эквивалентностей, основанных на интерных функциях, понятие *tertium comparationis* употребляется также в значении модели, представление о которой может быть различным. Я. Горецкий обращает внимание на возможность понимания *tertium comparationis* как глубинной структуры. Путем конфронтации им устанавливаются сходства и различия в способах манифестации общей глубинной структуры на уровне поверхностных структур сопоставляемых языков²⁵. В другой своей работе Я. Горецкий модель понимает как пучок семантических признаков, которые можно изобразить в виде словообразовательного дерева, окончания ветвей которого в сопоставляемых языках могут быть представлены сходствами или различиями (с точки зрения структурной или функциональной)²⁶.

Г. Егер (см. прим. 14) исходит из представления, что каждая общая модель является имманентно сравнимой и что поэтому требования, предъявляемые к сопоставлению языков, могли бы быть критерием для выбора разных моделей. Сам он наиболее приемлемой для целей конфронтации считает стратификационную модель языка П. Сгалла или Ламба по той причине, что членение перехода от значения к его фонетической реализации по этой модели происходит на различных уровнях (П. Сгалл говорит о текстограмматическом, фенограмматическом, морфематическом, морфонемическом и фонетическом уровнях). Между уровнями существует далее отношение репрезентации. Конфронтация может ставить перед собой цель не только познания способов указанного членения (при этом обнаруживается взаимосвязь подсистем), но и установления сходств и различий при репрезентации. Так, например, значения, связанные с актуальным членением, по Г. Егеру, в одном языке получают репрезентацию уже на фенограмматическом уровне, то есть на уровне членов предложения (например, выбор актива или пассива в английском языке), в другом языке — на морфематическом уровне (порядок слов), в третьем же — на фонетико-фонологическом уровне (интонация).

Возвращаясь к основной идее этого раздела, следует снова подчеркнуть, что выбор *tertium comparationis* не является случайным. Если ранее указывалось, что от целей конфронтации зависит, на какую функциональную (интерную или экстерную) эквивалентность мы будем ориентироваться и что от этой ориентации зависит выбор понятия *tertium comparationis*, то сейчас, после сделанных объяснений, соотношение обоих понятий сопоставительной лингвистики мы можем представить в обратном свете. Понимание *tertium comparationis* определяет, к каким функциональным эквивалентностям (интерным или экстерным) мы можем прийти в результате конфронтации.

7.5. Однако разграничение интерных и экстерных функциональных эквивалентностей при системно-функциональном сопоставительном подходе не исчерпывает всей сложности проблематики²⁷.

При конфронтации нередко можно встретиться с такими явлениями, как, например, в русском языке, где представлена системная видовая оппозиция глаголами *взбалтывать* (несов.): *взболтнуть / взболтать* (сов.) в значении 'приводить жидкость в движение в результате взбалтывания'. Эта парадигматическая оппозиция по-разному реализуется в сочетании с некоторыми существительными. Например, можно сказать *взбалтывать белок*, но в оппозиции *взбалтывать пузырек с микстурой* нельзя употребить совершенный вид глагола *взболтать пузырек*, в этом случае глагол совершенного вида следует заменить другой лексической единицей: *встряхнуть пузырек с микстурой*.

Приведенный и подобные примеры нельзя объяснить на уровне системных оппозиций, мотивированных различиями, представленными между парадигматической и синтагматической осью, так как мы с трудом могли бы объяснить это различие лексико-семантической характеристикой класса соответствующих существительных, вернее — пока мы эту мотивацию найти не можем.

Скорее речь идет о различиях между системой и нормой, если в соответствии с понятием Е. Косериу мы будем понимать под нормой конкретно-историческую, узуальную реализацию системы. В большинстве случаев системные и узуальные реализации оппозиций перекрываются (ср. *взбалтывать белок — взболтать белок*), но в некоторых случаях происходит образование другой оппозиции (*взбалтывать пузырек — встряхнуть пузырек*). Иначе говоря, в приведенных примерах, наряду с грамматической видовой парой (*взбалтывать : взболтать*) появляется лексическая видовая пара (*взбалтывать : встряхнуть*)...

Различение системно-функциональной и узуальной эквивалентности для конфронтации является необычайно важным, ибо сопоставляемые языки могут отличаться разной репрезентацией системных явлений. Например, в чешском языке в обоих приведенных выше случаях нет различия между грамматической оппозицией и ее конкретной узуальной реализацией. Ср.: *šlehat bílek / ušlehat bílek — взбивать белок / взбить белок; protřepávat lékovku, kapku / protřepat lékovku, kapku — встряхивать бутылочку с лекарством, с каплями / встряхнуть*.

Подобные несоответствия между системными оппозициями и их узуальными реализациями можно обнаружить на различных языковых уровнях. Так, например, на лексическом уровне большое число примеров представлено антонимическими парами: *вход платный — вход бесплатный, но путевка за свой счет (платная) — путевка бесплатная*. Чешские эквиваленты типа *vstup na lístek — вход по билетам; vstup volný — вход бесплатный* не являются переводными коммуникативными эквивалентами в собственном смысле слова, а узуальными коррелятами.

Точно также узуальной мотивацией мы можем объяснить различия в лексической сочетаемости между русскими лексемами *долгий*: *длинный*. Обе лексемы имеют точки соприкосновения при выражении значения длительного временного отрезка, например: *долгий спор, разговор, путь, долгая жизнь, разлука, долгое ожидание, путешествие* и т. п., но *длинный день* (*ночь, вечер, перерыв, пауза, рассказ, доклад, речь*) и др.²⁸ И хотя некоторые существительные в значении временной детерминации могут употребляться с обеими лексемами, тем не менее обнаруживаются общепринятые тенденции в употреблении одной из приведенных выше лексем (ср., например, *долгая жизнь*, но *длинный день*). В чешском языке в указанных случаях употребляется только одна лексема (*dlouhý*).

Может показаться, что этот тип эквивалентности можно причислить к эквивалентностям, основанным на экстерных функциях. Но вместе с тем мы сознаем различия, например, между грамматическим выражением многократности в чешском языке и лексическими парафразами этого же значения в русском (ср. с. 17), с одной стороны, и вышеприведенными примерами — с другой.

В связи с этим представляется целесообразным вычленить узуальную эквивалентность в самостоятельный тип. Однако это обязывает к специфической формулировке *tertium comparationis*, в которой должны получить отражение аспекты лексико-семантической сочетаемости слов, компонентный анализ, валентная структура и др.²⁹

7.6. Наконец, следует привести еще один тип эквивалентности, суть которой вытекает из следующего примера. В разных языковых сообществах имеются разные обозначения надписей на дверях. Ср. чеш. *Sam — Tam*, нем. *Ziehen — Drücken*, в рус. *К себе — От себя* и т. п. Это сфера ситуационно-условного выражения, одной из специальных областей которой является так называемый речевой этикет³⁰.

Как решается сопоставительная проблематика этих явлений в чешском и русском языках в рамках речевого этикета, вытекает из сравнения ситуации, выражающей поздравления по случаю чего-либо. Наряду с одинаковым решением этой ситуации, ср.: *Vlahopřeji k svatbě, k narozeninám, k obhajobě — Поздравляю с женитьбой / с выходом замуж / с днем рождения / с защитой*, мы встречаемся со случаями нулевой эквивалентности, обусловленной языковыми реалиями, например, (поздравляю) *S легким паром!*, или же с иным языковым решением соответствующей ситуации. Так, например, русские формулы этикета (поздравляю) *С прибытием / с возвращением!*, переданные в чешском языке несуществующими выражениями * *Vlahopřeji k příjezdu, k návratu*, воспринимались бы в чешском языке как актуализированные выражения *Vlahopřeji, že se vám nakonec podařilo přijet / vrátil se* и т. п. — *Я поздравляю вас, что вам, наконец, удалось приехать / вернуться*. В чешском языке эти ситуации оцениваются иначе: языковой этикет для их выражения использует формулы привет-

Таблица

Сопоставительное языкознание	Сравнительно-историческое языкознание	Ареальная лингвистика	Типологическое языкознание	Лингвистика перевода
характер эквивалентности	корреспонденция	корреляция	сосуществование	коммуникативная эквивалентность
понятие <i>tertium comparationis</i>	общее значение	пространственная смежность	тип языка	адекватность текста оригинала и текста перевода
единица эквивалентности	морфема, лексема	морфема, лексема	система или ее часть	текст, переводные предложения

ствия и прощания, в качестве синонимов возможные и в русском языке.

При выражении этикета на иностранном языке сопоставительный подход также имеет определенную традицию, хотя в большинстве случаев он не переступает границ чистой регистрации. И эта область также может быть предметом теории сопоставления, так как и здесь речь идет о языковой ситуационной эквивалентности. При выделении *tertium comparationis* для этой области можно было бы основываться на понятии «языковая стилизация действительности», которую находим у В. Матезиуса³¹, на семиотическом подходе Ю. С. Степанова (*resp.* этносемиотическом) или же, наконец, на функционально-категориальном подходе, который находим у Н. Н. Формановской (см. прим. 31).

7.7. Всестороннее сравнительно-сопоставительное описание требует, чтобы принимались во внимание разные типы эквивалентностей. Мы попытались показать, что в них нельзя различать эквивалентности, предназначенные только для теоретических или практических целей сопоставительного описания, так как все они имеют как теоретическую сторону, так и области своего практического применения. Различение функциональных эквивалентностей, основанных на интерных или экстерных функциях, далее, эквивалентностей узуальных и ситуационно языковых вместе с тем определяет и границы сопоставительного описания. Разные типы эквивалентностей не представляют собой разнородных явлений. Их связанность определяется тем, что хотя они и отражают различные качественные стороны языка, но языка — как одного и того же объекта изучения. Как мы уже показали, специфичность различных типов эквивалентностей требует также специфического определения понятия *tertium comparationis* как исходной точки и условия конфронтации.

8. Соображения о месте приема сравнения в различных раз-

Сравнительно-сопоставительная лингвистика (конфронтационная)			
системно-функциональная эквивалентность (интерные функции)	системно-функциональная эквивалентность (экстерные функции)	узуальная эквивалентность	ситуативно языковые эквиваленты
грамматическое значение; модели языка	логико-содержательные категории; функционально-семантические категории	лексико-семантические модели	этносемиотические модели
система или ее часть			

новидностях сравнительного языкознания (в сравнительно-историческом языкознании, в ареальной, типологической, сравнительно-сопоставительной лингвистике, а также в лингвистике перевода) показали, что общий прием сравнения специфицируется на основе связи с понятийным аппаратом соответствующей разновидности языкознания. Поэтому содержание основных понятий сравнения: как то эквивалентность и *tertium comparationis*, не может быть идентичным во всех случаях сравнения. Однако при указанной спецификации остается в силе общий вывод о том, что отношение понятий эквивалентности и *tertium comparationis* представляет собой не отношение произвольного выбора, а отношение взаимобусловленности. Цель сравнения (установление генетического родства, определение инноваций, возникающих в результате контакта языков, изучение системно-функциональных взаимосвязей явлений и достижение адекватности при переводе) обуславливает выбор исходной точки сравнения, то есть *tertium comparationis*, понимание которого определяет, в каких понятиях следует формулировать эквивалентность. Указанные взаимосвязи являются двусторонними. Если при сравнении имеется в виду определенный тип эквивалентности, то этой цели необходимо подчинить понятие *tertium comparationis*, а также метод описания. Поэтому при разных типах сравнения основные понятия важно различать (см. прилагаемую таблицу).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Horbatsch O. — In: Specimina Philologiae Slavicae. Frankfurt/am Main, 1973.

² Meillet A. La méthode comparative en linguistique historique. Oslo, 1925. (Рус. пер.: М., 1954.)

³ О других возможностях применения метода реконструкции см.: Клыч-

- ков Г. С. Об основных приемах лингвистической реконструкции. — *Вопр. языкознания*, 1961, № 6, с. 30—40.
- ⁴ Růžicka R. Vergleichende und konfrontierende Grammatik. *Linguistische Arbeitsberichte*, 10. Leipzig, 1974, S. 89.
- ⁵ Schmidt J. Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1872.
- ⁶ См. об этом: Макаев Э. А. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.—Л., 1964, с. 56.
- ⁷ Skalička V. Typologie a komparatistika. *Československé přednášky pro V. Mezinárodní sjezd Slavistů v Sofii. Praha*, 1963, s. 41—45; Havránek B. Srovnávací studium struktury spisovných jazyků slovanských. *Ibid.*, s. 5—10.
- В статье Б. Гавранек в отличие от традиционных сравнительных исследований намечается новая область компаративистики, связанная с выявлением специфики литературного языка как особого рода образования.
- ⁸ Скаличка Вл. К вопросу о типологии. — *Вопр. языкознания*, 1966, № 4, с. 23;
- ⁹ Затовкянюк М. К вопросу о микротипологии восточно-славянских языков, 37, 1968, 203—209.
- ¹⁰ Jäger G. Kommunikative und funktionelle Äquivalenz, *Linguistische Arbeitsberichte* 7. Leipzig, 1973, S. 61.
- ¹¹ Jäger G. Translation und Adaptation. *Linguistische Arbeitsberichte* 26. Leipzig, 1980, S. 1—11.
- ¹² Neubert A. Zur kommunikativen Äquivalenz, *Linguistische Arbeitsberichte* 16. Leipzig, 1977, S. 15—22. Коммуникативная эквивалентность определяется им следующим образом: «Коммуникативная Äquivalenz ist durch ein Translat anzunähernde Eigenschaft, einen Quellsprache—Text entsprechend der Konventionen der Zielsprache zu ersetzen und gleichzeitig die der Quellsprache—Textproduktion zugrundeliegende Sachverhalte zu reflektieren. Im Translat sind also textpragmatische und semantische Merkmale vereinigt»; О. Каде (Kade O. Möglichkeiten und Grenzen der Anwendung von Valenzmodellen bei der Erforschung und Beschreibung zwischensprachlicher Äquivalenzbeziehungen. *Linguistische Arbeitsberichte* 11. Leipzig, 1975, S. 2—18) пользуется описательным определением «Verschiedensprachige Texte sind kommunikativ äquivalent, wenn sie bei kompetenten Sprechern dieser Sprachen im Prinzip gleiche Abbilder einer bestimmten Situation erzeugen» (S. 3). См. также: Филипец J. Der Äquivalenz Begriff und das Problem der Übersetzbarkeit, *Fremdsprachen, Beiheft*, V/VI, 1973, S. 81—87.
- ¹³ Coseriu E. Über Leistungen und Grenzen der kontrastiven Grammatik.— In: *Probleme der kontrastiven Grammatik, Sprache der Gegenwart*, Bd VIII. Düsseldorf, 1970, S. 14.
- ¹⁴ Barnett V. Konfrontace a ostatní druhy polylingválního popisu. — *Slavica Slovaca* 9, 1974, s. 273—279; Leška O., Křížková H. Hledání optimálního modelu lingvistického popisu. — *Československá rusistika* 19, 1974, S. 57—64.
- Новейшие лингвистические теории в сопоставительном изучении языков применяет П. Сгалл (Sgall P. Synchronní srovnávání jazyků a jeho sémantické východisko. — *Slovo a slovesnost* 39, 1978, s. 25—32; Jäger G. Einige Bemerkungen zum Probleme der Repräs-Ebenen aus der Sicht des Sprachvergleichs, *Linguistische Studien A, Arbeitsberichte* 29/1. Berlin, 1975, S. 1—38. Чеш. пер. Studie z tranformační gramatiky III. Praha, 1980, где он проверяет применимость стратификационной модели описания языка П. Сгалла и Ламба).
- ¹⁵ Einführung in die konfrontative Linguistik (2. Fassung). Berlin, 1975, S. 71.
- ¹⁶ Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским языком. М., 1975, с. 84.
- ¹⁷ Русская грамматика, d. 1. Praha, 1979, s. 239.
- ¹⁸ Daneš Fr. O pojmu «jazykový prostředek», *SaS* 28. Praha, 1967, s. 341.
- ¹⁹ См.: Вахек И. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964, с. 250.
- ²⁰ Die russische Sprache der Gegenwart, Bd 2. Leipzig, 1975, S. 155 etc.
- ²¹ См.: Андрейчин Л., Попов К., Стоянов Ст. Грамматика на българския език. София, 1977, с. 256.
- ²² Koschmieder E. Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965, S. 76.
- ²³ См.: Бондарко А. В. К проблематике функционально-семантических категорий. — *Вопр. языкознания*, 1967, № 2, с. 18—31; Он же: Категории

и разряды славянской функциональной морфологии. — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов в Варшаве, 1973. М., 1973, с. 42—62.

- ²⁴ Daneš Fr. Some Thoughts in the Semantic Structure of the Sentence. — *Lingua* 21, 1968, p. 61. Разные типы конвертированных отношений приводит Паневова (Paněvová. *Formy a funkce ve stavbě české věty*. Praha, 1980, s. 60), например, в зависимости от отношений причины и следствия различается истинность предложений *Kmen našel na pět kusů* и *Z kmene našel pět kusů*. Лишь последнее предложение можно продолжить: ...a ještě tu kus kmene zbylo. О грамматико-категориальном подходе в сопоставительном исследовании см. также: Вузаšsyoová K. *Pojem gramatickej kategórie v koncepcii slovensko-maďarskej kontrastívnej gramatiky*. — *Jazykovedný časopis* 28. Bratislava, 1977, s. 134—148.
- ²⁵ Horecký J. Ku konfrontačnému výzkumu slovnej zásoby. — *Československá rusistika* 19. Praha, 1974, č. 2, s. 55—57.
- ²⁶ Horecký J. Generatívny popis slovnej zásoby slovanských jazykov. — In: *Československé přednášky pro VI. Mezinárodní sjezd slavistů v Praze*. Praha, 1968, s. 89—91.
- ²⁷ См.: Барнет В. К актуальным проблемам современной конфронтационной лингвистики. *Linguistische Studien, Reihe A, Arbeitsberichte*. Berlin, 1980.
- ²⁸ Учебный словарь сочетаемости слов в русском языке. М., 1978, с. 135, 140.
- ²⁹ Filipец J. Zur Problematik der Konfrontation des tschechischen und deutsche Wortschatzes. — In: *Beiträge zur konfrontierenden Sprachwissenschaft*. Halle/Saale, 1976, E. 23—41; Filipец J. Spojitelnost lexikálních jednotek v konfrontačním pohledu. — In: *Československé přednášky pro VIII. Mezinárodní sjezd slavistů v Zagrebu*. Praha, 1978, s. 131—140.
- ³⁰ Mathesius V. O soustavném rozboru gramatickém. — In: *Čeština a obecný jazykozpyt*. Praha, 1947, s. 160; Mathesius V. *Obsahový rozbor současné angličtiny na základě obecně lingvistickém*. Praha, 1961, s. 12; Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1971, с. 95 и след.
- ³¹ См.: Формановская Н. И. Русский речевой этикет в комментариях. София, 1977; Она же. Функциональные и категориальные сущности устойчивых формул общения. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М., 1979.

*О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО
ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОГО
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ*

Цель статьи — показать, что при сопоставительном изучении словообразования близкородственных языков в качестве основания для сравнения аналогичных словообразовательных категорий может быть использована обобщенная рабочая модель исследуемой категории, основные параметры которой были установлены в ходе системно-функционального синхронно-диахронного рассмотрения одного из сопоставляемых языков. Иллюстративным материалом будет служить словообразовательная категория деминутивных существительных в чешском, болгарском и русском языках. Межъязыковая конфронтация будет осуществляться на основе рабочей модели, построенной при учете деривационных закономерностей, выявленных в результате многоаспектного системно-функционального анализа деминутивных существительных на различных синхронных срезах чешского литературного языка¹.

Рассмотрению конкретного языкового материала будут предпосланы некоторые соображения общего порядка, касающиеся существа и методики сопоставительного изучения языков.

* * *

Сопоставительное изучение языков представляет собой одно из ведущих направлений современной лингвистической науки. Применение сопоставительного метода при изучении различных языковых явлений, а также различных уровней языковой системы имеет богатые и плодотворные традиции, в развитие которых внесла большой вклад чешская лингвистика 30-х годов (в частности, работы В. Матезиуса и Б. Трнки), определившая исходные теоретические постулаты метода аналитического сравнения, базирующегося на системно-функциональном изучении языка как органического целого.

Становление сопоставительного языкознания как актуального научного направления явилось логически обоснованным следствием эволюции лингвистической науки и ее методологии.

Следует оговорить, что традиционно принятые в лингвистической литературе термины «сопоставительное изучение», «сопоставительный метод» и т. д., используемые и в настоящей работе (равно, как и соответствующие терминологические аналоги «конфронтационный», «контрастивный» и т. п.), не являются, с нашей точки зрения, достаточно информативными. Они акцентируют лишь

формальный факт использования приема сопоставления, играющего, кстати, хотя и важную, но все же подчиненную роль в процедуре анализа и описания языкового материала². Данные термины не фиксируют, как и для какой цели используется рабочий прием сопоставления.

Говоря о характере использования приема сопоставления, мы имеем в виду, что речь идет о методе системно-функционального сопоставления. Цель использования приема сопоставления заключается в углубленном познании системно-функциональных закономерностей сопоставляемых языковых феноменов и выявлении на этой основе сходств и различий между ними, а также некоторых общеязыковых универсалий.

Метод системно-функционального сопоставления языков безотносительно к их генетической и типологической принадлежности, использующий в качестве основания для сравнения релевантные закономерности системы (а отнюдь не случайные, произвольно выбранные признаки), открыл широкие возможности для углубленного познания внутриязыковых явлений и межъязыковых связей, для дальнейшей эволюции сравнительно-типологического изучения языков.

Прошедшие пятьдесят лет ознаменовались значительными достижениями в области применения метода системно-функционального сопоставления. Следует, однако, отметить наличие известной диспропорции между уровнем и степенью продвинутой теоретических изысканий, с одной стороны, и практических исследований — с другой. Так, если в области разработки методологии и теории сопоставительного изучения были внесены важные уточнения в понимание предмета и целей данного лингвистического направления, была выявлена специфика сопоставительного метода по сравнению с другими методами сравнительного языкознания³, более совершенной стала процедура анализа и синтеза материала, расширился и качественно изменился круг объектов, являющихся предметом сопоставительного изучения, то в исследованиях, имеющих практическую направленность, на протяжении длительного времени преобладали работы конкретно-описательного характера, акцентирующие внимание на сравнении формального инвентаря языковых средств. Зачастую сопоставление являлось самоцелью, а не способом углубленного познания языковой системы и особенностей ее функционирования; конфронтация языкового материала нередко проводилась на случайных основаниях.

Важный сдвиг наметился в этом отношении за последнее десятилетие. Этому способствовало появление ряда монографических исследований, создание сопоставительных грамматик и т. д.⁴

Метод системно-функционального сопоставления имеет широкую сферу применения, он может быть использован как при межъязыковой, так и внутриязыковой конфронтации.

Наиболее известен и наиболее отработан метод межъязыковой

конфронтации, оперирующий фактами как близкородственных, так и неродственных языков. Численность сопоставляемых объектов строго не лимитируется, то есть речь может идти либо о билингвальном, либо о полилингвальном сопоставлении.

При исследовании неродственных языков сопоставление проводится на системном уровне, поскольку существующие сходства и различия маркантны и легко обнаруживаются. При сопоставлении генетически родственных языков различия выявляются лишь на глубинном уровне, то есть при учете особенностей функционирования системообразующих компонентов⁵. Следует иметь в виду при этом, что функциональная нагруженность идентичных в структурном отношении феноменов, например словообразовательных суффиксов, в родственных языках зачастую может разниться.

Особым случаем межъязыковой конфронтации является, с нашей точки зрения, анализ и описание неродного языка, имплицитно предполагающий проецирование системы родного языка на неродной.

Менее разработанной является внутриязыковая конфронтация, то есть сопоставление, базирующееся на материале одного языка. Примером внутриязыковой конфронтации может служить, с одной стороны, системная соотнесенность в пределах одного и того же синхронного среза⁶; с другой — сопоставление различных синхронных срезов в истории одного и того же языка, позволяющее выявить внутриязыковые универсалии, используемые затем в качестве основания для сравнения при межъязыковой конфронтации.

Методологическая основа внутриязыковой конфронтации и конфронтации межъязыковой (близкородственных языков) в сущности сходна, так как и в том и в другом случае речь идет о сопоставлении идентичных языковых феноменов, включаемых в состав определенных языковых систем. К внутриязыковой конфронтации в известной мере может быть отнесено системно-функциональное сопоставление различных форм существования одного и того же национального языка, например, литературного языка и диалектов, различных диалектов друг с другом и т. п.

Правомерно говорить о трех последовательных аспектах (или этапах) сопоставительного изучения, каждый из которых имеет свои специфические задачи:

- а) внутренний аспект — системное и функциональное изучение каждого из сравниваемых языков или же языковых феноменов как необходимая основа для конфронтации (подготовительный этап);
- б) внешний аспект — изучение межъязыковых связей на основе выявленных на предыдущем этапе системно-функциональных закономерностей; его цель — установление сходств и различий между сопоставляемыми языками;
- в) заключительный аспект — углубленное изучение внутриязыковых закономерностей, подтверждение вы-

явленной направленности внутриязыковой эволюции путем привлечения данных других языков, то есть посредством включения наблюдаемого явления в более широкий языковой контекст.

Применение сопоставительного метода позволяет решить следующие задачи: а) установить внутриязыковые системные закономерности; б) выявить межъязыковые отношения, в частности, сходства и различия между сопоставляемыми языками; в) определить системные параметры универсальных языковых категорий, реализуемых средствами различных языков. Примером универсальной словообразовательной категории являются деминутивные существительные, представленные во всех славянских языках. Сопоставительный анализ позволяет установить системные закономерности данной категории, релевантные для ее различных языковых реализаций.

Сопоставительное изучение может быть успешным лишь в том случае, если исследователь сравнивает действительно сопоставимые языковые факты. Последнее обеспечивается строгим соблюдением следующих принципов:

1. Объект исследования должен быть четко и единообразно определен.

2. Сопоставляемые объекты должны быть адекватно описаны в соответствии с единой программой, на основе единого понятийно-терминологического аппарата, насколько возможно — на основе гомогенного корпуса языковых фактов. Что касается словообразовательного анализа, то здесь чрезвычайно важно соблюдать единые принципы идентификации дериватов в словарном составе языка, критерии словообразовательной сегментации, определения словообразовательного значения.

3. Объект исследования должен быть определен как система. Это означает, что необходимо установить:

А. Правила организации системы, включающие:

а) структуру системы, то есть набор системообразующих компонентов, в свою очередь являющихся подсистемами (в словообразовательной системе, например, системообразующими компонентами являются словообразовательные типы);

б) закономерности распределения системообразующих компонентов в составе системы. Особое значение придается установлению иерархии системообразующих компонентов на центральные и периферийные.

Б. Закономерности функционирования системы и системообразующих компонентов (с разграничением системной и функциональной эквивалентности⁷).

В. Взаимосвязи анализируемой системы с родственными языковыми системами.

4. Сопоставление должно базироваться на параметрах, имеющих существенное значение для характеристики исследуе-

мой системы (в нашем случае это словообразовательная категория деминутивных существительных) и закономерностей ее функционирования.

Таким образом, сопоставительное изучение представляет собой весьма трудоемкий метод лингвистического исследования, предполагающий тщательную предварительную обработку языкового материала, его обстоятельный анализ и обобщение.

Метод системно-функционального сопоставления, используемый при изучении различных уровней языковой системы, открывает большие перспективы и при исследовании закономерностей словообразования.

Развитие сопоставительного словообразования стало возможным лишь после того, как проблемы словообразования явились предметом живого научного интереса и были развернуты фронтальные исследования по теории и методике словообразования, основывающиеся на соблюдении принципов системно-функционального изучения, оперирующие стабильным понятийно-терминологическим аппаратом, отработанной технологией словообразовательного описания.

В развитии словообразовательной науки важным этапом явились два последние десятилетия. Этот период ознаменовался крупными достижениями в разработке теории и метода словообразовательного анализа. Большой вклад в совершенствование теоретической концепции и методики конкретного деривационного описания внесла новаторская книга крупнейшего представителя чехословацкой словообразовательной школы М. Докулила «Теория словообразования»⁸, содержащая стройную словообразовательную теорию и, в частности, концепцию системно-функционального изучения словообразования. Значительные успехи были достигнуты в польской и советской лингвистике, плодотворно развивающей идеи В. Дорошевского, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова.

Магистральным направлением в развитии словообразовательной науки этого периода является прежде всего создание синхронных описаний как словообразовательной системы языка в целом, так и отдельных словообразовательных категорий⁹. Достигнутые результаты подтвердили правомерность и плодотворность синхронного подхода к изучению словообразовательных явлений, позволившего выявить закономерности, управляющие словообразовательным процессом, в частности, установить правила возникновения новых слов.

Непременной предпосылкой сопоставительного изучения любого языкового феномена является его единообразное описание во всех сопоставляемых языках. Данное требование может быть выполнено при условии соблюдения единых принципов анализа и синтеза словообразовательного материала.

Операция словообразовательного анализа сопряжена с решением таких задач, как идентификация лексем в словарном составе языка, а также их сегментация, то есть вычленение

словообразовательной структуры. Для развития словообразования вообще и сопоставительного словообразования в особенности большое значение имели разработка и уточнение правил сегментации структуры слова и прежде всего критериев определения его производности. Важную роль в этом отношении сыграли идеи, высказанные в свое время Г. О. Винокуром¹⁰. Попытки формализации процедуры словообразовательной сегментации (в частности, посредством использования методов дистрибутивного или трансформационного анализа и т. п.) в сущности, осознанно или неосознанно, находились в русле идей Г. О. Винокура.

Следует заметить, что процедура словообразовательной сегментации слова сопряжена со значительными трудностями, что во многом обусловлено сложностью самого процесса деривации, нарушением регулярности при репродукции словообразовательных схем, нестандартностью некоторых словообразовательных процедур; осложнения вносит и возможность синхронных «разночтений» словообразовательной структуры одного и того же слова.

Важную роль в развитии словообразовательной науки и, в частности, в систематизации языкового материала сыграло выделение понятия «словообразовательного типа» как основного компонента деривационной системы, используемого при синтезе словообразовательных фактов. Выработке и утверждению данного понятия во многом содействовали работы И. И. Ковалика, М. Докулила, Е. А. Земской, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова и др.

Операция синтеза предполагает систематизацию выявленных изолированных словообразовательных структур в словообразовательные типы, а также сведение последних в деривационную систему с последующей дифференциацией на активно воспроизводимые словообразовательные схемы, занимающие центральное положение в системе, и схемы периферийного значения.

Способ словообразования изолированных дериватов, не репродуцируемый в однотипных образованиях, не имеет статуса словообразовательного типа и, следовательно, не входит в состав словообразовательной системы — анализ последних тем не менее имеет значение для выявления потенциальных деривационных возможностей.

Факт использования или же, напротив, неиспользования той или иной деривационной схемы в качестве прототипа при создании новообразований свидетельствует лишь о степени ее продуктивности и отнюдь не отражается на ее статусе как словообразовательного типа, так как она обобщает деривационные структуры, реально существующие в языке.

Успешная разработка проблематики теории и методов словообразования сделала возможной и постановку вопросов теории и методологии сопоставительного словообразования. В этой связи следует упомянуть статью М. Докулила «К концепции сравнительной характеристики славянских языков в области словооб-

разования», имеющую программное значение для развития сопоставительных исследований в области словообразования, где автор пишет: «Учет при характеристике словообразовательной системы основных (иерархически упорядоченных) понятий, таких, как способ словообразования, словообразовательный класс и словообразовательный образец, или же — ономаσιологическая категория, словообразовательная категория и словообразовательный тип — мы считаем основным и неотъемлемым компонентом характеристики словообразовательной системы любого языка и, следовательно, также важнейшей основой сравнительной характеристики родственных языков»¹¹.

Следует, однако, отметить, что для полноты понимания словообразовательных закономерностей, а тем более для их сопоставительного изучения метод синхронной интерпретации (даже в его расширенном понимании как синхронной динамики) должен быть дополнен диахроническим изучением словообразовательной системы.

Разработка комплексного синхронно-диахронного метода, с нашей точки зрения, является актуальной проблемой и сопоставительного изучения словообразования.

Сущность комплексного синхронно-диахронного подхода заключается в конфронтации сменяющих друг друга синхронных срезов и выявлении общих закономерностей исторического развития языка.

Использование этого метода позволяет наблюдать объект не только в статике, но и в динамике, дает возможность изучать становление и эволюцию словообразовательных тенденций в истории языка, проследить изменение продуктивности словообразовательных схем и формантов, наблюдать в действии ход языковой конкуренции. Наконец, применение комплексного метода облегчает выявление системных закономерностей, так как в ходе диахронической конфронтации срезов исследователь может проверить, какие из наблюдаемых им в синхронном плане явлений имеют устойчивый характер, то есть обусловлены системными закономерностями, а какие являются случайными, спорадическими. Важные уточнения могут быть внесены в характер эволюции центральных и периферийных компонентов системы. Таким образом, при сопоставительном изучении словообразования этот метод позволяет проводить сравнение на основе системных, а не случайных признаков.

Ниже на примере словообразовательной категории деминутивных существительных мы попытаемся показать значимость синхронно-диахронного изучения для сопоставительного исследования словообразовательных закономерностей.

Выбор деминутивных существительных в качестве объекта для решения данной актуальной теоретической проблемы не был случайным. Он был обусловлен следующими объективными причинами:

1. Словообразовательная категория деминутивных существи-

тельных является очень живой и продуктивной на всех этапах истории чешского языка; она отличается значительной внутренней динамикой, активно пополняется новообразованиями, спонтанно возникающими в речевой практике.

2. Данная категория занимает важное место в системе именного словообразования во всех славянских языках. Она представляет собой одну из важнейших реализаций общей понятийной категории оценки, находящей выражение в различных частях речи.

3. Словообразовательная категория деминутивных существительных не является замкнутой в себе, изолированной категорией — она имеет многосторонние связи с другими словообразовательными категориями: особенно тесно она связана с родственными категориями оценочных прилагательных (наречий), обозначений молодых существ. Деминутивные существительные являются важным резервом пополнения лексического состава других словообразовательных категорий, в состав которых они вливаются по мере нивелировки деминутивного значения.

4. Для специалистов по словообразованию деминутивы представляют собой исключительно интересный материал, позволяющий наблюдать функционирование деривационного механизма языка. Это обусловлено прежде всего широтой словообразовательного ареала, особенно в чешском языке, где инвентарь производящих основ практически безграничен, а частотность употребления данной лексики очень высока.

Широта набора суффиксов делает возможным их варьирование у одних и тех же производящих основ и, следовательно, способствует возникновению однокоренных словообразовательных дублетов, совмещенных в одной хронологической плоскости. Относительно высокая частотность употребления деминутивов в речи способствует размежеванию конкурирующих единиц, делая более наглядным ход языковой конкуренции. Изучение специфических словообразовательных процедур, отмечаемых при словообразовании деминутивной лексики, представляет немалый интерес для выявления потенциальных возможностей славянского словообразования. Следует, однако, подчеркнуть, что, несмотря на всю специфику деминутивного словообразования, деминутивы являются органичным компонентом деривационной системы языка, поэтому выявленные в процессе исследования закономерности служат основой для обобщений более широкого плана; методы и приемы исследования, выработанные на материале деминутивов, могут быть эффективно использованы при описании других деривационных систем, а также и идентичных словообразовательных категорий в различных языках.

Комплексное синхронно-диахронное изучение деминутивных существительных в чешском языке основывалось на сопоставлении трех синхронных срезов, соответствующих важнейшим периодам в истории чешского литературного языка: древнечешский период (конец XIII — XIV в.), эпоха национального Возрождения

(конец XVIII — середина XIX в.), современный литературный язык (середина XIX — середина XX в.). В связи с недостатком материала период XVII — первой половины XVIII в. специально не рассматривался, однако характерные для него тенденции в исследовании были учтены.

Конфронтация срезов осуществлялась на основе, по возможности, гомогенных корпусов языковых фактов, извлекавшихся из словарей, текстов произведений художественной литературы, публицистики, прессы, фольклора, архивных материалов, опроса информантов.

В результате внутриязыковой конфронтации, то есть системно-функционального сопоставления сменяющих друг друга синхронных срезов чешского языка, были установлены правила строения и функционирования деминутивной деривационной системы, сохраняющиеся в силе на протяжении всей истории чешского литературного языка.

Основные ее характеристики были представлены в виде некоторой абстрактной модели, своего рода ориентационной сетки данной словообразовательной категории, используемой в качестве основания для сравнения при межъязыковой конфронтации. Следует, однако, подчеркнуть, что данная модель отнюдь не является эталоном при сравнении языков друг с другом, она не может использоваться механически, а тем более насильственно при сопоставлении языковых фактов.

Трудность проводимого нами сопоставления заключалась в том, что если при внутриязыковой конфронтации в чешском языке мы пользовались единой программой, в соответствии с которой велось сопоставление различных синхронных срезов друг с другом, едиными критериями идентификации деминутивов в тексте, их словообразовательной сегментации, оценки степени продуктивности словообразовательных формантов и т. д., то при анализе фактов болгарского и русского языков (поскольку мы не проводили самостоятельного обследования языкового материала) нам приходилось опираться на результаты, полученные другими исследователями¹², использующими зачастую иные критерии оценки языковых фактов¹³.

В связи с этим хотелось бы особенно подчеркнуть важность и перспективность коллективных трудов в области сопоставительного изучения, позволяющих координировать усилия ученых на основе единых принципов анализа и синтеза языкового материала.

Необходимой предпосылкой сопоставительного изучения языков является четкое определение объекта изучения, то есть круга языковых фактов, привлекаемых к исследованию. Поскольку в нашем случае речь шла об изучении деминутивных существительных, важно было определить принципы их идентификации в словарном составе языка.

Непременным условием идентификации деминутива является структурное и семантическое подобие предполагаемого деминути-

ва и соответствующего производящего существительного.

Под структурным подобием имеется в виду воспроизведение в структуре деминутива соответствующей производящей основы либо без каких бы то ни было морфонологических изменений, либо с альтернациями, закономерными для морфонологии данного языка.

Требование семантического подобия предполагает тождество основного лексического значения сопоставляемых лексем при наличии значения модифицирующего уменьшительно-эмоционального признака, включающего в себя уменьшительное, уменьшительно-эмоциональное и эмоциональное значения.

Таким образом, при идентификации деминутивов в тексте строго соблюдалось следующее правило: деминутивом является такое и только такое производное существительное, которое фиксирует уменьшительно-эмоциональную характеристику некоторого предмета или явления действительности, обозначенного соответствующей производящей лексемой. Так, существительные *kůstka*, *proutek*, *políčko* и подобные квалифицируются как деминутивы, поскольку они не только обозначают малые предметы, но и соотносятся с производящими существительными *kost*, *průt*, *pole*, обозначающими предметы, ставшие объектом количественно-качественной оценки.

В ходе исследования было установлено, что во всех сопоставляемых языках словообразование деминутивных существительных представляет собой четко организованную, иерархически упорядоченную систему (с рельефным противопоставлением центра и периферии), базирующуюся на совокупности определенных правил ее строения и функционирования.

Основу системы составляют однофазные и многофазные (чаще всего двухфазные) деривационные цепочки.

Однофазные деминутивные цепочки организованы по принципу $O > D$, где исходная точка словообразовательного процесса (O) представлена нейтральным производящим существительным, а фаза D — соответствующим дериватом, имеющим деминутивное значение. Ср.: чеш. *vnuk* — *vnouček*, *tygr* — *tygřík*; *sestra* — *sestřička*; *opice* — *opička*; *divadlo* — *divadélko*, *závaží* — *závažíčko*; болг. *влак* — *влакче*, *сняг* — *снежец*; *дама* — *дамичка*, *ракия* — *ракийца*; *мляко* — *млекце*, *палто* — *палтенце*; рус. *арбуз* — *арбузик*, *прут* — *прутик*; *ваза* — *вазочка*, *игрушка* — *игрушечка*; *лицо* — *личико*, *облако* — *облачко* и др.

Для двухфазных деминутивных цепочек характерно дальнейшее развертывание линейного словопроизводственного ряда по горизонтали: $O > D_1 > D_2 > \dots D_n$; ср.: чеш. *dům* — *doměk* — *doměček*, *kniha* — *knižka* — *knižtička*, *hnízdo* — *hnízdko* — *hnízdečko*; болг. *човек* — *човече* — *човеченце*, *глава* — *главица* — *главичка*, *око* — *оче* — *оценце*; рус. *дуб* — *дубок* — *дубочек*, *рыба* — *рыбка* — *рыбешка*, *окно* — *окошко* — *окошечко* и др.

Как следует из приведенной схемы, исходной производящей лексеме противопоставлены деминутивы, находящиеся в отноше-

нии последовательной словообразовательной зависимости: дериваты фазы D_2 (вторичные) образуются на базе дериватов фазы D_1 (первичных) путем присоединения дополнительных словообразовательных формантов со значением деминутивности. В отличие от однофазных двухфазные цепочки включают два типа противопоставлений: $O > D$ (по наличию признака деминутивности), $D_1 > D_2$ (по степени проявления признака деминутивности).

Деминутивная деривационная система имеет двухъярусное строение: нейтральные существительные, находящиеся в центре системы, соотносятся с ярусом первичных и вторичных дериватов. Наиболее многочисленным является ярус первичных деминутивов.

Принцип двухъярусного строения является стабильным организационным принципом деминутивной деривационной системы, сохраняющимся в силе на протяжении всей истории славянских языков.

Следует отметить, что, по нашим наблюдениям, чешский язык (по сравнению с русским и в особенности с болгарским) шире использует возможности вторичной деривации, более разнообразным является и набор процедур вторичной деривации. В рамках настоящей статьи мы не имели возможности проводить сопоставительное изучение вторичной деминутивной деривации, поскольку в русском и болгарском языках данный фрагмент деминутивной словообразовательной системы изучен недостаточно.

Входящие в состав системы ярусы имеют изоморфное строение. Это проявляется в значительном сходстве основных словообразовательных схем и инвентаря формантов, а также, что особенно важно, в идентичности принципов внутренней организации ярусов, в частности, в возможности дифференциации словообразовательных схем на центральные и периферийные.

В центре яруса находятся наиболее продуктивные словообразовательные типы, на периферии словообразовательные типы с низкой воспроизводимостью, лишь в ограниченной степени используемые для образования новой лексики. К периферии принадлежат также словообразовательные типы, полностью утратившие продуктивность, то есть не репродуцируемые при создании новообразований.

При определении степени продуктивности словообразовательных типов во внимание принимались следующие критерии: а) воспроизводимость деривационной схемы при создании новообразований; б) устойчивость позиций аффикса в процессе конкуренции с синонимичными словообразовательными формантами; в) широта словопроизводственного ареала: учитывается численность производящих лексем, сочетающихся с данным формантом, а также степень деривационной активности словообразовательных типов, посредством которых образованы производящие лексемы.

Практика изучения словообразовательных закономерностей убеждает в целесообразности комплексного учета назван-

ных выше критериев продуктивности, поскольку выводы, базирующиеся на основе использования какого-то одного критерия, могут оказаться уязвимыми¹⁴.

Системообразующие компоненты системы — словообразовательные типы — также имеют системную организацию. Характерно, что снижение продуктивности словообразовательного типа влечет за собой нарушение его системных признаков, в частности, появление пробелов в инвентаре производящих лексем, стирание словообразовательного значения, постепенное снижение количества производных и заимствованных лексем.

Анализ словообразовательных типов целесообразно проводить на основе единой универсальной схемы, строгое соблюдение которой позволяет получить сопоставимые данные об их основных словообразовательных параметрах. Ниже мы воспроизведем эту схему.

I. Общая характеристика словообразовательного типа, включающая данные о количестве производящих лексем и об удельном весе образованных от них деминутивных дериватов, а также об участии данного деминутивного суффикса в образовании новых слов. В целом дается общая оценка степени продуктивности деривационной схемы и т. д.

II. Конституенты словообразовательного типа:

II.1. Словообразовательный суффикс;

II.1.1. Структурные параметры суффикса;

II.1.2. Дистрибутивный ареал суффикса;

II.1.2.1. Репрезентация предконечного компонента контактной зоны производящей основы¹⁵;

II.1.2.2. Репрезентация конечного компонента контактной зоны производящей основы;

II.2. Производящая основа;

II.2.1. Парадигматическая характеристика производящего слова;

II.2.2. Семантическая характеристика производящего слова;

II.2.3. Словообразовательная характеристика производящего слова (принимается также во внимание, является ли производящее слово отечественной или же заимствованной лексемой);

II.3. Морфонологическая адаптация производящей основы;

II.4. Набор парадигматических окончаний производного слова;

III. Заключительная характеристика. Синтетическая формула деривационной схемы, включающая в сжатом виде ее основные параметры.

Таким образом, при характеристике словообразовательного типа уделялось особое внимание основным компонентам деривационного акта — производящим лексемам и суффиксам.

К сожалению, данная схема могла быть нами последовательно использована лишь при внутриязыковой конфронтации фактов чешского языка.

Сопоставительное изучение деминутивных систем в трех славянских языках позволяет констатировать сходство основных тенденций деминутивной деривации. В этом можно убедиться при анализе инвентаря производящих лексем и словообразовательных формантов.

1. Инвентарь производящих лексем;

1. Инвентарь производящих лексем, используемых при деминутивной деривации, во всех сравниваемых языках обширен и разнообразен. Образование деминутивов, как правило, не лимитируется какими-либо строгими структурно-семантическими ограничениями. Тем не менее удается выделить лексические пласты, наиболее активно вовлекаемые в сферу деминутивного словопроизводства — это прежде всего непрямые производные существительные, обозначающие конкретные предметы и явления действительности, а также лиц и животных.

Присоединению деминутивных суффиксов обычно не препятствует фонемный состав контактной зоны производящих основ, поскольку многообразие инвентаря деминутивных формантов делает возможным выбор аффикса с соответствующими структурными параметрами. В случае комбинаторной несовместимости суффикса и основы последняя подвергается морфонологической адаптации.

Исследование показало, что в составе производящих лексем могут быть представлены имена существительные, производные и непрямые, отечественные и заимствованные, с самыми различными фонологическими, морфологическими, словообразовательными и семантическими характеристиками. Сочетание с деминутивными суффиксами несколько ограничивается у абстрактных обозначений (в меньшей степени это распространяется на чешский язык), некоторых агентивных обозначений м. р. (так, в чешском языке отмечено ограничение образования деминутивов от лексем с суффиксами *-it-*, *-ist-*, *-oc-*, отчасти *-tel-* и пр.¹⁶); с деминутивными суффиксами практически не сочетаются существительные ж. р. со значением лица (очевидно, неприемлема двойная модификация: субъект женского пола + деминутивный признак).

2. Производящие лексемы представлены существительными мужского, женского и среднего рода.

Деминутивное словообразование в значительной степени является унифицированным — это означает, что одни и те же суффиксы могут присоединяться к именам существительным различной родовой принадлежности. В большей степени это касается чешского языка, в котором в большинстве случаев представлены трехродовые суффиксы; ср.: *-ok-*, *-i(i)šok-*, *-ešok-*, *-i(i)ňok-* и т. д. Характерно, что количество универсальных суффиксов в чешском языке со временем возрастает. В болгарском и русском языках большинство составляют двуродовые суффиксы (к числу универсальных относятся, например, *-ok-* в русском, *-e* в болгарском).

3. Для деминутивного словопроизводства характерно наличие значительной поливалентности производящих лексем, которые могут сочетаться с несколькими деминутивными суффиксами; ср.: рус. *мама* — *мамуля*, *мамуся*, *мамочка*; чеш. *tráva* — *travička*, *travinka*, *travěnka* и т. д. (приводимые деминутивы имеют различную стилистическую окраску).

4. При характеристике деминутивного словообразования обычно подчеркивается факт идентичной родовой принадлежности производного и производящего слов. Данная тенденция особенно отчетливо проявляется в русском языке, представлена она также в чешском языке (исключение составляет образование посредством суффикса *-átok-*, а также так называемых неравнофонемных суффиксов¹⁷); ср.: (м. р. > ср. р.) *baron* — *baroňátko* — SSJC е. (*často hanl.*), *muž* — *mužátko* — PS * *hanl.*, SSJC * е., *pštos* — *pštro-sátko* — ЭС; *medvěd* — *medvídě* — PS, SSJC, *medvíčce* — PS, SSJC, *doktor* — *doktůrče* — PS * *z.*, SSJC * е.; (ж. р. > ср. р.) *kavka* — *kavče* — PS, SSJC, *opice* — *opičátko* — SSJC и т. д. В болгарском языке, напротив, родовая характеристика производящего слова довольно часто отличается от родовой характеристики деминутива; ср. образование продуктивными суффиксами *-e*, *-че*, переводящими производящую лексему в средний род: *ключ* — *ключе*, *турчин* — *турче*, *булка* — *булче*, *глава* — *главче*; *град* — *градче*, *глас* — *гласче*, *эпизод* — *эпизодче*, *жаба* — *жабче*, *свиня* — *свинче* и т. д.

5. К числу универсальных тенденций относится также и направленность эволюции лексического состава деминутивов, которая может быть определена как своеобразный центростремительный сдвиг, то есть постепенное смещение репрезентантов ярусов в направлении к центру системы: деминутивы вторичного яруса вливаются в число деминутивов яруса первичного; те, в свою очередь, переходят в разряд нейтральных (или же иногда аугментативных) обозначений. Таким образом, эволюция деминутивных цепочек сводится к постепенному преобразованию двухфазных словопроизводственных рядов в однофазные путем редукции репрезентантов наиболее уязвимой фазы линейной цепочки. К последним обычно относятся первичные деминутивы. Меньшая интенсивность проявления значения деминутивного признака, большая нейтральность стилистической окраски, более высокая частотность употребления, способствующая стиранию семантической и стилистической специфичности — все это влечет за собой расширение сферы использования первичных деминутивов, обуславливает сближение, а иногда и пересечение зон функционирования первичных деминутивов и недеминутивной лексики. В связи с этим относительно большое количество первичных дериватов вначале ситуационно (в условиях определенного контекста), а потом и постоянно (независимо от контекста, во всех словоупотреблениях) утрачивает значение оценки, начинает функционировать как обычное недеминутивное обозначение (ср.: чеш. *kvítek*, *ошко*; рус. *стрелка*, *ручка* и др.).

Итак, эволюция деминутивных цепочек сопровождается переоценкой функциональной сущности деминутивов, находящихся в отношении последовательной словообразовательной зависимости: исконно вторичные дериваты выполняют функцию единственных репрезентантов деминутивов (в данной цепочке), исконно первичные дериваты переходят в разряд нейтральной лексики либо выходят из языкового обращения; ср.: *duše* > [duška, dušice] > *dušička*; *hvězda* > [hvězdka, hvězdice] > *hvězdíčka* и др. Из сказанного следует, что деминутивы являются важным источником пополнения словарного состава языка, в том числе и терминологических обозначений (ср., например, рус. *головка болта*, *боеголовка* и пр.).

Переход исконно вторичных деминутивов в ярус деминутивов первичных, сопровождаемый сращиванием агглютинированных деминутивных формантов (вторичные деминутивы чаще всего образуются повторным наращиванием деминутивных суффиксов) в монологичные в морфемном отношении многофонемные аффиксы, стимулирует инвазию суффиксов сложного фонемного строения в сферу первичного деминутивного словопроизводства, в частности, в зону функционирования аффиксов простого фонемного строения.

II. Инвентарь деминутивных суффиксов.

1. Инвентарь деминутивных суффиксов богат и разнообразен (особенно в ж. р. — данная тенденция отмечается во всех славянских языках). Во всех сравниваемых языках репертуар деминутивных суффиксов сходным образом организован и может быть систематизирован на основе использования одинаковых критериев:

А. В зависимости от фонемного строения деминутивные суффиксы могут быть дифференцированы на следующие типы:

- а) суффиксы вокальные — консонантные: к числу вокальных принадлежат суффиксы с начальным вокалом; ср.: болг. *-иц-*, *-ичк-*, *-ец-*¹⁸; рус. *-ик-*, *-иц-*, *-очк-* и т. д.; чеш. *-ík-*, *-іс-*, *-і(i)šok-* и др.; к числу консонантных принадлежат суффиксы с начальным консонантом (рус. *-чик-*, болг. *-че*, *-чица* и т. д.) или же с беглым гласным (рус. *-ок-*, *-оц-*, чеш. *-ок-*, *-ос-* и др.).

Следует подчеркнуть, что при определении структурных параметров суффикса следует исходить из его доминирующего падежного алломорфа. Так, например, несмотря на то, что в парадигме деминутива фиксируются алломорфы *-ек-*, *-ок-*, *-ос-*, доминирующим признается алломорф *-ок-*, представленный в большинстве падежных словоформ;

- б) суффиксы простого — многофонемного строения: к числу суффиксов простого фонемного строения относятся, например, суффиксы *-ок-*, *-ос-*, *-ík-*; *-ик-*, *-иц-* и т. д.

Как было установлено, во всех сопоставляемых языках проявляется тенденция возрастания численности и активности многофонемных суффиксов. Сказанное в особенности распространяется на чешский язык, в котором суффикс *-і(i)šok-* является

высокопродуктивным средством деминутивной деривации: он доминирует в ср. р., относится к числу высокопродуктивных суффиксов в ж. р. В русском языке является продуктивным суффикс *-очк(а)*. Активизация многофонемных суффиксов в болгарском языке не является столь выразительной, тем не менее и здесь, судя по всему, данная тенденция будет проявляться все более отчетливо;

в) суффиксы с консонантной манифестацией *-к- — -ц-*. Данная дифференциация распространяется на суффиксы простого фонемного строения. К числу *-к-* суффиксов в чешском языке, например, относятся *-ок-, -ík-* и т. д.; к числу *-ц-* суффиксов: *-өс-, -іс-*. Соответствующие эквиваленты имеются как в русском, так и в болгарском языках.

Б. В зависимости от степени функциональной нагруженности деминутивные суффиксы могут быть дифференцированы на центральные и периферийные. Центральные суффиксы обеспечивают необходимый комбинаторный минимум и соответственно являются наиболее продуктивными; периферийные суффиксы (более многочисленные) обеспечивают стилистическое варьирование, столь необходимое для экспрессивного словообразования.

Суффиксальный инвентарь центра и периферии имеет разнонаправленную эволюцию: во всех сопоставляемых языках численность центрального суффиксального ядра постепенно сужается, численность периферийных суффиксов, напротив, увеличивается за счет притока многофонемных суффиксов. Особенно очевидным этот процесс является в чешском языке.

Состав суффиксального центра регулируется действием ряда правил:

а) правило достаточности: суффиксальный центр может обеспечить необходимый комбинаторный минимум только в том случае, если в его состав входят как вокальные, так и консонантные форманты. В этом случае (в результате действия общего правила притягивания противоположностей) вокальные суффиксы преимущественно отмечаются у производящих основ с консонантной контактной зоной; консонантные суффиксы, напротив, преобладают у основ с вокальной контактной зоной. Иными словами, центральные суффиксы в дистрибутивном отношении взаимодополняют друг друга. При словообразовании деминутивов данное правило приобретает особую актуальность в связи с исключительной широтой деривационного ареала, охватывающего лексику самого разнообразного фонемного строения. Приведем в качестве примера строение суффиксального центра в сопоставляемых языках: рус. *-чик-, -ок-* (доминирует консонантный алломорф) / *-ик-* (м. р.); *-к(а) / -очк(а), -щ(а)* (ж. р.); *-к(о), -ц(о) / -щ(о), -өц(о)* (ср. р.); болг. *-че / -е, -өц-* (м. р.); *-к(а) / -щ(а), -ичк(а)* (ж. р.);

-e/-ц(e) (ср. р.); чеш. -øk-/ -ík- (м. р.); -øk-/ -ičøk- (ж. р.); -i(i)čøk-/ -øk (ср. р.) *.

Предпочтительность вокальных суффиксов в определенных комбинаторных ситуациях (скопление консонантов в контактной зоне) можно наблюдать в следующих примерах: рус. *тумба* — *тумбочка*, *звезда* — *звездочка*, *морда* — *мордочка*; *дождь* — *дождик*, *ковер*¹⁹ — *коврик* и т. п.; болг. *жертва* — *жертвица*, *правда* — *правдичка*, *фирма* — *фирмичка* и т. д.; чеш. *kapr* — *kapřík* — PS z., SSJC z., *lotr* — *lotřík* — PS e. z., SSJC e. z.; *hvězdárna* — *hvězdáříčká* — SSJC z., *pracovna* — *pracovníčka* — PS z., SSJC e. z. и др. Присоединение консонантного суффикса в указанной фонемной ситуации делает необходимой соответствующую морфонологическую адаптацию контактной зоны основы, что не всегда желательно: рус. *веревка* — *веревочка*, *ведро* — *ведерко*; болг. *влакно* — *влакџце*, *масло* — *масџце* (то есть появляется вставной гласный);

б) правило избыточности: как следует из истории чешского литературного языка, трехформантный деминутивный суффиксальный центр, характерный для древнечешского языка (-øk-, -øc-, -ík- в м. р., -øk-, -íc-, -ičøk- в ж. р., -øk-, -øc-, -i(i)čøk- в ср. р.) сменился двухформантным центром в чешском языке эпохи Возрождения и в современном литературном чешском языке: -øk-, -ík- (м. р.), -øk-, -ičøk- (ж. р.), -i(i)čøk-, -øk- (ср. р.). Данная эволюция была осуществлена за счет вытеснения менее продуктивных, так сказать, избыточных -с-суффиксов, имеющих сходные структурные параметры и соответственно сходную дистрибуцию с более продуктивными -k-суффиксами.

Факты чешского языка красноречиво иллюстрируют активизацию, с одной стороны, -k-формантов, с другой — многофонемных суффиксов, имеющих более выразительную семантику и более отчетливую функциональную специализацию.

Симптомы подобной тенденции можно наблюдать в болгарском и русском языках, однако темп развития данной тенденции здесь является несколько замедленным (подчеркиваем, что речь идет о темпе развития конкретной тенденции, а не о развитии языка вообще).

Позиции -ц-суффиксов в болгарском и русском языках являются более прочными, чем в чешском языке. Так, например, в болгарском языке -ц-суффиксы входят в состав суффиксального центра; ср.: (м. р.) -че, -е, -ец; (ж. р.) -к(а), -иц(а), -ичк(а); (ср. р.) -е, -ц(е).

Тем не менее существуют вполне резонные, на наш взгляд, доводы, позволяющие говорить о том, что и в болгарском языке словообразовательная активность ц-суффиксов постепенно снижа-

* Для чешского языка мы используем несколько иную фиксацию морфонологического строения суффикса, чем это принято в работах по другим языкам авторами, на выводы которых мы опираемся при сопоставлении.

ется. Так, анализ производящих лексем, приводимых в упомянутых монографиях болгарских авторов, показал, что в инвентаре производящих лексем, отмеченных у суффиксов *-ец-*, *-ц(е)*, *-иц(а)*, представлены в первую очередь непродуцированные слова, относящиеся к старому лексическому пласту; ср. *ветрец*, *градец*, *дъждец*, *хлебец*, *винце* и т. д.; почти отсутствуют заимствованные слова, а также слова, вновь образованные. Дериваты с *-ц*-суффиксами вытесняются дериватами с более продуктивными формантами. Хотелось бы также отметить, что, с нашей точки зрения, является сомнительным включение деминутивов с *-иц(а)* в состав двухфазных цепочек в качестве первичных дериватов; ср.: *душа — душица — душичка*, *звезда — звездица — звездичка*, *песен — песница — песничка*, *сестра — сестрица — сестричка* и т. п. В современном болгарском языке данные дериваты с *-иц(а)* несут налет архаичности либо специфической стилистической окрашенности. В связи со сказанным в качестве первичных выступают исконно вторичные деминутивы. Симптоматичным является и факт одинаковой частотности употребления дериватов: *бъчвица — бѣчвичка*, *главица — главичка*, *думица — думичка*, *звездица — звездичка*, *елица — еличка* и т. п. Примечательно, что Б. Крыстев пишет о том, что деминутивы *песничка*, *формичка*, *цифричка* «в нашем сознании являются не вторичными, а обычными уменьшительными»²⁰. Болгарская исследовательница М. Димитрова²¹ квалифицирует первичные деминутивы типа *вратица*, *лампица*, *масица*, *песница*, *стѣлбица* и под. как нехарактерные для болгарского литературного языка; соответственно исконно вторичные деминутивы *вратичка*, *ламничка*, *масичка*, *песничка*, *стѣлбичка* и под. справедливо оцениваются ею как первичные деминутивы.

Сходные симптомы проявляются и в русском языке. Так, например, суффикс *-ец-* (м. р.) вытесняется суффиксом *-чик-*; деминутивы на *-иц(а)* также вряд ли могут быть включены в состав двухфазных цепочек типа *вода — водица — водичка*, *сестра — сестрица — сестричка* и т. д. С нашей точки зрения, деминутивы *водичка*, *сестричка* в настоящее время являются первичными и непосредственно соотносятся с производящими существительными *вода*, *сестра*. Иными словами, в русском языке также имеет место активизация многофонемных суффиксов. Дериваты *водица*, *сестрица*, несомненно, находятся в иной стилистической плоскости, чем *вода*, *сестра* и *водичка*, *сестричка*.

2. В формальном отношении репертуар деминутивных суффиксов во всех сопоставляемых языках весьма сходен. Сказанное в особенности распространяется на суффиксы простого фонемного строения²²; состав многофонемных суффиксов более специфичен; ср., например, рус. *-очк(а)*, *-ышк(о)*, *-ашк(а)* и др., отсутствующие в болгарском и чешском языках.

Проведенное сравнение полностью подтвердило верность исходного постулата сопоставительного изучения языков, согласно которому фонемное сходство отнюдь не свидетельствует о функциональной идентичности сравниваемых языковых

феноменов. Действительно, сопоставление фактов таких близкородственных языков, как болгарский, русский, чешский, несмотря на значительное сходство суффиксального инвентаря, позволило выявить ряд немаловажных отличий в дистрибуции формантов, степени их продуктивности. Так, например, для чешского языка характерно, как уже отмечалось, несомненное преобладание универсальных (т. е. трехродовых) аффиксов; ср. суффиксы *-øk-*, *-i(i)šok-*, *-ešok-* и т. д.; в русском языке к их числу принадлежат суффиксы *-øk-*, *-oц-*; в болгарском сюда относятся (в известной мере) лишь суффиксы *-e*, *-че*.

Имеются отличия и в распределении отдельных суффиксов — так, например, суффикс *-иц-* в болгарском и русском языках представлен в ж. р. и ср. р. (ср.: болг. *вода* — *водица*, *песен* — *песница*; *гнездо* — *гнездице*, *място* — *местице* и пр.; рус. *вода* — *водица*, *земля* — *землица*; *платье* — *платице* и т. д.); в чешском языке — в ж. р. (ныне архаичные *vodice*, *rybice*). Далее, суффикс *-øk-* в чешском и *-øk-* в русском языках является трехродовым, в болгарском он используется, главным образом, в м. р. и ж. р.; суффикс *-i(i)šok-* в чешском языке является универсальным, в болгарском и русском языках его аналог используется лишь в ж. р. Число подобных примеров может быть увеличено.

Отличия наблюдаются в степени продуктивности словообразовательных формантов. Так, например, обращает на себя внимание факт высокой продуктивности суффиксов *-e*, *-че* в болгарском языке. В инвентаре производящих основ, зарегистрированных у данных суффиксов, представлены непрямые и производные лексемы, лексемы отечественного и заимствованного происхождения; ср.: (суффикс *-e*) *език* — *езиче*, *ключ* — *ключе*, *поток* — *поточе*, *пръст* — *пръсте*, *човек* — *човече*; *булка* — *булче*, *глава* — *главе*; *око* — *оче*, *ухо* — *уше*; *вестник* — *вестниче*, *чиновник* — *чиновниче*, *циганин* — *цигане*; (суффикс *-че*) *брат* — *братче*, *град* — *градче*, *глас* — *гласче*; *свиня* — *свинче*, *жаба* — *жабче*; *балкон* — *балконче*, *эпизод* — *эпизодче*, *коридор* — *коридорче*, *мотив* — *мотивче*; *българин* — *българче*, *водопад* — *водопадче*, *гостенин* — *гостенче*, *гражданин* — *гражданче*, *циганин* — *циганче*, *писател* — *писателче*, *учител* — *учителче*. Наибольшую продуктивность данные аффиксы (особенно *-че*) имеют в мужском роде.

Соответствующие суффиксальные аналоги в русском языке отсутствуют; в чешском языке неравнофонемные суффиксы (то есть суффиксы, представленные в составе падежной парадигмы различным количеством фонем) *-ø/-et/-at-*, *-č/-čet/-čat-* являются менее продуктивными и в известной степени находятся на периферии деминутивной словообразовательной системы.

Далее, в составе деминутивных суффиксов чешского языка суффикс *-epoc-* имеет реликтовый характер (он представлен лишь на срезе древнечешского языка; ср. *гобепси*); в болгарском языке соответствующий суффиксальный аналог является продуктивным и используется в сфере как первичной, так и вторичной деривации; ср.: *кафе* — *кафенце*, *коляно* — *коленце*, *място* — *местенце*,

око — оценце, палто — палтенце; сестра — сестриче — сестриченце, момък — момче — момченце.

Итак, сопоставительное изучение словообразовательной системы деминутивов в болгарском, русском и чешском языках позволяет констатировать значительное сходство основных закономерностей, регулирующих строение и функционирование деминутивной словообразовательной системы во всех анализируемых языках. Имеющиеся отличия касаются отчасти инвентаря формантов, их распределения по родовым классам, степени словообразовательной активности.

Сопоставительное изучение деминутивных существительных позволяет прийти к выводу, на наш взгляд, очень существенному, о различном темпе протекания идентичных языковых процессов в близкородственных языках. Таким образом, синхронная конфронтация близкородственных языков дает возможность наблюдать диахронию в пространстве, то есть синхронно зафиксировать различные стадии протекания одного и того же языкового процесса. Данное обстоятельство представляется очень важным, так как оно позволяет прогнозировать направленность эволюции для тех языков, в которых тот или иной процесс по каким-то причинам протекает более замедленно (разумеется, речь не идет о замедленном развитии данного языка вообще).

Наиболее красноречивой иллюстрацией является несовпадение темпа вытеснения суффиксов с консонантной основой *ц* (в чешском языке *с*) из репертуара деминутивных формантов: в чешском языке этот процесс протекал более быстро, чем, скажем, в болгарском и русском языках, хотя общая направленность этого процесса во всех сопоставляемых языках является сходной.

Неодинаков и темп активизации многофонемных деминутивных суффиксов: так, в чешском языке инвазия многофонемных суффиксов является более очевидной (особенно в ж. р. и ср. р.); в болгарском и русском языках этот же процесс протекает несколько медленнее.

В рамках настоящей статьи рассмотрены лишь некоторые аспекты сопоставительного изучения славянского словообразования.

В ходе исследования мы стремились показать, что сопоставление близкородственных языков, базирующееся на последовательном применении системно-функционального подхода, делает наше представление о деривационных закономерностях более адекватным реальной языковой картине, оно позволяет не только выявить сходства и различия между сопоставляемыми языками, но и проливает свет на закономерности внутриязыкового развития.

Сопоставление близкородственных языков дает возможность уточнить направленность внутриязыковых взаимосвязей.

Результаты исследования показали, что межъязыковая конфронтация оказывается наиболее плодотворной, если она опирается на данные внутриязыковой конфронтации, сопоставляющей различные синхронные срезы одной и той же словообразовательной системы. Одновременно хотелось бы подчеркнуть, что использование при сопоставительном изучении близкородственных языков рабочей модели, абстрагированной в результате изучения данных одного языка, является эффективным приемом межъязыковой конфронтации. Творческое, ненасильственное наложение этой модели, включающей некоторые основные универсальные характеристики, на другие языки способствует выявлению общих и специфичных черт сопоставляемых языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Нешименко Г. П. Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец XIII — середина XX вв.). Прага, 1980. Заметим, что семантический диапазон деминутивных существительных включает уменьшительное, уменьшительно-эмоциональное и эмоциональное значения.
- ² Очевидно, более информативным был бы термин «системно-функциональное сопоставление» либо термин «аналитическое сравнение», использовавшийся в свое время Пражской лингвистической школой.
- ³ Barnett VI. Konfrontace a ostatní druhy polylingválního popisu. — *Slavica Slovaca* 9, 1974.
- ⁴ Например: Barnetová V. Morfologie slovesného vidu v ruštině. Praha, 1970; Straková V. Substantivní derivace (v ruštině a češtině). Praha, 1973; Skoumalová Z. Status tzv. kmenotvorných přípon slovesných v slovanských jazycích, zvláště v ruštině. Praha, 1975; Barnetová V., Běličová-Křížková H., Leška O., Skoumalová Z., Straková V. Русская грамматика, д. 1—2. Praha, 1979.
- ⁵ Barnetová V., Barnett VI. O konfrontačním studiu příbuzných jazyků. *Acta Universitatis Carolinae. Philologica* 3. — *Slavica Pragensia* IV. Praha, 1962; Широкова А. Г. Теоретические предпосылки сопоставительного изучения грамматического строя славянских языков. — *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Филология*, 1978, № 6, и другие работы.
- ⁶ Filipец J. Ke konfrontaci dílčích sémantických systémů v slovní zásobě dvou různých jazyků. *Ceskoslovenské přednášky pro VII. Mezinárodní sjezd slavistů*. Varšava, 1973.
- ⁷ Barnetová V., Barnett VI. *Op. cit.*
- ⁸ Dokulil M. Tvoření slov v češtině. *Teorie odvozování slov*, д. I. Praha, 1962.
- ⁹ Примером подобных исследований является фундаментальный коллективный труд по словообразованию существительных современного чешского литературного языка, выполненный под руководством М. Докулила (*Tvoření slov. Odvozování jmen podstatných*, д. 2. Praha, 1967). Значительным достижением является и раздел о словообразовании современного русского литературного языка (авторы: В. В. Лопатин, И. С. Улуханов) в Академической грамматике русского языка (1970).
- ¹⁰ См.: Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. — В кн.: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- ¹¹ Dokulil M. Ke koncepci porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti «tvoření slov». — *Slovo a Slovesnost*, 1963, г. XXIV, ч. 2, с. 97.
- ¹² См.: Димитрова М. Умалителните имена в книжовния български език. София, 1959; Кръстев Б. Умалителността в българския език. София, 1976; Грамматика современного русского литературного языка. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970.
- ¹³ В недостаточной строгости словообразовательной сегментации можно, например, упрекнуть в ряде случаев Б. Крыстева. Так, в частности, спорным являет-

ся вычленение суффикса *-ийка-* в образованиях типа *алейка, батарейка, хартийка* и др. или же суффикса *-чица* в *дэска — дэсчица* (с. 40). Число подобных примеров может быть увеличено.

- ¹⁴ Так, например, несмотря на то что мы не проводили специального обследования деминутивного словообразования в польском языке, нам а priori представляется спорным мнение польского исследователя Б. Крейи (воспроизводимое в монографии: Grzegorzczukowa R. Zarzys słowotwórstwa polskiego. Warszawa. 1979, s. 54) о доминирующем положении деминутивного суффикса *-ik-* (по сравнению с суффиксом *-ek-*), поскольку данный вывод базируется лишь на учете фонемной комбинаторики форманта и не принимает во внимание словообразовательную характеристику производящих лексем. Как следует, например, из анализа фактов чешского языка, суффиксы *-øk-* и *-ik-* в комбинаторном отношении взаимодополняют друг друга; продуктивность суффикса *-øk-*, помимо прочего, поддерживается и тем, что в репертуаре производящих основ у этого суффикса представлены лексемы, образованные посредством продуктивных деривационных схем, — сказанное обеспечивает постоянный приток новых лексических пополнений. Думается, что в таком близкородственном языке, каким является польский, можно ожидать сходное распределение деминутивных формантов.
- ¹⁵ Под контактной зоной здесь понимается конечный и предконечный компоненты производящей основы. Строение контактной зоны, прежде всего ее предконечная фонема, представленная вокалом или консонантом, оказывает непосредственное влияние на дистрибуцию словообразовательного суффикса.
- ¹⁶ Б. Крыстев характеризует как маловероятное образование деминутивов от существительных ср. р. на *-ице* (*училище, детище*), *-ство* (*пространство, учительство*), *-ие* (*усилие*), от отглагольных существительных на *-не* (*писане*).
- ¹⁷ К числу суффиксов неравнофонемного строения относятся, например, *-ø/-et/-at-, -č/-čēt/-čat-* и т. д.
- ¹⁸ В отличие от русского и чешского языков данный суффикс в болгарском языке имеет стабильный начальный вокал (отсутствует парадигматическое чередование *e/ø*).
- ¹⁹ В подавляющем большинстве парадигматических словоформ данная лексема имеет безвокальную контактную зону.
- ²⁰ Кръстев Б. Указ. соч., с. 44.
- ²¹ См.: Димитрова М. Указ. соч., с. 298.
- ²² К числу специфичных относятся, например, суффиксы *-чик-* в русском языке (*стакан — стаканчик, самовар — самоварчик*), *-чиц(а)* в болгарском (*болест — болестчица, песен — песенчица*), являющиеся результатом левостороннего расширения вокальных суффиксов *-ик-, -иц-*. Противоречивость суффиксов *-чик-, -чиц-* заключается в том, что по своему фонемному строению (наличие консонантного зачина) они принадлежат к формантам консонантного типа, хотя при парадигматическом изменении морфемы во всех падежных алломорфах сохраняется стабильный вокал «и».

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ЭС — эксерпции из современных источников
PS — Příruční slovník jazyka českého, I—VIII. Praha, 1935—1957.
SSJC — Slovník spisovného jazyka českého, I—IV. Praha, 1960—1971.
e. — дериват с экспрессивным значением
e.z. — дериват с экспрессивно-деминутивным значением
z. — дериват с деминутивным (уменьшительным) значением
hanl. — уничижительный, бранный
* — редкое, малоупотребительное образование

О СОПОСТАВЛЕНИИ
СИСТЕМ МЕЛОДЕМ В ЧЕШСКОМ
И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Классифицируя языки с точки зрения интонационных факторов (прежде всего с учетом движения тона мелодии речи) и их роли в языке, мы обычно относим чешский и русский языки к одному интонационному типу.

В статье «Intological Typology»¹ этот тип был обозначен нами под номером «З», в нем интонационные средства (прежде всего тон) используются в первую очередь в фонологии предложения и не используются в фонологии сегментов, фонологии «фонем» или фонологии слова.

Отнесение языков к одному из типов и интонологических категорий отнюдь не означает сходства в степени использования отдельных средств и тем более — соответствия формы интонационных средств, выполняющих аналогичную функцию. Исключения не составляют и генетически, и типологически близкие языки, то есть такие языки, как чешский и русский.

1. Перечисляя черты сходства, следует прежде всего отметить совпадение или по крайней мере большое сходство областей, в которых интонация в обоих языках используется.

Как уже отмечалось раньше, оба языка относятся к таким языкам, в которых интонационные различия используются как на уровне вещественного значения, так и (часто в значительной степени) на уровне экспрессивного выражения.

В первой из этих областей они служат в качестве средств, конституирующих и выделяющих синтаксические единицы звуковой формы (эти средства либо выделяют, либо отграничивают предложение или отрезок предложения, синтагму), а также в качестве средств, различающих данные единицы и приписывающих им разное значение. В обоих языках, с одной стороны, выделяются предложения законченные и незаконченные, с другой — предложения с разной модальностью, особенно предложения с так называемой общей (или объективной) модальностью (это прежде всего повествовательные предложения и так называемые общие вопросы).

Что касается уровня экспрессивного выражения, то интонационные средства в обоих языках используются для различения нейтральных предложений и предложений, эмоционально окрашенных, включая сюда также дифференциацию по степени и характеру их эмоциональной окрашенности.

2. Мы полагаем, однако, что сходства языков этим не исчерпываются. Анализ материала обоих языков позволяет прийти к выводу, что основное сходство заключается в том, что как в чеш-

ском, так и в русском языке в фонологии предложения принципиально важной является не звуковая сторона целого предложения (целого отрезка или синтагмы), а различное интонационное оформление тех его частей, которые являются носителями собственной функции (на том уровне и в том смысле, который был отмечен выше), а также интонационное оформление которых либо полностью незначимо, либо всецело зависит от формы принципиально значимой части предложения. Последнее только при нарушении интонационного оформления может взять на себя ее функцию, что имеет место в случаях экспрессии, в вокативных и других сильно эмоционально окрашенных предложениях².

Здесь, видимо, не следует подчеркивать, что для выделения наиболее существенной части, для размещения функционально релевантного интонационного средства в предложении принципиально значимым фактором является место ядра высказывания, ремы, как это и отмечается в большинстве работ, посвященных актуальному членению предложения³.

В исследованиях, посвященных интонации предложения, об этом важном отрезке интонации говорится как о каденции (Фр. Данеш — прежде всего в работе «Интонация предложения»⁴ различает далее каденцию конклюдивную, полукаденцию и антикаденцию). В некоторых наших работах⁵ была предложена несколько иная классификация интонационных единиц.

Мы исходим из того, что основной интонационной единицей можно считать интоному, которая выступает в качестве комплексной единицы, характеризующейся (в отличие от неинтономы (nonintoneme) набором динамических и мелодических признаков, а также модификациями временного характера (прежде всего изменениями темпа), включая членение интономы с помощью паузы.

Основным элементом, с помощью которого различаются отдельные интономы как средства дифференциации значения вышеупомянутых планов, является мелодический компонент, различные его типы. Мы считаем необходимым выделить эти мелодические средства с их различными функциями и назвать их мелодемами.

Важно отметить также, что мелодемы в различных случаях реализации получают различную форму, то есть что существуют различные варианты мелодем (в соответствии с терминологией Пражской лингвистической школы).

Разумеется, в определенных позициях можно было бы говорить и о вариантах факультативных (в зависимости от обстоятельств — индивидуальных, а также стилистических), обусловленных прежде всего местом ударного слога ядра высказывания, его удаленностью от конца целого предложения, либо неконечного отрезка предложения, далее о вариантах позиционных или комбинаторных. Для обозначения вариантов, и прежде всего вариантов последнего типа, мы в соответствии с современной терминологической системой выбрали термин алломел.

3. Принимая во внимание, что при описании интонационных систем в чехословацкой и советской лингвистике и фонетике нередко используются различные понятия и методы, мы считаем необходимым в ряде случаев при сравнении обеих интонационных систем найти определенные терминологические соответствия.

Успешную попытку сравнения звуковой стороны связной речи и интонации в широком смысле слова — применительно к славянским языкам — мы находим в известных работах Т. М. Николаевой⁶.

Необходимо отметить, однако, что ценный материал (по отношению к чешскому языку Т. М. Николаева использует в основном работы чехословацких авторов), приводимый по каждому славянскому языку отдельно, не мог быть ею проанализирован во всех аналогичных случаях так детально, как это требуется при сопоставлении двух языков.

Попытка такого рода сравнения была предпринята нами по отношению к русскому и чешскому языкам⁷.

Можно сказать, что наиболее систематически интонацией — особенно мелодикой русского предложения — занимается Е. А. Брызгунова⁸. Ее работы широко известны и пользуются популярностью прежде всего у преподавателей русского языка, обучающихся иностранцев разговорному русскому языку. На основе анализа большого материала Е. А. Брызгунова выделяет несколько типов интонационных конструкций, которые соответствуют каденциям, либо (в нашем понимании) мелодемам.

В последних работах Е. А. Брызгунова в основном оперирует семью интонационными конструкциями (ИК-1—ИК (К)-7), форма которых (прежде всего движение тона) ею описывается и изображается с помощью графиков. Тем самым преподавателям русского языка предоставлен весьма ценный учебный материал, который дает успешные результаты при воспроизведении звукового строя русского языка нерусскими. Представляется, однако, что вся система и классификация русских интонационных форм у Е. А. Брызгуновой полностью подчинена практической цели и, к сожалению, скрывает подлинную систему русских интонационных средств.

Так, например, представляется, что ИК-1 и ИК-2 являются в принципе только позиционными вариантами одной (основной, нейтральной) мелодемы, которая в русском языке используется в стилистически нейтральных повествовательных предложениях и там, где смысл предложения (его общая модальность) выраженными, а не только интонационными средствами (например, у ИК-2 при употреблении вопросительного слова, которое характеризует предложение как собственно вопросительное).

На утверждение о том, что обе формы следует рассматривать как варианты одной мелодемы, никак не влияет тот факт, что, например, понижение тона в ИК-2 несколько меньше, чем в ИК-1. Представляется, что при взаимозамене этих форм не произойдет никакого принципиального изменения предложенческой зависимо-

сти. Аналогично этому напрашивается и объединение ИК-4 и ИК-6, как следует и из рассуждений самого автора⁹.

Даже здесь мы не считаем различие — на этот раз в общем уровне тона — столь существенным, чтобы считать обе ИК разными мелодемами; их значимость определяется, по нашему мнению, различиями контекстуальными и ситуационными.

Мы сделали несколько замечаний не для того, чтобы проявить несогласие с классификацией Е. А. Брызгуновой, а скорее для того, чтобы подчеркнуть различие ее и нашего подхода, касающегося методики описания и классификации интонационных конструкций и мелодем.

Несмотря на это, полагаем, что результаты обеих классификаций можно свести к общему знаменателю. Мы надеемся, что применение нашей методики не вызовет возражений.

Далее соотнесем расклассифицированные Е. А. Брызгуновой на основе других принципов ИК с мелодемами нашей классификационной системы.

4. Полагаем, что немаркированной мелодической формой обеих интонационных систем следует считать — как для чешского, так и для русского языков — ту мелодическую форму, точнее — формы, которые встречаются в законченных повествовательных предложениях, нейтральных в эмоциональном отношении.

4.1. Как уже отмечалось, для чешского языка типично «дугообразное» понижение тона на протяжении всего предложения, мелодемой же следует считать тот участок движения тона, который начинается ударным слогом ядра высказывания, то есть обычно ударным слогом последнего слова (ударного такта) законченного повествовательного предложения.

В вариантах этой мелодемы, различающихся количеством слогов (то есть алломел с разным количеством слогов), наблюдается лишь разная дистрибуция понижения тона, начиная со среднего уровня, на котором понижение тона происходит как на одном (последнем) ударном слоге, так и на нескольких слогах. Подобное движение тона наблюдается на соответствующей части повествовательных предложений, — в эмоциональном отношении нейтральных и законченных, — если их общая модальность выражена не интонационными средствами.

Это — нейтральные, развернутые, требующие дополнения вопросы, вопросительная значимость которых выражена с помощью вопросительных слов (местоимений, наречий), далее — побудительные предложения, особенно предложения с неподчеркнутой императивностью, модальность которых выражена специальным наклоном (императивом) определенной формы глагола, а также желательные предложения, эмоционально слабо окрашенные, которые вводятся соответствующим союзом или частицей; при этом движение тона заканчивается нейтральной нисходящей мелодемой.

4.2. В аналогичных случаях в русском языке используется такая мелодическая форма, самой выразительной особенностью ко-

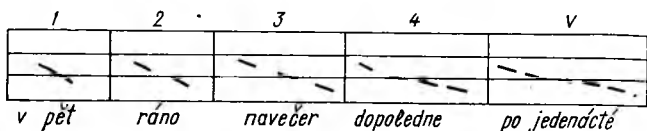
торой является заметное понижение тона на ударном слоге ядра высказывания, а именно — понижение на среднем уровне или от среднего до низкого уровня, в то время как низкий тон (в границах низкого уровня) в последующих безударных слогах, если ударный слог ядра высказывания не является последним, остается, в общем, на одном уровне¹⁰.

Речь идет в сущности о мелодеме, соответствующей ИК-1 по классификации Е. А. Брызгуновой. Однако мы полагаем, что она встречается не только в нейтральных повествовательных предложениях, но — хотя, может быть, и не так часто — в предложениях и с иной общей (объективной) модальностью, как это представлено в чешском языке.

4.3. Сравним нейтральные (Н), немаркированные мелодемы (обозначим их в чешском (ч) и русском (р) языках) и посмотрим, как они реализуются в односложных и многосложных алломелах (1, 2...). Мы отдаем себе отчет в том, что выбор многосложных слов (а это касается прежде всего русского языка, где многосложные слова или такты с ударением на первом слоге весьма редки) является подчас искусственным, тем не менее считаем, что они могут быть наглядными. Ср., например:

Н
чеш.

Přišel včera
Proč přišel včera?
Přijď zítra!

рус.

Он пришел вчера
Почему он пришел
вчера?
Приходи завтра!

Из приведенных выше схем ясно, что значительное сходство представлено только у односложных алломел, в то время как у двусложных наблюдается существенное различие. Если в обеих формах чешского и русского языков самая яркая черта — это понижение тона на заключительной мелодеме, то следует подчеркнуть, что в чешском языке это понижение реализуется на всех слогах, в то время как в русском — только на ударном слоге. Считаем также, что движение тона на безударных слогах irrelevantно. Возможно, это лишь сопровождающая фонетическая особенность данной мелодемы.

5. Если в одинаковых типах предложений ядро высказывания подчеркнуто и выделено, хотя предложение в целом произносится без эмоциональной окраски, то в обоих сравниваемых языках можно зарегистрировать использование мелодем, которые, по нашему мнению, являются лишь модификацией мелодемы Н (Н). Эту ме-

лодему, используемую в нейтральных, но произнесенных с сильным логическим ударением предложениях, обозначим НД (Nd).

5.1. В чешском языке в этом случае, с одной стороны, ядро высказывания часто более удалено от конца предложения, мелодема представлена многосложной алломелой, с другой — на выделенном слоге происходит повышение тона, так что нейтральная дугообразная нисходящая линия нарушается новой «дугой». Нередко, однако, движение тона на этом ударном слоге плавно повышается, становясь выпуклым, часть предложения, следующая за этим слогом, постепенно и до конца понижается — часто до нижнего предела низкого уровня.

5.2. Для русского языка в аналогичном случае можно было бы говорить сразу о двух формах, которые встречаются в предложениях подобного типа.

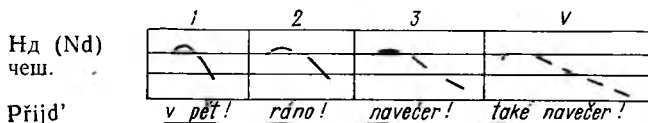
Как наиболее близкую чешскому типу можно обозначить ту форму, в которой мелодия ударного слога (выделяемого) ядра высказывания реализуется в виде восходящего тона; представляется, однако, что повышение тона здесь более выразительное, чем в функциональном отношении сходной чешской мелодеме.

Вероятно, это тот тип, который, по классификации Е. А. Брызгуновой, представляет собой ИК-7 в случаях его использования в предложениях отмеченного выше типа и значимости. Правда, не совсем понятно, какую разновидность смыкания голосовых связок автор имеет в виду у ИК-7 на конце ударного слога и какими методами это смыкание было зарегистрировано¹¹.

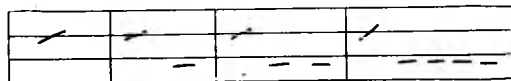
Второй из возможных вариантов (типов) характеризуется повторным повышением ударного слога, движение тона в нем слегка понижается, как в русской фонеме Н (N), однако повышение значительно выше, чем в указанной нейтральной форме. При этом, однако, понижение не достигает низкого уровня. Этого уровня тон может достичь на последующих безударных слогах, иногда и на ударных слогах последующих слов, которые не являются центром ядра высказывания.

Речь идет в принципе о типе, который Е. А. Брызгунова обозначает как ИК-2.

Здесь уместно сравнить формы мелодем НД (Nd) в чешских и русских предложениях при помощи графика.

рус. I

При таком типе выделения в чешском языке необходимо считать релевантным все движение тона мелодемы в целом, в то время как в русском языке, очевидно, самой существенной особенностью будет повышение тона на ударном слоге (как с плавно нисходящим, так и с восходящим движением тона) и уже только потом, на последующих слогах, наступает понижение до низкого уровня (здесь, скорее всего, имеется в виду отношение высоты ударного слога к последнему слогу — либо последних слогов — предложения в целом).

6. Далее рассмотрим, каким образом в обоих языках реализуются мелодемы, которые в чешском и русском языках служат для выражения важнейшего типа общей (объективной) модальности, в данном случае вопросительной, и прежде всего в отличие от невопросительной, то есть в отличие от мелодем Н (N) и Нд (Nd). Различиям при выражении вопросительной модальности в чешском и русском языках с помощью мелодических средств нами уже уделялось внимание¹².

Здесь мы лишь резюмируем эти соображения, которые дополним некоторыми замечаниями. Обозначим эти мелодемы как вопросительные — В.

6.1. Мы уже неоднократно обращали внимание на то, — естественно, прежде всего в соответствии с идеями Фр. Данеша¹³, — что в чешском языке существуют по крайней мере две мелодемы, которые присуждают предложению, по другим параметрам совпадающему с предложениями, выражающими иную общую модальность, значение общего (замкнутого) вопроса (то есть вопроса, начинающегося не с вопросительного слова). Опираясь на выводы (от С. Г. Бояниса до Е. А. Брызгуновой), мы приходим к заключению, что и для русского языка можно также выделить два типа вопросительных мелодем¹⁴ и что, следовательно, и в области интонации вопроса аналогия между мелодическими системами русского и чешского языков значительна.

По отношению к чешскому языку чаще говорится о вопросительной мелодии I и II типа. Первый тип (Вр-1) отличается повышением тона на последнем слоге мелодемы (а тем самым и всего предложения) независимо от того, является этот слог ударным или нет. Второй тип (Вр-2) характеризуется (в не менее чем двухсложных формах) повышением тона от низкого ударного слога (в более высокой части низкого уровня) до последующего слога (примерно на интервал от квинты до сексты в вопросе, который, однако, нельзя считать сильно эмоционально окрашенным). Возможные последующие безударные слоги характеризуются плав-

ным понижением тона либо только на высоком уровне, либо и на среднем (но не на низком).

Мелодему Вр-1 обозначим как восходящую. Частотность ее употребления не одинакова на всей территории распространения чешского языка. В Моравии — и не только в литературном варианте — эта мелодема является самой частотной (а ее подчеркнутая (маркированная) форма с более сильным повышением тона на конце является здесь и самой частотной формой экспрессивного вопроса), на территории Чехии (прежде всего в Средней Чехии) эта восходящая форма представляет собой исключение и используется только в эмоционально нейтральных общих вопросах.

В отличие от этого форма Вр-2 является самой частотной формой вопросительной мелодемы в собственно чешской области, где она может быть интонацией нейтрального или слабо экспрессивного вопроса (в ее нейтральности убежден, например, Б. Гала¹⁵). И — хотя понижение тона на конце не является выразительным, примем определение этой формы, данное Фр. Данешом, как восходяще-нисходящей.

Кроме основных типов обеих мелодем можно выделить их факкультативные варианты, а именно у Вр-1 — такой вариант, когда в распространенных алломелах тон от ударного слога до повышения тона на последнем слоге не остается глубоким и ровным, а несколько повышается до тех пор, пока в конце не наступает резкий подъем; у Вр-2 в распространенных формах отмеченное квинто-секстовое повышение наступает не между ударным и непосредственно за ним следующим слогом, а распространяется на два (а в многосложных формах иногда на три) безударных слога.

Хотя в данной статье нас интересуют лишь мелодемы, которые можно считать характерными для литературного чешского языка, необходимо отметить и еще одну синонимичную вопросительную мелодему Вр-3, которая, однако, встречается только в высказываниях, свойственных обиходно-разговорному чешскому языку. В этой мелодеме наблюдается наиболее низкий тон перед ударным слогом ядра высказывания, ударному слогу присуще высокое восходящее движение тона, у последующих безударных слогов движение тона в принципе сходно с Вр-2, то есть постепенно понижается на высоком уровне. Этот тип упоминается почти во всех цитированных работах о мелодии чешского предложения, появившихся в последнее время, на которые мы ссылались.

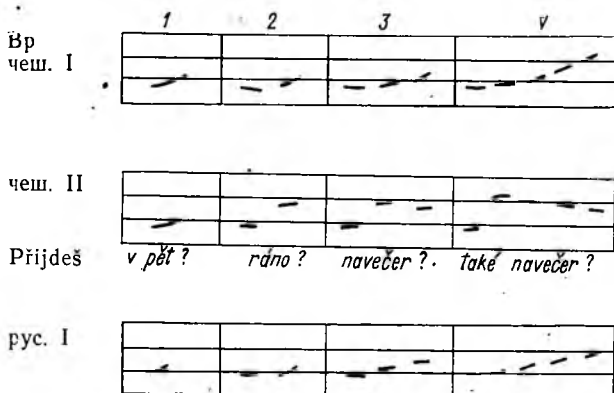
6.2. И в русском языке оба основных вопросительных типа обозначим как I и II. Так же, как и в чешском языке, тип интонации, который можно определить как восходящий (например, А. М. Пешковский считал его основным¹⁶), в современном литературном языке, несомненно, не является основным. Вр-1 является скорее исключением, его можно было бы отнести к ИК-4 (по Е. А. Брызгуновой), хотя наши диаграммы (например, Скоумала) показывают несколько иное движение тона (сходное с ИК-4, пожалуй, лишь в односложных алломелах). По нашим данным,

наиболее явный подъем тона наблюдается не только на ударном слоге, но и на последующих слогах. Однако если и в других случаях мы не считаем движение тона на безударных слогах в русском языке полностью релевантным, а всего лишь редуцированным, относительным, то и в данном случае различия не должны быть решающими.

Мелодеме Вр-2, которая в настоящее время является наиболее частотной вопросительной мелодемой русского языка, в ударном слоге ядра (ядром в русском языке может быть не только последнее слово вопроса, но и намного чаще, чем в чешском, определенная глагольная форма) присуще ярко выраженное повышение тона на высоком уровне, сходное с повышением в той форме, которую мы обозначили в чешском языке как Вр-3 и отнесли к нелитературным формам. Речь, очевидно, идет о такой форме, которую Брызгунова относит к ИК-3. Однако мы считаем, что существует определенная вариативность в движении тона безударных слогов в многосложных алломелах, у которых по нашим данным движение тона может быть либо нисходящим до глубокого (низкого) уровня, или может оставаться на низком уровне примерно так, как это представлено в схемах Брызгуновой. Очевидно, и в этом случае мелодия безударных слогов не является существенной.

Надо отметить, что тип, подобный Вр-1, но по нашим наблюдениям с явно ослабленным повышением тона на заключительных слогах, встречается, например, и в повествовательных предложениях, где, однако, нельзя говорить о полной эмоциональной нейтральности, поскольку этот тип выражает определенные сомнения, колебания и т. д. По поводу типа Вр-2 необходимо заметить, что, по нашему мнению, он является наиболее обычной формой мелодемы, служащей для выделения неконечного отрезка перед паузой (см. прим. 7).

6.3. В заключение вновь перечислим алломелы с разным количеством слогов в основных мелодемах в общих вопросах в чешском и русском языках:

Ты придешь завтра

в пять? утром? вечером? тоже вечером?

Это, конечно, лишь схематическое изображение. Индивидуально и факультативно можно использовать и другие видоизменения указанных алломел, хотя главные черты, характеризующие данные мелодемы, остаются неизменными.

Что касается отношения между мелодемами I и II как в чешском, так и в русском языках, то, по нашему мнению, между ними существует отношение синонимии, так как различие в степени экспрессивности у них незначительное¹⁷.

7. Последнюю группу рассматриваемых нами мелодических средств составляют мелодемы, которые служат средством обозначения сегментов, не заканчивающих предложение, а лишь находящихся перед конечной паузой. Надо сказать, что в обоих языках можно найти целый ряд типов, которые встречаются перед такой паузой, и что существующие между ними отношения можно было бы определить как омонимические. Эти типы сходны с теми, которые в свою очередь сходны с типами H (N), однако конец их находится на таком низком уровне, на котором обычно располагаются конечные отрезки нейтральных мелодем. Речь идет о типах, нами еще не рассматриваемых. При их произнесении голос (на конце высказывания) остается на одном и том же уровне в средней области (диапазоне) как в чешском, так и в русском языках. Однако мы считаем, что в обоих языках имеются такие мелодемы, которые можно определить как основные немаркированные средства для различения нейтрального неконечного отрезка предложения от предложения законченного (особенно невопросительного).

7.1. В чешском языке предшествующую паузе мелодему мы рассматриваем как мелодическую форму, в которой ударный слог последнего слова сегмента (или выделенного слова) реализуется в глубоком тоне на низком уровне; последующие слоги в целом регулярно повышаются до окончания речевого сегмента. В большинстве случаев слог, предшествующий ударному, занимает самую низкую позицию на низшем уровне, то есть ниже, чем ударный слог. Что касается однослоговой формы, то постепенное повышение тона реализуется в ее пределах.

7.2. В русском языке перед паузой также существует подобный мелодический тип, однако он отличается от чешского. Для него характерен подъем тона на ударном слоге до высокого уровня; последующие безударные слоги произносятся ровно или на низком уровне, или же наблюдается снижение тона до границы глубокой области, в некоторых случаях — непосредственно перед этой областью.

Как видим, речь идет о типе, сходном с типом Вр-2, и если не принимать во внимание, что его конец не обязательно реализуется целиком на низком уровне; можно было бы говорить о сино-

ними этих двух типов или вообще об одной синтаксической мелодеме. Для того чтобы однозначно решить, какая интерпретация подходит в большей степени, необходимо исследовать генезис этих форм.

7.3. В заключение сравним две мелодемы, в которых различие между чешским и русским языками наиболее выразительно:

Эти мелодемы, как уже отмечалось, являются наиболее существенными, но ни в коем случае не единственными типами перед паузой. Однако мы не считаем необходимым приводить их графическое изображение, так как они имеют периферийное значение.

8. Если поставить перед собой задачу дать полный обзор функционально-мелодических типов в чешском и русском языках, нельзя оставить в стороне те образования, форма и значение которых в языке автоматизированы даже в том случае, когда они встречаются в эмоционально окрашенных предложениях. Особенно нас интересует сопоставление типов, которые достигли такой высокой степени автоматизированности, что уже является спорным, можно ли их квалифицировать как предложения эмоционально окрашенные или же как предложения, представляющие определенную разновидность периферийной, ограниченной, но тем не менее входящей в область основной (общей) модальности, включающейся в предложенческую модальность, как это можно наблюдать в случаях с так называемыми «предупреждающими» предложениями (со специфической «предупреждающей» мелодемой¹⁸).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Romportl M. Studies in Phonetics. Praha, 1973, s. 131—136.

² Romportl M. K synonymii a homonymii intonačních prostředků. — In: Slavica Pragensia, XIII. Praha, 1971, s. 209 n.

³ Bauer J., Grepš M. Skladba spisovné češtiny. Praha, 1972, s. 18 n.

⁴ Кроме работ Фр. Данеша, укажем особо материалы симпозиума в Марианских Лазнях (1970), опубликованные в сборнике: Papers on Functional Sentence Perspective. Praha, 1974 (ed. Daneš F.).

⁵ Romportl M. K synonymii a homonymii... (ad 2); Romportl M. Studies in Phonetics...

- ⁶ См.: Николаева Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969; Она же: Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
- ⁷ Romportl M. Melodie ruské a české věty. — In: Sovětská jazykověda 4. Praha, 1954, s. 207—222.
- ⁸ См.: Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963; Она же. Звуки и интонации русской речи. М., 1977.
- ⁹ См.: Брызгунова Е. А. Звуки и интонации русской речи, с. 99.
- ¹⁰ Romportl M. K tónovému průběhu v mluvené češtině. Praha, 1951.
- ¹¹ См.: Брызгунова Е. А. Звуки и интонации русской речи.
- ¹² Romportl M. Zum problem der Fragemelodie. — *Lingua*, 5, 1955, s. 87—108; Romportl M. Studies in Phonetics, s. 147; Romportl M. Melodie ruské a české věty; Skoumal J. K melodii koncového úseku věty v češtině a ruštině. — *Ceskoslovenská rusistika* 15, 1970, s. 74 n.; Ср. также: Notes on Melodic Homonymy in Standard Russian. — In: Proceedings of the 9th International Congress of Phonetic Sciences I. Copenhagen, 1979, p. 400.
- ¹³ Daneš Fr. Intonace a věta ve spisovné češtině. Praha, 1957.
- ¹⁴ Boyanus S. G. A Manual of Russian Pronunciation. London, 1935; Брызгунова Е. А. Указ. соч.; Skoumal J. Op. cit.
- ¹⁵ Hála V. Fonetika v teorii a praxi. Praha, 1975, s. 284.
- ¹⁶ См.: Пешковский А. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1929.
- ¹⁷ Romportl M. K synonymii a homonymii...; Ср. также: Romportl M. Studies in Phonetics, s. 137 etc.; а также: Sur la sémantique des moyens de l'intonation. — In: Proceedings of the 7th International Congress of Phonetic Sciences in Montreal. The Hague, p. 101 etc.
- ¹⁸ Romportl M. Věty varovací. — *Slovo a Slovesnost* 34, 1973, s. 72.

О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕГО
ЗНАЧЕНИЯ В ГРАММАТИКЕ

1. Цель данной статьи состоит в выяснении научной обоснованности концепции так называемого «общего значения» (нем. *Gesamtbedeutung*, англ. *general meaning*) членов грамматических категорий, или грамем.

Согласно этой концепции, при любой реализации определенной грамемы, например, творительного падежа в современном чешском языке, выступает всегда одно, постоянное для всех случаев употребления «общее» значение. Значения, обнаруживаемые у каждого конкретного типа реализации грамемы, например, так называемый творительный падеж места, орудия или образа действия (значения «частные», «специальные», «комбинаторные», «контекстуальные») ¹, при этом считаются «выводимыми» из данного постулируемого общего значения и из специфических элементов контекста, лексических и/или грамматических, в принципе в пределах предложения, а также из контекста экстралингвистического («конситуации») ².

Содержание концепции общего значения раскрывается иногда через понятие «инварианта» (для общего значения) и «вариантов» (для частных значений). Таким образом, однако, можно объяснить лишь общий смысл, установку концепции общего значения, но не ее самое. Констатация того, что наука призвана выявлять за «внешним», «поверхностным» многообразием и изменениями «внутреннее», «глубинное» постоянство, за вариантным инвариантное, не может служить обоснованием адекватности лишь одного из весьма значительного количества выражений, которые могут иметь искомый «инвариант», в данном случае — доказательством существования общего значения грамем. «Инвариантность» может заключаться не в общем качестве, но в тождестве или подобии структуры.

Прогрессивную роль концепции общего значения (далее ОЗ) в истории лингвистики трудно переоценить. В потоке лингвистических исследований, осознанно направленных на раскрытие сложных взаимоотношений в различных языках, она явилась первым опытом преодоления традиционной практики «перечисления» разных значений грамем. Известны грамматические категории (например, сослагательное наклонение глагола настоящего и прошедшего времени в современном чешском языке), для которых данная концепция вполне себя оправдывает, однако универсальной значимости за ней признать нельзя ³, что особенно проявляется на примере категории падежа. Это положение само по себе не

является новым; новой, однако, кажется аргументация в его пользу, которая излагается нами ниже.

В предлагаемой аргументации особенно подчеркивается металингвистический аспект, значительное внимание уделяется языку лингвистики и структуре лингвистических текстов. К этому нас вынуждает соображение, что за пределами высказываний о макромире языковая ситуация неизбежно осложняется⁴. В такого рода ситуации оказывается и лингвист, если он не связан вплотную с определенными отраслями лингвистики. Качество избранного (сознательно или же более или менее произвольно) способа выражения может в значительной степени зависеть от того, насколько мы делаем простой или же, напротив, усложняем постановку и решение проблем, пытаемся ли мы формулировать псевдопроблемы и т. п.

Ответ будем искать прежде всего на вопрос, является ли случайным то обстоятельство, что спустя почти полвека после того, как была в основных чертах сформулирована концепция ОЗ, все еще не существует — даже для русского языка, на материал которого она опиралась особенно часто, — детально разработанное описание значений падежей в духе этой концепции⁵, или же это свидетельствует о каких-то внутренних изъянах этой концепции, в последнем случае — о каких именно.

2.1. Уже из предварительной характеристики концепции ОЗ совершенно очевидно, насколько важное место в ней занимает понятие «выводимости», или «выведения». Как известно, существительные с абстрактной семантикой (особенно отглагольные существительные) позволяют опустить названия некоторых участников действия или состояния; тем не менее есть определенная разница между ситуациями, когда нам известно, что именно мы опускаем, и когда нам неизвестно это, или же когда подобное опущение уместно и когда нет. Неверным является укоренившееся представление, будто существительные, например, в чешском языке, имеют общее значение «отдельно понятия субстанция», однако следует признать, что употребление отвлеченных существительных может скорее способствовать тому, что некоторые взаимосвязи останутся незамеченными, ибо при существительных употребление несогласованного определения не столь обязательно, так что возникает опасность излишнего «отвлечения», «изоляции». Для более наглядного рассмотрения проблематики «выведения», воспользуемся проверенным методом: при анализе принципиальных моментов не ограничимся лишь номинальными выражениями (в нашем случае «выведение»), но будем оперировать вполне естественным полным вербальным выражением: кто выводит (А), что выводит (В), из чего выводит (С) и каким образом выводит (Д). До сих пор было установлено лишь, что речь идет о выведении «частных» значений из «общего» значения и из контекста.

2.2. Рассмотрим (А). Известно, что процессуальный способ выражения, при котором употребительны такие слова, как «выводить», «выведение», «порождать», «порождение», может создать

впечатление, что принимается во внимание механизм «функционального» языка, то есть что лингвист, выражающийся подобным образом, располагает достаточно подробно разработанной моделью коммуникации. Однако ввиду того, что — насколько нам известно — никто из сторонников концепции ОЗ такой модели не разработал, мы вынуждены ограничиться лишь несомненным фактом: «выводит» лингвист, сторонник концепции ОЗ.

При этом мы не утверждаем, что подобное выведение не может иметь никакого реального соответствия в мыслительных и психических процессах непосредственных участников коммуникации, а лишь констатируем фактическое положение дел на данный момент.

2.3. Далее очевидно, что источник выведения (С), предмет выведения (В) и способ выведения (Д) нельзя рассматривать изолированно, так как в принципе представляется возможным из одного и того же С при разных Д получить разные В, из разных С при разных Д — одинаковые В, определенные В — из определенных С лишь при наличии определенных Д.

2.4. Рассмотрим (В).

2.4.1. Вынося слова «так называемый» перед определениями типа «творительный падеж орудия» в п. 1, мы, естественно, имели в виду известные возражения против их употребления. Правда, подобные определения уже вполне укоренились — они приводятся даже в словарях лингвистической терминологии — однако в этом не следует усматривать их преимущество, ибо обычность выражения не может быть гарантией ясности его значения. В нашем случае: то, что вытекает из самого определения типа «творительный падеж орудия, может быть передано в общих чертах как «творительный падеж, соотносимый тем или иным образом с орудием». Однако конкретизация данной семантической схемы в определении типа «творительный падеж, который обозначает / сигнализирует орудие» уже может ввести в заблуждение, поскольку это допускает истолкование «творительный падеж, который сам (пусть в определенном контексте) обозначает орудие», что в действительности часто принимается. Несомненно, однако, лишь то, что в современном чешском языке тот же творительный падеж используется при выражении участия предмета в действии в качестве орудия, но не обязательно сам по себе. Действительно, если проследить включение падежей в семантическую структуру предложения, то все дополнительные сведения о конструкциях, в которых эти падежи реализуются, останутся для нас, вполне естественно, признаками, характеристиками их контекста. Однако различие между определением «выражение X имеет в контексте Y значение K» и определением «выражение X и контекст Y означают K» не отражает (по крайней мере не обязательно может отражать) различие в языковой действительности, но лишь различие в выборе объектов нашего внимания. Ввиду этого следовало бы выражения типа «творительный падеж орудия» употреблять в смысле «творительный падеж из конструкций типа L со значе-

нием *M*, в которых потенциальный (пусть фиктивный) денотат лексемы в форме творительного падежа представлен в качестве орудия действия». При этом определении представленность денотата лексемы в форме творительного падежа в качестве орудия действия осмысливается как семантический признак всей конструкции, а не самого творительного падежа, что в конечном счете даже более согласуется с концепцией ОЗ, чем понимание, которое следует из традиционного способа выражения. Представление о том, что, например, признак «быть представленным в качестве орудия действия» должен быть приписан самой форме творительного падежа или даже непосредственно словоизменительной морфеме, по-видимому, основывается на аналогии с не вполне реалистическим представлением о точных и непересекающихся границах «реализации» фонем в потоке речи⁶. В целом, следовательно, было бы целесообразно установить для каждой исследуемой граммы (или даже грамматической категории), признаком чего, собственно, являются ее «частные» значения.

2.4.2. В этой связи уместно выдвинуть требование, чтобы семантическая характеристика конструкции и семантический тип употребления граммы, например, падежа (частное значение падежа), определялось эмпирически, как что-то такое, что каждый говорящий, носитель языка, способен описать перифрастически, путем различного рода отсылок и т. п.

2.5. Рассмотрим (С).

2.5.1. Постулируемое общее значение по сравнению с частными значениями предстает как результат лингвистического анализа, как нечто такое, что непосредственно недоступно носителям языка (это не исключает возможности того, что общее значение имеет некое соответствие в подсознательной области мыслительных и психических процессов участников коммуникации). «Нагрузка», конкретный семантический вклад минимальных знаменательных единиц и их различных комбинаций носителями языка не осознается даже при прямом опросе. Если бы они это осознавали, лингвистика была бы не нужна, так как «... если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...»⁷. Во всяком случае, она могла бы стать практической дисциплиной, которой в случае необходимости мог бы заниматься спонтанно каждый говорящий на данном языке.

Одни лингвисты склонны распространять концепцию ОЗ (в ее лексикографическом варианте) также и на словарный состав, другие не считают ее адекватной применительно к данной области. Мы не знаем лингвистов, которые бы придерживались концепции ОЗ только в отношении лексики. Между тем, если задать вопрос, почему в этом отношении ситуация в лексике должна отличаться от ситуации в грамматике, мы вправе а priori предполагать именно такое решение, которое не приобрело сторонников. Ибо известно, что в целом граммы обладают более высокой фреквенцией, чем лексемы, а образования с более высокой фреквенцией во мно-

гих отношениях — формально и семантически — менее «регулярны», чем образования с более низкой фреквенцией. Подтверждением этого в лексике может служить многозначность слов, довольно частые случаи омонимии и т. п. Гипотеза, которая предусматривает признание «общих значений» в грамматике, но не в лексике, кажется относительно концепции ОЗ уступкой *ad hoc*⁸.

Во всяком случае, все те, кто придерживается концепции ОЗ в отношении граммем, должны признать, что они сами формулируют общие значения при помощи лексических (грамматически оформленных) средств и что при этом нет словарей, построенных на основе концепции ОЗ. Если удастся найти лексическое выражение, которое позволяет исследуемое грамматическое средство всегда описать парафразой, то это еще не гарантирует, что сама парафраза является однозначной. Ибо значения могут выражаться двояким образом: можно оперировать высказыванием «*X* имеет то же значение, что *Y*», где *X* и *Y* — слова предметного языка, или высказыванием «*X* имеет значение *Y*», где *X* — слово предметного языка, а *Y* — метаязыковое выражение значения. Правда, могут возникнуть сомнения, не является ли различие между этими двумя случаями лишь кажущимся, стилистическим. Однако представляется бесспорным, что их разграничение имеет и рациональное ядро, а именно: в отличие от первого случая, когда для *X* и *Y* мы вынуждены ограничиться «идиоматической» перифрастикой, во втором случае мы создаем лексически и синтаксически контролируемый, «неидиоматический» язык описания, который выходит за пределы обычного, нелингвистического способа выражения. Однако один лишь «неидиоматический» язык недостаточен для перехода от первого ко второму случаю. Иными словами, одно дело — найти в изучаемом языке лексическую парафразу одной из составных частей конструкции, например, падежа, парафразу, чья однозначность не гарантирована (ситуация первая), другое дело — иметь (создать) метаязыковое выражение для непосредственного определения общего значения грамлемы (ситуация вторая).

Таким образом, в определениях ОЗ следовало бы использовать только те выражения, к которым заведомо применена концепция ОЗ (не важно, будет ли идти речь *de facto* о выражениях из изучаемого языка или о метаязыковых выражениях). Каково же действительное положение дел? Определения общих значений часто содержат в качестве основных такие слова, как *направление* — *направляться, направленность, удаление, переход, охват* (действием), *периферия*. Они могут обозначать как конкретные пространственные действия или состояния, так и психические и/или абстрактные процессы. Многозначность этих выражений нельзя устранить заявлением, что их следует понимать «в достаточно абстрактном смысле», «в предельно общем, широком смысле». Такие выражения, несомненно, грамматически правильны и в других случаях могли бы быть вполне приемлемыми, однако в данном случае их оперативная роль невелика (такое «опорное»

слово могло бы в лучшем случае уточняться с помощью альтернативных слов: так, локализация в широком смысле будет охватывать случаи пространственной или временной локализации и т. д. Это, однако, будет бесполезным для получения метаязыкового выражения искомого качества). В обобщениях подобного рода, по-видимому, не было бы необходимости, если бы многозначность указанных выражений не ощущалась столь отчетливо. Тем не менее весьма показательно, что некоторые исследователи воспринимают такие лексические выражения как гомогенные, однородные в смысловом отношении: это свидетельствует о значительной естественности, с которой одни и те же средства могут быть использованы в различных, но в известном смысле «естественно» связанных между собой значениях. Эти возможности, однако, должны быть рассмотрены особо, а «естественная» связь значений нуждается в специальном анализе (ср. п. 4).

Было бы желательно, чтобы те, кто не признает в лексике выводимость ОЗ, указали, в каком из значений «надежного» словаря они употребляют такие слова, или же разработали для них собственные словарные статьи. Те же, кто считает, что ОЗ является обязательным и в лексике, должны разработать свои словарные статьи не только для таких слов, но и для соответствующих семантических полей в целом. Метафоричность в языке нельзя выразить метафорическим метаязыком.

Тот факт, что многие «ключевые» слова в определениях ОЗ не были уточнены семантически (это невозможно в отношении слов типа *направление, перенос / переход* и т. п.), неизбежно приводит к определенной асимметрии дискуссии⁹; при металингвистическом анализе нельзя принимать во внимание несуществующее, нельзя делать вид, будто значения соответствующих выражений были уточнены. Если этого не понять, то может сложиться впечатление, что все до сих пор выдвинутые нами аргументы против концепции ОЗ основаны лишь на ее противопоставлении иным способам выражения.

Необходимо, чтобы, с одной стороны, в толковых словарях уделялось особое внимание выражениям, фигурирующим в определениях ОЗ граммем, а с другой — проводился бы систематический анализ выражений и слов, часто употребляемых в языке науки, философии и культуры, которые представляют собой узуальные метафорические выражения со специальным значением (*место, позиция, положение, уровень, плоскость, поверхность, граница, область, точка, пространство, размер, направление, направленность* и т. д.)¹⁰. Метафоричность этих выражений в обычном употреблении не ощущается, однако не может быть сомнения в том, что, собранные вместе, они явно обнаруживают свой метафорический характер.

2.5.2. Даже если бы удалось справиться с проблемами, рассмотренными в п. 2.5.1., возникли бы иные трудности. Часто содержание концепции ОЗ раскрывается таким образом, что общее значение объявляется «общим знаменателем» всех соответствующих

щих частных значений. Выражение «общий знаменатель» в переносном смысле широко распространено и за пределами лингвистики. Всем известны правила сложения дробей с разными знаменателями, при котором начальным действием является приведение к общему знаменателю. De facto приводят всегда к наименьшему общему знаменателю, хотя для каждого числа n разных знаменателей существует бесконечное множество общих знаменателей (так, для 2 и 3 это 6, 12, 18, 24...). Далее, наименьший общий знаменатель множества дробей с данными знаменателями может быть одновременно наименьшим общим знаменателем для множества дробей с иными знаменателями (например, 60 является наименьшим общим знаменателем не только для дробей со знаменателями 20 и 3, но и для дробей со знаменателями 15 и 4, 12 и 5). Если серьезно подходить к приведенной аналогии, то перед нами закономерно встает вопрос: не слишком ли мы расширяем устанавливаемые общие значения, выбирая «общий знаменатель», который либо не является «наименьшим» (общее значение слишком абстрактно), либо, будучи «наименьшим», служит также «общим знаменателем» для совсем других возможных частных значений.

Приведем примеры. Для разных значений английского слова *bachelor*, то есть «старый холостяк», «бакалавр», «рыцарь без собственного знамени», «зрелый молодой тюлень без самки», указывалось общее значение «взрослая мужская особь, которой чего-то недостает». Следует отметить, что это слово не получает значений «постоянно безработный», «необразованный», «бездетный», которым вполне отвечало бы указанное общее значение, если бы они в английском языке были действительно связаны со словом *bachelor*¹¹.

Чешский предлог *kromě* (рус. *кроме*) имеет два значения, из которых одно может быть выражено предлогом *за исключением*, а другое — предлогом *наряду с*. Как утверждают И. Польдауф и К. Шпрунк¹², что-то исключается из общего числа, причем исключенная часть либо вообще не относится к целому («за исключением»), либо не принимается во внимание («наряду с»). Однако почему исключение из общего числа, или опущение при счете, не может у данного предлога (*kromě*) охватить также случаи, когда допустимо и то и другое понимание: например, если нам неизвестно истинное положение (то есть значение «возможное, исключая»)?

Точно также, почему при существующем определении общего значения родительного падежа в русском языке¹³ сочетания типа *дело Артамоновых* не могут обозначать предприятие, названное по имени того или иного лица (ср. чеш. *závody K. Gottwalda*, с одной стороны, и рус. *Библиотека имени Горького* — с другой)?

То обстоятельство, что устанавливаемые общие значения могут также охватывать и непредвиденные случаи, можно было бы оставить без внимания, если бы только подобные значения были

исключены, например, самостоятельным действием аппарата спецификаторов (в смысле порождающей грамматики). Однако едва ли возможно найти семантические факторы, которые бы не допускали, например, употребления родительного падежа в чешских сочетаниях типа *vдова po učiteli, rodák z Moskvu* (ср. рус. *вдова учителя, уроженец Москвы*).

2.6. Рассмотрим (Д).

2.6.1. Соображения, изложенные в п. 2.5.2., указывают на то, что какое-то общее значение можно найти всегда. Если с этим согласиться, то в центре проблематики окажется качество «выведения», так как «надежным» ОЗ может быть лишь такое общее значение, из которого можно с предельной точностью вывести регистрируемые частные значения, и только их. Очевидно, что эта проблематика связана с соотношением маркированных и немаркированных граммем (в понимании традиционной теории); мы, однако, не будем учитывать эти связи.

2.6.2. Есть дисциплины, в которых «выведение» нередко носит условный характер; тем не менее это не вызывает возражений, так как этапы подобного «выведения» в принципе всегда восстанавливаемы. Так, если математик напишет слова *можно доказать*, то это означает, что он или располагает готовым доказательством, или доказательство известно. Это, однако, не наш случай.

Некоторые лингвистические тексты обладают довольно ясной структурой. Достаточно вспомнить строго унифицированные сегменты текста в сравнительных и исторических грамматиках (соответствия, примеры, реконструкция и ее обоснование) или в наиболее удачных словарях. В области грамматических описаний весьма плодотворный опыт имеет порождающая грамматика. Однако до сих пор остается неясным, что мыслится как определение, а что как утверждение, что является фактом, а что гипотезой, что представляется описанием, а что пояснением, что относится к устной речи, а что к письменному языку и т. д. И так же неясно, что является и что не является «выведением».

Приведем наиболее типичные способы «выведения» частных значений, особенно для падежей.

А. Частное значение просто указывается, в лучшем случае со ссылкой на то, что оно близко к предыдущему частному значению, или примыкает к предыдущим частным значениям и т. п.

Б. Частное значение приводится одновременно с указанием на релевантный контекст. Следует, однако, понять, что установление особенностей контекста частного значения, каким бы точным оно (установление) ни было, и выведение частного значения — это не одно и то же, так как выявленные признаки контекста совсем не обязательно должны совпадать с теми, интеграция которых — или же иная операция с общим значением — позволит получить частное значение. (Напомним, насколько важно для устранения многозначности определение релевантных признаков контекста при

машинном переводе, в котором с общим значением не работают.)

В. Выведение движется по кругу: в определении общего значения используется образное выражение с первоначальным пространственным значением (*перенос / переход, прохождение*), а из него выводятся значения локальные (творительный падеж места действия) и т. п. Ср. п. 2.5.1. Это показывает, что иногда интерпретация в духе концепции ОЗ может отличаться от локалистической интерпретации лишь внешним образом (криптолокализм)¹⁴.

Г. Выведение псевдоисторично: частное значение «развилось», «возникло» на основе другого частного значения.

Если теперь, после высказанных нами замечаний, вновь обратиться к ранее созданным описаниям падежей в духе концепции ОЗ (даже к самым удачным из них), можно только удивляться, как немногочисленны случаи, которые не относились бы к одному из приведенных выше типов.

3. Возражения против концепции ОЗ можно поставить под сомнение. Часто отмечается, что необходимо различать уровень системы и уровень узуса (традиционного употребления). Общие значения выявляются на уровне системы, а не на уровне узуса¹⁵. Так, например, предлагается объяснять, что, хотя между славянскими языками есть достаточно много различий в употреблении падежей, мы можем удовлетвориться сходными (практически одинаковыми) определениями их общих значений! Если же необходимость разграничения системы и традиционного употребления предполагает невозможность строгого выведения частных значений из общего, в таком случае от данного метода следует отказаться, так как из-за него концепция ОЗ оказывается лишенной связи с опытом и становится неконтролируемой¹⁶.

Отдельные случаи, однако, показывают, что идея разграничения системы и традиционного употребления (узуса) в данном отношении может содержать рациональное ядро. Как известно, на чешских конвертах имя адресата пишется в именительном падеже, тогда как на русских обычно в дательном. Это соотношение могло бы быть обратным, но в результате этого ничего бы не изменилось. Точно так же, например, в украинском языке в отличие от других славянских языков в определениях глагол *бути* употребляется в форме будущего времени и т. д.

Различные явления, например различные частные значения одной и той же граммемы, связаны друг с другом также в различной степени. Об этом свидетельствуют прежде всего различия между диалектами одного языка и между родственными языками, далее, возможность взаимного влияния языков. Ср., например, изменения в управлении чешского глагола *pracovat* за последние сто лет: *pracovat o* + местный падеж, *na* + местный падеж (нем. *arbeiten an...*), *nad* + творительный падеж (рус. *работать над...*). Было бы, однако, бесполезно пытаться разорвать где-то ряд, по всей видимости, весьма плавный,

и в духе отживающего свой век пристрастия к классификациям в лингвистике¹⁷ провозгласить: здесь кончается система и начинается узус; скорее следовало бы стремиться определить, насколько тесны связи между отдельными явлениями. Это заставляет полагать, что и при максимальной эксплицитности ранее созданных описаний значений падежей с позиций концепции ОЗ можно было бы обосновать «выведение» определенного ядра частных значений, остальные же счесть «остаточным явлением» из области узуса.

4. Если для концепции ОЗ и намечаются какие-то возможности развития¹⁸, хотелось бы пожелать, чтобы новые теории не унаследовали слабых мест прежней концепции.

Допустим, что анализ языков, предпринимаемый на основе концепции ОЗ, был бы настолько точным, что общие значения граммем хотя и оставались бы по-прежнему слишком «расширены» (в смысле изложенного в п. 2.5.2), но появилась бы возможность не только выводить регистрируемые частные значения, но и устанавливать выводимость частных значений, не реализованных в исследуемом языке (см. примеры из п. 2.5.2), а также определять, какие из этих потенциальных значений «заняты», «заполнены» особыми средствами, или средствами с иной мотивацией, а какие не реализовались по другим причинам. Если же при этом проследить закономерности или тенденции реализации потенциальных частных значений и соответствия между реализацией частных значений у различных граммем, то такое исследование было бы достаточно близко тому, схема которого была нами намечена специально для значений падежей¹⁹. Его общая направленность станет очевидна из следующего примера. При выражении так называемого предмета сравнения в конструкциях со значением сравнения разных величин (А больше Б) в различных языках сам предмет сигнализируется либо средством целиком или почти целиком специфическим, как англ. *than*, рус. *чем* или же чеш. *peř*, либо средством, которое выступает и в других значениях. В последнем случае это средство либо с достаточно общей семантической функцией (ср. слов. *ako*, чеш. разг. *jak*), либо — в большинстве остальных случаев — с таким содержанием как, например, удаление (ср. польск. и словацк. диал. *od* + родительный падеж), пространственное выделение (ср. чеш. *nad* + творительный падеж), пространственная близость (ср. венгр. *nál/nél* — *около*), отрицание (ср. латыш. *ne*) и некоторые др. Такие «несобственные» средства в определенном смысле вполне естественны для сигнализации предмета сравнения, и подобные естественные соответствия необходимо анализировать и объяснять.

Таким образом, данный подход существенно отличается от концепции ОЗ. В изложенных нами принципах хотя и не затронут вопрос о возможности учета выявленных и объясненных тенденций при описании отдельных языков, однако выведение «частных» значений вполне однозначно понимается не как результат авто-

номного исследования отдельного языка, но как объяснение тенденций, которые носят в принципе тот же характер, что и закономерности, часто называемые языковыми универсалиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Оставляем без внимания вопрос, можно ли выделять также и «свободные» частные значения.
- ² Jakobson R. Beitrag zur allgemeinem Kasuslehre. — In: Travaux du Cercle linguistiques de Prague 6, 1936, s. 244 (перепеч.: Jakobson R. Selected Writings II. The Hague—Paris, 1971, p. 27).
- ³ Dokulil M. K otázce morfologických protikladů. — Slovo a Slovesnost 19, 1958, s. 81—100.
- ⁴ Heisenberg W. Fyzika a filozofie (Překlad z němčiny). Praha, 1966, s. 122—137.
- ⁵ См. библиографию: Oliverius Z. F. A Contribution to the Semantic Analysis of Russian Affixal Morphemes (On the Material of Russian Cases and Prefixes). — In: The Slavic Word. Proceedings of the International Slavistic Colloquium at UCLA. Sept. 11—16. Paris, 1970; 1972, p. 115—116.
- ⁶ Romportl M. Zvukový rozbor ruštiny. Acta Universitatis Carolina, Philologica III. Praha, 1962, s. 156—158.
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 384.
- ⁸ Концепцию ОЗ для лексики и для грамматики отверг в свое время Е. Курилович. См.: Курилович Е. Заметки о значении слов. — Вopr. языкознания, 1955, № 3, с. 73—81 (перепеч.: Esquisses linguistiques. Wrocław—Kraków, 1960, s. 172—181). Однако аргументация автора отличается от нашей.
- ⁹ Bar-Hillel Y. Prerequisite for Rational Philosophical Discussion. Synthese 12, 1960, p. 328—362.
- ¹⁰ Ср.: Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, с. 18.
- ¹¹ Waugh L. R. Roman Jakobson's Science of Language. Lisse, 1976, p. 72—73.
- ¹² Poldauf I., Sprunk K. Čeština jazyk cizí. Praha, 1968, s. 262.
- ¹³ «В(одительном) постоянно налицо установка на пределы участия обозначенного предмета в содержании высказывания». Якобсон Р. Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм). — In: American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. The Hague, 1958, p. 129 (перепеч.: Jakobson R. Selected Writings II. The Hague—Paris, 1971, p. 156).
- ¹⁴ Novák P. O «klamu» gramatické formy. — Slovo a Slovesnost 34, 1973, s. 147.
- ¹⁵ Ср. наиболее убедительные доводы в кн.: Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., 1966, с. 117.
- ¹⁶ Подобный случай был бы в лингвистике не единственным. Признание необходимости определенных ограничений выступает обычно как отрицание или отказ от решения проблемы.
- ¹⁷ До сих пор чаще ставится вопрос, что продуктивно и что нет, тогда как более правомерен вопрос, что более и что менее продуктивно (аналогично: мотивировано, идиоматично, автосемантически и т. д.).
- ¹⁸ Veurenc J. Structure aléatoire de l'énoncé minimum: syntaxe du préverbe en russe. — In: Otázky slovanské syntaxe II. Brno, 1968, s. 269—276; Bar-Lev Z. Spatial Relations. — Folia linguistica 10, 1976, p. 263—276.
- ¹⁹ Novák P. K lokalistickému pojetí pádů. — Slovo a Slovesnost 35, 1974, s. 256—260.

К ОСНОВАМ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ
ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ
РУССКОГО ЯЗЫКА

Характерной чертой лингвистики второй половины XX века является уровневый подход к языку. Достижение в изучении отдельных уровней находит свое приложение и в сопоставительных исследованиях: существуют сопоставительная фонетика, сопоставительная лексикология. И это понятно, поскольку фонетика оперирует единицами, лишенными самостоятельной значимости, а лексикология — единицами, значимость которых представляется вполне определенной. Характерно, однако, что сопоставительная лексикология, отталкиваясь от существа означаемых феноменов и связанных с ними понятий, неизбежно вторгается в область словообразования и синтаксиса. Ср., например, приставочное обозначение способов глагольного действия в русском языке и глагольные словосочетания, используемые для такой же цели во французском, или обозначение одного и того же феномена в разных языках с помощью слова или словосочетания: англ. *prime* — рус. *пора расцвета*, франц. *garagiste* — рус. *станция автообслуживания*, рус. *дача* — англ. *country house*, рус. *сутки* — англ. *twenty four hours*, франц. *vingt-quatre heures* или *jour et nuit*.

Представляется целесообразным в этой связи поставить вопрос о том, как должна выглядеть сопоставительная морфология и каким образом она может воспользоваться достижениями существующих описаний морфологического строя языков.

Грамматические категории, являющиеся, как известно, фундаментальными понятиями морфологии, представляют собой двустороннее единство формы и содержания. Кроме того, следует помнить, что представленные в существующих грамматиках русского языка категории выделены по формальному основанию.

Едва ли найдутся лингвисты, готовые отрицать тот факт, что основным свойством языкового знака является асимметричный дуализм. Применительно к грамматическим категориям это означает, что, будучи выделенными по формальному основанию, эти категории совсем не обязательно обладают симметричным их формальной организации значением. Тривиальным примером такой асимметрии является многозначность различных падежных форм в русском языке.

Так, например, родительный падеж в русском языке может иметь и субъектное значение (*забот хватает; времени нет; Народу!*), и объектное (*вестник победы, лишиться сна*), и определенное (*человек дела, метр ширины*). Характерно в этой свя-

зи следующее замечание Н. Ю. Шведовой: «...каждый падеж имеет несколько значений, организующихся в систему. Поэтому говорить о каком-то одном, едином, значении падежа, присутствующем во всех его синтаксических позициях и объединяющем все его употребления в некое семантическое ядро, нельзя»¹.

Поэтому при сопоставительном изучении морфологии языков принципиально возможны два пути: от формы грамматических категорий или от выражаемого ими значения. При сопоставлении морфологического строя близкородственных языков весьма плодотворным является сопоставление, идущее от формы. Так, например, употребление падежей в принципе одинаково в русском и чешском языках. В этом случае вполне допустимым является такое описание, при котором падежи сравниваются один с другим, причем от формы следует идти к их употреблению в русском и чешском языках. При этом будет установлено, что в обоих языках существуют тождественные значения, выражаемые, например, родительным или дательным падежом, хотя употребление этих падежей в соответствующих значениях будет представлено обоими языками в разных пропорциях. Однако путь «от формы» оказывается совершенно неприемлемым, когда сопоставляются языки, обладающие существенными различиями в организации морфологической системы. Как может выглядеть, например, сопоставление русской падежной системы с болгарским, английским, французским и другими аналитическими языками? Или даже с немецким или венгерским, падежная система которых весьма отличается от русской? Как может выглядеть сопоставление болгарского пересказывательного наклонения с русским и другими языками, где такого наклонения нет? Как может выглядеть сопоставление системы времен испанского или немецкого с их «предпрошедшим» и «предбудущим», например, с русским языком и другими языками, где таких временных форм нет?

А как быть с артиклями, как, например, в английском, или членами, как, например, в болгарском, не имеющими грамматических аналогов в других языках, как в русском, например? А как быть со славянским видом, существование которого, например, в английском, французском или немецком более чем проблематично? Список подобных вопросов можно было бы легко продолжить.

Из сказанного следует, что морфология, построенная «от формы к содержанию», может служить основой для сопоставления лишь близкородственных языков. Для сопоставления пусть и генетически родственных, но типологически различных языков такая морфология не годится. Указанная ситуация неизбежно приводит к необходимости использовать в качестве основы для сопоставления такую морфологию, которая была бы построена «от значения к форме». При этом, однако, не всегда можно воспользоваться теми общими, инвариантными значениями, которые обычно выделяются у морфологических категорий, построенных «от формы». В самом деле, как может быть основой для сопо-

ставления указание на предмет, отрицательно охарактеризованный по признакам «направленность действия», «объемность участия в действии», «периферийное положение в ситуации»?

Описание морфологии любого языка, в частности русского, должно отвечать на вопрос: какой именно вклад в общее значение того или иного предложения вносит соответствующий морфологический показатель? При чем здесь могут встретиться два полярных случая: 1) соответствующий морфологический показатель не вносит никакого содержательного вклада в значение предложения, 2) благодаря соответствующему морфологическому показателю предложение получает определенный смысл. В первом случае замена соответствующего морфологического показателя приводит к нарушению правил связи между словоформами в предложении. Во втором — изменяется самый смысл предложения. При этом деление по обеим рубрикам не совпадает с делением на категории, а может проходить внутри самих категорий. Так, например, категория рода прилагательных, реализуясь в сочетаниях с неодушевленными существительными, содержательно пуста. В словосочетаниях *красивый путь, красивая дорога, красивое шоссе* замена родовой формы прилагательного привела бы к нарушению правил связи между словоформами, но не повлияла бы на значение словосочетания. Другое дело — та же категория, реализующаяся в сочетаниях с одушевленными существительными общего рода. Оба словосочетания *ужасный забияка* и *ужасная забияка* построены в соответствии с существующими в русском языке правилами связи. Различие между обоими словосочетаниями — содержательное: первое указывает на лицо мужского пола, второе — на лицо женского пола.

С другой стороны, очевидно, что противопоставление по наклонению, виду или времени в русском языке содержательно наполнено. Однако существуют такие условия, в которых семантика такого противопоставления оказывается снятой, нейтрализованной. Представляется, что морфология русского языка должна быть менее ориентирована на то, чтобы отыскивать некоторое общее, инвариантное значение у тех или иных категорий². Использование такого инварианта для сопоставления русского языка с другими практически возможно лишь в тех редких случаях, когда и в сопоставляемом языке соответствующая категория существует и принадлежит также морфологии, устроена примерно таким же образом. Для русской морфологии, способной служить целям сопоставительного изучения языков, важно не решение вопроса о том, какое значение формы настоящего времени глагола, например, является главным и инвариантным и т. п., а выяснение тех конкретных условий, в которых выступает настоящее актуальное, настоящее постоянное и т. п.

Процедура «открытия» конкретных номинативных значений грамматических показателей опирается на зависимость их значения от синтагматических условий. Известно, что морфологические показатели не употребляются самостоятельно, а постоянно объ-

единены по крайней мере с лексическим значением. Именно оно оказывает существенное воздействие на значение самого грамматического показателя. Так, например, различается значение совершенного вида у глаголов, обозначающих различные виды действий. Глаголы совершенного вида, обозначающие такие действия, начало которых не гарантирует успешного завершения этих действий, указывают на результативность этих действий. Именно такое значение имеют показатели совершенного вида у глаголов *построить*, *написать*, *прочитать* и т. п. Глаголы совершенного вида, обозначающие такие действия, само начало которых является их завершением, указывают на однократность этих действий. Именно такое значение имеют показатели совершенного вида у глаголов *поцеловать*, *навестить*, *устать* и т. п. Лексическое значение существительного также является в большинстве случаев причиной семантического опустошения грамматического показателя числа. Ср. принадлежащие к одним и тем же семантическим группам лексемы *сброд* и *помои* (собирательность), *паника* и *хлопоты* (состояние), *сметана* и *сливки* (вещества), *Черемушки* и *Измайлово* (топонимы), *казаки-разбойники* и *преферанс* (название игр), где ни множественное, ни единственное число номинативного значения не имеют.

Приобретение грамматическим показателем нового значения может быть обусловлено и значением единиц, сосуществующим с этим показателем не только в пределах словоформы, но и в составе предложения. Так, например, Т. В. Булыгина убедительно объясняет, какие характеристики лексем, входящих в предложение *Хороший кондитер не жарит хворост на газовой плите*, обуславливают то, что показатель настоящего времени глагола указывает на «вневременное настоящее»³.

При определении того конкретного номинативного значения, которое получает в предложении тот или иной морфологический показатель, следует учитывать наблюдения Л. В. Щербы, утверждающего, что, во-первых, при сложении смыслов могут возникать новые смыслы, а во-вторых, некоторые смыслы могут оказаться «лишними». К значениям, выражаемым грамматическими показателями, это относится в полной мере. В самом деле, в предложении *Я запер его в сарае* так называемое перфектное значение возникает как результат сложения грамматических значений прошедшего времени, совершенного вида и лексического значения «конструктивного» действия. В предложении *Пришли пятеро молодых людей* значение множественности субъектов действия выражено четырежды: конкретно числительным и неопределенно грамматическим числом глагола, прилагательного и существительного.

Понимая значение предложения в целом и разложив его на лексические и грамматические единицы, лингвист определяет следующее: какая именно содержательная часть целого заключена в соответствующем лексическом и грамматическом отрезке, какая содержательная часть целого не представлена ими вовсе, являясь

в целом результатом взаимодействия отрезков, какая содержательная часть целого представлена в частях не один-единственный раз. Прежде всего лингвист определяет, что может означать словоформа, взятая сама по себе, в изолированном употреблении. Затем соотносит это определение с тем содержанием, которое приходится на долю этой словоформы в данном предложении, выявляя причины устранения многозначности, появления в целом значения, отсутствующего в частях, или повторения в частях одних и тех же значений. Взаимодействие лексических и грамматических значений приводит к необходимости замены одних словоформ другими для правильного определения того вклада, который вносит в общий смысл именно грамматика. Определение конкретного вклада лексики достигается путем замены лексем.

Однако вернемся к предложению *Я запер его в сарае*, в котором сообщается об однократном, результативном действии в прошлом, последствия которого налицо в настоящем. За счет чего созданы эти значения? За счет формы прошедшего времени (ср. *запру*), совершенного вида (ср. *запираю*), «конструктивного» глагола (ср. *видел*). При этом нулевой показатель прошедшего времени указывает на действие в прошлом, нулевой показатель совершенного вида благодаря лексическому значению глагола указывает на оба значения, присущие совершенному виду — однократность и результативность, — а значение «перфектности» возникает как результат сложения всех трех факторов — времени, вида и лексики. Характерно, что значение, выражаемое собственно совершенным видом, могло бы быть в словоформе *запер* сужено, если бы она выступала, например, в предложении *Однажды я запер его в сарае*. В предложении *Пришли пятеро молодых людей* сообщается о множественности субъектов действия. Конечно, главная роль в указании на эту множественность за числительным (ср. предложение *Прийти бы пяти такси беж*, где иные средства указания на количество устранены). Однако это не означает, что морфологические показатели глагола, существительного и прилагательного не указывают на число субъектов действия (ср.: *Пришли кимоно беж; Прийти бы хорошим рефери; Прийти бы письмам авиа*).

Таким образом, морфологические показатели в русском языке могут иметь довольно широкий диапазон конкретных значений, и только их конкретное выявление может послужить основой такой морфологии, которая может быть использована для сопоставительного изучения русского и иных, в том числе и весьма далеких от русского, языков.

Рассмотрим это обстоятельство более подробно на примере категории падежа.

Как показали А. И. Колмогоров, В. А. Успенский и А. А. Зализняк, традиционные русские (и не только русские) падежи могут быть получены в результате процедуры, опирающейся на форму выражения⁴.

Показатель падежа, как и все грамматические показатели, вы-

ступает всегда вместе с лексическим значением слова. Кроме того, поскольку падеж обозначает отношение, то на характер этого отношения влияет также и лексическое наполнение того слова или предложения, к которому относится соответствующая падежная форма⁵. Более того, падежный показатель существительного выступает часто вместе с предлогом, который в свою очередь также участвует в формировании отношений между падежной словоформой и подчиняющим ее словом.

Представляется, однако, что вопрос о взаимодействии значений предлогов и падежных показателей не получил еще исчерпывающего объяснения. Дело в том, что здесь представлены два полярных случая. В первом — предлог определяет характер отношений между падежной словоформой и подчиняющим словом, а падежный показатель выполняет лишь чисто связывающую функцию. Ср., например, *выехал из Новосибирска, Москвы*, но и *из Токио, Катманду, Сан-Франциско*, а также *из Бирюлево (Бирюлева), Нагатино (Нагатина)*. Во втором случае предлог сам по себе десемантизирован и лишь вместе с падежным показателем указывает на отношение между главным и подчиненным словом. Ср., например, *нападать на неприятеля* и *атаковать неприятеля*, *верить в приметы* и *верить приметам*, *думать о будущем* и *обдумывать будущее*, *посмотреть на сына* и *увидеть сына* и т. п. Как известно, Е. Курилович полагал, что падежная форма с предлогом образует одну дистантно расположенную морфему (наподобие окончаний в русских формах типа *пятьюдесятью* или *ста двадцати двум*)⁶. По-видимому, это полностью можно отнести к обоим случаям с той лишь разницей, что в первом случае разорванная морфема указывает на обстоятельственные отношения, а во втором — на субъектно-объектные. Следовательно, можно утверждать, что субъектно-объектные отношения могут выражаться в русском языке не только с помощью падежных показателей, но и с помощью предлогов с падежными показателями. Причем в последнем случае предлоги лишены того конкретного значения, которое они имеют, выражая различного рода обстоятельственные отношения.

Периферийным средством выражения субъектно-объектных отношений является в русском языке порядок слов. В случае омонимии падежных форм субъект обычно находится перед сказуемым, а объект — после сказуемого: *Мать любит дочь*; *Болото окружает лес*; *День сменяет ночь*. Впрочем, эта закономерность носит в русском языке лишь вероятностный характер: нет никаких оснований, запрещающих видеть в последних словоформах приведенных предложений обозначения субъектов действия, а в первых — его объектов: ср., например, *мать любит дочь*, а не *сын*.

Итак, в русском языке для обозначения субъектно-объектных отношений могут быть использованы различные средства: I — падежная форма, II — предложно-падежная форма, III — порядок слов (в качестве вероятностного средства при омонимии форм, указывающих на субъект и объект). Для обозначения пред-

мого объекта действия в русском языке могут быть использованы следующие падежные формы: 1) именительный падеж (*будут строиться рабочими*), 2) родительный падеж (*чтение книги, коснуться руки*), 3) дательный падеж (*куренье вредит здоровью*), 4) винительный падеж (*читать книгу*), 5) творительный падеж (*командовать полком*) и следующие предложно-падежные формы: 1) *в*+винительный падеж (*верить в победу*), 2) *на*+винительный падеж (*надеяться на удачу, рассчитывать на понимание*), 3) *о*+предложный падеж (*говорить о делах, жалеть о содеянном*) и некоторые другие.

Сопоставляя русские средства выражения значения объекта действия со служащими для этой же цели средствами других языков, можно сделать различные выводы. При сопоставлении с английским языком, например, становится очевидным, что в этом языке главным средством выражения субъекта действия является порядок слов (средство весьма периферийное в русском языке), а способ выражения падежных форм (главное средство в русском языке) существен лишь для местоименных существительных. При сопоставлении с имеющими формы падежа славянскими языками наиболее существенно их сходство с русским языком в обозначении субъекта действия. Однако при сопоставлении как с более, так и с менее родственными языками обращает на себя внимание наличие или отсутствие конкретных сходств в обозначении прямого объекта после соответствующих предикатных слов. Особенно ярко это обстоятельство проявляется в тех случаях, когда языки используют для обозначения объекта действия предложно-падежные формы: ср. рус. *верить в ...*, англ. *believe in ...*, чеш. *věřiti v koho, co ...*; рус. *надеяться на ...*, англ. *hope for ...*, чеш. *spoléhati na koho ...*; рус. *зависеть от ...*, англ. *depend on ...*, чеш. *záviset na kom, čem ...*

Выявление инвентаря средств, способных выражать значение, а также общее определение области функционирования каждого из этих средств, не означает еще завершения сопоставительного исследования.

Укажем два следующих аспекта. I. В русском языке при обозначении объекта действия часто действуют принудительные лексико-синтаксические связи, которые могут не соответствовать этим же связям в сопоставляемом языке. Так, например, русский глагол *зависеть* не употребляется без объекта, а его английский эквивалент *depend* легко употребляется.

II. В русском языке существует широкая область, в которой возможно употребление различных средств, причем употребление этих средств может быть и нейтральным (ср., например, *простить кому и кого*), и стилистически нагруженным. Ср., например, нейтральное *Мы купили две книги* (объект в постпозиции выражен винительным падежом) и разговорное *Книг мы купили две* (объект в препозиции выражен родительным падежом) или современное *покровительствовать кому* и архаичное *покровительствовать кого*. Таким образом, при сопоставлении «от значения»

необходимо учитывать не только одно-единственное средство, существующее для выражения заданного номинативного значения, но и ту субъективную окраску, какую говорящий хочет присоединить к этому значению, и все те средства, какими располагает язык как для воплощения данного номинативного значения, так и сопровождающего его субъективного намерения. Однако это — темы уже другой работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Русская грамматика. М., 1980, с. 482—483.
- ² Jakobson R. Beitrag zur algerneinem Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. — In: Travaux du Cercle Linguistique de Prague 6, Prague, 1936.
- ³ Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 343—350.
- ⁴ См.: Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967, с. 36—52.
- ⁵ См.: Шведова Н. Ю. Дихотомия «присловные — неприсловные падежи» в ее отношении к категориям семантической структуры предложения. — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб-Люблина. Сентябрь 1978. Доклады советской делегации. М., 1978.
- ⁶ Kuryłowicz J. Le problème du classement des cas. Exquisses linguistiques. Wrocław—Kraków, 1960.

ПРОБЛЕМАТИКА ТРАНСПОЗИЦИИ
ФОРМ НАКЛОНЕНИЙ
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

(на материале чешского и русского языков)

Статья посвящена проблемам синхронной транспозиции форм наклонений, поэтому в ней рассматриваются общие линии направления транспозиции в чешском и русском языках, функциональные границы и объем употребления транспонированных форм указанных категорий глагола, случаи их совпадений и различий. Однако следует помнить, что понятие транспозиции в лингвистике еще не получило однозначного толкования. Так, если в русской грамматической традиции бытует преимущественно узкое понимание транспозиции как транспозиции грамматических форм, то в ряде работ зарубежных лингвистов предлагается более широкое понимание этого явления. В этом отношении наибольший интерес представляет статья О. Лешки «К вопросу о так называемой транспозиции», в которой автор выделяет четыре типа транспозиции¹: 1) транспозицию частей речи; 2) транспозицию членов предложения; 3) транспозицию функций и 4) контрастивную транспозицию.

Сущность указанных типов транспозиции сводится к следующему. При транспозиции частей речи мы имеем дело с выражением одного и того же вещественного содержания различными категориями, например, *нежный* → *нежность*, *голубой* → *голубизна* и т. д. Таким образом, в примерах типа *bílý*, *bělost*, *bíle*, *bílit* — *белый*, *белизна*, *бело*, *белить* одно и то же вещественное содержание выражается либо в форме признака *bílý* — *белый*, либо в форме опредмеченного признака *bělost* — *белизна*, либо в форме признака *bíle* — *бело*, либо, наконец, в категории действия *bílit* — *белить*.

В случае транспозиции членов предложения речь идет о том, что одна и та же вещественная информация, содержащаяся в нескольких высказываниях, в зависимости от типа высказывания по-разному распределяется между членами предложения. Ср.: *От кашля принимайте эти капли.* — *Капли от кашля принимайте три раза в день.* — *Эти капли от кашля.* Таким образом, сущность транспозиции членов предложений заключается в переносе одного и того же вещественного содержания из одной синтаксической позиции в другую без изменения их формальной выраженности.

Третий тип транспозиции, по терминологии О. Лешки, — это транспозиция функций. Основу этого вида транспозиции создает переносное употребление одних грамматических форм в функции

других, например, употребление форм настоящего времени в функции будущего: *Zitra jedu do Kijeva.* — *Завтра я еду в Киев*; употребление индикатива в функции императива: *Půjdeš a uděláš to!* — *Ты пойдешь и сделаешь это!* и т. д.

О транспозиции грамматических категорий и их граммем (форм) мы говорим тогда, когда та или иная грамматическая форма совпадает со значением другой, существующей в языке формой, то есть когда образуется семантическое отношение между данной грамматической формой и другой, повторяемой в системе языка.

Четвертый тип транспозиции, по терминологии О. Лешки, — это транспозиция контрастивная. В этом случае высказывание говорящего относится к таким явлениям действительности, которые по своему содержанию прямо противоположны тому, о чем говорится в высказывании, например: *Tys nám ještě chyběl!* — *Тебя нам еще не хватало!* В подобных случаях речь идет о так называемой транспозиции форм положительного утверждения в области эмоционального отрицания. В качестве транспонируемого знака здесь выступает целое высказывание. Экспрессивный эффект создается благодаря предметной соотносительности между двумя контрастивными высказываниями, а также многообразием интонаций, сопровождающих то или иное высказывание.

Транспозиция частей речи и членов предложения, как справедливо замечает автор, способствует дальнейшей интеллектуализации речи говорящих на данном языке, является средством более глубокого логического анализа, а поэтому в большинстве случаев выступает в качестве нейтральных в эмоциональном отношении немаркированных вариантов.

Указанные типы транспозиций отражают разного рода словообразовательные процессы и синтаксические трансформации, характеризующие структурные особенности частей речи и строения предложения. Эти типы транспозиций в данной статье не рассматриваются. В центре наших интересов находятся, главным образом, транспозиция функций, а в ряде случаев — и транспозиция целых модальных схем.

Почему важно изучение транспозиции функций грамматических категорий вообще и транспозиции наклонений, в частности? Определение механизма транспозиции функций в славянских языках позволяет глубже раскрыть комплекс языковых средств, служащих для неоднозначного выражения сложной языковой действительности, в которой транспозиция занимает свое особое место. Так как направление и объем транспозиции в разных языках имеет не только сходства, но и различия, изучение механизма транспозиции существенно важно не только для характеристики специфических особенностей функционирования грамматических категорий, но и для характеристики структуры отдельных уровней языка, а в конечном счете — для языковой системы в целом.

При рассмотрении проблем, связанных с транспозицией грамматических категорий, встает вопрос о соотношении отдельных

компонентов языковой структуры, а также об отношении языковых средств к отражаемой языком неязыковой действительности.

Для решения проблематики транспозиции функций весьма существенным является вопрос об отношении транспозиции к плану стилистическому, о соотношенности понятия «транспозиция» с категориями «экспрессивность» и «эмоциональность». Транспозиция функций и контрастивная транспозиция тесно связаны с экспрессивностью как языковым отражением говорящим своего эмоционального отношения к сообщенным фактам действительности.

Транспонированные формы осознаются говорящим как эмоционально мотивированные актуализации по сравнению с их нейтральными нетранспонированными функциональными вариантами. Ср., например, нейтральное употребление императива в прямой побудительной функции: *Vrat' mi tu knihu!* — *Верни мне эту книгу!* и стилистически маркированное употребление индикатива во вторичной функции: *Vrátíš mi tu knihu!* — *Ты вернешь мне эту книгу!* Ср. аналогичное употребление форм индикатива и кондиционала (сослагательного наклонения): *Nerozlij. to mléko!* — *Не разлей молоко!* и *Ne abys rozlil to mléko!* — *Смотри, не разлей молоко!*

Со стилистической маркированностью транспонированных форм категорий связан также вопрос о вариативности и синонимичности языковых средств. Необходимо принимать во внимание, что употребление любой грамматической формы во вторичной функции приводит к возникновению в языке целого ряда грамматических синонимов, которые, выражая одно и то же предметное содержание, различным образом переkreщиваются и дополняют друг друга. Однако при этом следует помнить, что члены синонимического ряда, употребленные в прямом и секундарном значении, не являются однородными в стилистическом отношении и что выбор того или иного синонима стилистически и контекстуально мотивирован. Поскольку стилистическая стратификация даже родственных языков, как правило, не совпадает, постольку изучение функционирования категорий в условиях стилистически маркированного контекста представляет особую важность и сложность.

Для определения той роли, которую в системе языка играет транспозиция, важно также решение вопроса о соотношении вторичности функций и категории «избыточности». Расширенное употребление грамматических категорий и их форм, приводящее к возникновению вторичных функций и вторичных значений, а также самая высокая степень развития секундарности — транспозиция форм — не могут рассматриваться как избыточные языковые явления. Развитие вторичных функций и транспозиция форм являются одним из путей обогащения инвентаря грамматических средств. Они обеспечивают возможность более точного, рационального и стилистически адекватного коммуникативному намерению говорящего способа выражения. Ведь если бы грам-

матические формы выступали в языке только в одной первичной, основной функции, выражая лишь те значения, постоянным носителем которых они являются, потребовалось бы столько грамматических форм, сколько существует функций. В языке же происходит иначе: возможность выражения тождественных значений при помощи первичных и вторичных функций одних и тех же категорий и их форм свидетельствует о гибкости языка и его экономности в использовании своих средств. Поэтому развитие у грамматических категорий и их форм вторичных функций является как бы компромиссом между вечным стремлением языка к обновлению и его защитной реакцией на возможность появления большего числа новых форм².

Кроме того, транспозиция функций, как и контрастивная транспозиция, является одним из выразительных средств стилистического обогащения языка.

Все это является свидетельством необходимости изучения проблематики секундарных функций и транспозиции форм, изучения типов контекстов и конситуаций, в которых указанные явления развиваются.

В связи с признанием необходимости изучения типов контекста, нельзя не признать справедливость общего, высказанного Е. Беличевой-Кржижковой суждения, что, «сопоставляя все засвидетельствованные позиции, можно выделить такие позиции (контексты), в которых представлена лишь одна форма, и позиции (контексты) с сосуществующими по крайней мере двумя формами, то есть позиции с первичным употреблением одной формы и вторичным употреблением другой, относящихся к той же неязыковой действительности...»³.

Суть транспозиции функции заключается в том, что те или иные грамматические категории и их грамемы/формы выступают в переносном значении. Транспозиция осуществляется в определенных типах контекста при обязательном сохранении инвариантного значения транспонированных форм. Таким образом, в определенных условиях контекста, транспозиция является одним из случаев варьирования, то есть способностью к взаимной заменяемости грамматических форм с учетом коммуникативной направленности высказывания.

Как уже указывалось, изучение транспозиции функций или переносного употребления грамматических форм предполагает установление инвариантного значения, которое при транспозиции сохраняется. В то же время транспозиция по своему существу отличается от частных, контекстуально обусловленных значений, возникающих в различных условиях употребления форм. Явление транспозиции следует отграничивать также от нейтрализации и омосемии форм. Отличие транспозиции от нейтрализации достаточно точно было определено Е. Беличевой-Кржижковой, которая доказала, что «в случае транспозиции переносно употребляются как раз те значения, которые в позиции нейтрализации нейтрализуются»⁴.

Разграничение понятий транспозиции и омосемии на материале русского языка убедительно показала Д. Станишева⁵, которая подчеркнула следующие существенные моменты отличий:

1. Омосемия характеризуется наличием нескольких означающих при одном означаемом и фактом частичного тождества различных граммем; 2. При транспозиции граммем обязателен модальный эффект, который при омосемии никогда не выражается; 3. Транспозиция относится к явлениям, проявляющимся в плане содержания, омосемия отражает отношения структуры в плане выражения; 4. Наконец, транспозиция — это форма связи синтаксического и морфологического уровней языка; при омосемии проявляется связь синтаксического и лексического уровней.

При рассмотрении транспозиции форм грамматических категорий вообще и грамматической категории наклонения, в частности, существенным является также решение вопроса о том, какой смысловой элемент инвариантного значения и основной функции наклонения делает возможным его переносное употребление. Определение предпосылок транспозиции морфологических категорий дает ключ к пониманию транспозиции наклонений.

Некоторые исследователи считают, что транспонированное употребление форм категории наклонения имеет свое внутреннее обоснование в ее основном, непереносном значении. Основной смысловой элемент категории наклонения — модальность — является предпосылкой для употребления категории наклонения в переносной, вторичной функции. Система форм грамматической категории наклонения может выражать реальные действия — индикатив, потенциальные (возможные, а в отдельных условиях и реализуемые) — кондиционал/сослагательное наклонение, а также действия, еще не совершившиеся, но выражающие побуждение к действию (приказ, запрещение, требование и др.) — императив.

При транспозиции форм наклонения, и как следствие этого — транспозиция модальности, мы имеем дело с намеренным выражением усилия или уменьшения степени реальности действия (предиката или его признака)⁶, а тем самым и с изменением коммуникативного намерения говорящего, с его различным отношением к фактам объективной действительности. Следовательно, изучение транспозиции форм категории наклонения может помочь также более глубоко понять сущность категории модальности, средства выражения различных модальных планов и функционирование разных типов модальностей в сопоставляемых языках.

Поскольку под влиянием эмоционального фактора наблюдаются частые модификации в модальном статусе предложений, которые проявляются в употреблении частиц, в варьировании типов конечной интонации и особенно в транспозиции глагольных наклонений⁷, постольку считаем необходимым подчеркнуть, во-первых, связь и взаимообусловленность планов модального и эмоционального, а во-вторых, их влияние на выбор эксцерптируемой

литературы для целей нашего исследования. Эксцерпции проводились из произведений художественной литературы, главным образом, последних десятилетий XX века. Выбор литературы не был произвольным. Он определялся эмоциональной направленностью произведений, степенью выраженности отношения говорящего к реальности/нереальности сообщаемого, наличием в тексте эмоционально-мотивированных актуализаций, грамматических (морфологических и синтаксических) элементов, характеризующих живую, разговорную, спонтанную речь. Эксцерпции производились из произведений Яна Козака⁸, Й. Рыбака⁹, Я. Отченашека¹⁰, Й. Марека¹¹ и К. Чапека¹².

В романе «Святой Михаил» Я. Козак с юмором и знанием характеров людей рассказывает о личных судьбах и общих заботах жителей колхозной деревни, о трудностях их будней и радостях отдыха. Язык романа, простой и ясный, отражает особенности живой обиходно-разговорной речи простых людей.

В сборнике рассказов «Уроки для босоногих» Й. Рыбака описываются невинные проказы и приключения детей из бедных семей. За веселыми приключениями скрыты большие и маленькие драмы, трагедии бедности, войны и бессмысленных смертей. Свежесть, правдивость и эмоциональность сюжетов, теплое отношение автора к детям делают эту книгу благодарным материалом для изучения поставленных проблем.

Новелла Я. Отченашека «Ромео, Джульетта и темнота» построена, главным образом, на диалогах двух молодых людей, трагическая любовь которых во время оккупации предопределяет высокое эмоциональное напряжение всего повествования.

«Паноптикум города Праги» Й. Марека — это серия детективных рассказов, отражающих языковые особенности народно-разговорной речи и жаргона деклассированных элементов.

В эксцерпциях из произведений К. Чапека («Рассказы из обоих карманов») широко представлены особенности как чешского литературного разговорного языка, так и обиходно-разговорного. Кроме того, нами широко привлекался материал чешской живой разговорной речи (записи устной речи, опрос информантов)¹³.

Как уже указывалось, в статье делается попытка синхронного описания направления и объема транспозиции форм наклонений в чешском и русском языках, но в ней не решаются вопросы диахронической транспозиции и установления исторических связей транспонированных форм с первичным значением описываемых категорий, хотя в ряде случаев эта связь легко просматривается и на современном синхронном срезе.

В специальной литературе уже отмечалось, что одни категории подвергаются транспозиции легче, чем другие, а некоторые категории ей как будто совсем не поддаются. Легче всего поддаются транспозиции категории, члены которых внутренне так или иначе связаны с говорящим, средоточием которых является как бы он сам, его оценка реальности или нереальности действий,

момент речи. Это в первую очередь категория лица, времени и наклонения¹⁴.

Важно подчеркнуть, что при определении характера модальности, эмоциональности и экспрессивности изучаемых категорий важно принимать во внимание не только характер отдельных извлечений из текстов, но и более широкий контекст. При изучении направления транспозиции форм наклонения нами принимались во внимание также следующие грамматические и семантические факторы: употребление положительной или отрицательной формы и вида глаголов, их лексическое значение и отнесенность к той или иной семантической группе, лексическая связанность или свободное наполнение конструкций (случаи лексикализации и фразеологизации), экспрессивность глагольной семантики и всего высказывания в целом, синтаксические связи и дистрибуция глагольных форм, случаи цитатного употребления, узуальность функционирования категории и некоторые другие факторы.

В связи с этим считаем необходимым подчеркнуть, что при выявлении межъязыковой (в нашем случае чешско-русской) эквивалентности нами использовалось понятие типového функционально-семантического эквивалента, который не отражает случаи индивидуального или окказионального употребления, а также различных находок переводчика, но представляет собой постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста.

Типовой функционально-семантический эквивалент, по нашему мнению, отличается следующими особенностями: 1) содержательной тождественностью слова, словосочетания или высказывания как в языке оригинала, так и в языке перевода; 2) тождественностью выражаемых отношений (например, модальных, временных, причинных и т. д.) при необязательности морфологического тождества. Ср.: *Měl by ses léčit!* — *Тебе бы следовало лечиться!*; 3) регулярной употребительностью и узуальностью эквивалентных единиц в сопоставляемых языках; 4) их стилистической адекватностью. Ср.: *Já mít peníze...* — *Будь у меня деньги...*

Указанные выше критерии выделения межъязыковых типовых функционально-семантических эквивалентов кладутся в основу описания и подтверждаются достаточным количеством фактического материала. При этом следует иметь в виду, что конкретный перевод, выполненный переводчиком или самим исследователем, представляет собой лишь часть проблемы грамматических вариантов (нередко входящих в большой ряд грамматических синонимов).

Предваряя анализ конкретного материала, хотим подчеркнуть, что совпадение на уровне инвариантного значения, а также на уровне основных функций и даже частных значений при первичном, прямом употреблении грамматических категорий совсем не означает совпадения в направлении транспозиции форм тех же самых категорий и объема их вторичных функций и значений. Поэтому детальное изучение условий проявления транспозиции,

направления и объема этого явления в славянских языках представляется очень важным и для функционального анализа морфологических категорий.

В сопоставляемых родственных языках (чешском, русском, отчасти — словацком) мы находим много общего в направлении транспозиции форм разных наклонений: индикатива, кондиционала (в русском языке — сослагательного наклонения) и императива. Эта общность обусловлена тем, что семантические признаки разных наклонений перекрещиваются. Так, например, индикатив, обозначающий реальное действие, в определенных условиях может выражать также действие потенциальное, возможное, желательное, субъективное. Инвариантным значением кондиционала является выражение нереальности действия, но кондиционал употребляется при выражении побуждения, желания, совета и других потенциально осуществимых в будущем действий. Императив всегда выражает субъективное отношение к действию, что наряду с главным значением побуждения, которое представлено в преобладающем большинстве случаев¹⁵, не исключает его употребления для обозначения действий гипотетических, возможных, реально осуществимых. Таким образом, перекрещивание основных и частных функций и значений наклонений является предпосылкой, обуславливающей общие линии транспозиции их форм.

Однако наряду с общностью в направлении и объеме транспозиции рассматриваемых категорий представлены и различия. Эти различия мотивированы, главным образом, неодинаковой функциональной нагрузкой форм наклонений в отдельных славянских языках, неодинаковой стилистической стратификацией сфер их функционирования, различным узусом употребления, различным удельным весом тех или иных форм в ряду синонимических средств выражения. В связи с этим возникают вопросы свободного или несвободного варьирования транспонированных форм, обязательности или факультативности их употребления.

1. Доступными даже для визуального наблюдения являются следующие типы транспозиции наклонений в сопоставляемых языках: индикатив → императив, индикатив → кондиционал, кондиционал (сослагательное наклонение) → индикатив, кондиционал → императив. О двусторонней транспозиции (то есть о случаях двусторонней субституции одного наклонения другим) можно говорить в отношении форм индикатива и кондиционала в русском и чешском языках, индикатива и императива — в русском языке.

1. В обоих языках обычной является транспозиция форм индикатива будущего времени (реже — форм настоящего и прошедшего времени) в область употребления императива.

Ср.: Já vám hluboce zavázán. Napíjete se (Marek). — Я вам очень обязан. Выпьем (=Давайте выпьем); A pan Brůžek půjde omrknout jeho byt (Marek). — А пан Бружек пойдет осмотреть его квартиру; Nebudeme se pořád omlouvat, že? A budeme si tykat, ano Ester? (Otč). — Давайте не будем все время извиняться, да?

И давайте будем на «ты», так, Эстер?; Viš co, Brůžku! Ty se seber, jdi zpátky na svatbu a starému řekneš, že jsi ho na jeho adresu nepašel... а же ведеš о něco později (Marek). — Знаешь что, Бружек! Ты соберись, снова пойдешь на свадьбу, а старику скажешь, что по его адресу ты его не нашел и что ты приведешь (букв. ведешь) его немного позже.

Ср. также примеры из разговорного языка: *Dáš ty papíry s toho stolu! — Ты уберешь со стола эти бумаги!; Budeš už kopecně poslouchat! — Ты будешь, наконец, слушаться!; Přestaneš už brečet?! — Да перестанешь ты, наконец, реветь!; Táhneš, uličníku! — Давай отсюда, хулиган!*

Транспозиция индикатива в область употребления императива, как уже отмечалось, основана на стилизации фактического побуждения как действия, реализация которого на самом деле относится к будущему или которое осуществляется в настоящем: *Jdeme! — Идем!* или уже осуществилось в прошлом: *Pošli!*¹⁶.

1.2. Наряду с транспозицией положительных форм индикатива в область употребления императива в обоих языках наблюдается также транспозиция и отрицательных форм: Ср.: *Necháš toho psa na rokoji! (разг.) — Ты оставишь эту собаку в покое! (=оставь!); Neposadíte se zatím? (разг.) — Вы не присядите пока? (=Присядьте!).* Отрицательные транспонированные формы индикатива в приведенных и подобных случаях выражают ненастойчивое, вежливое побуждение, то есть значение, которое представляет собой смягчение императивной значимости категории и по сравнению с положительной формой глагола создает впечатление большей неопределенности.

Некоторые исследователи вопросов транспозиции уже подчеркивали, что транспозиция индикатива в область первичных функций императива нередко сопровождается субституцией побудительно-повествовательного предложения вопросительным¹⁷. При этом происходит не только изменение интонации, но и развитие различных эмоциональных оттенков (угрозы, предостережения, возмущения и просьбы). Ср. примеры: *Tak sedneš?! — Так ты сядешь?! (=Сядь, а то будет плохо); Nedáš mi toho dudlíka? (разг.) — Ты мне не дашь эту соску? (=Дай мне); A klíče se sebou nevezmete? — А ключи вы с собой не возьмете? (=Возьмите с собой ключи!)*

1.3. Транспозиция форм прошедшего времени индикатива в область употребления императива представлена незначительным количеством примеров. Ср. в рус.: *Пошли! Пошел вон!* В современном чешском языке имеются лишь некоторые архаизмы.

Однако наряду со сходствами в направлении транспозиции форм индикатива между русским и чешским языком имеются и значительные различия.

2.1. Так, формам 3-го лица ед. и мн. числа настоящего и будущего времени без повелительных частиц *ať, nechtě*, транспонированным в чешском языке в область первичных функций императива, в русском языке соответствуют либо эквивалентные фор-

мы сослагательного наклонения (с *чтоб*), либо инфинитивные конструкции с дательным лица, выражающие должностную модальность. Ср.: *Nikdo nebude opisovat!* — *Чтоб никто не списывал!* (=никто не должен списывать); *Všichni se za pět minut sejdou před vchodem.* — *Всем через пять минут собраться перед входом.* (=все должны собраться); *Nikdo se ani nehne.* — *Никому не шевелиться.* *Чтоб никто не шевелился.* (=никто не должен шевелиться).

В отличие от описательной и стилистически нейтральной формы настоящего/будущего времени 3-го лица ед. и мн. числа (с частицей *ať*), употребляющейся для выражения приказа, запрета и т. д., отличительной особенностью транспонированной формы 3-го лица без повелительных частиц является их стилистическая маркированность.

Приведенные выше и подобные примеры свидетельствуют о разной субституции в двух языках форм индикатива, о разной стилизации фактического побуждения, относящегося к плану будущего.

2.2. Неодинаковый результат транспозиции форм индикатива в чешском и русском языках представлен и в других случаях. Так, транспонированным формам 2-го лица ед. и мн. числа настоящего времени с частицей *ať*, которые широко употребляются в обиходно-разговорном чешском языке для выражения эмоционального приказа или запрета, в русском языке соответствуют преимущественно формы сослагательного наклонения, транспонированные в область императива (реже — формы повелительного наклонения). Ср. *Ať jsi hotov s úkoly než se vrátím!* — *Чтобы ты готов был с уроками к моему возвращению!*; *Ať zase nepřijdeš domů pozdě!* (разг.) — *Чтоб ты снова не пришел домой поздно!* (= *Не приходи домой снова поздно!*); *Ať jsi tu včas!* — *Чтоб ты был здесь вовремя*; *Ať zase nepřineseš z angličtiny pětku!* — *Смотри, не принеси снова двойку по английскому языку!* и т. д.

Употребление форм 2-го лица ед. и мн. числа может сопровождаться также употреблением функциональных междометий, соотносимых с формами императива, типа *koukej*, *hřed'*, *dělej* и др. Ср.: *Koukej, ať tam máš všecko v pořádku!* — *Смотри, чтоб у тебя там все было в порядке*; *Dělej, ať nepřijdeš pozdě!* — *Шевелись, чтоб не прийти поздно*; *Koukej (dělej), ať zmizíš!* — *Давай проваливай!*

Нередко в разговорном чешском языке формы 2-го лица ед. и мн. числа с частицей *ať* употребляются как бы в придаточном предложении (со значением цели) после главных предложений с императивными формами: *Zavři si kabelku, ať ji neztratíš!* — *Закрой сумку, чтоб не потерять ее!* (=смотри, не потеряй ее); *Vezměte si deštníky, ať nezmoknete!* (разг.) — *Возьмите зонтики, чтобы не промокнуть!*

В русском языке на уровне выражения аналогичные конструкции не употребляются. Функционально-семантическим эквивалентом здесь могут выступать либо придаточные предложения цели с союзом *чтобы*, либо описательные императивные конструкции с частицей *смотри не*.

2.3. В отличие от русского языка формы индикатива настоящего и будущего времени в чешском языке могут употребляться с частицей *ať* также и с 1-м лицом ед. и мн. числа. Функциональным русским эквивалентом и в этом случае являются формы сослагательного наклонения, реже — императива. Ср.: *Ať na tebe neslyším žádně stížnosti!* (разг.) — *Чтоб я не слышал на тебя никаких жалоб!*; *Ať tě nenajdu zase u televizoru!* (разг.) — *Чтоб я больше не видел тебя у телевизора!*; *Ať na tebe zase nemusíme čekat!* (разг.) — *Не заставляй себя ждать / Чтоб мы тебя больше не ждали!*

В русском языке подобное употребление единично, индивидуально, практически невозможно. Ср.: *Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо, пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я*, где употребление конструкции *пусть всегда буду я* вызвано предшествующим употреблением конструкции *пусть* + 3-е лицо ед. числа будущего времени индикатива.

2.4. Императивную значимость в обоих сопоставляемых языках имеют также эмоционально окрашенные развернутые вопросы с формами индикатива и с вопросительным словом *jak*. Ср.: *Jak to mluvíš?!* — *Как ты говоришь!* (=не говори так / так нельзя говорить); *Jak se chováte?!* — *Как вы ведете себя?* (=не ведите себя так / так нельзя себя вести). Однако в подобных случаях речь идет не только о транспозиции форм индикатива, но и о транспозиции целой модальной схемы предложения, то есть о контрастивной транспозиции.

Ввиду достаточно хорошей разработанности вопросов транспозиции временных форм в рамках индикатива, мы этого касаться не будем, но на некоторых моментах, однако, считаем целесообразным остановиться.

Прежде всего хотелось бы указать на неординарный объем транспонируемых форм настоящего времени в область употребления прошедшего времени глаголов совершенного и несовершенного вида в русском и чешском языках. В чешском языке обе разновидности настоящего исторического — настоящее историческое единичного действия и настоящее историческое повторяющихся действий — допускают широкое употребление презентных форм не только несовершенного, но и совершенного вида. В русском же языке настоящее историческое единичного действия допускает употребление презентных форм, как правило, несовершенного вида. Ср.: *Šel jen tak v kabátě, najednou pozdvihne hlavu, rozhlédne se* (Отč.). — *Он шел просто так в пальто, вдруг поднимает* (букв. поднимет) *голову, осматривается* (букв. осмотрится, посмотрит по сторонам)... Ср. также: *Je ticho. Eman tedy pokročil dál...* а

паједноу о пёсо закорпе (Marek). — Тишина. Эман пошел дальше и вдруг обо что-то споткнулся (букв. споткнется). В русском языке транспонированное употребление форм настоящего времени глаголов совершенного вида синтаксически связано и контекстуально обусловлено.

II. Вторым направлением в транспозиции форм наклонения является транспозиция кондиционала/сослагательного наклонения в чешском и русском языках, как в область индикатива (1), так и в область императива (2). И здесь можно говорить о сходствах и расхождениях. Сходства обусловлены функциональной близостью некоторых основных нетранспонированных значений этой категории, а различия — неодинаковым объемом транспонируемых моделей, которые отличаются в обоих языках модальным статусом высказываний, лексическим значением глаголов, словоупотреблением, употреблением частиц и др.

1.1. Транспозиция кондиционал → индикатив. В чешском языке транспозиция форм кондиционала представлена очень широко, поэтому трудно согласиться с чешскими авторами «Русской грамматики» (1979)¹⁸, которые утверждают, что в функциональном отношении различия между чешским и русским языками небольшие и касаются не столько качественной стороны типов употребления, сколько их наполнения и частных особенностей оформления. При этом приводятся примеры типа: *Ты бы не одолжил мне эту книгу?* — *Neřijčil bys mi tu knihu? / Půjčil bys mi tu knihu?*

Не касаясь формальных различий при выражении кондиционала и сослагательного наклонения в чешском и русском языках (в чешском языке находим маркированное по признаку отнесенности к прошлому прошедшее время кондиционала и немаркированное настоящее время), а также существенных различий категориальных структур, остановимся лишь на функциональном диапазоне форм кондиционала и сослагательного наклонения в сопоставляемых языках, а также на возможностях транспонирования функционально-семантических типов кондиционала и сослагательного наклонения в чешском и русском языках.

Предпосылкой для транспозиции форм кондиционала в область употребления индикатива является то, что характеристики действий по признаку реальности/нереальности, определенности/неопределенности, уверенности/неуверенности и пр. иногда бывает лабильными и нечетко отграниченными, поэтому в определенных условиях контекста, например, при выражении осторожного совета, скромной просьбы, нерешительного выражения своего мнения, формы кондиционала могут употребляться в сущности в индикативном значении. Указанный тип транспозиции находим как в чешском, так и в русском языках, однако узус употребления в обоих языках неодинаковый.

1.2. В чешском языке транспозиция кондиционал → индикатив охватывает большой круг глагольных лексем, представлена большим разнообразием структурно-морфологических

моделей кондициональных конструкций, соответствующих различным функционально-семантическим типам. Так, например, чешский кондиционал часто употребляется в индикативном значении, если он образован от глаголов речи и мыслительной деятельности, от глаголов, выражающих суждение, желание и некоторые другие субъективные намерения говорящего. Ср.: *Prosil bych o chvílku pozornosti. — Я прошу (я бы попросил) минуточку внимания; Něco bych k tomu podotkl (разг.). — У меня есть к этому замечания; Vy jste od policie, to vím, ale tamhle ten pán taky? — То вычани неведёл, забручел пан Бружек (Мареk). — Вы из полиции, я это знаю, а вон тот господин тоже? — Этого я не знаю, — проворчал Бружек; A co bys řekl, že se stalo? (Мареk). — Как ты полагаешь (считаешь), что произошло?; Já například bys mysl-el, že bychom mohli zařídít, aby prostě nepřijeli (Мареk). — Я, например, думаю, что мы могли бы устроить так, чтобы они просто не приехали; Jo, tak to nevím. Třeba byste to věděl vy? (Мареk). — Ну, я этого не знаю. Но, может быть, это знаете хотя бы вы? Ср. также: To bych tedy nemohl (=nemohu), myslil bych (=myslím) и пр.*

Особенно часто кондиционал в индикативном значении употребляется в тех случаях, когда он образован от модальных глаголов: *Chtěl bych (-chci), mohl bych (-mohu), měl bych (=mám), směl bych (=smím).*

Почти аналогичная ситуация представлена и в словацком языке, где формы кондиционала употребляются для выражения скромного ненавязчивого утверждения, согласия, намерения, предложения и пр. Ср.: *Ja by som myslel. — Я думаю ..; Nemohol by som s tým súhlasiť...¹⁹ — Я не могу с этим согласиться и т. п.*

Подобное употребление можно наблюдать и в русском языке (я бы считал, я бы полагал, я бы с этим не согласился...). Однако чешский, словацкий и русский узус при выражении указанных выше значений не совпадает: то, что для чешского и словацкого языков является узуальным, обычным, нормой, для русского языка является лишь одним из возможных (но не частных) вариантов в синонимическом ряду внутриязыковых функциональных эквивалентов.

Кондиционал по сравнению с индикативом при выражении вышеуказанных значений смягчает категоризм утверждения, делает его менее настойчивым, более вежливым. Особенно явственно это обнаруживается при употреблении отрицания, которое является следующей ступенью ослабления категоризма утверждения.

Различия функциональных границ форм кондиционала в чешском языке и их эквивалентов в русском языке, часто передаваемых иными грамматическими средствами, особенно явственно обнаруживаются в разговорном языке в ситуациях диалога, развернутых вопросов и ответов. В связи с этим следует подчеркнуть, что для выявления функционально-семантической межъязыковой эквивалентности большую роль играет характер во-

просительных слов, лексическое значение полнозначительных глаголов, употребление модальных глаголов. При этом обнаруживаются определенные закономерности появления типовой чешско-русской эквивалентности.

1.3. Так, если в чешской кондициональной конструкции наличествует вопросительное слово *proč*, то в русском языке наряду с формами сослагательного наклонения чаще употребляется инфинитивная конструкция с дебитивным значением. Ср.: *Uteču, jakože se jmenuji Eman, trval na svém. — A proč? Proč bys utíkal? (Rybák). — Я убегу, это так же верно, как то, что меня зовут Эман, — настаивал он на своем. — А почему? Зачем тебе убежать?; Ale proč by pracoval v Paříži? (Marek). — А зачем ему работать в Париже? / Почему он должен работать в Париже?: Proč by vrah a lupič dělal nepořádek, když přesně věděl, kde ty prachy holka má? (Marek). — А зачем убийце и грабителю делать беспорядок, если...; Proč by někoho zabíjel? (Marek). — Зачем ему убивать кого-то?; Proč by neměl umět arabsky? (Rybák). — Почему бы ему не уметь по-арабски? и т. д.*

При употреблении в чешских кондициональных конструкциях модальных глаголов в русских эквивалентах больше вероятности появления форм сослагательного наклонения. Ср.: *Proč byste to taky nemohl udělat? — řekl pan Koutecký (Rybák). — А почему вы также не могли бы это сделать?.. Proč by ho neměly zajímat? zodotkl pan Vačlena (Rybák). — А почему бы они не могли его интересоваться? (А почему они его не могут интересоваться?)*

Развернутый вопрос с *proč* (а также с более разговорным *so*) определенным образом связан с перспективой будущего. Ср.: *Proč bys tam chodil? → Proč tam půjdeš? — Зачем тебе идти туда? → Зачем ты пойдешь туда?* Именно это является предпосылкой для субституции будущего времени кондиционалом или же для транспозиции форм кондиционала в область употребления будущего времени индикатива.

2.1. Транспозиция кондиционал → императив.

Транспозиция форм кондиционала в область первичных функций императива представлена еще более широко. Употребление кондиционала в функции императива позволяет говорящему выразить скромное, вежливое, ненастойчивое побуждение. Форма кондиционала в побудительных предложениях снимает категоризм приказа или запрета, смягчает его, передает в виде просьбы, совета или даже пожелания. При этом степень выраженности побуждения уменьшается в зависимости от грамматической формы глагольного предиката, наличия отрицания, от модального статуса всего высказывания. Ср.: *Dejte mi cigaretu! — Дайте мне сигарету!; Dáte mi cigaretu? — Вы дадите мне сигарету? (ослабление побуждения происходит в результате вопроса); Dal byste mi cigaretu? — Вы не дали бы мне сигарету? (дальнейшее ослабление мотивировано не только вопросом, но и употреблением кондиционала) и, наконец, Nedal byste mi cigaretu? — Вы не дадите мне сигарету? — самая большая степень ослабления побуж-*

дения, которая обусловлена употреблением вопроса, кондиционала и отрицания²⁰.

2.2. Общее направление транспозиции форм кондиционала в область употребления императива представлено моделью замкнутого вопроса: Půjčil bys mi ten časopis? / Nepůjčil bys mi ten časopis?²¹ — *Вы не одолжили бы мне этот журнал?* (= *Одолжите мне этот журнал!*) *.

Однако даже и в этом общем типе транспозиции имеются определенные различия. Во-первых, наряду с положительной и отрицательной конструкциями чешского языка в русском языке в подобных случаях употребляется только отрицательная. Во-вторых, в русском языке наряду с формами сослагательного наклонения (один из возможных эквивалентов) более узואальными в подобных случаях являются формы индикатива. Ср.: Řekl byste mi, kolik je hodin? — *Вы не скажете, который час?*; Dal byste mi aspoň týden na rozmyšlenou? — *Вы не дадите (не дали бы) мне хотя бы неделю на размышление?*; Vzal byste našeho kluka s sebou? — *Вы не возьмете (вы бы не взяли) нашего мальчика с собой?* и т. п.

2.3. В императивной функции (с оттенком ненастойчивой просьбы и вежливого побуждения) в чешском языке употребляются также формы кондиционала с полифункциональными формантами (abych, abys...). В русском языке в подобных случаях транспозиция форм сослагательного наклонения также представлена. Однако в зависимости от лексического наполнения высказывания в русском языке, как правило, употребляются либо инфинитивные конструкции с частицей *бы* и дательным лица, выражающие долженствовательную модальность, либо формы императива с частицей *смотри не*. Ср.: Aby ses už pomalu chystal na cestu (разг.) — *Тебе (бы) уже пора собираться в дорогу!*; Abys ten výkres nerozmažal! — *Смотри не размажь этот рисунок!*; Abyste nezapomněli zavřít okno! — *Смотрите не забудьте закрыть окно!*; Začíná být chladno. Abyste se tu nenastydl (Otč.). — *Становится холодно. Как бы вам не простудиться...;* ...My vám závidíme to vaše mládí... Ale abychom mluvili o něčem zajímavějším (Marek). — *Мы вам завидуем, что вы так молоды... Но давайте говорить (лучше будем говорить) о чем-нибудь более интересном!*; Aby sis při tom neuřizl hlavu, radil mu táta s vážnou tváří (Otč.). — *Смотри не ошибись, — советовал ему отец с серьезным выражением лица.*

В ряде случаев для чешского языка уже можно говорить о лексикализации форм с *abych, abys...*: Tak abys věděla, já si ho vezmu na starost osobně (Marek). — *Так знай, что я лично буду заботиться о нем;* A abys věděla, mám z tebe radost (Marek). — *И знай, что я радуюсь [твоим успехам];* Abych se přiznala, zajímal mě právě Rudi (Marek). — *Признаться, меня-то интересовал имен-*

* Следует отметить, что в вопросах этого типа семантическое противопоставление отрицания и утверждения снимается.

но Руди; A ještě abych pezaromněl (Отч.). — Да, как бы еще не забыть...

2.4. Настоятельный приказ, нередко с оттенком категорического предупреждения и даже угрозы, выражают в чешском языке транспонированные в область употребления императива кондициональные конструкции с отрицанием *ne* в начале предложения: *Ne abych tě s ním ještě jednou potkal* (разг.). — *Смотри, чтоб я тебя с ним больше не встречал*; *Ne abych na tebe slyšel nějaké stížnosti* (разг.). — *Смотри, чтоб я больше не слышал жалобы на тебя*; *Ne abych tě tu ještě našel* (разг.). — *Чтоб я больше тут тебя не видел* / *Ну, если я еще тебя найду здесь*; *Ale pozor, mladej, ne abyste ho sebral, na to musíme mít povolení vojenských rápnů* (Marek). — *Будьте осторожны, молодой человек... не вздумайте арестовать его, на это мы должны иметь разрешение военных властей*; *Tak ne abyste se mě pořád na něco ptali* (Marek). — *Но не вздумайте меня все время расспрашивать о чем-нибудь*; *Ne abyste si z toho vzal příklad, mladej, zvedl varovně prst [pan gada]* (Marek). — *Но не вздумайте брать с этого пример, молодой человек.*; *Ale ne abys to někomu řekl* (Rybák). — *Но не вздумай кому-нибудь сказать об этом.*

Как видно из приводимых и подобных примеров, русский типовой эквивалент чаще всего представлен лексикализованными формами императива (*смотрите, не вздумайте*) с объектным инфинитивом, хотя в отдельных случаях не исключено употребление форм сослагательного наклонения.

Следует заметить, что транспонированные в область употребления императива кондициональные конструкции с *ne+abych, abys...* являются более сильным и стилистически маркированным выражением приказа или запрещения даже по сравнению с собственно императивными формами. Ср.: *Nelež dlouho na slunci!* — *Не лежи долго на солнце!* и *Ne abys ležel dlouho na slunci!* — *Не вздумай долго лежать на солнце!*; *Nezapomeň koupit lístky do divadla!* — *Не забудь купить билеты в театр!* и *Ne abys zapomněl koupit lístky do divadla!* — *Смотри, не забудь купить билеты в театр!* и т. д.

Кондициональные конструкции с *abych, abys...* при употреблении модального глагола *muset* могут выражать также предостережение. Ср.: *Abych ti nemusel jít pomoci* (разг.). — *Смотри, чтобы я не пришел тебе на помощь (=делай быстрее, в противном случае я должен буду вмешаться и будет плохо).*

2.5. Транспонированные формы кондиционала с *abych, abys...* могут иметь и явственную дебитивную семантику. Русским типовым эквивалентом в подобных случаях выступают либо модальные предикативы с инфинитивом, либо формы императива с дебитивной семантикой. Ср.: *Kolem tebe aby člověk tancoval od rána do večera* (разг.). — *Вокруг тебя танцуй хоть с утра до вечера*; *A já abych seděl celý den doma sám* (разг.). — *А я сиди дома (=должен сидеть) целый день один*; *Abych se s ním hádal ještě i o svátcích* (разг.). — *А я ругайся с ним (=должен ругаться)*

даже и в праздники; Jak je dlouho, co sis je [boty] přines spravený od toho vozemboucha, kterej aby dělal jen pro nás (Rybák). — Как давно ты принес починенные ботинки от этого увальня, который должен работать только на нас?; V boudě abys bifloval životopisy nacistických svatých, nechčeš-li spolehlivě proletět... při maturitě (Otč.). — А в школе ты зубри (=должен зубрить) биографии нацистских святых, если не хочешь наверняка провалиться... [в присутствии немецкого инспектора] на выпускном экзамене.

Результатом транспозиции форм кондиционала в область дебитивной семантики императива в чешском языке являются также случаи типа: Nejdřív abychom si všechno ujasnili (разг.). — Сначала нужно все выяснит... и т. п.

3. В область побудительной семантики могут быть транспонированы также кондициональные формы с частицей kdy (омонимичной со вспомогательной формой кондиционала kdybych, kdybys...), которые выражают мягкую, вежливую, ненастойчивую просьбу. Подобный тип транспозиции известен и в русском языке. Ср.: Kdybyste zůstal raději tady! (=Zůstaň raději tady!) — Осталась бы вы лучше здесь! (=Останьтесь лучше здесь!); Kdybys raději nemluvil. — Лучше бы ты не говорил. / Лучше бы тебе не говорить и т. д.

В зависимости от лексического наполнения и употребления отрицания указанный тип кондициональной конструкции в обоих языках может выражать также побуждение, сопровождаемое упреком. Ср.: Kdybys zbytečně nemluvil! (разг.). — Ты бы не болтал понапрасну!; Kdybys pořád neběhala do kuchyně a na chvíli si sedla! (разг.). — Перестала бы ты все время бегать на кухню и присела бы (хоть) на минутку!

4. Как случаи транспозиции форм кондиционала можно квалифицировать и предложения с частицей že (повествовательные восклицательные предложения, выражающие укоризну, упрек и неудовольствие говорящего): Že by ses nestyděl! — И тебе не стыдно (=стыдись!); Že by se ti to chtělo! — Охота тебе возиться с этим! (=Не стоит тебе делать это / не возись с этим).

Однако в указанных случаях речь идет не только о транспозиции форм кондиционала, но и о транспозиции целой модальной схемы предложения.

5. Наконец, предложения типа Ted' už abych šel. — Так мне уж пора идти также можно рассматривать как случаи транспозиции кондиционала в область долженствовательной модальности, но при подчеркивании вежливого отношения к окружающим.

Рассмотрение транспозиции кондиционала в область функционирования индикатива и императива свидетельствует об определенной связи будущего времени индикатива, кондиционала и императива. Эта связь является результатом того, что формы указанных наклонений (а в рамках индикатива — и времени) хотя и выражают различную степень реальности действия, но объединены общим модальным планом выражения действий возможных,

в принципе реализуемых, но еще не реализованных, имеющих футуральную перспективу реализации. Следовательно, возможность транспозиции наклонений и времен мотивирована некоторыми общими смысловыми элементами, которые их связывают.

О связи с контекстом обусловленной взаимозаменяемости кондиционала, императива и индикатива (главным образом будущего времени) свидетельствует и факт их употребления в сложно-подчиненных предложениях с придаточным условным в разговорном чешском языке. Ср.: *Kdybyste chtěli, můžete si zahrát.* — *Если хотите, то можете поиграть*; *Kdybys uměl na něco hrát, to máš hned jiný možnosti* (Rybák). — *Если бы ты умел на чем-нибудь играть, то у тебя сразу же появились бы другие возможности*; *Kdybyste tu nebyla, netoužím prostě nic vědět, nic slyšet, nic cítit* (Otč.). — *Если тебя здесь не будет, то я уже не хочу ничего знать, ничего слышать, ничего чувствовать / Если бы тебя здесь не было, я бы не хотел...*

Из приведенных и подобных примеров видно, что в русском языке указанное явление (употребление кондиционала в главном предложении при индикативе в придаточном) невозможно. В русском языке как в главном, так и в придаточном условном предложении употребляются формы либо только индикатива, либо сослагательного наклонения.

Анализ конкретного материала подтверждает вывод о том, что функциональный объем чешского кондиционала в сравнении с русским сослагательным наклонением больше, а его транспозиционные возможности гораздо шире. Та модальная нагрузка, которая ложится на формы кондиционала в чешском языке, в русском языке распределяется иначе. Ее носителем являются не только формы морфологического сослагательного наклонения, но и синтаксические наклонения, например, долженствовательное (модальные предикативы, употребляющиеся в составе инфинитивных конструкций с дательным лица и частицей *by*), а также формы индикатива и императива. Морфологическое сослагательное наклонение в русском языке транспонируется в область побуждения в сущности лишь в случаях типа: *Чтоб ты больше не появлялся здесь!* (= *Больше здесь не появляйся!*), а также в вопросах типа: *Ты не одолжил бы мне эту книгу?*

III. Транспозиция императива.

1.1. Автор раздела об императиве в «Русской грамматике» (т. 1) О. Лешка отмечает, что в функциональном отношении сходство между русским и чешским императивом обнаруживается только в основной побудительной функции, которая реализуется при выражении приказа, запрета, совета, предостережения, просьбы, увещания и др. Оставляя пока в стороне свое несогласие с пониманием структурного (то есть категориального, инвариантного значения) русского императива как дебитивного²², скажем только, что высказанное О. Лешкой положение о реализации основной побудительной функции императива в обоих языках полностью подтверждается нашим материалом, который свиде-

тельствует и о том, что случаи транспозиции императива в сопоставляемых языках в область употребления других наклонений обнаруживают значительное несовпадение, касающееся как направления самой транспозиции, так и объема вторичных функций императива и сферы их функционирования.

1.2. Современному чешскому языку либо совсем неизвестны, либо представлены незначительными реликтовыми образованиями некоторые типы транспозиций, которые для русского языка являются типичными и довольно часто употребительными.

1.3. В связи с этим следует подчеркнуть, что объем транспозиции форм императива в чешском языке в сравнении с русским значительно меньше. В современном чешском языке отсутствует ряд транспозиционных типов, свойственных русскому языку. Одной из причин этого является то обстоятельство, что в чешском языке нет неизменяемого императива, за которым в русском языке закреплен ряд функций. Среди них особо следует отметить экспрессивные функции, реализующиеся при выражении личного отношения говорящего к фактам реальной действительности, субъективная оценка которых дается говорящим. Так, например, в чешском языке как факт системы отсутствует так называемый драматический императив, являющийся средством экспрессивного выражения действия, которое совершилось в прошлом, типа *А я и позабудь, где Дуня-то живет* (А. С. Пушкин); или действия нежелательного, вызывающего неудовольствие говорящего: *Вы по театрам ходите, а я сиди дома один* (разг.); или же действия неожиданного, нежелательного и вместе с тем произвольного: *А он и попади в эту самую минуту в лужу* (разг.); а также запрещения производить называемое говорящим действие типа: *Попадись мне только (= Не попадайся!), Покричи мне еще! (= Не смей кричать!)* и др. К числу экспрессивных средств передачи прошедших действий относится также переносное употребление императива в дебитивном значении: *А я теперь эту ляжку тяни всю жизнь*, а также при выражении условия: *Знай я это раньше, я бы туда не пришел*.

Модальная и эмоциональная нагрузка, которую имеют указанные выше транспонированные формы императива в русском языке, в чешском передается другими грамматическими и лексическими средствами, формами других наклонений, употребляющимися в прямом и переносном значениях (ср. транспозицию форм кондиционала в чешском языке), модальными глаголами, средствами выражения лексической и грамматической экспрессивности.

2.1. Попытаемся указать лишь некоторые типовые функционально-семантические эквиваленты чешского языка, соответствующие транспонированным формам императива в русском языке.

2.2. Так, неизменяемому русскому императиву в условных, а нередко и в условно-уступительных предложениях в чешском языке соответствует стилистически маркированное употребление инфинитива (неопределенного наклонения), транспонированного

в область функционирования кондиционала, одним из основных функций которого является выражение обусловленного действия и нереального условия. Ср.: *Nebýt jeho, nadržel byste v rukou první článek berlínského řetězu (Marek).* — *Не будь его, вы бы не держали в руках первое звено берлинской цепочки; ...Vědět já, co s ním udělá, tak jsem ukous radši jazyk, ačkoli agent bez jazyka není žádný agent (Marek).* — *...Знай я, что с ним произойдет, я бы лучше откусил себе язык ...; A pak si řekl: Hergot, Brůžku, vždyť to obyčejná náhoda a nebýt té domovnice, nevěděl jsi nic (Marek).* — *А потом он сказал сам себе: Черт возьми, Бружек, ведь это же была чистая случайность, и не будь дворничихи, ты бы ничего не знал; Vědět to, kdoví, jestli bych u tebe zazvonil (Marek).* — *Знай я это, то, кто знает, позвонил ли бы я у тебя.*

Число подобных примеров можно увеличить, так как и в русском и в чешском языках неизменяемый императив и инфинитив в функции кондиционала / сослагательного наклонения лексически не связаны, употребительны в эмоциональном разговорном языке, выражают высокую степень эмоциональной оценки действия говорящим.

2.3. Существенные различия в объеме транспозиции форм императива в русском и чешском языках наблюдаются также при обобщенно-личном и неопределенно-личном употреблении. Авторы «Русской грамматики» (1979) совершенно справедливо указывают, что в функциональном отношении сходство между русским и чешским повелительным наклонением обнаруживается только в основной побудительной функции и в непосредственно связанном с ней цитатном употреблении. Далее указывается, что в других употреблениях императива (в том числе и его транспонированных форм) в чешском языке наблюдаются жесткие ограничения. Так, в соответствии с обобщенно-личными предложениями русского языка, представленными пословицами, поговорками и предложениями свободного лексического наполнения, типа: *Посади свинью за стол — она и ноги на стол; На чужой каравай рот не разевай; Вот и верь человеку после этого* (разг.) в чешском языке можно найти выражения типа: *Pust' psa pod stůl, poleze i na stůl; co tě nepálí, nehas!; Spas se, kdo může.* — *Спасайся кто может!; Máma je prostě nemožná, ale zlob se na ni.* — *Мама просто невозможная, но попробуй сердиться на нее (= разве можно сердиться на нее!)* и т. д. Однако число таких случаев в чешском языке невелико и ограничено главным образом устойчивыми и лексикализованными выражениями, нередко выступающими в функции междометий, типа: *Doufejme, že přijde včas.* — *Будем надеяться, что он придет вовремя; Dejme tomu.* — *Допустим; Podívej (te) se!* — *Вот те на!* Ср.: *Podívejme se, — řekl pan rada, — vypadalo to jako kongres, a zatím je to složitá kriminální záležitost (Marek).* — *Вот те на, — сказал советник, — выглядело это, как конгресс, а между тем это сложное криминальное дело!; Koukni, nech toho!* — *Послушай, оставь это!; Jděte!* — *Да что вы,*

да ну ваcl: Vypadal jako ženich. Že by... Jděte, lidé toho napoví-
dají (Otč.). — Он выглядел, как жених. Неужели... Да что вы,
люди (всего) наговорят.

Полностью лексикализованными являются выражения stůj со
stůj — во что бы то ни стало: Musím to udělat stůj со stůj (=za
každou cenu); chtěj nechtěj — волей-неволей, хочешь не хочешь.

В предложениях типа Práce je dost, jen chtěj. — Работы до-
статочно, стоит только захотеть (букв.=только захоти) представ-
лена желательная модальность, которая является синтаксической
реализацией одной из сторон значения морфологического повели-
тельного наклонения.

Как и в русском языке, в чешском встречаются такие случаи
фразеологизации форм императива, которые вместе с относящи-
мися к нему словами представляют неразложимое единство. Ср.:
Jirka nebyl netýkavka ani padavka, mouchy snězte si mně, byl nor-
mální živý chlapec, jak byli chlapci jeho věku z jeho ulice (Ry-
bák). — Йирка не был ни недотрогой, ни белоручкой, и совсем не
беспомощный малютка, это был нормальный, живой парень, как
все мальчишки его возраста и с его улицы.

Лексические и грамматические средства передачи в чешском
языке транспонированных форм русского императива (особенно
неизменяемого императива) заслуживают более детального и глу-
бокого рассмотрения. Однако в рамках данной статьи это осу-
ществить невозможно.

Из неполного анализа типов, направления и объема транспо-
зиции в чешском языке в сопоставлении с русским вытекает, что
транспозиция грамматических форм и их функций — явление,
свойственное обоим славянским языкам. Наибольшее сходство
сопоставляемые языки обнаруживают при транспозиции форм ин-
дикатива. При этом имеются в виду как возможности транспози-
ции временных форм в рамках индикатива (транспозиция настоя-
щего в план прошлого и будущего), так и транспозиция в об-
ласть употребления других наклонений (прежде всего императи-
ва). Специфика широкого категориального значения индикатива
позволяет при помощи лексико-грамматических средств и контек-
ста выразить такие оттенки значений, которые свойственны зна-
чениям форм других наклонений.

Для чешского языка следует отметить более широкие транспо-
зиционные возможности кондиционала в область употребления
императива, а в некоторых типах (с учетом глагольной семан-
тики) — и в область функционирования индикатива. Для русско-
го языка характерна более широкая транспозиция форм импера-
тива. Частичное пересечение основных и частных значений разных
наклонений обуславливает общее направление в транспозиции их
форм, а различный объем первичных и вторичных функций на-
клонений, специфика их функционирования и неодинаковый удель-
ный вес в системе синонимических средств выражения является
предпосылкой для иных линий в направлении транспозиции и
иного функционирования транспонируемых форм.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Leška O. K otázce tzv. transpozice. — In: Rusko — české studie. Praha, 1960, s. 43—46; Skalička V. Über die Transposition. — Slavica Pragensia I, 1959, s. 45—52.
- ² См.: Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971, с. 61—97.
- ³ Кржижкова Е. Первичные и вторичные функции и так называемая транспозиция форм. — In: Travaux Linguistique de Prague 2, 1966, s. 171—182.
- ⁴ Кřížková H. Op. cit., s. 174.
- ⁵ См.: Станишева Д. Транспозиция граммем как средство выражения модальности и смежные явления языковой структуры. — In: Otázky slovanské syntaxe, III. Brno, 1973, s. 149—152.
- ⁶ Horák G. K transpozici modálnosti. — In. Otázky slovanské syntaxe, III. Brno, 1973, s. 153—157.
- ⁷ Грелл М. О сущности модальности. — В кн.: Чехословацкая лингвистика. Под ред. А. Г. Широковой. М., 1978, с. 277—300.
- ⁸ Kozák J. Svatý Michal. Praha, 1971 (далее Kozák).
- ⁹ Rybák J. Hodiny pro bosé nohy. Praha, 1973 (далее Rybák).
- ¹⁰ Otčenášek J. Romeo, Julie a tma. Praha, 1967 (далее Otč.).
- ¹¹ Marek J. Panoptikum Města pražského. Praha, 1979 (далее Marek).
- ¹² Сарек К. Povidky z obou kapes. Praha, 1973 (далее Сарек).
- ¹³ Большую помощь при проверке разговорного материала оказала Алена Трикова, которой автор статьи выражает сердечную благодарность.
- ¹⁴ Křížková H. Op. cit., s. 174.
- ¹⁵ См. статью Вл. Грабье «Семантика русского императива» в этом сборнике.
- ¹⁶ Křížková H. Op. cit., s. 174.
- ¹⁷ Грелл М. Указ. соч.; Křížková H. Op. cit., s. 176.
- ¹⁸ Русская грамматика, d. I (Barnetová V., Běličová-Křížková H., Leška O., Skoumalová Z., Straková V.). Praha, 1979, s. 205.
- ¹⁹ Horák G. Op. cit., s. 154—155.
- ²⁰ Smilauer V. Učebnice větného rozboru. Skripta. Praha, 1977, s. 52.
- ²¹ Русская грамматика, d. I, с. 200.
- ²² Там же.

СЕМАНТИКА
РУССКОГО ИМПЕРАТИВА

Целью нашей работы является изучение вопроса о том, возможно ли при учете разнообразного употребления императива в современном русском языке найти некий общий семантический признак, иными словами — до какой степени можно решить вопрос об инвариантном значении императива. Статья состоит из четырех частей. В первой части мы попытаемся решить вопрос об инвариантном значении русского императива, исходя прежде всего из понимания его семантики С. И. Карцевским, во второй — включить и рассмотреть императив в системе наклонений русского языка (при этом выскажем свое отношение к точкам зрения некоторых ведущих советских лингвистов), в третьей — показать результаты количественного анализа употребления императива в литературном русском языке, в четвертой — сравнить семантику русского и чешского императива.

I

Основу для правильного понимания инвариантного значения русского императива заложил С. И. Карцевский¹. Он противопоставляет императив как наклонение субъективное, позволяющее отразить точку зрения говорящего, индикативу и кондиционалу как наклонениям объективно информирующим (констатирующим)². И хотя исследователь здесь имеет в виду прежде всего основное значение наклонений, указанное противопоставление императива прочим наклонениям является настолько существенным и выразительным, что абсолютно исключено, чтобы оно не имело ничего общего с инвариантным значением императива. Ключ к пониманию инвариантного значения императива С. И. Карцевский видит в усилении активного отношения говорящего к действию и в одновременном ослаблении активности собственного производителя действия³. Таким образом, инвариантное значение императива понимается как выражение действия произвольного с точки зрения его производителя. При транспонированном употреблении императива (равно как и при выражении приказа) речь идет, по С. И. Карцевскому, о любом, произвольно навязываемом исполнителю действию, например: *Вы гуляете, а я работай*, или же о совершенном им произвольном действии: *Баба его в ту же ночь и роди двойню*. Понятие произвольности действия, по мнению С. И. Карцевского, применимо и к желательным действиям: *Хоть любовника заведи*, а также к нереальным обусловленным действиям типа *Скажи она мне, я сейчас же устроил бы все*.

Интересное уточнение понятия «произвольности» действия сделал О. Лешка. В то время как С. И. Карцевский инвариантное значение императива отождествлял с «произвольностью» отношения действия к его производителю, О. Лешка обращает внимание на возможность понимания «произвольности» императивного действия по отношению к говорящему: в грамматической категории императива говорящий действие не только преддицирует, но и делает его независимым от мотивирующих связей этого действия. (При таком понимании императив является категорией чисто субъективной.)⁴

Мы считаем, однако, что «произвольность», выражаемая императивом по отношению к говорящему, означает не только то, что говорящий произвольно решает вопрос о присуждении какого-либо действия некоторому субъекту. Указанный семантический признак не позволил бы отличить императив от кондиционала, который также может выражать действие как воображаемое (нереальное), мнимое.

По нашему мнению, «произвольность» императива касается также и плана выражения, причем в том смысле, что говорящий может употребить императив в контексте, в котором обычным является употребление другого наклонения, например, кондиционала или даже индикатива. Однако благодаря употреблению императива говорящий добивается большей экспрессивности сообщения, выражает свое субъективное, в частности, оценочное отношение к действию. В контекстах, в которых императив замещает другое наклонение, он всегда экспрессивнее, чем другие способы модального выражения. Таким образом, говорящий может употребить императив либо для выражения своей воли, либо для придания сообщению особого колорита, что также свидетельствует о «произвольности» в выборе языковых средств.

Для подтверждения указанного положения можно привести ряд примеров. Так, например, в рассказе А. П. Чехова «Хамелеон» (*Он, ваше благородие, цигаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура и тягни*) формы императива употреблены для выражения неожиданного действия в прошлом, причем выражение *не будь дура* фразеологизовано, а употребление императива *и тягни* значительно экспрессивнее, чем употребление индикатива *и тянула*. Еще более доказательным является и следующий пример: *Попадись эдакая собака в Петербурге или в Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши!* Императив *не дыши* в данном случае выражает субъективное отношение говорящего к действию, категорическое требование ликвидировать собаку, и является более экспрессивным, чем синонимическая конструкция *моментально бы ее истребили*.

В общий эмоционально маркированный контекст хорошо вписывается также обусловленный императив типа *Попадись эдакая собака в Петербурге или в Москве...*

Еще более выразительным является пример экспрессивности

императива, употребленного в условном придаточном предложении: *А между тем героя нашего осенила вдохновенная мысль... «Эх я, Аким простота, — сказал он самому себе, — ищу рукавицы, а обе за поясом». Да купи я всех этих, которые вымерли, приобрети их, положим, тысячу, да положим, опекунский совет дает по двести рублей на душу: вот уже двести тысяч каргиталу!»* (Гоголь, с. 302).

При употреблении кондиционала *Да если бы я купил всех этих...* нельзя было бы достичь аналогичного коммуникативного и эстетического эффекта.

Наконец следует указать и на существование дебитивно-оценочных конструкций, в которых императив относится к субъекту, выраженному дательным падежом так же, как инфинитив в составе довольно близких (синонимичных) односоставных инфинитивных конструкций. Ср.: *У меня мучицы на одну квашонку осталось — и все, потом хоть всем в один мешок завязывайся и в Ангару* (Распутин, 251). Употребление в подобных случаях односоставного инфинитивного предложения *...потом хоть всем в один мешок завязываться и в Ангару* в сравнении с императивной конструкцией было бы эмоционально нейтральным способом выражения.

Удивительно, что правильное понимание сущности императива как субъективного наклонения не получило отражения в новой «Русской грамматике», подготовленной чехословацкой Академией Наук, хотя О. Лешка является членом авторского коллектива. В качестве инвариантного значения императива в «Русской грамматике» указывается не «произвольность» действия, а дебитивность⁵. По нашему мнению, однако, термин «дебитивность» не постигает сущность семантики императива ни в одном из его употреблений. Еще В. В. Виноградов указывал на то, что содержание побудительного предложения *Уходи!*, выражающего приказ, и дебитивного предложения *Ты обязан уйти* вообще не эквивалентно, так как второе предложение не выражает специфического отношения говорящего к действительности, которое для императивных предложений является наиболее существенным⁶.

К дебитивности нельзя свести и переносные значения императива. О дебитивности нельзя говорить даже в отношении примера, приводимого О. Лешкой: *Ты себе ходишь по визитам, а я сиди дома*, так как признание этого обеднило бы подлинное значение употребленного таким образом императива, значение которого заключается прежде всего в оценке говорящим названных действий. В данном случае говорящий высказывает неудовольствие по поводу состояния, в котором он находится, и жалуется на несправедливость, которая в отношении его совершается⁷. Аналогично говорящий может выразить свое несогласие и с таким положением, которое лично его не касается, например: *Люди бе-докурят, а овцы отвечай*⁸.

Значение дебитивности не является примарным значением императива, оно может появиться лишь под влиянием контекста,

как секундарное значение, выводимое из примарного побудительного, например: *Доспел, с печки меня снял: Иди! Куда иди? Куда иди?* (Распутин, 327). И здесь значение дебитивности сопровождается оттенком субъективной оценки ситуации говорящим. Также легко императив может приобрести значение возможности: *Вот и я тоже: то ли есть, то ли нет. Как хочешь, так и думай* (Распутин, 240).

Явного значения дебитивности у императива нет и в том случае, когда он передает нереальное условие, например: *Будь он иным человеком, я, может, стал бы его отговаривать, но ведь он упрям* (Немцова, 186). Точно также значение дебитивности не выражено в простом желательном предложении, которое оказало влияние на транспозицию форм императива в область употребления придаточного условного. Ср.: *Попробуй Андрей возвратиться туда, откуда он скопил свою жизнь* (Распутин, 370), где императив приобретает значение возможности (=Если бы Андрей мог туда вернуться). Точно также модальность императивного действия в придаточном условия находит воплощение в значении возможности/невозможности, но не дебитивности.

Императив, выражающий неожиданное действие в прошлом (в рабочем порядке назовем его драматическим императивом), также не содержит значения дебитивности. Вместе с двусоставными инфинитивными предложениями и частицами глагольного происхождения он относится к группе экспрессивных средств, служащих для передачи неожиданного действия в прошлом. Кроме факторов смысловых об этом свидетельствует также и то обстоятельство, что драматический императив вместе с указанными выше средствами может выступать в качестве одного из членов однородного сказуемого. Ср.: *Я бежать, а они вцепись друг дружке в волосы*⁹ или *Едва только ее нянька задремала на минуточку, принцесса прыг на лестницу и давай играть в мячик* (Чапек, 140); *Тут откуда ни возьмись, будто с неба свалилась, выскакивает Викторка. Вцепилась ему в волосы и давай дергать и трясти, словно грушу* (Немцова, 81).

С двусоставным инфинитивным предложением драматический императив связан также отношением комплементарности: так, в двучленном инфинитивном предложении употребляется инфинитив глагола несовершенного вида, в то время как драматический императив всегда образуется от глаголов совершенного вида. Ср.: *Он бежать* и *А он и побеги*¹⁰.

Возникновение драматического императива легко объяснить транспозицией его основной побудительной функции. Доказательством этого может служить также и функционирование глагольных междометий, выражающих движение, примарную побудительную функцию которых также легко можно транспонировать в область выражения неожиданного действия в прошлом — как у императива. Ср.: *Марш в холодную! Будь покоен, мы выявим, у кого ты украл чемодан* (Чапек, 129); *Коллега Вокоун сказал так, опоясался казенной саблей и марш искать дракона* (Чапек,

59); *Томеш, держи его, а вы, хлопцы, айда за мной!* (Немцова, 123); *Разглядел я, кто это такой, вышел тихонько из сада и айда за хлопцами* (Немцова, 124) ¹¹.

Аналогичный сдвиг в употреблении глагольных междометий при транспозиции их побудительной функции в область экспрессивного выражения прошедшего действия можно наблюдать и в чешском языке. Ср.: «Lumpík, hop!» — vykřikla a nastavila deštník, aby přeskočil (Langer). — «*Лумпик — прыг!*», — *выкрикнула она и подставила зонтик, чтобы он перескочил через него; Běžel za hlasem, a jak byli, hop do vody za Lojzíkem* (Dohnal) ¹². — *Он бежал за голосом, и как был, прыг в воду за Лойзиком.*

Подобные же примеры с собственно императивом можно найти в чешских и словацких фольклорных текстах: Čert se okázal, chytil hospodského a pod' s ním do pekla (Kulda) ¹³. — *Черт тут как тут, схватил трактирщика и шасть с ним в пекло; Sotva že z izby pohu vytiahla, chlapci pod' znovu ku ohnisku* (Slovenské pověsti) ¹⁴. — *... парни шасть снова к очагу.*

Фр. Миклошич приводит также примеры на употребление императивной формы *hubaj* для обозначения прошедшего действия: Ne rozmyšľal dlho, ale hubaj, zabral sa do mesta!

В собственно побудительной функции *hubaj* употребляется и до настоящего времени: *Hubaj, odkud jsté prišli* (Vančura) ¹⁵. — *Давай туда, откуда пришли!* В настоящее время *hubaj* воспринимается уже как междометие, которое по своей семантике не очень отличается от императивной формы глагола *húbat*. Ср. также появившиеся в разговорном языке новые императивы, употребляющиеся в той же функции: Pohňi=Jdi rychle! — *Давай быстрее!* или Pospěš si! — *Давай потарапливайся!*

Переносу глагольных междометий и форм императива в область выражения прошедшего действия могли способствовать также случаи повторения в тексте одной и той же формы сначала в побудительной функции, а затем — в констатирующей. Ср.: Zavolala: «Lumpíku, hop!» A Lumpík hop. — *Она закричала: «Лумпик, прыг!» И Лумпик прыг (=прыгнул); Přišli k čajovpce: «Liško, pojd' ven». A liška pojd' (=A liška šla). — Они подошли к избушке и сказали: «Лиса, выйди». А лиса и вышла (букв. выйди).*

Мы бы не хотели смешивать факты современного литературного языка с диалектными и приписывать выражениям типа *hubaj* статус императива, который в современном языке они уже потеряли. Нам лишь хотелось показать, каким образом развилось употребление форм императива для выражения экспрессивных действий в прошлом. Совершенно очевидно, что речь идет не о какой-то непонятной аномалии русского языка, а о явлении, тенденция к которому представлена и в других славянских языках.

Ф. Миклошич приводит многочисленные случаи употребления императива в значении прошедшего действия также и из сербо-

хорватского языка¹⁶. Так называемый драматический императив относится к системе в общем синонимических средств экспрессивного выражения прошедших действий. Если предположить, что императив выражает дебитивность, то это значение следовало бы предполагать и для прочих средств этой системы, что не отвечало бы действительности. Транспозиция побудительной функции императива в область употребления прошедших действий аналогична транспозиции презентных форм индикатива в область презенса исторического. В обоих случаях транспозиция мотивирована стремлением говорящего к более наглядному и экспрессивному описанию того, что произошло в прошлом. При этом презент индикатива сохранил свое инвариантное значение одновременности обозначаемого действия с определенной точкой, находящейся на временной оси, но в данном случае смещенной во временной план прошлого¹⁷. Точно так же можно предположить, что и императив при транспозиции сохранил свое инвариантное значение субъективного отношения к действию.

II

При включении императива в общую систему глагольных наклонений в русском языке мы будем исходить из таблицы наклонений, приводимой А. В. Бондарко¹⁸. Следует, однако, обратить внимание на то, что А. В. Бондарко классификацию наклонений проводит не по общим значениям, а по главным.

Наклонения	Семантические признаки		
	императивность	гипотетичность	реальность
Повелительное	+	-	-
Условное	+	+	-
Изъявительное	±	±	±

Это происходит, видимо, потому, что императив он считает формой, не обладающей общим (инвариантным) значением¹⁹. Полагая, что нельзя найти общий семантический признак, связывающий побудительное значение императива, которое охватывает основные (центральные) области его употребления, с некоторыми его транспозициями, Бондарко констатирует, что императив исключает реальность и гипотетичность действия. Точно так же обстоит дело с кондиционалом, главным значением которого он считает гипотетичность, не принимая во внимание транспозицию кондиционала в область побудительной функции и утверждая, что его значение исключает не только реальность действия, но также и императивность.

При определении значения индикатива А. В. Бондарко, по моему мнению, не достаточно последователен. Хотя в модальном отношении индикатив является немаркированным, по своему главному значению он противопоставлен кондиционалу; в приведенной таблице он должен был бы характеризоваться как наклонение, главным значением которого является выражение реального действия, исключающего значение побуждения и гипотетичности. И, наоборот, если автор отмечает у индикатива возможность его транспозиции в область употребления других наклонений, то его таблица выходит за рамки классификации наклонений по их главным значениям. В этом случае следовало бы принимать во внимание переносные значения и прочих наклонений и дать классификацию, основанную на их общих (инвариантных) значениях.

Драматический императив А. В. Бондарко считает даже формой, только омонимичной с императивом²⁰. Так же, как Бондарко, к вопросу общего значения наклонений подходит и Н. Ю. Шведова, которая предполагает у императива как морфологического глагольного наклонения существование трех самостоятельных значений: побудительного (включающего приказ, желание и дебитивность), условно-сослагательного и значения неожиданного действия в прошлом. Согласно Н. Ю. Шведовой, отношения между этими значениями нельзя постичь при помощи понятия синхронной транспозиции. Условно-сослагательное значение можно привести к одному знаменателю с побудительным хотя бы в плане историческом, но драматический императив при этом остается в стороне и с диахронической точки зрения, находясь таким образом на границе морфологической омонимии с императивом²¹.

В этой связи уместно привести и точку зрения В. В. Виноградова, который драматический императив считал зародышем особого волюнтаривного глагольного наклонения и размышлял о возможности отделения от императива и некоторых других случаев его употребления²².

Однако несмотря на скептическое отношение некоторых исследователей к возможности установления общего значения императива, анализ, проведенный нами в первой части статьи, показал, что имеет смысл говорить об императиве как о единой форме с общим значением, которое можно установить. При этом инвариантным семантическим признаком императива является не значение побуждения, а наряду с ним существующий семантический признак субъективного отношения говорящего к действию, на возможность существования которого цитированные выше авторы не обратили внимания. Идея разделения императива на несколько глагольных наклонений интересна, достойна особого внимания. В ее пользу можно было бы привести еще один аргумент — структурно-формальный: неизменяемость русского императива по числам в некоторых типах транспозиционного употребления, то есть его употребление с подлежащим, относящимся к различным грамматическим лицам единственного и множест-

венного числа. Самым простым было бы объявить этот формально неизменяемый императив особым наклоением.

Однако взаимоотношения между изменяемым и неизменяемым императивом при функционировании довольно сложные. В некоторых типах транспозиции возможно употребление как изменяемого, так и неизменяемого императива. Ср. употребление, с одной стороны, несогласованной формы ед. числа при выражении желания: *Прощай, хозяйские горшки!* (Крылов); *Лопни мои глаза!* (Чапек, 138) и согласованной формы мн. числа — с другой: *Хоть провалитесь вы сквозь землю!* (Крылов)²³.

Аналогично употребляется несогласованная форма ед. числа при выражении значения уступки: *Срам-то бывает у богатых, а мы, как ни живи, никому до того дела нет* (А. Островский)²⁴; *И сам себе становлюсь в тягость, все люди — хоть помирай они — не охну* (Горький, 109), а также форма мн. числа: *Да хоть в золотую клетку запряте птицу, а все ей лес милее* (Немцова, 206). Из последнего примера видно, что и при транспозиции в область обобщенно-личного значения употребляется не только неизменяемый императив, но в этих случаях возможна также форма и мн. числа. Точку пересечения при функционировании изменяемого и неизменяемого императива можно найти и при прямом, непосредственном употреблении императива; *«Пей, ребята!» — крикнул Ковалов* (Горький, 141).

В придаточных предложениях со значением нереального условия, в дебитивно-оценочных конструкциях, а также в конструкциях с драматическим императивом может употребляться только неизменяемый императив. Но и здесь нет ни семантического, ни формально-структурного единства. Императив, выражающий значение нереального условия, может соединяться с кондициональной частицей *бы*, например: *Скажи бы мне кто-нибудь до войны, сколько тонн я буду давать за смену, я бы не поверил* (Караваева)²⁵. Кроме того, императив со значением условия может относиться к обобщенному субъекту, например: *Так устроен человек, что скажи ему, будто кто-то рожден от самого дьявола, он поверить не поверит, но про дьявола не забудет* (Распутин, 358).

Дебитивно-оценочный императив также может иметь обобщенное значение при условии выражения дополнения: *Девушка платок уронила — ты поднимай, она входит — ты вставай и подавай ей стул, уходит — ты провожай!* (Чехов)²⁶. Драматический императив в обобщенно-личном значении не употребляется.

Императив, встречающийся в безличных конструкциях, может выступать в различных транспозиционных типах; например, в придаточном предложении, выражающем нереальное условие: *Вообще-то было мне довольно уютно, не будь так сыро* (Чапек, 177). С. И. Карцевский приводит пример на употребление драматического императива даже в безличном значении, к сожалению, без указания на источник: *Только было цветы распустились, как вдруг возьми да приморозь* (См. прим. I, с. 140). Как мы уже отметили, дебитивно-оценочный императив может быть употреб-

лен лишь в безличной конструкции при условии выражения субъекта действия дательным лицом: *...всем в один мешок завязывайся и в Ангару* (Распутин, 251).

Итак, семантическая и структурная неоднозначность конструкций с неизменяемым императивом убеждает нас в том, что эту форму вряд ли можно считать особым наклоном с единственным значением, образующим оппозицию с изменяемым императивом. Единственное, что связывает различные употребления неизменяемого императива, это семантический признак субъективного отношения говорящего к действию, который, однако, является характерным и для изменяемых форм императива и вытекает из его побудительного употребления. Именно поэтому неизменяемый императив мы не будем считать особым наклоном, а только формальным вариантом императива. Необходимо отметить, что существование в русском языке неизменяемого варианта императива имеет особую значимость (см. часть IV).

Вернемся к вопросу о включении императива в систему наклонов в русском языке. В отличие от А. В. Бондарко в нашей таблице мы будем отмечать не только основные значения, но также и инвариантные семантические признаки наклонов. Воспользуемся теми же средствами обозначения, которые применил А. В. Бондарко при изучении вариантных значений видо-временных форм²⁷. Семантический инвариант формы обозначим одним знаком в соответствующем разделе таблицы: знак плюс (+) обозначает выраженность признака, минус (—) — его отсутствие. Два знака в одной клеточке означают то, что форма может, но не обязательно должна выражать указанное значение. Плюс или минус, заключенный в скобки —(+) указывает на то, что форма в данном значении употребляется лишь изредка и в очень специальном контексте. И, наоборот, если наличие определенного признака обозначается знаками +(—), то этот признак является основным значением формы.

Наклонения	Семантические признаки			
	субъективность	побудительность	гипотетичность	реальность
Повелительное	+	+(—)	—(+)	—(+)
Условное	—(+)	—(+)	+(—)	—
Изъявительное	—(+)	—(+)	—(+)	+(—)

Из приведенной таблицы с полной очевидностью вытекает, что общее значение императива заключается в том, что он всегда выражает субъективное отношение говорящего к действию. Его основным значением является побудительное, которое включает в себя выражение приказа и желания, различающиеся контекстуально. Но императив не исключает и значение гипотетичности действия, которое изредка выражается придаточными предложениями условия; как правило, он обозначает действие нереальное,

хотя и не исключает возможности выражения действия реального.

Реальное действие может быть выражено как драматическим императивом, так и побудительным. Ср.: *Ты вот сидишь, ну и сиди* (Горький, 7). В данном случае императив выражает согласие говорящего с действием уже происходящим. Ср. также: *Гребь!* — *Гаврила взмахнул веслами. Лодка точно испугалась и пошла толчками.* — *Ну, дьявол, гребь же!* (Там же). В этом примере императив обозначает точку зрения говорящего на проходящее действие, но при этом налицо стремление сделать это действие более интенсивным.

Подобное употребление императива возможно потому, что императив выражает прежде всего субъективное отношение говорящего к действию, при этом реальность или нереальность происходящего действия отступает на второй план. Кондиционал и индикатив также иногда могут выражать субъективное отношение говорящего к действию (в значении побуждения или в другом экспрессивном употреблении), например: *Как бы старик не увидел* (Немцова, 114); *Даешь БАМ!* (лозунг); *Вот нарочно возьму и полечу, да будет вам известно!* (Чапек, 44). Различия между кондиционалом и индикативом здесь определяются прежде всего их различным отношением к реальности и нереальности действия. Кондиционал прямо исключает обозначение реальности действия; в этом заключается инвариантный компонент его общего значения. Главным значением кондиционала является выражение гипотетического действия, у индикатива — реальности действия. Однако это не является инвариантным семантическим признаком индикатива, так как, хотя и не часто, индикатив допускает возможность выражения действий нереальных, гипотетических.

Как и А. В. Бондарко, в таблицу глагольных наклонений мы не включили инклюзив, традиционно называемый 1-м лицом мн. числа повелительного наклонения, при помощи которого говорящий призывает собеседника к совместной реализации действия. Инклюзив представлен простыми формами типа *Споем! Споете!* и сложными типа *Давай(те) споем! Давай(те) петь! Давайте будем петь! Будем(те) петь*²⁸.

Вопрос о месте инклюзива и его отношении к императиву пока оставляем открытым. По сравнению с императивом инклюзив имеет на один дистинктивный признак больше: значение совместной реализации действия говорящим и собеседником. Однако возможность его употребления ограничивается всегда побудительной функцией. Кроме того, исключаются все типы транспозиций, которые обычны у форм императива.

Семантический признак субъективного отношения говорящего к действию у инклюзива наличествует так же, как и у прочих императивных форм, но исключается семантический признак гипотетичности. Конструкцию типа «*давай* + инфинитив» (например: *Принцесса прыг на лестницу и давай играть в мячик* (Чапек, 140), употребленную в значении драматического императива, едва ли можно считать транспозицией сложной инклюзивной фор-

мы, ибо такое употребление полностью исключает семантический признак инклюзивных форм — совместную реализацию действия. Форму *давай* можно считать скорее несогласованным вариантом императива от глагола *давать*, употребленного в фазовом значении (ср. синонимичные конструкции: *Она давай играть* и *Она и начни играть*).

Форма *давай* в начинательном значении употребляется и помимо инклюзива (в значении 'начни! начинай' и др.). Ср.: *Избавиться от меня надумали? Но-но, давай* (Распутин, 372); *Давай сразу рассказывай* (Распутин, 378). Таким образом, полностью не исключена возможность понимать конструкцию «*давай*+и н ф и н и т и в» как разновидность драматического императива, используемого для выражения прошедшего действия. Трудность, однако, заключается в том, что при нормальном употреблении со значением побуждения *давай* с инфинитивом не сочетается, что осложняет его транспозиционное толкование.

III

В этой части работы мы приведем данные о частотности различных типов употребления императива в некоторых произведениях русской классики.

При выборе текстов мы ориентировались на такие, в которых можно было предположить наличие транспонированных форм императива²⁹. Зная, что транспонированный императив встречается у таких авторов, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь и М. Ю. Лермонтов, мы выбрали для эксцерпирования произведение Лермонтова «Герой нашего времени». Из русской классической литературы эксцерпции производились из ранних рассказов М. Горького, а из современной советской литературы — из повести В. Г. Распутина «Живи и помни». Кроме того, эксцерпированию подверглись переводы чешской художественной литературы на русский язык: «Бабушка» Б. Немцовой и «Сказки и веселые рассказы» К. Чапека. Оба переводных текста для изучения транспозиции русского императива оказались пригодными даже и без сравнения их с чешскими оригиналами, так как они были написаны непринужденным, эмоционально насыщенным разговорным языком. Интересно, что, несмотря на разновременность и неоднородность эксцерпированных текстов, результаты их изучения с точки зрения частотности употребления форм императива поразительно совпадают.

В зависимости от характера функционирования форм императива мы выделили следующие группы:

- 1) побудительный императив;
- 2) императив с обобщенным субъектом;
- 3) функционально неспецифицированный неизменяемый императив;
- 4) неизменяемый дебитивно-оценочный императив;
- 5) неизменяемый условный императив;

- 6) неизменяемый драматический императив;
- 7) лексикализованные формы императива, находящиеся лишь на границе императивной значимости.

При этом в первую очередь принималось во внимание деление императива на изменяемый (согласованный) и неизменяемый (несогласованный).

Термин «побудительный императив» включает почти все случаи употребления изменяемого императива; здесь мы не проводим границы между приказом, просьбой и разрешением. Смещение побудительной семантики императива в область значения дебитивности принимаем во внимание постольку, поскольку это употребление соответствует условию изменяемости императивной формы и выражения отношения к собеседнику как к реализатору императивного действия. Группу императивов с обобщенным субъектом выделяем особо потому, что в этом случае может быть употреблен изменяемый и неизменяемый императив. С содержательной стороны эта группа весьма неоднородна; она перекрещивается с другими группами (за исключением драматического императива). К неизменяемому императиву, неспецифицированному с функциональной точки зрения, мы относим прежде всего «желательный» императив, если он не согласован со своим субъектом в лице и числе, но включаем в эту группу некоторые другие случаи функционирования неизменяемого императива, например, его употребление в значении уступки, которое не вычлняется ни со стороны структуры, ни со стороны содержания (отсюда и название — функционально неспецифицированный). О неизменяемых императивах — оценочно-дебитивном и драматическом — уже говорилось. Специфика императива «условного» (выражающего условие) наряду с неизменяемостью заключается также и в инверсии подлежащего и сказуемого в рамках императивной конструкции. Кроме того, приводим данные о частотности употребления так называемого непрямого приказа, выраженного конструкцией типа «*пусть*+индикатив», а также об употреблении инклюдива, хотя этой формой мы глубоко не занимаемся.

Результаты нашего исследования могут дать полезную информацию о характере описываемых форм, так как, насколько нам известно, их количественный анализ еще никто не проводил.

Наряду со статистическими данными попытаемся также дать лексико-семантическую характеристику глаголов, которые довольно часто употребляются при транспозиции императива. Некоторые наиболее интересные случаи проанализируем.

В переводе романа Б. Немцовой «Бабушка» мы зарегистрировали 595 случаев употребления императива. На употребление побудительного императива падает 493 случая (83%). Императив с обобщенным субъектом представлен 20 примерами (3,3%) (в двух примерах — императив в форме множественного числа). Неизменяемый неспецифицированный императив зафиксирован в 41 случае (6,9%). Здесь чаще всего представлены формулы пожелания типа *Дай вам бог счастья! Будь по-вашему!* и др.

Императив в дебитивно-оценочной функции встречается всего 1 раз (0,16%) (с эллипсисом подлежащего): *Забрали бы меня в Чехии, так хотя бы своему императору служил, а теперь тяни ляжку для другого* (с. 185). Императив, выражающий условие, представлен 23 примерами (3,8%). Часты конструкции с экзистенциальными глаголами: *Случись что, уж как бы жалко было девушки* (с. 193); *Не будь ее, ничего бы не вышло* (с. 224). Драматический императив представлен 8 случаями (1,3%), из которых 4 — на употребление сложного императива («давай+инфинитив»); в двух случаях употреблены глаголы речи (*verba dicendi*): *Я и скажи об этом Леготскому, а он давай меня отговаривать* (с. 92); *...я ему и расскажи, какое мучение у меня с итальянцем* (с. 122). В одном случае неожиданность действия передается лексическим значением глагола: *И попадись мне тут картинка* (с. 216). Одним примером представлено также выражение мыслительной деятельности субъекта: *Он и вообрази, что я смилостивилась, и давай петь старую песню* (с. 183). В переводе «Бабушки» Б. Немцовой случаев полностью фразеологизованного или лексикализованного употребления императива всего 9 (1,5%): *откуда ни возьмись, кажись, гляди, того и гляди* и 20 случаев инклюзива. В сравнении с 595 случаями употребления побудительного императива — это в 30 раз меньше. Удивляет также стереотипность и лексическая ограниченность инклюзивных форм. Особенно это очевидно в сравнении с разнообразием примеров, приводимых в «Русской грамматике» (Прага, 1980). Из общего числа случаев (20) на употребление инклюзивов 18 образовано от глаголов движения (*пойдем, зайдем, поедем, бежим* и др.), причем указанные формы формально не отличаются от 1-го лица мн. числа индикатива. Инклюзивов, образованных от глаголов иной семантики — всего два примера, представленные аналитическими формами: *давай покрошим немного и теперь давай спать* (с. 134). Случаев непрямого употребления форм императива всего 39, то есть в 15 раз меньше, чем на употребление императива в прямом значении. Это случаи обращения к 3-му лицу: *Ты хоть скажи Викторке... пусть и она не забывает* (с. 75), а также на употребление в желательном значении: *Да будет земля ему пухом* (с. 93); *Пусть с тем, с кем пошла под венец, ты бы и вместе в могилу легла* (с. 187).

Возможность контаминации частицы *пусть* не только с формами индикатива, но и кондиционала свидетельствует о том, что указанные конструкции представляют собой не аналитические формы императива, а скорее транспонированное употребление индикатива или кондиционала.

В переводах «Сказок и веселых рассказов» К. Чапека нами было обнаружено 320 примеров на употребление императива, из них 281 пример — это императив в побудительном значении (87,8%) (включая один пример на значении дебитивности). Случаев на употребление императива с обобщенным субъектом у Чапека — 11 (то есть 3,4%). Здесь преобладают примеры со зна-

чением уступки, например: *Он [автомобиль] только пролетит и навоняет бензином, а там ищи его свищи — его уже и не видать за пылью* (с. 105). Случаев неизменяемого неспецифицированного императива у Чапека 21 (6,6%). За исключением одного примера — это выражение негативных пожеланий (проклятия, заклинания) типа: *Пропади я пропадом!* (с. 178); *Разрази меня гром!* (с. 12); *Прах тебя возьми!* (с. 128); *Будь ты проклят!* (с. 70). Неизменяемый оценочный императив нами не был отмечен. Неизменяемый императив условия встретился только 4 раза (3 случая представлены конструкцией с «*будь+безличный пассив*»): *Все дома и улицы в нем могли заблудиться, не будь там поставлено высоченных мечетей и минаретов* (с. 169). Пример на употребление драматического императива всего 1 (0,36%) (конструкция с «*давай+инфинитив*»). Полностью фразеологизованные и лексикализованные императивы представлены 2-мя примерами (0,6%): *Ну, как, сударь, готовы вы к смерти? — Держи карман, готов!* (с. 37) (в оригинале *держи карман* соответствует эквиваленту *kderak*) (с. 146). На употребление инклюзива у Чапека обнаружено 6 примеров, то есть в 53 раза меньше, чем обычных форм императива. В 3-х случаях формы инклюзива формально совпадают с формами 1-го лица мн. числа индикатива: *Идем!*; *Начнем!*; *Спорим!* Только один раз употреблена форма инклюзива: *Идемте!*, в 2-х — аналитический инклюзив: *Давай поделемся!*; *Ну, дочурка, давай в машину и поехали!* (случай эллипсиса глагола). Форм непрямого императива с частицами *пусть, да* у Чапека найдено 23, то есть в 14 раз меньше, чем форм прямого императива. Они также употребляются в безличных конструкциях: *Да будет так* (с. 77), *Пусть его пока побегает!* (с. 82).

В произведении М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» нами было обнаружено 260 случаев употребления императива. Относительная частотность форм императива здесь существенно не отличается от частотности изучаемых форм в других текстах. Побудительный императив здесь представлен 241 случаем (92,6%). Императив с обобщенным субъектом — 8-ю примерами (3,1%). Наряду с преобладанием уступительного значения обнаружен один пример на транспозицию побуждения в область значения дебитивности: *Таков уж человек: что задумает, подавай* (с. 33).

Случаев употребления неизменяемого неспецифицированного императива всего 8 (3,1%). Наряду с выражением желательного значения имеются примеры на употребление императива со значением уступки (с выраженным подлежащим), показывающие, что этот тип транспозиции может быть представлен в тексте интеллектуализованном. Ср.: *Я, как матрос, рожденный на палубе разбойничьего брига, — он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце* (с. 131).

В этом произведении нами не было обнаружено случаев употребления императива в дебитивно-оценочных и условных конструкциях. Драматический императив представлен всего одним при-

мером (0,38%): *Раз он [Печорин] ему и скажи: «Вижу, Азамат, что тебе больно понравилась эта лошадь»* (с. 17). В 2-х случаях представлен лексикализованный императив *того и гляди* (0,7%). Инклюзивов у Лермонтова в 21 раз меньше, чем императивов, — всего 12 случаев, из которых 7 формально не отличаются от 1-го лица мн. числа индикатива, а в 5-ти случаях формально характеризуются окончанием *-те*: *Кончимте!*; *Пойдемте!*; *Отправимтесь!* Сложные формы инклюзива не были зафиксированы. Зарегистрирован один случай непрямого императива с частицей *да*.

В ранних рассказах М. Горького содержится 528 случаев употребления императива, из которых 482 — это императив в побудительной функции (91,3%). В некоторых примерах наблюдается смещение семантики, близкой формам индикатива будущего времени, но одновременно более экспрессивной: *Теперь только у чертей между глазами проплыть, а там — получай денежки и ступай к своей Машке* (с. 79). С содержательной стороны императив здесь сближается с будущим временем индикатива. Определенное различие, однако, заключается в том, что императив сигнализирует большую уверенность говорящего в осуществлении действия (в данном случае — в получении денег), а также в его скорейшем наступлении, чем это мог бы выразить индикатив. При помощи императива действие изображается более наглядно и экспрессивно.

Примеров на императивы с обобщенным субъектом у Горького — 19 (3,6%). И здесь преобладают случаи с ярко выраженной экспрессивностью, например: *Девка как ни хороша, да у ней душа узка и мелка, и хоть ты пуд золота повесь ей на шею, лучше того, какова она есть, не быть ей* (с. 23).

Неизменяемый неспецифицированный императив у Горького также представлен 19-ю (3,6%) примерами. Кроме выражения негативных пожеланий здесь обнаружены и другие модальные оттенки значений, например: *А деньги, кто хочет, тот и возьми* (с. 20). В данном случае употреблен несогласованный императив, так как речь идет о побуждении, обращенном к 3-му лицу: *А замужем баба — вечная раба, жни, да пряди, да за скотом ходи, да детей роди* (с. 168), — случай, представленный эллипсисом подлежащего *баба* и императивом, по своей семантике приближающимся к дебитивно-оценочному типу, который, однако, в чистом виде типа *Они гуляют, а я работай* не представлен.

Императив, выражающий условие, был обнаружен только в 4-х случаях (0,76%). Ср. следующий пример с яркой экспрессивностью, передающий субъективное отношение говорящего: *Каждый из них усы бы себе сбрил, моргни я ему глазом, все они пали бы мне в ноги, захоти я этого* (с. 20).

Драматический императив у Горького представлен лишь одним примером (0,19%): *А Данила и скажи ему: «Это только паны продают все, от своих свиней до своей совести»* (с. 21).

Лексикализованные императивы *того и гляди* и *кажись* обнаружены только в 3-х случаях (0,56%).

Инклюзивные формы у Горького представлены 23-мя примерами, что почти в 23 раза меньше, чем примеров на употребление обычных императивов. В 17-ти случаях употребляются формы, формально неотличимые от форм индикатива. Наиболее часты образования *Пойдем!*; *Идем!*; *Едем!*; в 2-х примерах они употребляются с окончанием *-те*: *Идемте!*; *Поглядимте!*, а в 4-х случаях представлены аналитические формы: *Давайте крикнем!* (с. 32), *Давай смотри!* (с. 127), *Давай прямо по душе говорить!* (с. 188), *Будем говорить прямо, Яшка* (с. 202). Непрямых императивов с частицами *пусть* и *да* — 10, то есть в 52 раза меньше, чем прямых. Они имеют побудительную семантику: собственно-побудительную и желательную.

Наиболее детально мы изучили употребление императива в повести В. Г. Распутина «Живи и помни». Этот текст представляет для нас наибольшую ценность, так как он отличается исключительно тонким анализом психологии героев и богатством языковых средств. У Распутина обнаружено 479 употреблений императива, из которых 387 со значением прямого побуждения (80,8%). Классифицировать употребление императива по выделенным нами группам здесь было значительно труднее, так как у Распутина представлены такие случаи, которые можно интерпретировать различно в зависимости от общей сложной ситуации высказывания и сложности коллизий, создаваемых автором. Так, к побудительному императиву мы отнесли такой пример, как *Дотянуть бы до релки — и гребни без боязни, только не стучи* (с. 386). Это часть внутреннего монолога Настены, которая переезжает в лодке Ангару. Императив здесь выражает обращение к собеседнику, что позволяет думать, что императив употреблен с обобщенным субъектом. Однако данная ситуация позволяет интерпретировать этот случай и иначе: Настена как бы обращается с призывом к самой себе. Со смысловой стороны это обращение содержит не общезначимые предписания или правила, что часто бывает в случаях с обобщенным субъектом, а скорее указание на то, как вести себя в данной ситуации. На значение побуждения здесь наслаивается вторичное значение возможности. В другом случае (аналогичный внутренний монолог) Настена обращается сама к себе: *Сердце у Настены оборвалось: «Вот оно, вот. Вот, он, порог перед ее крестным путем. Перешагнивай, Настена»* (с. 376).

Напротив, в примере *Себе, значит, не верь, а ей верь* (с. 373) речь идет скорее об употреблении императива с обобщенным субъектом. Андрей в этом случае говорит о себе, но выражает свою мысль вслух в присутствии собеседника, к которому действие как к субъекту не относится, так как он высказывает обобщенное суждение, что человек скорее должен верить себе, чем кому-либо другому. Характерно, что говорящий для обозначения собеседника употребил форму 3-го лица *ей*, что всему высказыванию придает большую обобщенность.

Нередко бывает трудно установить, особенно когда субъектом

императивного действия является большой и неопределенный коллектив, относится то или иное употребление императива к группе лиц или к обобщенному субъекту, например: *И правда, чего не жилось? Молодые, здоровые... Живи и радуйся* (с. 238). Поскольку в данном случае речь идет о людях, живущих в определенное время и в определенном месте, высказывание не имеет характера полной обобщенности. Ср. возможный перевод на чешский язык: *Každý může žít vesele. / Každý mohl žít vesele.*

Так как цель нашего исследования — определение модальных значений императива, то представляется несущественным, куда мы включим некоторые переходные случаи употребления императива, так как смещение его семантики в направлении возможности или необходимости можно обнаружить как у императива, сочетающегося с конкретным субъектом и выражающего побуждение, так и у императива с обобщенным субъектом.

Употребление императива с обобщенным субъектом в повести Распутина представлено 48 случаями (10%). И здесь есть точки пересечения, например, когда императив, относящийся к обобщенному субъекту, выражает условие: *Доверь непутевому человеку после одной жизни вторую, все равно не научится жить* (с. 391). Приведенный пример можно отнести к группе императивов с обобщенным субъектом, так как форма ед. числа императива не является показателем его неизменяемости. К группе императивов, выражающих условие, мы относим только императивы несогласованные и явно неизменяемые.

Случаев употребления неизменяемых и неспецифицированных императивов у Распутина 16 (3,3%). Они выражают как положительные, так и отрицательные пожелания, а в рамках безличной функции — также уступку: *будь что будет* (3 раза): *Теперь приходилось жить только одним: будь что будет* (с. 212). Неизменяемый императив условия здесь более частотен, чем в других обследованных нами текстах, — 22 случая (4,6%). При этом в 20-ти случаях подлежащее находится в постпозиции: *Конечно, будь она [Настена] из местных, жица тут ее родня, то и отношение к ней было бы другое* (с. 205).

Императивные конструкции дебитивно-оценочного типа: *Они гуляют, а я работай* — не зафиксированы.

Драматический императив у Распутина употреблен 2 раза (0,4%). В одном случае: *А в Братском, сказывают, две похоронки на мужика пришло, и везде будто по-разному убитый. А он возьми — и на порог* (с. 349) — речь идет о конструкции, в которой императив выражен лексически ослабленным экспрессивным глаголом *взять* при эллипсисе смыслового глагола. Правда, эллипсис императива смыслового глагола компенсируется выражением обстоятельства места — то есть средством, которое наряду с эллипсисом глагола движения в функции сказуемого служит для экспрессивного выражения неожиданного действия в прошлом. Ср.: *Татьяна в лес, медведь за ней*³⁰. Предложение *А он возьми — и на порог* выражает неожиданное действие без какой-

либо примеси дебитивного значения. Второй случай на употребление драматического императива весьма проблематичен в том смысле, что в нем употребляется глагол несовершенного вида, в то время как драматический императив является обычным от глаголов совершенного вида. Описывается ход мыслей у Настены: *...прошлой осенью Агафья Сомова, получив похоронку на сына и отголосив первые дни, собрала баб, выставила спирт... Не у одной Агафьи так вышло — теперь только вспоминай, а не известно еще, кому судьба готовит такой же оборот* (с. 376). Смысл конструкции *теперь только вспоминай* с эллипсисом подлежащего (Настена) заключается в том, что Настена случайно вспомнила, что Агафья позвала гостей помянуть погибшего сына, что такие случаи есть и что их будет много. Драматический императив здесь выражает случайность и произвольность прошедшего действия, употребление несовершенного вида мы здесь можем объяснить тем, что форма глагола несовершенного вида является немаркированной, способной в некоторых случаях замещать глагол совершенного вида.

Фразеологизованных императивов в повести Распутина 4 (0,83%): *кажись, откуда ни возьмись, считай* (для выражения неуверенности): *...теперь, считай, добрались, теперь недалеко* (с. 256). Инклюзивный императив у Распутина представлен 32-мя примерами (в 21,6 раза меньше, чем обычный императив). В 10-ти случаях инклюзивный императив формально не отличается от 1-го лица мн. числа индикатива, всего один раз употреблен простой инклюзив с окончанием *-те* (примечательно, что второй инклюзив в этом предложении — без окончания): *Подниметесь, люди, взглянем во все глаза на сегодняшний день* (с. 347). В 10-ти случаях инклюзив образован аналитически, в том числе в 4-х примерах выражен только глаголом *давай*: *Давай уж вместе* (с. 297). В прочих примерах *давай* употребляется в сочетании с личной формой глагола: *Давай бросим ее, работу эту* (с. 367); *Давайте же корову забьем* (с. 257). В одном случае *давай* употребляется в комбинации с *будем*: *Она здесь одна — давайте не будем ее обижать* (с. 290).

Непрямой императив с частицей *пусть* представлен в 5-ти случаях, что в 39 раз меньше, чем употребление собственного императива.

Количественный анализ текстов показал, что доминантой русского императива является изменяемый императив в собственно побудительной функции. В обследованных нами текстах его частота колеблется в пределах 80—93%. Прочие употребления императива представлены небольшим числом примеров и обнаруживают значительную зависимость от лексического значения глагола.

Наибольшая лексикализация проявляется у неизменяемых неспецифицированных императивов, меньшая лексическая обусловленность у императивов, употребленных с обобщенным субъектом. Так, из 48-ми таких случаев у Распутина находим 40 кон-

струкций лексически несвязанных, а 8 — лексикализованных. К последним относятся прежде всего конструкции с уступительными частицами *ни* и *хоть*: *откуда ни возьмись, что ни возьми, как ни старайся, хоть убей, хоть выжимай: Валенки его вымокли до того, что хоть выжимай* (с. 315). Однако среди конструкций указанного типа находим и нелексикализованные: *Настена умаялась до того, что хоть веди под руки* (с. 200).

Большая лексикализованность драматического императива уже отмечалась (все случаи употребления мы привели).

Высокую степень лексической несвязанности и продуктивности обнаруживает императив, употребляющийся в условном придаточном предложении, где не наблюдается предрасположенности к фразеологизации, а значительной является частотность императива *будь* типа: *Не будь ее, ничего бы не вышло*. Указанная форма часто встречается и в других случаях употребления неизменяемого императива. Мы имеем в виду употребление полнознаменательного *будь* (*будь что будет*), связочного (*будь я трижды неладен, будь по вашему*) и его употребление в составе аналитической глагольной формы (*не будь поставлено*). *Будь* употребляется как в отношении к подлежащему, так и в предложениях бесподлежащих. Конструкции с *будь* обнаруживают тенденцию к лексической и грамматической лексикализации. Ср.: *не будь дура, будь то: У Дашеньки родственная склонность ко всему волосатому, будь то щетка или конский волос* (Чапек, 205).

Высокая фреквенция *будь* в различных типах употребления неизменяемого императива свидетельствует о том, что от некоторых глаголов оно стало автоматизированным, что в свою очередь способствует их употреблению в конструкциях, которые в прочих случаях новые лексические единицы³¹ не принимают.

Однако тенденция к лексикализации некоторых конструкций с неизменяемым императивом не исключает сохранения у императива семантического признака субъективного отношения говорящего к действию. Незначительная продуктивность и употребительность неизменяемого императива усиливает позиции изменяемого императива в системе русского языка как главного репрезентанта этой категории.

Как было показано на анализе примеров из повести Распутина, изменяемый императив обнаруживает достаточно большую способность к транспозиции, особенно в область значений дебитивности и возможности.

IV

Сделаем несколько замечаний сопоставительного характера. О. Лешка совершенно справедливо считает, что инвариантное значение императива в русском и чешском языках не перекрывается, однако к его аргументации есть некоторые замечания. Исследователь полагает, что в чешском языке

императив противопоставлен индикативу по признаку волюнтаривности (выражения воли), в то время как в русском — по признаку дебитивности. Доказательством этого, по его мнению, является то, что в чешском языке нет соответствующей параллели к русским конструкциям типа *Они гуляют, а я работаю*³².

Выше уже говорилось, что дебитивность нельзя считать инвариантным значением русского императива. Кроме того, употребление императива в дебитивно-оценочном значении не исключено и в чешском языке. Ср., например, чешские переводы русских драматических произведений: *Им бал, а ты, батюшка, таскайся на поклон* (Грибоедов, 74) — *Nu děti, vida, bál chtějí. Tatínku, ty všechno obstarěj*³³; *Обедаешь где-нибудь у губернатора, а там стой, городничий* (Гоголь, 81). — *Obědváš někde u gubernátora a tam: stůj městský hejtmane.* (Gogol, s. 118)³⁴. Однако указанное дебитивно-оценочное употребление императива в чешском языке возможно потому, что контекст позволил выразить субъект императивного действия при помощи вокатива и благодаря этому появилась возможность употребления изменяемого императива, согласованного с субъектом в числе. Предложение типа *Já všechno obstarěj* в чешском языке образовать невозможно.

Следовательно, существенное различие между чешским и русским языками заключается в том, что в чешском языке нет неизменяемого императива, несогласованного с подлежащим в лице и числе. В связи с этим функции, выполняемые в русском языке неизменяемой формой императива, в чешском языке выполняют другие языковые средства.

С полной определенностью можно утверждать, что и инвариантное значение императива и его функционирование в современном русском языке значительно ближе древнечешскому, а не современному состоянию чешского языка. В древнечешском языке можно найти случаи употребления неизменяемого императива, относящегося к различным грамматическим лицам, например: *Bruncvík vece: Afriko, ranno milá! Bud' já živ nebo mrtev, bez tebe z tohoto hradu nepojeđu* (О Bruncvíkovi, XV век). — *Брунцвик сказал: Африка, дева милая! Будь я жив или мертв, но без тебя я из этого замка не уеду.*

Однако еще в «Грамматике Чешской» Яна Благослава, написанной в 1571 г., приводятся примеры, указывающие на расшатанность нормы в отношении такого употребления императива. Ср.: *Zaplaťe oni tobě nebo nezaplaťe, jdi předce*³⁵. *Заплати они тебе или не заплати, ты все-таки иди* (=заплатят они тебе или не заплатят...). Аномалия такого употребления состоит в том, что императив здесь по-прежнему не согласуется с подлежащим в лице, но согласуется в числе, что свидетельствует об отмирании здесь употребления неизменяемого варианта императива.

Приведенные примеры свидетельствуют о распаде конструкций с неизменяемой формой императива. В современном чешском языке представлены лишь остатки императива, употребляющегося по отношению к 3-му лицу ед. числа. Приведем примеры, хорошо

известные нам из разговорной практики и проверенные по «Настольному словарю чешского языка». Ср.: Padní oko nebo zub, já od tebe neupustím (Šmilovský, PS, 15). — *Что бы ни случилось, я от тебя не отступлюсь.*

Употребление такого императива возможно и в безличной конструкции: Staň se co staň, budu mu psát (Stankovič, PS). — *Будь что будет, я буду ему писать.*

Далее, подлежащее императивного предложения может быть выражено придаточным предложением: Staň se, co se má stát. — *Пусть будет то, что должно быть.* Здесь императив выражает значение желательности, равно как в приветствиях и в других устойчивых выражениях типа: Pozdrav bůh, Jaroslave! (Hálek, PS, 943). — *Будь здоров (=дай бог здоровья)* и др. Некоторые устойчивые обороты с неизменяемым императивом вытесняются другими. Так, например, вместо: staň se co staň уже более употребительным является выражение ať se stane cokoli — *что бы ни случилось.* В современном чешском языке исключается употребление неизменяемого императива в отношении к 1-му лицу ед. числа и к различным лицам мн. числа. В современном чешском языке возможно также употребление условно-уступительных конструкций с повторяемой формой императива и местоименным компонентом (но без формально выраженного предиката). В подобных случаях возможно и безличное употребление императива. Ср.: Stojíš ve slově buď jak buď (Šmilovský, PS, 226). — *Сдержи слово любой ценой;* Syna tentokrát do Prahy nepustí, děj se co děj (Merhaut, PS, 426). — *На этот раз сына в Прагу не пускать, чтобы ни случилось;* Musím mít jasno stůj co stůj (Kunětická, PS, 709). — *Во что бы то ни стало, мне нужно иметь ясность. (Мне нужно иметь ясность во что бы то ни стало.)*

Употребление условно-уступительных конструкций указанного типа в чешском языке возможно также с обобщенно-личным субъектом, например: Lidem se nezachováš a nezalibiš — dělej co dělej (Вааг, PS, 377). — *Делай что хочешь — людям не угодишь и не придешься по нраву;* Vem pak, kde vem — jen když jsou peníze (Hálek, PS). — *Возьми где хочешь — лишь бы были деньги.*

Возможны случаи, когда употребленный в указанном значении императив относится к конкретному субъекту (к вокативу): Holka musí umět piano, německy, francouzsky a čerty d'ably a vem, Sojko, kde vem. (Tůma, PS). — *Девушка должна уметь играть на пианино, говорить по-немецки, по-французски и черт знает что еще, а ты бери, Сойка, где хочешь.*

В последнем примере, несмотря на лексическую связанность, речь все-таки идет об употреблении императивных форм, на что указывает употребление вокатива. Ср., также употребление императива сїи в пословице: Сїи čertu dobře, peklem se ti odslouží. — *Делай черту добро, он отблагодарит тебя злом (букв. пеклом).*

Различия между русским и чешским языком наблюдаются также при употреблении бессоюзных конструкций с двумя импера-

тивами (один из них с отрицанием), между которыми существует отношение исключения. В современном чешском языке сохранились лексикализованные выражения *chtěj nechtěj* — *волей-неволей, хочешь-не хочешь*, которые в предложение включаются как обстоятельственные определения: *Pan otec musel chtěj nechtěj do kola* (Němcová, 130). — *Пан Отец волей-неволей должен был встать в круг (=начать танцевать)*.

В указанных конструкциях возможно также употребление глагола *věřit* в форме мн. числа. Ср., например, начало сказки: *Věřte nevěřte, v jedné zemi za devaterými horami...* — *Хотите верьте, хотите — нет, в одной стране за морями, за горами...* Ср. также употребление указанных форм императива в отношении к конкретному собеседнику: *Víte co, Petříčku, věřte si nevěřte si, ale přede mnou takhle nemluvte* (Jirásek, PS, 931). — *Знаете что, Петричек, хотите верьте, хотите нет...*

В отличие от чешского языка бессоюзные сочетания двух императивов в русском языке лексически свободны. Ср.: *Влюбленные никогда их [цветы] не рвут, думают, что они к слезам. И, боже мой, рви не рви, всегда найдется о чем поплакать* (Немцова, с. 212).

Об исчезновении в чешском языке неизменяемого императива свидетельствует и способ, при помощи которого выражаются придаточные предложения нереального условия, эквивалентные русским бессоюзным придаточным предложениям с формой императива. Ср.: *Já být panímámou, upekla bych vám na moučě věru, hodnou vránu na hrách* (Němcová, 34). — *Будь я на месте пани мамы, я давно бы вам изжарила ворону с горохом* (Немцова, 45). Этот предложенческий тип относительно позднего происхождения в наших языках утвердился как эквивалент бессоюзных придаточных предложений с кондиционалом, распространенных в ряде западноевропейских языков. Ср.: *Il serait malade, il ne recevrait personne* или *Serait-il malade, (qu') il ne recevrait personne* = *Будь он больным, он бы никого не принял*³⁶.

В русском языке в подобных случаях употребляются две параллельные бессоюзные конструкции: 1) с императивом и 2) с кондиционалом, после которого наблюдается инверсия подлежащего, например: *Был бы Иржек в моем трактире, ничего бы с ним не случилось* (Немцова, с. 185).

В чешском языке данная коммуникативная задача решается при помощи конструкции с инфинитивом, в которой инверсии подлежащего может и не быть или же оно отсутствует вовсе.

Итак, мы рассмотрели все случаи употребления императива в чешском языке, отличающиеся от его основного употребления в собственно-побудительной функции. В результате можно сделать вывод, что для чешского языка характерно лишь функционирование изменяемого императива, который вследствие транспозиции может приобретать частные семантические оттенки значений (условно-уступительное, дебитивное и др.) и что неизменяемый императив полностью вышел из употребления. Эти вто-

ричные значения, как правило, наслаиваются на основное собственно-побудительное значение, возникающее благодаря тому, что говорящий при помощи формы императива обращается к адресату высказывания. Например: *Darmo ty, můj milej, Vitoušku rozmilej, darmo ty na mně voláš: volej ve dne v noci, není ti pomoci, mě se víc nedovoláš.* — *Напрасно ты, мой милый-премилый Витоушек, напрасно ты меня зовешь: зови ночью и днем, я не отзовусь, меня ты больше не увидишь* (чешская народная песня)³⁷.

В случаях безличного употребления императива типа *staň se со staň, radní komu radní* — *будь что будет* вторичное условно-уступительное значение наслаивается на основное желательное значение.

Анализ семантики русского императива показывает, что его употребление в собственно-побудительном и желательном значениях вытекает из общего побудительного значения императива. Это свидетельствует о том, что в чешском языке побудительное значение можно считать не только главным, но и инвариантным значением императива.

Семантический признак субъективного отношения говорящего к действию есть и в чешском императиве, но здесь он неотделим от побудительного значения, в то время как в русском языке оба семантических признака в известной степени самостоятельны. При употреблении русского императива субъективное отношение говорящего к действию сохраняется и в том случае, когда в определенном типе контекста побудительное значение полностью снимается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карцевски С. I. *Système du Verbe russe*. Prague, 1927.

² Ср.: Au point de vue volitionnel, il n'y a que deux modes à distinguer: l'impératif et non-impératif. L'impératif relève du langage actif, il correspond à une attitude active de la personne parlante cherchant à imposer directement sa volonté. Le mode non-impératif traduit une attitude plus réfléchie et réservée, quand la personne parlante ne vise directement qu'à énoncer quelques faits. (Карцевски С. I. *Op. cit.*, s. 35).

³ Ср.: Du caractère particulier des rapports entre la personne parlante et le sujet-interlocuteur auxquels correspond l'impératif, une nouvelle valeur qui est celle d'un acte imposé à l'interlocuteur et par conséquent plus ou moins arbitraire, du point de vue de ce dernier (Карцевски С. I. *Op. cit.*, s. 140).

⁴ Leška O. Formální a funkčně obsahová struktura ruského imperativu (injunktivu). — In: *Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české III*. Praha, 1968, s. 20.

⁵ Ср.: «Они (окончания форм императива. — Вл. Г.) выражают дебитивное восприятие действия, то есть восприятие его как долженствовательного, которое или должно совершиться по воле говорящего, или которое, наоборот, совершается вопреки (помимо) его воли, или, наконец, без понятной (разумной, очевидной) мотивировки (ср., например: *Я и пол подмети, и воды принеси*)» (Вагнетова В., Беличкова-Кřížková Н., Leška O., Skoumalová Z., Štráková V. (Русская грамматика, д. I. Praha, 1979, s. 189).

⁶ См.: Виноградов В. В. Синтаксис русского языка А. А. Шахматова. — В кн.: *Вопросы синтаксиса современного русского языка*. М.—Л., 1950, с. 81.

⁷ См.: Филипповская И. А. Модальность предложения. Учебное пособие по спецкурсу. Душанбе, 1978, с. 20.

⁸ См.: Шведова Н. Ю. О долженствовательном наклонении. Синтаксис и норма. М., 1974, с. 115.

- ⁹ См.: Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 1941, с. 203.
- ¹⁰ *Ему бы в сторону броситься, а он возьми да прямо и побеги* (Тургенев). Пример взят у А. В. Бондарко (см.: Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1979, с. 108).
- ¹¹ Междометия, обозначающие движение, при выражении экспрессивного действия в прошлом могут иметь также восклицательную интонацию: *Вдруг видим, взмахнул он руками и оземь затылком — грох!* (Горький, 25); *Тогда он — гоп! — прыгнул в воду, чтобы остудить обожженные лапки* (Чапек, 50). Ср. также в оригинале: *Potom honem hups! Skočil do vody, aby si ochladil popálené gučičku* (Сапек, 100).
- ¹² Цит. по: Příruční slovník jazyka českého. CSAV. Praha, 1935—1957, d. 1, s. 822, 922.
- ¹³ Пример приводит Я. Гебауер: Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého, d. IV. Skladba. Praha, 1929, s. 558.
- ¹⁴ Пример приводит Ф. Миклошич: Mikloshich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen IV. Wien, 1883, S. 796.
- ¹⁵ Příruční slovník jazyka českého, d. 1., s. 1015.
- ¹⁶ Mikloshich F. Op. cit., S. 794—797.
- ¹⁷ См.: Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл, с. 106.
- ¹⁸ Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967, с. 125.
- ¹⁹ Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл, с. 165.
- ²⁰ См. там же, с. 118.
- ²¹ См.: Шведова Н. Ю. О долженствовательном наклонении. Синтаксис и норма, с. 120.
- ²² См.: Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, с. 549, с. 600.
- ²³ Пример приводит В. В. Виноградов: Виноградов В. В. Указ. соч., с. 596.
- ²⁴ Цит. по: Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл, с. 265.
- ²⁵ Цит. по: Вгум I. Ruský imperativ z hlediska významového. Brno, 1979, s. 23.
- ²⁶ Русская грамматика, d. 1, с. 196.
- ²⁷ См.: Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 87.
- ²⁸ Русская грамматика, d. 1, с. 192.
- ²⁹ Немцова Б. Бабушка. М., 1956. Němcová B. Babička. Praha, 1953. Чапек К. Сказки и веселые истории. М., 1963. Сапек К. Devatero pohádek. Praha, 1935. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М., 1950. Горький М. Ранние рассказы. М.—Л., 1956. Распутин В. Г. Повести. М., 1978.
- ³⁰ Пушкин А. С. Соч., М., 1949, с. 342.
- ³¹ Интересно заметить, что в разных конструкциях с неизменяемым императивом часто появляются одни и те же лексемы. Например: с одной стороны, в придаточном условном: *попадись, случись: Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы?* (Чехов); *Случись это у нас, я бы сразу определил...* (Чапек), с другой — в значении драматического императива: *Попадись мне тут картинка* (Немцова); *Случись тут мухе быть. Как горю не помочь? Вступилась: ну жужжать во всю мухину мочь* (Крылов).
- ³² Русская грамматика, d. 1, s. 185.
- ³³ Грибоедов А. С. Горе от ума. М., 1950, с. 74; Gribojedov A. S. Hoře z gozumu. Praha, 1954, s. 101.
- ³⁴ Гоголь Н. В. Ревизор. Praha, 1941, s. 81; Gogol N. V. Révizor (překl. V. Koenig). Praha, 1926, s. 118.
- ³⁵ Цит. по: Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého, d. IV, s. 556—558. Там приводятся подробные сведения об источниках.
- ³⁶ Radina O. Francouzština a čeština. — Systémové zkoumání dvou jazyků. Praha, 1977, s. 88.
- ³⁷ Aleš M. Spalíček národních písní a říkadel. Praha, 1939, s. 95.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

PS — Příruční slovník jazyka českého, I—VIII. Praha, 1935—1957.

* * *

Чехов — Чехов А. П. Избр. произв., т. 1. Повести и рассказы. 1880—1888. М., 1962, с. 59, 60.

ГЛАГОЛЫ ИНОЯЗЫЧНОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ВИДОВОЙ
СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО
ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА

(в сопоставлении с русским языком)

Как известно, заимствующий язык подвергает иноязычную лексику формальной адаптации: модификации звукового состава и морфолого-словообразовательных показателей. При этом часто происходят изменения в семантическом наполнении, стилистической и экспрессивной окраске заимствованного слова. Таковы общие закономерности освоения иноязычной лексики системой принимающего языка.

В процессе морфологической адаптации заимствованной глагольной лексики происходит становление отдельных, присущих глаголу грамматических форм. В славянских языках особо интересным представляется приобретение глаголами иноязычного происхождения (далее ИП) видовых значений. Своеобразие этого процесса заключается в том, что глагольные системы языков-источников не знают специфически славянской грамматической категории вида. Для всех славянских языков эта грамматическая категория обязательна. Под давлением славянской видовой системы глаголы ИП приобретают грамматическое значение совершенного или несовершенного вида (далее СВ, НСВ), квалифицирующее их лексическое значение с точки зрения категориального видового признака целостности действия.

При анализе закономерностей освоения глаголов ИП грамматической категорией вида принципиально важно, по нашему мнению, различать понятия центра и периферии видовой системы славянского глагола¹. Центр составляют бинарные оппозиции членов видовых пар типа *rozdělit — rozdělovat: разделить — разделять* и *dělat — udělat: делать — сделать*², периферию — бинарные оппозиции разных глаголов противоположных видов, также противопоставленным друг другу по отношению к категориальному видовому признаку целостности, например, *dělat* и *předělat: делать и переделывать*, *respektovat* и *břínknout: уважать и звякнуть*³. Область видовой несоотнесенности, хотя и представляет собой периферию видовой системы, является тем не менее равноправной стороной категории вида⁴.

Центр видовой системы в свою очередь членится на ядро, которое образуют формы одного и того же слова с формально выраженным видовым значением, например, *nahradit — nahrazovat: заменить — заменять*; *psát — papsat: писать — написать* и т. п., и периферию⁵, представленную двувидовыми глаголами (далее

ДГ), не имеющими формальных показателей СВ или НСВ, например, *obětovat*, *akceptovat* и *использовать*, *аннулировать* и т. д.

Все глагольные лексемы, образующие центр видовой системы, независимо от наличия/отсутствия морфологических показателей видовой принадлежности, обозначают действия объективной реальности, которые могут интерпретироваться в обоих видах. Именно это позволяет относить ДГ к центру видовой системы, где они занимают периферическое положение. В системе языка, на парадигматическом уровне, каждый ДГ — одна лексема. При функционировании, на синтагматическом уровне, реализуется потенциальная возможность представлять обозначаемое им действие целостно и нецелостно. Находящиеся за пределами системы бинарных оппозиций членов видовых пар абсолютные *perfectiva tantum* (далее *pf. t.*) и *imperfectiva tantum* (далее *ipf. t.*) обозначают действия объективной реальности, которые могут быть интерпретированы только в одном из видов. Выпадение одновидовых глаголов из системы бинарных оппозиций форм одного и того же слова не означает их выпадения из видовой системы, где все глаголы СВ противопоставлены всем глаголам НСВ по отношению к категориальному видовому признаку целостности.

Применение теории центра и периферии при описании структуры видовой системы славянского (чешского) глагола позволяет максимально точно определить место глаголов ИП в этой системе.

Прежде чем перейти к анализу лексической семантики и видовой принадлежности глаголов ИП, кратко охарактеризуем их стилистические особенности. В чешском языке сфера употребления каждого из этих глаголов строго регламентирована оппозицией «литературность — нелитературность». Глаголы, заимствованные из классических и европейских языков (за исключением немецкого), например, *absolvovat*, *aranžovat*, *alarmovat*, *faulovat* и т. п., являются принадлежностью литературного языка. Глаголы, заимствованные из немецкого или через немецкий язык, например, *kšeftovat*, *štelovat*, *klempírovat*, *markýrovat* и т. д., функционируют главным образом в обиходно-разговорном языке, то есть за пределами литературного языка. И как показал анализ конкретного материала, способ включения глаголов каждой из этих групп в центр видовой системы различен.

Среди глаголов ИП, функционирующих в чешском языке, по видовым особенностям выделяются следующие группы: глаголы *pf. t.*; глаголы *ipf. t.*; двувидовые глаголы; глаголы, ставшие в результате перфективации и имперфективации соотносительными по виду.

Анализ лексической семантики и функционирования бесприставочных глаголов ИП, которые в толковых словарях чешского языка⁶ характеризуются как глаголы *pf. t.* или *ipf. t.*, позволил выявить наряду с абсолютной одновидовостью, одновидовость относительную. Одновидовость бесприставочных глаголов СВ или НСВ является абсолютной при условии принципиальной несочетаемости их лексической семантики с грамматическим значением про-

тивоположного вида. Одновидовость бесприставочных глаголов ИП относительна, если их лексическая семантика потенциально способна сочетаться с противоположным видовым значением⁷.

Бесприставочные глаголы ИП абсолютного СВ в чешском языке крайне немногочисленны. Оформленные суффиксом *-nou-*, эти глаголы, как и большинство собственно чешских глаголов такого типа, экспрессивны и обозначают, как правило, так называемые мгновенные или однократные действия. Показательно, что это почти исключительно германизмы, например, *lajstnout si*, *helfnout*, *lajznout*. Чаще всего абсолютные *pf. t.* ИП принадлежат к пласту бранной лексики, к вульгаризмам, ср. *majznout*, *šlohpnout*, *šmajznout* и др.

Чрезвычайная количественная ограниченность абсолютных перфективов с заимствованной основой с суффиксом *-nou-* свидетельствует о непродуктивности такого способа включения глагольных лексем ИП в видовую систему чешского глагола. Продолжению видовой цепи у рассмотренных глаголов препятствует их семантика⁸.

Глаголы ИП абсолютного НСВ достаточно многочисленны (по данным SSJC, около 600 глагольных лексем) и функционируют не только за пределами литературного языка, то есть в обиходно-разговорном языке и сленгах, как, например, германизмы *debužírovat*, *šnajdrovat*, *kremplovat* и т. п., но и во всех стилях литературного языка, ср. *aspirovat*, *prosperovat*, *inhalovat* и т. д. Эти глаголы интересны прежде всего тем, что место глагольных заимствований в видовой системе чешского как славянского языка определяет семантика глагольного слова. Абсолютные имперфективы ИП, как и собственно чешские глаголы абсолютного НСВ, неопредельны⁹, целостное понимание обозначаемых ими действий полностью исключено.

Абсолютные имперфективы ИП обозначают: статические отношения, например, отношения подобия или различия чего-либо (*koincidovalat*, *diferovat*, *divergovat*, *disponovat*), взаимовлияние субъектов (*interferovat*, *kolidovat*), постоянное свойство субъекта (*implikovat*, *percipovat*), процессы со значением «существовать» (*existovat*, *koexistovat*, *vegetovat*), проявление субъектом каких-либо стремлений (*reflektovat*, *pretendovat*), поведение субъекта (*producírovat se*, *taktizovat*), отношение субъекта к объекту (*protežovat*, *favorizovat*, *respektovat*, *perzekvovat*), способ осуществления действия (*fistulovat*, *kraulovat*) и т. д. Среди абсолютных *ipf. t.* ИП есть глаголы движения, например, *cirkulovat*, *korzovat*, *promenovat*, *trápotat*.

В силу своей семантики абсолютные *perfectiva* и *imperfektiva tantum* не могут быть вовлечены в систему бинарных оппозиций членов видовых пар, являющуюся центром грамматической категории вида, и находятся на периферии видовой системы чешского глагола.

Относительные перфективы ИП, количественно весьма ограниченные, оформлены суффиксом *-ova-*, ср., например, *dezavouvat*,

koopťovat, adoptovat, skreťovat, havarovat и др. В подавляющем большинстве случаев функционирования этих глаголов, являющихся принадлежностью литературного языка, обозначаемые ими действия понимаются целостно. Ср.: Navečer pŕijel desátník ohlásit Prouzovŕm, že Emil havaroval u Trenčína (Paz.).

Преобладание в семантике относительных перфективов ИП видового значения совершенности не исключает полностью возможность употребления их как глаголов НСВ. Ср.: ...Tabery nemohl pŕedpokládat, že Dubišar bude havarovat (Vážný).

Одновидовость рассматриваемых глаголов не является абсолютной, что косвенно подтверждается расхождениями в оценке видовой принадлежности некоторых из них в PS, SSJĀ и SSĀ. Ср., например, absolvovat — PS dok. i ned., SSJĀ dok., SSĀ dok. i ned.; dezertovat — PS dok., SSJĀ dok. i ned., SSĀ dok.

Относительные имперфективы ИП (в нашем материале около 80 глаголов) обозначают действия, которые потенциально могут интерпретироваться и целостно¹⁰. Сказанное относится прежде всего к терминам со значением «производить действие, направленное на прямой объект с целью вызвать его изменения», например, rafinovat, hormonizovat, tonizovat, alergizovat, apesztizovat и т. д. Глаголы указанного семантического типа представлены и среди двувидовых глаголов иностранного происхождения.

Развитие двувидовости у относительных имперфективов ИП возможно при условии их высокой частотности, чаще всего при детерминологизации глагольных лексем. Так, например, произошло с глаголами hospitalizovat, penalizovat и др.

Для относительных имперфективов ИП возможен и другой путь реализации потенциальной возможности целостной интерпретации обозначаемых ими действий — приставочная перфективация исходной основы. Ярким примером перфективации глагола НСВ, вызванной актуальной необходимостью выразить совершенное видовое значение, может служить не так давно вошедший в язык глагол programovat. Корреляты СВ возникли к обоим значениям этого глагола. Первый из них, naprogramovat, появился, очевидно, по аналогии с синонимичным глаголом napláňovat и еще не зафиксирован словарями. Видовой коррелят zaprogramovat образован ко второму, терминологическому значению исходного глагола.

Относительные pf. t. и ipf. t. ИП образуют переходную зону к ДГ. Относительная одновидовость предваряет динамический процесс освоения глаголов ИП, лексическое значение которых может быть представлено в обоих видах, системой бинарных оппозиций членов видовых пар.

Выделенные нами ранее 4 ступени освоения ДГ ИП центром видовой системы чешского (и русского) глагола в определенной степени демонстрируют динамику указанного процесса: 1. Двувидовость при отсутствии производных приставочных коррелятов СВ; 2. Двувидовость при наличии производных приставочных кор-

релятов СВ; 3. Возникновение видовых пар «бесприставочный глагол НСВ, полностью утративший первоначальную двувидовость (или ранее относительный имперфектив) — производный от него приставочный коррелят СВ»; 4. Возникновение видовых пар «приставочный глагол СВ — вторичный имперфектив»¹¹.

Важно, однако, подчеркнуть, что динамическая сущность, потенциальность исследуемого процесса обуславливают существование переходных межступеней. Для каждого отдельного глагола одна из выделенных ступеней потенциально может смениться следующей, что и имеет место в действительности. Поэтому любая классификация глаголов ИП по степени освоенности центром видовой системы в какой-то мере условна.

Двувидовые глаголы иностранного происхождения, не имеющие в чешском языке производных приставочных форм СВ, весьма многочисленны — по данным словарей, около 500 глаголов, например, *konsternovat*, *dementovat*, *nominovat*, *vetovat*, *imatrikulovat*, *dotovat* и т. д. Семантическую структуру абсолютного большинства этих глаголов можно охарактеризовать следующим образом: «производить/произвести, осуществлять/осуществить какое-либо действие, направленное на прямой объект». Грамматические формы их являются формами одного и того же слова, у которых, однако, видовое значение совершенности и несовершенности формально не выражается. Отсутствие у исследуемых глаголов морфологических показателей видовой принадлежности и полной видовременной парадигмы¹² является причиной того, что они находятся на периферии системы бинарных оппозиций членов видовых пар.

На I ступени находятся также двувидовые глаголы ИП, участвующие только во внутриглагольном словообразовании¹³. Такие глаголы очень немногочисленны. В качестве примера можно привести глагол *investovat*. Производные приставочные образования *proinvestovat* 1. *потерять на инвестициях*; 2. *израсходовать на инвестиции*; *řeinvestovat* — *чрезмерно инвестировать* являются новыми лексемами.

Сюда же следует отнести и редкие случаи реализации потенциальной возможности образования от ДГ ИП многократных глаголов типа *adresovávat*. Присоединение к основе исходного ДГ суффикса *-va-* модифицирует значение этого глагола. Ср.: *Adresovával své stížnosti úřadům (hovor.)*.

Бесспорно, сочетаемость некоторых ДГ ИП с чешскими лексическими приставками и потенциальная возможность образования от этих глаголов маркированных многократных глаголов — свидетельство их дальнейшего освоения чешской языковой принимающей средой, видовой системой чешского глагола. Перед нами противопоставление видов за пределами видовых пар. Что касается системы бинарных оппозиций членов видовых пар, то исходные двувидовые глаголы типа *investovat*, *adresovat* по-прежнему остаются на периферии этой системы. Характер двувидовости и временная парадигма этих глаголов не меняются, что и дает

основание относить их к I ступени освоения ДГ ИП центром видовой системы.

Проанализируем возможные причины, в силу которых многие ДГ ИП продолжают оставаться на I ступени освоения их системой бинарных оппозиций членов видовых пар.

Одной из причин, тормозящих развитие формального выражения вида у двувидовых глаголов, обычно считается низкая частотность глаголов, относящихся к терминологической лексике¹⁴. Это означает, что участие/неучастие ДГ ИП в видовом формообразовании, равно как и во внутриглагольном словообразовании, в известной степени зависит от сферы их функционирования.

Подавляющая часть ДГ, до настоящего времени не вовлеченных в видовое формообразование, стилистически маркирована (около 300 глаголов). Из них около 200 глагольных лексем — термины.

Некоторые термины функционируют в нескольких специальных отраслях, например, *inaktivovat*, *komasovat*, *paušalovat*, *odogizovat*, *radioaktivovat* и т. п. Сфера функционирования большинства терминов, зафиксированных в SSJC, ограничена одной специальной областью. Наиболее широко представлена лингвистическая терминология (*transliterovat*, *reduplikovat*, *nazalizovat*, *vokalizovat*, *disimilovat*), медицинские термины (*trepanovat*, *transplantovat*, *transfundovat*, *resekovat*), правовая терминология (*novelizovat*, *legalizovat*), химическая терминология (*ionizovat*, *hydrátovat*, *emulgovat*), технические термины (*pasivovat*, *rekuperovat*, *dekarbonizovat*).

SSJC фиксирует также термины спортивные (*handicapovat*, *smečovat*), бухгалтерские и финансовые (*skontrovat*, *eskontovat*), термины, функционирующие в сфере общественного управления (*intimovat*), торговые (*reexportovat*), церковные (*exkomunikovat*), текстильные (*dekatovat*), математические (*derivovat*), биологические (*selektovat*) и некоторые др.

Вторую группу двувидовых глаголов ИП, не имеющих в чешском языке приставочных коррелятов СВ, составляют глагольные лексемы, функционирующие в книжном языке, например, *evokovat*, *glorifikovat*, *pauperizovat*, *exemplifikovat*, *simplifikovat* и др.

Лексические средства книжного языка, как правило, не используются в устной речи, где их употребление выглядело бы неестественно¹⁵. Так как процесс перфективации двувидовых ИП проходит в чешском языке прежде всего в его устной (разговорной) форме и в тех функциональных сферах, в которых эта форма реализуется: в сфере публицистики и научно-популярной¹⁶, принадлежность ряда глаголов к книжному языку тормозит их вовлечение в видовое формообразование. Однако существует потенциальная возможность перехода таких глаголов, а также терминов в разряд нейтральной лексики, что является проявлением динамики освоения глаголов ИП системой языка-заимствователя. Высокая употребительность указанных глаголов в печати может привести к их стилистической перекалфикации, что в свою оче-

редь послужит импульсом развития формального выражения вида.

На I ступени освоения центром видовой системы продолжает оставаться большая группа стилистически нейтральных двувидовых глаголов ИП (около 140 глаголов), например, *proklamovat*, *importovat*, *emancipovat*, *anulovat*, *imitovat*, *informovat* и т. д. Влияние фактора низкой частотности, обусловленной сферой функционирования глагола, в данном случае исключено. Чрезвычайно трудно объяснить стойкую двувидовость этих в большинстве своем однозначных глаголов. Ф. Копечный вслед за И. Грицкат мотивирует сохранение двувидовости многими глаголами ИП тем, что «в нашем распоряжении нет подходящего перфективирующего префикса»¹⁷. Вполне вероятно, что семантика определенных ДГ ИП несовместима с семантикой каждой отдельной чешской приставки, многие из которых сохраняют конкретное значение. Факт стойкого сохранения двувидовости некоторыми стилистически нейтральными глаголами, например, *diskriminovat*, *interviewovat*, *mystifikovat*, *repatriovat* и другими, возможно, объясняется отсутствием у них собственно чешских аналогов, играющих важную роль в стимулировании видového формообразования и внутриглагольного словообразования в сфере глаголов ИП.

Не исключено, что на участие/неучастие отдельных двувидовых глаголов в видовом формообразовании влияет состав их видо-временной парадигмы. Так, глаголы *amnestovat*, *anulovat*, *anektovat*, *dementovat*, *explodovat*, *vetovat*, *verifikovat* и другие в плане прошедшего времени функционируют обычно только как формы прошедшего совершенного, что ослабляет потребность в маркировании видového значения совершенности.

В литературном чешском языке двувидовость является продуктивным способом включения глаголов ИП, обозначающих действия, которые интерпретируются в СВ и НСВ, в центр видовой системы. Для глаголов-германизмов, лексическое значение которых понимается целостно и нецелостно, двувидовость не характерна. Функционирующие за пределами литературного языка, такие глаголы образуют приставочные видовые пары, например, *kurývat* — *vykurývat*, *štrikovat* — *uštrikovat*, *řucovat* — *vyrucovat* и т. п. Очевидна зависимость способа включения глаголов ИП, лексическое значение которых может быть представлено в обоих видах, в центр видовой системы чешского глагола от сферы их функционирования.

У многих двувидовых глаголов ИП потенциальная способность формально выразить грамматическое значение СВ активно реализуется. По данным SSJC, из 800 указанных глаголов приблизительно 290, то есть 37% от общего числа, имеют приставочные корреляты СВ. Таковы, например, глаголы (z)*konzumovat*, (z)*denaturovat*, (z)*konformovat* и т. д. Примерно у 25% этих глаголов видовому формообразованию сопутствует внутриглагольное словообразование, ср. (z)*kartelizovat*, но *od-*, (z)*alkalizovat*, но *pře-*¹⁸.

Важным фактором, содействующим активизации живого процесса видового формообразования в области исследуемых глаголов, является расширение сферы употребления терминов и профессионализмов неславянского происхождения, вызванное бурным развитием научно-технической революции. Этим обусловлено стремление избежать случаев неопределенности видового значения¹⁹, которое, по нашему мнению, значительно сильнее в сфере устной речи, чем в сфере письменного языка, где потребность устранить неясность видового значения его формальным выражением в такой мере не ощущается.

ДГ ИП, находящиеся на II степени освоения центром видовой системы, продолжают сохранять способность в контекстуальных условиях имплицитно выражать признак целостности действия, конкурируя с семантически тождественными приставочными перфективами, выражающими указанный признак эксплицитно. Приставочные корреляты к ДГ в процессе функционирования проходят длительный путь стилистической перекалфикации, перехода от стилистической маркированности разговорного средства к стилистической нейтральности. При этом медленно, но непрерывно утрачивается первоначальная двувидовость исходных глаголов, в связи с чем меняется состав их видовременной парадигмы.

На III степени освоения центром видовой системы могут оказаться как первоначально ДГ, так и относительные имперфективы ИП, например, (z)kumulovat, (z)alargmovat, (z)relativizovat и т. д. Подобно тем ДГ, которые участвуют не только в видовом формообразовании, но и во внутриглагольном словообразовании, производные приставочные образования СВ с модифицированным лексическим значением имеют и некоторые глаголы, находящиеся на III степени, например, (z)kontrolovat, но pře-, (z)civilizovat, но pře- и т. д. Некоторые ранее двувидовые глаголы имеют многократные образования, например, komponovat/komponovávát.

Вторичные имперфективы ИП (IV степень) образуются не только от приставочных коррелятов СВ к двувидовым, ранее двувидовым или относительно одновидовым глаголам (тип zaktualizovat — zaktualizovávát), но и от производных приставочных образований СВ с модифицированным лексическим значением (тип překompenzovat — překompenzovávát). Выявление IV степени освоения двувидовых глаголов ИП центром видовой системы является новым доказательством возможности вторичной имперфективации глаголов с чистовидовыми приставками²⁰.

Возникновение видовых пар типа zaktualizovat — zaktualizovávát завершает процесс освоения глаголов ИП, лексическое значение которых может интерпретироваться и целостно и нецелостно, центром видовой системы чешского глагола. Все глаголы ИП, члены видовых пар, являющихся результатом перфективации при помощи приставок (II и III степени) и вторичной имперфективации (IV степень), входят в ядро системы бинарных оппозиций членов видовых пар.

Сопоставление изучаемых явлений чешского языка с соответствующими фактами русского языка позволяет более глубоко вскрыть специфику освоения исследуемых глаголов грамматической категорией вида в чешском языке²¹.

Глагольная лексика ИП представлена в чешском языке более широко, чем в русском²². Многие глаголы, весьма употребительные в различных функциональных стилях чешского языка, в русском языке отсутствуют. Таковы многочисленные заимствования из классических языков (главным образом из латинского): *negovat*, *stagnovat*, *suplovat*, *apostrofovat*, *ekonomizovat* и т. д. и европейских языков: *šikanovat*, *alarmovat*, *driblovat* и др. Особо следует отметить отсутствие в русском языке пласта нелитературной глагольной лексики немецкого происхождения.

Представительную группу образуют глаголы ИП, идентичные в обоих языках (аналогичная иноязычная основа при тождестве лексического значения).

Тождественные глаголы ИП²³ различаются в чешском и русском языках частотностью и стилистической окраской. Так, например, функционирующие в чешском языке глаголы *reprezentovat* — *репрезентовать*, *tolerovat* — *толерировать* в русском вышли из живого употребления. Стилистически нейтральные в чешском языке глаголы *absorbovat* — *абсорбировать*, *amnestovat* — *амнистировать* являются в русском языке терминами. При идентичности реального содержания могут быть различными грамматические свойства рассматриваемых глаголов. Ср. *sympatizovat* (*s kým, čím*) — *симпатизировать* кому-нибудь, чему-нибудь и т. п.

Как показал материал, в чешском и русском языках тождественные глаголы ИП с точки зрения семантики вида понимаются в основном одинаково. Глаголы, обозначающие действия, целостная интерпретация которых исключена, например, *dominovat* — *доминировать*, *figurovat* — *фигурировать*, *harmonovat* — *гармонировать*, *disharmonovat* — *дисгармонировать*, *konkurovat* — *конкурировать* и другие, являются абсолютными *ipf. t.*, то есть находятся за пределами системы бинарных оппозиций членов видовых пар. Абсолютная одновидовость таких глаголов обусловлена их лексической семантикой. В данном случае налицо принципиальная несочетаемость лексического значения глагольных лексем с грамматическим значением СВ. Чрезвычайно важно, что в обоих языках нет (и не может быть!) расхождений в оценке видовой принадлежности этих глаголов. Это еще раз подтверждает, что «основное видовое противопоставление глаголов совершенного и несовершенного вида в обоих языках имеет одинаковую функцию и системно соотносительно»²⁴.

В обоих языках приведенные выше глаголы не только не вовлечены в систему бинарных оппозиций членов видовых пар, но и не участвуют во внутривидовом словообразовании. Некоторые абсолютные имперфективы ИП в одном из языков присоединяют исконно славянские приставки, образуя глаголы СВ с модифицированным лексическим значением (как правило, в рамках

способов глагольного действия). Таковы, например, производные приставочные образования *засуфлировать* — *начать суфлировать* (начинательный способ действия), *распропагандировать* — *окончательно убедить* в чем-нибудь (финитивный способ действия), *поэксплуатировать* — *некоторое время эксплуатировать* (ограничительный способ действия). В чешском языке глаголы *suflovat*, *propagovat*, *exploatovat* с приставками не сочетаются. В ряде случаев глаголы ИП абсолютного НСВ, присоединяющие лексические приставки в чешском языке, в русском языке во внутриглагольном словообразовании не участвуют, например, *spekulovat* (но *pro-*, *vy-*, *za-*) — *спекулировать*; *preludovat* (но *pa-*, *se*, *za-*) — *прелюдировать*.

В обоих языках во¹ внутриглагольном словообразовании участвуют глаголы ИП, обозначающие всякого рода движения, ср. *harcovat* (но *při-*, *v-*, *za-*, *vy-*) — *гарцевать*, (но *pro-*); *maširovat* (но *do-*, *ob-*, *od-*, *pře-*, *při-*, *roz-*, *se*, *v-*, *vy-*, *za-*) — *маршировать* (но *za-*, *pro-*, *ot-*); *vibrovat* (но *roz-*, *za-*) — *вибрировать* (но *za-*, *raz-*); *pulsovat* (но *za-*) — *пульсировать* (но *za-*); *gestikulovat* (но *za-*) — *жестикулировать* (но *za-*). С лексическими приставками сочетаются глаголы со значением «вести себя каким-либо образом»: *flirtovat* (но *po-* (*si*), *za-* (*si*) — *флиртовать* (но *po-*); *koketovat* (но *vy-*, *za-* (*si*) — *кокетничать* (но *po-*); глаголы, обозначающие какую-либо умственную деятельность человека: *fantaziovat* (но *vy-*, *za-* (*si*) — *фантазировать* (но *za-*, *na-*, *po-*, *ras-* (*ся*), *c-*); *filozofovat* (но *do-*, *pa-* (*se*), *po-* (*si*), *pro-*, *vy-*, *za-* (*si*) — *философствовать* (но *do-* (*ся*), *za-*, *na-* (*ся*), *po-*, *ras-* (*ся*)); *debatovat* (но *pa-* (*se*), *po-* (*si*), *pro-*, *u-* (*se*), *za-* (*si*) — *дебатировать* (но *po-*, *pro-*); *diskutovat* (но *pa-* (*se*), *od-*, *po* (*si*), *pro-*, *u-* (*se*), *za-* (*si*) — *дискутировать* (но *po-*, *pro-*).

Приведенные и подобные им примеры показывают, что в чешском языке абсолютные имперфективы ИП участвуют во внутриглагольном словообразовании, как правило, более активно, чем в русском. Ср. примеры функционирования широко употребительных в чешском языке глаголов, возникших путем сочетания некоторых абсолютных имперфективов ИП с чешскими лексическими приставками:

...banka beze zbytku prospekulovala... peníze svých zákazníků (RP).

...označují juntou podvržený «Plán Z» za pouhou vyspekulovanou záminku fašistů pro jejich puč (RP).

Názory na tuto formu umění se různí, nelze však oddiskutovat její potřebnost (RP).

...занимаясь спекуляцией,.. банк полностью растратил деньги своих клиентов.

...они называют самой же хунтой состряпанный «План Z» всего лишь высосанным из пальца предлогом фашистов к путчу.

Отношение к этой форме искусства различно, однако нельзя опровергнуть ее необходимость.

...zatoužil podiskutovat
si obšírněji... (HS).

Sjezdoví delegáti prodiskutovali... (RP).

Kolik jsme se tam nadiskutovali... (Stýblová).

...ему захотелось более подробно побеседовать (букв. подискутировать)...

Делегаты съезда обсудили (букв. продискутировали)...

Сколько же мы там дискутировали... (букв.: И надискутировались же мы там).

При тождестве реального содержания абсолютных имперфективов ИП и одинаковой их префиксации производные приставочные образования СВ в обоих языках семантически идентичны, например, *zaaplaudovat* — *зааплодировать*, *zainteresovat* — *заинтересовать*. Иногда к одной и той же производящей основе присоединяются в чешском и русском языках разные приставки, но с тождественной функциональной значимостью²⁵. Производные приставочные образования СВ в этих случаях также семантически идентичны²⁶, ср. *zamuzicírovat si* — *помузцировать*, *zaexperimentovat si* — *поэкспериментировать*, *zaironizovat (si)* — *поиронизировать*.

Итак, различий в оценке видового значения тождественных в обоих языках *imperfektiva tantum* ИП нет. Расхождения в характеристике видовой принадлежности касаются, как правило, глаголов, одновидовость которых не является абсолютной, то есть относительных перфективов и имперфективов. Одним из доказательств относительной одновидовости глаголов *dešifrovat*, *dezavuoovat*, *dezertovat*, которые в PS, SSJČ, SSČ отнесены к *perfectiva tantum*, является двувидовость идентичных глаголов *дешифровать*, *дезавуировать*, *дезертировать* в русском языке. Бесприставочные перфективы ИП в русском языке вообще отсутствуют.

Реальное содержание перечисленных выше глаголов в русском и чешском языках тождественно. При общности грамматического значения СВ и НСВ в славянских языках тождественное реальное содержание рассматриваемых глаголов, по нашему мнению, должно пониматься одинаково с точки зрения категориального видового признака целостности. Если действие, обозначенное бесприставочным глаголом ИП, в русском языке можно представить в обоих видах, так же, вероятно, его можно представить и в чешском языке. Факт, что в толковых словарях чешского языка некоторые заимствованные бесприставочные глаголы с суффиксом *-ова-* квалифицируются как глаголы *př. t.*, свидетельствует, по всей вероятности, лишь об употреблении их преимущественно как глаголов СВ, а не о принципиальной несочетаемости их лексической семантики с грамматическим значением НСВ. Очевидно, учет оценки видового значения идентичных в славянских языках глаголов ИП помог бы лексикографам более точно характеризовать видовую принадлежность этих глаголов.

Некоторые бесприставочные глаголы ИП, характеризующиеся в ССЖС как глаголы только НСВ, в 17-томном Словаре современного русского литературного языка трактуются как двувидовые. В основном это термины, ср. *adverbializovat se* — *адвербиализироваться*, *diskontovat* — *дисконтировать*, *interferovat* — *интерферировать*, *legovat* — *легировать*, *rafinovat* — *рафинировать*, *rekognoskovat* — *рекогносцировать*, *tonizovat* — *тонизировать* и т. д. Среди бесприставочных глаголов ИП с различной видовой характеристикой в чешском и русском языках есть и глаголы стилистически нейтральные, например, *akcentovat* — *акцентировать*, *anonsovati* — *анонсировать*, *signalizovat* — *сигнализировать*, *syn-tetizovat* — *синтезировать*, *solidarizovat se* — *солидаризироваться* и др.

Соотнесенность видовых значений ряда тождественных бесприставочных глаголов ИП прямо противоположна рассмотренной выше: глаголы, относимые в чешском языке к двувидовым, в русском языке считаются глаголами только НСВ. Таковы глаголы *akumulovat* — *аккумулировать*, *dabovat* — *дублировать*, *imitovat* — *имитировать*, *eskortovat* — *эскортировать*, *šokovat* — *шокировать*, *vitaminizovat* — *витаминизировать*.

Группа бесприставочных глаголов ИП с различной оценкой видового значения в чешском и русском языках, хотя и сравнительно немногочисленна, тем не менее весьма показательна. Очевидно, что в обоих языках мы имеем дело с относительными имперфективами. Потенциальная способность таких глаголов выразить грамматическое значение СВ подтверждается двувидовостью их в другом славянском языке — при обязательном тождестве реального значения. Детерминологизация, а значит возрастание частотности относительных имперфективов ведет или к переходу их в группу ДГ, или к включению перфективацией при помощи приставок в систему бинарных оппозиций членов видовых пар.

В обоих языках в указанную систему включены все тождественные глаголы ИП, обозначающие действия, интерпретируемые и целостно и нецелостно. Способ включения представительной группы таких глаголов в центр видовой системы совпадает: по данным словарей около 140 двувидовых глаголов и в чешском и в русском языках находятся на I ступени освоения (двувидовость при отсутствии производных приставочных коррелятов СВ), например, *diskriminovat* — *дискриминировать*, *emancipovat* — *эмансипировать*, *importovat* — *импортировать*, *stabilizovat* — *стабилизировать* и т. п.

Существование столь многочисленных глаголов с одинаковой заимствованной основой, видовая характеристика которых в обоих языках совпадает, наряду с существованием в чешском и русском языках идентичных абсолютных имперфективов ИП подтверждает высказанный ранее тезис: в разных славянских языках тождественное реальное содержание глаголов ИП с точки зрения семантики вида понимается, как правило, одинаково. Это в свою очередь является доказательством существования в чешском (рус-

ском) языке группы относительных имперфективов ИП, корреспондирующих с соответствующими двувидовыми глаголами в русском (чешском) языке. В обоих языках группа ДГ постоянно пополняется не только за счет новообразований, но и благодаря развитию у относительных имперфективов двувидовости.

Двувидовые глаголы, вовлеченные в чешском и русском языках только во внутриглагольное словообразование, практически единичны. При этом глагол, сочетающийся с лексическим(и) префиксом (*ами*) в чешском языке, в русском может не иметь производных образований СВ и наоборот. Таковы, например, глаголы *investovat* (но *pro-*, *pře-*) — *инвестировать*, *manifestovat* (но *za-* *si*) — *манифестировать*, *dislokovat* — *дислоцировать* (но *пере-*).

Рассмотрим все случаи соотношенности тождественных двувидовых глаголов ИП, вовлеченных в одном или обоих языках в видовое формообразование²⁷.

А. Как было установлено при рассмотрении процесса формальной видовой дифференциации двувидовых глаголов в чешском и русском языках, в большинстве случаев ДГ, которые в чешском языке имеют приставочные корреляты СВ, в русском языке соответствуют ДГ, в видовом формообразовании не участвующие (I ступень)²⁸. Если в чешском языке, как уже отмечалось, в видовом формообразовании участвует около 37% ДГ ИП, то в русском языке — не более 10% таких глаголов (из 700 глаголов приблизительно 70)²⁹.

Проиллюстрируем это материалом, ранее не приводимым: (z)*aktualizovat* — *актуализировать*, (z)*asimilovat* — *ассимилировать*, (z)*automatizovat* — *автоматизировать*, (z)*germanizovat* — *германизировать*, (z)*kodifikovat* — *кодифицировать*, (z)*kolektivizovat* — *коллективизировать*, (z)*konstituovat* — *конституировать*, (z)*latinizovat* — *латинизировать*, (z)*lynčovat* — *линчевать*, (z)*modifikovat* — *модифицировать*, (z)*monopolizovat* — *монополизировать*, (z)*motorizovat* — *моторизировать*, (z)*nacionalizovat* — *национализировать*, (z)*neutralizovat* — *нейтрализовать*, (z)*racionalizovat* — *рационализировать* и т. д. Ср. также глаголы, у которых совершенное видовое значение маркируется в чешском языке приставками *o-*, *roz-*, *vy-*, например: (o)*datovat* — *датировать*, (o)*kostýmovat* — *костюмировать*, (roz)*parcelovat* — *парцеллировать*, (vy)*evakuovat* — *эвакуировать*, (vy)*exportovat* — *экспортировать*, (vy)*emigrovat* — *эмигрировать*.

Идентичность приставочных коррелятов СВ в чешском языке и соответствующих бесприставочных глаголов в русском языке (в тех случаях, когда последние употребляются с совершенным видовым значением), является убедительным доказательством чисто грамматического характера перфективации двувидовых глаголов ИП, подтверждающим, что мы имеем дело с видовым формообразованием и, следовательно, пары грамматических форм одного и того же слова возникают не только при имперфективации, но и при перфективации при помощи чистовидовых приставок. Ср.:

...vyhrožují, že zlikvidují
podstatnou část... (RP).

...a pak zkonstatoval, že
je některá z jeho věci pryč
(Prošková).

...они угрожают тем, что
ликвидируют значитель-
ную часть.

...а потом он обнаружил
(букв. констатировал),
что кое-что из его вещей ис-
чезло.

В единичных случаях ДГ ИП в чешском языке в процессе формального выражения вида не участвуют, а в русском участвуют, например, *informovat* — (про)информировать, *patentovat* — (за)патентовать, *rezervovat* — (за)резервировать.

Б. Тождественные ДГ, участвующие в обоих языках только в видовом формообразовании, немногочисленны. Ср.: *(vy)dezin-
fikovat* — (про)дезинфицировать, *(na)hektografovat* — (от)гекто-
графировать, *(z)kondenzovat* — (с)конденсировать, *(o)komentov-
vat* — (про)комментировать, *(z)mobilizovat* — (от)мобилизовать
(к I значению мобилизовать), *(o)publikovat* — (о)публиковать.

Иногда производные приставочные корреляты СВ соотносятся в чешском и русском языках с разными значениями, например, *zilustrovat* — снабдить каким-нибудь поясняющим рисунком, но *proilustrovat* — пояснить чем-нибудь наглядным, конкретным. Частотность производных перфективов может быть различной: в отличие от *proilustrovat*, *прокомментировать*, *опубликовать*, функционирующих в русском языке без каких-либо ограничений, *zilustrovat*, *okomentovat*, *opublikovat* употребляются в чешском языке весьма редко. При этом в устно-разговорной разновидности чешского языка наблюдаются колебания в выборе чисто перфективирующей приставки к исходным ДГ *ilustrovat*, *komentovat*, *publikovat*. Нами зарегистрированы случаи перфективации этих глаголов при помощи приставок *pro-*, *z-*, *vy-*: *proilustrovat*, *zkomentovat*, *vupublikovat*. Возникновение каждого из перечисленных коррелятов СВ обусловлено различными причинами. Так, употребление *proilustrovat* как члена видовой пары к *ilustrovat* свидетельствует о влиянии русского языка³⁰. *Zkomentovat* — результат унификации средств видového формообразования у ДГ ИП. *Vupublikovat* в свою очередь подтверждает факт влияния тождественных собственно чешских глагольных лексем на выбор приставки к глаголам ИП: *vupublikovat* — *vytisknout*, равно как и *opublikovat* — *otisknout*.

Различие в чешском и русском языках формальных средств устранения двувидовости глаголов ИП — исконно славянских приставок — при тождестве лексического значения производных приставочных коррелятов СВ подтверждает, на наш взгляд, чисто грамматическую в данном случае функцию этих приставок³¹. Ср.:

Co je to platné vydezin-
fikovat neapolské ulice po
choleře, když... (RP).

Какой толк от того, что ули-
цы Неаполя будут проде-
зинфицированы после хо-
леры, если...

В. Существование в чешском языке категории многократности, основным значением которой является значение неопределенной повторяемости процесса³², исключает суффиксальный способ образования видовых пар от двувидовых глаголов ИП. При суффиксации этих глаголов возникают маркированные многократные глаголы типа *blokovávat*. Единичным видовым парам, образованным в русском языке путем суффиксации приставочных ДГ, в чешском языке соответствуют или ДГ, не участвующие в видовом формообразовании: *арестов(ыв)ать* — *agrestovat*, *атаков(ыв)ать* — *atakovat*, *ассигнов(ыв)ать* — *asignovat*, или ДГ, имеющие приставочные корреляты СВ: *реализов(ыв)ать* — (z) *realizovat*, *конфисков(ыв)ать* — (z) *konfiskovat*, *организов(ыв)ать* — (z) *organizovat*.

Г. Двувидовым глаголам, которые в чешском языке участвуют как в видовом формообразовании, так и во внутриглагольном словообразовании, в русском языке соответствуют:

— ДГ, вообще не имеющие производных приставочных образований СВ (таких глаголов большинство), например: (z) *drámatizovat*, (но *pře-*) — *драматизировать*; (z) *elektrizovat* (но *od-*) — *электризовать*; (z) *idealizovat* (но *pře-*) — *идеализировать*; (z) *industrializovat* (но *pře-*) — *индустриализировать*; (z) *kolonizovat* (но *od-*) — *колонизировать*; (z) *mechanizovat* (но *od-*, *pře-*) — *механизировать*; (z) *militarizovat* (но *od-*) — *милитаризировать*; (z) *modernizovat* (к *modernizovat* I *ned.*) (но *pře-*) — *модернизировать*;

— ДГ, участвующие только во внутриглагольном словообразовании: (z) *kapitalizovat* (но *pře-*) — *капитализировать* (но *пере-*);

— ДГ, вовлеченные только в видовое формообразование: (z) *formulovat* (но *pře-*) — (с) *формулировать*; (z) *charakterizovat* (к *charakterizovat* I *ned.*) (но *od-*, *vy-*) — (о) *характеризовать*; (vy) *kompenzovat* (но *pře-*) — (с) *компенсировать*; (z) *poetizovat* (к *poetizovat* I *ned.*) (но *od-*) — (о) *поэтизировать*; (z) *preparovat* (но *od-*, *vy-*) — (от) *препарировать*;

— ДГ, участвующие и в видовом формообразовании и во внутриглагольном словообразовании: (z) *organizovat* (но *pa-*, *pro-*, *pře-*) — *организов(ыв)ать* — (с) *организовать* (разг.) (но *пере-*); (vy) *projektovat* — (с) *проектировать* — (за) *проектировать* (но *пере-*).

Частотность отдельных приставочных коррелятов различна, так, например, *zcharakterizovat* в чешском языке в отличие от *охарактеризовать* в русском языке употребляется спорадически.

Д. Чрезвычайно важным представляется нам соответствие глаголов ИП, находящихся в чешском языке на III ступени освоения центром видовой системы, двувидовым глаголам, в русском языке в видовом формообразовании не участвующим (I ступень), например: (z) *aktivizovat* — *активизировать*; (z) *archaizovat* — *архаизировать*; (z) *proletarizovat* — *пролетаризировать*; (z) *rentgenovat* — *рентгенизировать*; (ze) *syndikalizovat* — *синдицировать*; (z) *terorizovat* — *терроризировать*; (z) *unifikovat* — *унифицировать*.

По поводу признания форм двувидовых глаголов формами одного и того же слова разногласий у аспектологов нет. Значит, в чешском языке формами одного и того же слова следует признать и видовые пары, лексическая семантика членов которых идентична лексической семантике ДГ в русском языке. Ср. примеры:

...po dlouhá léta... především aktivizoval reakční síly uvnitř země (RP).

...reakce na Západě podstatně zaktivizovala svoji činnost (RP).

...долгие годы... он прежде всего активизировал силы реакции внутри страны.

...реакционные круги на Западе значительно активизировали свою деятельность.

В приведенных примерах члены видовой пары aktivizovat — zaktivizovat в чешском языке семантически тождественны ДГ активизировать в русском языке и отличаются лишь наличием в чешском языке, но отсутствием в русском языке формального показателя грамматического значения СВ.

Ср. также глаголы, имеющие в чешском языке наряду с приставочными коррелятами СВ и производные приставочные образования СВ с модифицированным лексическим значением: (z)civilizovat (но pře-) — цивилизовать; (z)fašizovat (к fašizovat 1) (но od-) — фашизировать; (z)individualizovat (к individualizovat 2) (но od-, pře-) — индивидуализировать; (z)materializovat (но od-) — материализовать; (z)romantizovat (к romantizovat 1) (но od-, pře-) — романтизировать; (z)vulgarizovat (но za- si) — вулгаризировать.

В общей сложности примерно 170 глаголам ИП, которые в чешском языке образуют приставочные видовые пары (II, III ступени освоения центром видовой системы), в русском языке соответствуют двувидовые глаголы, в видовом формообразовании не участвующие (I ступень). Различна, как мы видели, в том и другом языке и активность участия таких глаголов во внутриглагольном словообразовании.

Таким образом, при тождестве семантики бесприставочных глаголов ИП валентность их в обоих языках часто не тождественна: в чешском языке они «обрастают» чистовидовыми и лексическими приставками легче, чем в русском. Иными словами, валентность исходных глаголов ИП и приставок, с которыми они сочетаются, в чешском языке, как правило, выше валентности идентичных глаголов и соответствующих приставок в русском языке³³.

В ряде случаев в чешском языке видовым парам «бесприставочный глагол НСВ — приставочный коррелят СВ» (III ступень) соответствуют в русском языке глаголы, также имеющие приставочные корреляты СВ, но сохраняющие при этом двувидовость (II ступень). Ср.: (z)analyzovat (но pro-, roz-, vy-) — (про)анали-

зировать, (vy)modelovat (но do-, pro-, pře-, v-) — (с) моделировать — (про) моделировать.

В единичных случаях двувидовые глаголы, находящиеся в чешском языке на II ступени освоения, соотносятся в русском языке с видовыми парами, у которых бесприставочный глагол уже только НСВ (III ступень), например, (z)hypnotizovat — (за)гипнотизировать, (o)citovat, (но na- se, u- se, vy-, za-) — (про)цитировать. Ср.:

Asi nás hypnotizoval ten cikán, co seděl proti vám v rychlíku mínila paní vedoucí.
«Ne a ne se probudit» (HS).

Proto jsem se rozhodl potrestat vás za zvědavost tím, že vás zhypnotizuji... (HS).

Вероятно, нас загипнотизировал цыган, который сидел в поезде напротив вас, — предположила заведующая. — Ну никак не могли проснуться. Вот почему я решил наказать вас за любопытство тем, что загипнотизирую вас...

Приведенные примеры весьма показательны. Во-первых, исходный бесприставочный глагол hypnotizovat, имеющий приставочный коррелят СВ, в чешском языке в плане прошедшего времени продолжает выражать видовое значение совершенности: претеритальная форма hypnotizoval употребляется со значением прошедшего совершенного. В русском языке функционирование бесприставочного глагола *гипнотизировать* как глагола СВ невозможно. Во-вторых, тождественность лексического значения, реального содержания презентных форм СВ zhypnotizuji — *загипнотизирую* при различии формальных средств перфективации вновь подтверждает чисто грамматический в данном случае характер последней. Приставки z- в чешском языке и за- в русском языке в сочетании с рассматриваемым глаголом — лишь инструменты чисто видового соотношения глагольных форм.

Факт, что идентичные глаголы ИП, ставшие членами видовых пар и в чешском и в русском языках (их около 70), нередко перфективируются разными приставками, является доказательством чистовидовой функции этих приставок: обозначается одно и то же действие, одно и то же глагольное понятие, а средства формального выражения вида разные. Семантическое тождество таких коррелятов СВ означает, что приставки в данном случае образуют производные формы СВ. Ср.: (z)recenzovat — (от)рецензировать — (про)рецензировать, (z)redigovat — (от)редактировать — (про)редактировать (но пере-), (z)regulovat — (у)регулировать (к 1 знач. регулировать) — (от)регулировать (ко 2, 3 знач. регулировать) и др.

До сих пор мы рассматривали глаголы ИП с тождественной лексической семантикой в обоих языках. Однако некоторые глаголы ИП в чешском (русском) языке многозначны, а в русском (чешском) языке однозначны. У ряда таких глаголов тождествен-

ное в обоих языках лексическое значение — абсолютного НСВ. При этом в чешском языке эти же глаголы имеют и предельные значения³⁴, и именно в этих значениях функционируют в НСВ и СВ, то есть в видовой паре. Таковы, например, глаголы *ironizovat ned.*: 1. *говорить с иронией, насмехаться*; 2. *осмеивать, высмеивать* — *zironizovat dok. k ironizovat 2* (но *za-* *si* — *иронизировать* (НСВ) (но *po-*, *pro-*); *halucinovat ned.*: 1. *страдать галлюцинациями*; 2. *обманывать* — *zhalucinovat dok. k halucinovat 2* — *галлюцинировать* (НСВ).

Как видим, однозначные в русском языке глаголы *иронизировать*, *галлюцинировать* и *ironizovat*, *halucinovat* в первом значении в чешском языке — абсолютные *ipf. t.* Во втором значении, отсутствующем в русском языке, глаголы *ironizovat*, *halucinovat* предельны, что и объясняет факт вовлечения их в этом значении в систему бинарных оппозиций членов видовых пар. Ср. также однозначный в чешском языке глагол *intrikovat* — *плести интриги* с двузначным в русском языке глаголом *интриговать*: 1. *плести интриги*; 2. *возбуждать интерес, любопытство чем-нибудь загадочным, неясным* — *zaintrikovat SV. ko 2 знач. интриговать* (но *po-*).

Более высокая в чешском языке, чем в русском, валентность ряда исходных глаголов ИП (например, *kalkulovat*, *kombinovat*, *komponovat*, *konstruovat*, *montovat*) объясняется наличием у них в чешском языке значений, отсутствующих в русском языке. Перечисленные глаголы тождественны в чешском и русском языках только в одном значении, в котором в обоих языках вовлечены в систему бинарных оппозиций членов видовых пар. Одновременно эти глаголы в указанном значении участвуют во внутриглагольном словообразовании, причем в чешском языке, как правило, активнее, чем в русском. В значениях, отсутствующих в русском языке, эти глаголы также сочетаются с чешскими приставками. Ср., *kalkulovat ned.*: 1. *экон. проводить калькуляцию*; 2. *соображать, принимать во внимание или в расчет* — (*pro-*) *kalkulovat dok. k kalkulovat* (но *do-*, *pod-*, *pře-*, *před-*, *vy-*, *za-* — *калькулировать* (НСВ) — *скалькулировать* (СВ) к *калькулировать*; *kombinovat ned.*: 1. *соединять в целое*; 2. *предполагать, приходиться к выводу* — *zkombinovat dok. ke kombinovat* (но *pře-*, *vy-*, *za-* — *комбинировать* (НСВ) — *скомбинировать* (СВ) к *комбинировать*; *komponovat ned.*: 1. *составлять*; 2. *сочинять, создавать* — *zkomponovat dok. ke komponovat* (но *do-*, *na-*, *pro-*, *pře-*, *při-*, *v-*, *vy-*, *za-* — *компоновать* (НСВ) — *скомпоновать* (СВ) к *компоновать* (но *пере-*) — *konstruovat ned.*: 1. *создавать конструкцию чего-нибудь*; 2. *геом. строить фигуры*; 3. *создавать, строить* (без надлежащего обоснования, без учета действительности) — *zkonstruovat dok. ke konstruovat 1, 3* (но *pro-*, *pře-*, *v-*, *vy-* — *конструировать* (НСВ) — *сконструировать* (СВ к *конструировать*) (но *пере-*) — *montovat ned.*: 1. *монтировать*; 2. *механически прикреплять к чему-либо* — *smontovat dok. k montovat I* — *namontovat* (но *od-*, *pře-*, *při-*, *roz-*, *v-*, *vy-*, *za-*) — *мон-*

тировать (НСВ) — смонтировать (СВ к монтировать) (но в-, пере-, раз-).

Ср. примеры функционирования в чешском языке производных приставочных глаголов СВ, отсутствующих в русском языке:

Riziko protestu ze strany socialistických zemí je tedy «z kalkulován» (RP).

Nemohl jsem si vůbec nic vykonstruovat z té malé scény (Stýblová).

Итак, риск протеста со стороны социалистических стран «заранее учтен».

Я вообще не мог сделать никаких выводов из этой сценки.

В чешском языке в отличие от русского нет структурных ограничений вторичной имперфективации приставочных перфективов ИП. В русском языке вторичные имперфективы не образуются от приставочных перфективов с суффиксом *-ирова*, у которых ударение падает на начальный гласный этого суффикса, например, *zkoordinovat — zkoordinovávat — скоординировать*. Вследствие этого вторичным имперфективам ИП в чешском языке могут соответствовать в русском языке двувидовые глаголы (I ступень), выступающие в контексте с несовершенным видовым значением, или глаголы НСВ — члены приставочных видовых пар (III ступень). Ср.:

Bylo jasné, že v dílničce na půdě Vojta kola rozmontovával a jednotlivé díly zase různě montovával, kombinoval (HS).

Было ясно, что в крошечной мастерской на чердаке Войта велосипеды разбирал (букв. демонтировал, размонтировывал) и, комбинируя отдельные детали, снова собирал (букв. монтировал, смонтировывал).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

В освоении глаголов ИП специфически славянской грамматической категорией вида определяющим фактором является семантика глагольного слова. Как и у собственно чешских (русских) глаголов, именно лексическое значение глаголов ИП обуславливает их видовую принадлежность. С этой точки зрения глаголы ИП в видовой системе принимающего славянского языка не являются исключением. Наличие среди глаголов ИП абсолютных *pf. t.* и *ipf. t.* свидетельствует о взаимосвязи лексико-семантических особенностей глагола с грамматической категорией вида, подтверждает, что вид как морфологическая категория не вполне независим от лексики. В то же время существование, в том числе в сфере глаголов ИП, абсолютных *pf. t.* и *ipf. t.* подтверждает правомерность трактовки вида как категории смешанного типа — словоизменительного в области имперфективации и перфективации (при условии лексического тождества членов приста-

вочных видовых пар), и классификационного в области видовой несоотнесенности.

Исследование видовых особенностей глаголов ИП позволило получить новые данные о морфологии глагольного вида в чешском языке. Факт, что валентность исходных идентичных глаголов ИП и приставок, с которыми они сочетаются, в чешском языке, как правило, более высокая, чем в русском, является следствием широкого использования в чешском языке при адаптации заимствованной глагольной лексики готовых моделей видового формообразования и внутриглагольного словообразования. Морфологизация грамматических значений СВ и НСВ, проявляющаяся в живом активном процессе видового формообразования в сфере указанных глаголов, осуществляется в чешском языке более последовательно, чем в русском. Вероятно, дело здесь не только в различной, в основном, в обоих языках морфологической структуре глаголов ИП: в наличии у подавляющего большинства этих глаголов в чешском языке славянского суффикса *-ova-* в соответствии с суффиксом *-ирова-* в русском языке.

Считаем возможным предположить, что с точки зрения типологической характеристики языка удельный вес агглютинации в области видового формообразования и внутриглагольного словообразования в чешском языке больше, чем в русском. Это предположение, в частности, объясняло бы тот факт, что в большинстве случаев исследованные глаголы в чешском языке входят в ядро системы бипарных оппозиций членов видовых пар, а в русском остаются на периферии этой системы, например, (z) *automatizovat* — *автоматизировать*, (z) *popularizovat* — *популяризировать* и т. д., а также то обстоятельство, что внутриглагольное словообразование в сфере этих глаголов, развитое в чешском языке, в русском почти не представлено.

Функциональное семантическое тождество приставочных видовых пар в чешском языке (II и III ступень освоения ДГ ИП центром видовой системы) и идентичных ДГ в русском языке, например, (z) *asimilovat* — *ассимилировать*, (z) *deformovat* — *деформировать*, свидетельствует о правомерности отнесения ДГ, несмотря на отсутствие у них морфологических показателей видовой принадлежности, к центру видовой системы, в котором они, однако, занимают периферическое положение. Этот факт свидетельствует также о том, что приставки в данном случае выступают в функции формантов СВ, не модифицирующих лексическое значение исходных глаголов ИП, а члены указанных видовых пар являются формами одной лексемы.

Функциональное семантическое тождество в чешском и русском языках производных приставочных коррелятов СВ к глаголам ИП при различии формальных показателей видовой принадлежности, например, (z) *kontrolovat* — (*про*) *контролировать*, подтверждает существование в обоих языках приставок, способных в сочетании с определенными глагольными основами выступать в чистовидовой функции для образования производных форм СВ.

Приведенные факты опровергают точку зрения тех аспектологов, которые утверждают, что при присоединении к исходной основе приставка всегда вносит в ее лексическое значение какие-либо новые моменты. Это позволяет все случаи соотносительности разных видов внутри одного и того же лексического значения относить к оппозициям форм одного и того же слова, что означает отсутствие принципиальных различий между перфективацией при помощи чистовидовых приставок и имперфективацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О противопоставлении «центр — периферия» и критериях его выделения при лингвистическом анализе см.: Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue. — In: Travaux linguistiques de Prague 2. Prague, 1966; Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976, с. 213—219.
- ² Ср. замечание С. Иванчева: «Ядро на категорията вид образуват глаголите, които се съчетават във видоци двойки» (Иванчев С. Проблеми на аспектуалността в славянските езици. София, 1971, с. 164).
- ³ Предложенная А. В. Бондарко классификация соотношений образований противоположных видов за пределами видовых пар в русском языке, отражающая постепенные переходы от резкого расхождения ко все более тесным связям в лексико-семантическом отношении, может быть в полной мере отнесена к чешскому языку (см.: Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967, с. 42—43).
- ⁴ См.: Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 98.
- ⁵ Обозначая одним и тем же термином «периферия» несовпадающие звенья видовой системы, мы исходили из того, что этот термин наиболее точно характеризует их сущность.
- ⁶ Příruční slovník jazyka českého, I—VIII. Praha, 1935—1957 (далее PS); Slovník spisovného jazyka českého, I—IV. Praha, 1960—1971 (далее SSJC); Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 1978 (далее SSC).
- ⁷ Ср. концепцию Ю. С. Маслова, различающего две степени видовой дефективности: абсолютную — если нет хотя бы синонимичных глаголов с противоположным видовым значением, например, *ipí. t. imetъ, сидеть, pf. t. zakричатъ, отшуметь*, и относительную — при наличии близких синонимов противоположного вида, например, *ipí. t. писатъ, pf. t. написатъ* (см.: Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.—Л., 1963, с. 5).
- ⁸ Ср. замечание Л. Н. Смирнова о том, что одной из причин видовой непарности глаголов на *-pít'* в словацком языке является их сильная экспрессивная окраска (см.: Смирнов Л. Н. Глагольное видообразование в современном словацком литературном языке. М., 1970, с. 190).
- ⁹ Непредельность действия вслед за Ю. С. Масловым трактуется нами как «невозможность для данного глагольного понятия функционировать в совершенном виде» (см.: Маслов Ю. С. Заметки о видовой дефективности (преимущественно в русском и в болгарском языках). — В кн.: Славянская филология. Л., 1964, с. 91). Следует подчеркнуть, что непредельные глаголы если и выступают в совершенном виде, то только с изменением «данного глагольного понятия».
- ¹⁰ К аналогичному выводу на материале словацкого языка приходит Л. Н. Смирнов (см.: Смирнов Л. Н. Указ. соч., с. 187—189).
- ¹¹ См.: Лебедев А. К вопросу о видовой дифференциации двувидовых глаголов с иноязычной основой в чешском языке (в сопоставлении с русским). — In: Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. Praha, 1976, с. 67—76. Выделенные в этой работе ступени в той или иной форме отмечались в научной литературе на материале русского и словацкого языков (см., например: Sedláček J., Sedláčková Z. Ruská slovesa vidově obojaká. — Sovětská jazykověda 4, 1954, s. 305; Мучник И. П. Двувидовые глаголы в

- русском языке. — В кн.: Вопросы культуры речи. № 3, М., 1961, с. 109—113; Демиденко Л. П. К проблеме двувидовости в современном русском языке. — В кн.: Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка. Новосибирск, 1966, с. 144—145; Smiešková E. Dvojvidové slovesá cudzieho pôvodu v slovenčine. — Slovenska reč 26, 1961, č. 4, s. 227—228; Смирнов Л. Н. Указ. соч., с. 147—148.
- ¹² Об особенностях функционирования личных форм ДГ ИП в изъявительном наклонении в видовой системе чешского языка см.: Лебедев С. А. О временной парадигме двувидовых глаголов иноязычного происхождения в современном чешском языке. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Филология, 1977, № 4, с. 57—62.
- ¹³ Мы строго различаем две разновидности сочетаемости глаголов ИП с приставками: видовое формообразование — как перфективацию исходной глагольной основы без изменения ее лексического значения — и внутривидовое словообразование, при котором изменение лексического значения исходной глагольной основы автоматически сопровождается изменением вида.
- ¹⁴ Smiešková E. Op. cit., s. 227. Однако о низкой частотности терминов следует говорить относительно с общеупотребительной лексикой. В той специальной области науки, техники и т. д., в которой функционирует тот или иной термин, он может быть весьма употребительным.
- ¹⁵ Jedlička A., Formánková V., Rejmánková M. Základy české stylistiky. Praha, 1970. s. 67.
- ¹⁶ Jedlička A. Spisovný jazyk v současné komunikaci. Praha, 1974, s. 135.
- ¹⁷ Кореѣпý F. Slovesný vid v češtině. Praha, 1962, s. 41.
- ¹⁸ Закономерности сочетаемости глаголов ИП с чешскими приставками, особенности видового формообразования и внутривидового словообразования в сфере этих глаголов будут рассмотрены нами особо.
- ¹⁹ О возможности видовой неопределенности ДГ в контексте см.: Мучник И. П. Указ. соч., с. 95; Демиденко Л. П. Влияние контекста на видовую характеристику двувидового глагола. — В кн.: Материалы и исследования по проблемам грамматики русского языка. Красноярск, 1966, с. 156; Авилова Н. С. Двувидовые глаголы с заимствованной основой в русском литературном языке нового времени. — Вопр. языкознания, 1968, № 5, с. 66.
- ²⁰ Вопрос о возможности вторичной имперфективации глаголов с чистовидовыми приставками относится к одному из дискуссионных в аспектологии, см.: Тихонов А. Н. Заметки о вторичной имперфективации глаголов с чистовидовыми приставками. Труды Узбекского ун-та, Новая серия, 92, Самарканд, 1958, с. 68; Кореѣпý F. Op. cit., s. 94; Бондарко А. В., Буланин Л. Указ. соч., с. 40; Стрекалова З. Н. К вопросу о грамматикализации глагольных приставок в польском языке. — В кн.: Исследования по польскому языку. М., 1969, с. 103; Sekaninová. Miesto prefixácie vo vidovom systéme slovanského slovesa. — Slavica Slovaca 5, 1970, č. 1, s. 31.
- ²¹ Материал русского языка выбран из: Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М., 1950—1965.
- ²² Этот факт объясняется особенностями культурно-исторических связей Чехии и России с другими странами, формами контактов чешского и русского языков с иноязычным миром, спецификой становления и развития каждого национального литературного языка.
- ²³ Следует особо подчеркнуть важность установления идентичности реального содержания сходных глаголов с заимствованной основой при сопоставительном изучении иноязычной глагольной лексики в славянских языках. При формальном тождестве таких глаголов лексическое значение их бывает различным. Ср., например, глагол *avansovat* в чешском языке — *продвигаться по службе, получать повышение* и глагол *avansirovať* в русском языке — *дать/давать кому-нибудь, чему-нибудь аванс*. Такие примеры не единичны.
- ²⁴ Широкова А. Г. Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках. — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971, с. 293.
- ²⁵ Функциональная значимость приставки понимается нами как конкретная реализация одного из ее значений в сочетании с определенной производящей основой.
- ²⁶ О соответствии функциональном наряду с формальным и соответствии только

- функциональном применительно к системе глагольных префиксов см.: Straková V. Ke kontrastivní morfosémantické analýze (Na materiále verbální prefixace). — In: Studie ze slovaniské jazykovědy 1. Praha, 1978.
- ²⁷ Ср. замечание А. Едлички: «...живой процесс перфективации двувидовых глаголов проходит во всех славянских языках, и следовало бы сделать его предметом сопоставительного исследования. Различия проявляются как в интенсивности этого процесса... так и в формальных префиксальных средствах перфективации... не совпадает также выбор префикса у конкретных глаголов, их частотность или стилистическая характеристика...» (Jedlička A. Op. cit., s. 136).
- ²⁸ См.: Лебедев С. А. Указ. соч., с. 70, 72.
- ²⁹ По наблюдениям Л. Н. Смирнова, в словацком языке из общего числа двувидовых глаголов с заимствованной основой (около 680) приставочные корреляты отмечены только у 70, что составляет примерно 1/9 часть этих глаголов (см.: Смирнов Л. Н. Указ. соч., с. 149).
- ³⁰ Jedlička A. Op. cit., s. 136.
- ³¹ В этой связи процитируем замечание Ю. С. Маслова: «Без специального исследования чешского материала мне трудно сказать, в какой мере теория «пустых приставок» может быть сохранена для чешского языка» (Маслов Ю. С. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида. — В кн.: Славянское языкознание. М., 1963, с. 212).
- ³² См.: Широкова А. Г. Многократные глаголы в чешском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М., 1966, с. 13.
- ³³ Под валентностью глагольных основ понимается их способность сочетаться с приставками, под валентностью приставок — их способность сочетаться с определенным количеством глагольных основ (Skoumalová Z. O komplexní analýze verbální prefixace. — In: Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české III. Praha, 1968, s. 202).
- ³⁴ Предельность действия мы квалифицируем, в отличие от Ю. С. Маслова и А. В. Бондарко, как возможность для «данного глагольного понятия» — без его изменения — функционировать в НСВ и СВ, то есть в видовой паре.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

dok.	— dokonavý vid
hovor.	— hovorová (mluvená) řeč
HS	— Haló sobota
ned.	— nedokonavý vid
Paz.	— Pazourek V. Jízda za Marií. Praha, 1970.
Prošková	— Prošková H. Obrova zahrádka. Praha, 1968.
RP	— «Rudé právo»

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ПРЕЗЕНТНЫХ ФОРМ
ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО
И НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА
(С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ
ВИДА И ВРЕМЕНИ)
В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ**

Данная статья посвящена изучению взаимодействия категорий вида и времени в чешском и русском языках при функционировании презентных форм глаголов совершенного и несовершенного вида (в дальнейшем СВ и НСВ).

Для установления тождества и различия в функционировании видовременных систем чешского и русского языков в данной работе используется сопоставительный метод исследования.

Грамматические системы таких близкородственных языков, как чешский и русский, различаются не столько инвентарем грамматических форм, сколько сферой их употребления, спецификой функционирования и дистрибуции. Так, при общности грамматических значений категорий глагольного вида и времени и средств их выражения функционирование членов этих категорий в чешском и русском языках обладает своими особенностями. Выявление этих особенностей способствует более глубокому изучению взаимодействия категорий вида и времени, а также функционирования видового противопоставления в каждом из сравниваемых языков.

В статье анализируется употребление презентных форм глаголов СВ и НСВ в современной чешской художественной литературе, разговорной речи, публицистике, специальной и научной литературе. Чешские контексты сравниваются с эквивалентными русскими (авторскими) переводами. Сопоставление чешских и эквивалентных им русских предложений позволило сравнить функционирование презентных форм СВ и НСВ в чешском и русском языках в идентичных контекстуальных условиях. В целях установления функциональной нагрузки презентных форм СВ и НСВ при обозначении повторяющихся, узуальных действий нами была проведена анкета, включающая разнообразные типичные контексты неактуального настоящего. Было опрошено 120 носителей чешского языка. При заполнении анкеты информанты отмечали в каждом предложении более употребительную, на их взгляд, видовую форму. Ниже приводятся некоторые данные этой анкеты.

При анализе языкового материала, с одной стороны, сопостав-

ляется функционирование глагольных форм в чешском и русском языках при выражении сходных значений (например, значений актуального, узуального, потенциального настоящего), с другой — сравниваются частные видовые и временные значения идентичных видовременных форм при их употреблении в сходных контекстуальных условиях.

В трактовке грамматических категорий вида и времени мы придерживаемся направления, развиваемого в работах Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, Е. Кржижковой, В. Барнетовой, А. Г. Широковой и др.

Грамматическая категория вида в чешском и русском языках представляет собой систему глагольных форм СВ и НСВ, противопоставленных друг другу по отношению к категориальному видовому признаку целостности. На парадигматическом уровне видовое противопоставление организовано по признаку привативной оппозиции: маркированным членом является совершенный вид, формы которого выражают признак целостности действия, немаркированным — несовершенный, в семантике которого признак целостности не выражен.

На синтагматическом уровне формы маркированного совершенного вида всегда эксплицитно выражают признак целостности действия. Немаркированность несовершенного вида проявляется в том, что формы НСВ не выражают постоянного отношения к категориальному признаку целостности. В зависимости от контекста они могут: 1) отрицать данный признак, обозначая нецелостные действия. Отрицанием признака целостности при обозначении формой НСВ активного действия является значение процессуальности (ср. *Sestra pĕřisuje svĕdĕní. — Сестра переписывает упражнение; Vlak zpomaloval. — Поезд замедлял ход*); 2) оставаться нейтральными к этому признаку, обозначая просто «качество глагольного действия»¹ (ср. *Tuto práci dělá obvykle bratr. — Эту работу делает обычно брат*); 3) имплицитно выражать признак целостности. Импликация возможна в том случае, если сама форма НСВ не выражает отношения к этому признаку, а контекст указывает на целостность обозначаемого действия (ср. *Tuto práci dělá bratr obvykle za hodinu. — Эту работу брат делает обычно за час*).

Позиции, в которых формы НСВ нейтральны к признаку целостности, нами рассматриваются как позиции нейтрализации видового противопоставления: глагольная форма эксплицитно не выражает отношения к категориальному видовому признаку, то есть видовое противопоставление как бы стерто, снято. В позиции нейтрализации противопоставление форм разного вида либо вообще невозможно вследствие обязательного употребления форм НСВ, нейтральных к признаку целостности, либо при возможном употреблении обеих видовых форм является нерелевантным с точки зрения этого признака. В соответствии с двумя типами нейтрализации видового противопоставления автором статьи различается обязательная и факультативная нейтрализация².

В основе категории времени лежит противопоставление глагольных форм по отношению к грамматическому моменту речи. Система времен изъявительного наклонения чешского и русского глагола рассматривается как система видовременных форм, отражающая тесное взаимодействие категорий вида и времени.

В чешском и русском языках категории вида и времени являются самостоятельными грамматическими категориями. На основе разных систем грамматических форм они выражают разное семантическое содержание. Однако эти самостоятельные категории выступают как взаимосвязанные и взаимозависимые. Взаимодействие категорий вида и времени в чешском и русском языках отражается прежде всего в системе видовременных форм.

Семантические различия между видовременными формами в рамках прошедшего (*přepisoval* — *přepsal*, *переписывал* — *переписал*), настоящего (*přepisuji* — *přepíšu*, *переписываю* — *перепишу*), будущего (*budu přepisovat* — *přepíšu*, *буду переписывать* — *перепишу*) определяются видовыми различиями «и зависящими от них различиями временных позиционных значений»³.

В основу классификации частных видовых и временных значений нами положена система значений, разработанная Ю. С. Масловым на материале болгарского языка и А. В. Бондарко на материале русского языка⁴. Эта система в статье несколько изменена в соответствии с данными чешского языка.

Набор частных видовых и временных значений презентных форм СВ и НСВ в чешском и русском языках в основном совпадает. Однако при этом функциональная нагрузка презентных форм СВ и НСВ разная. Имеются некоторые несовпадения и в характеристике видовой семантики форм СВ и НСВ. Кроме того, в чешском и русском языках различны закономерности комбинаций видовых и временных семантических признаков.

Последовательное сопоставление употребления презентных форм СВ и НСВ в чешском и русском языках позволяет охарактеризовать функционирование и взаимодействие категорий вида и времени в области этих форм, что имеет большое значение для изучения функционирования видовременных систем этих языков в целом.

* * *

Подавляющее большинство глаголов в славянских языках способно обозначать действие конкретно или абстрактно. Разграничение конкретных и абстрактных действий обязательно при изучении функционирования любых видовременных форм. При анализе употребления презентных форм глаголов СВ и НСВ учет противопоставления этих форм по признаку конкретности/абстрактности, или локализованности/нелокализованности действия во времени (в терминологии А. В. Бондарко), приобретает особую важность, так как в зависимости от того, какие

действия обозначаются (конкретные, единичные или абстрактные, повторяющиеся), по-разному функционирует видовое противопоставление, причем от сочетания семантических признаков конкретности/абстрактности с видовыми признаками зависит временная отнесенность обозначаемых действий. На важность противопоставления конкретных и абстрактных действий в славянских языках указывали, например, А. А. Потебня, Э. Кошмидер и др.⁵. Знаменательно, что один из первых анализов частных видовых значений в советской лингвистике проводился с точки зрения большей или меньшей конкретности обозначаемого действия⁶.

Некоторые лингвисты трактуют противопоставление конкретных и абстрактных действий как оппозицию актуальных и неактуальных действий, распространяемую ими на все три грамматических времени, при этом противопоставлению актуальности/неактуальности приписывается грамматический характер⁷. По поводу трактовки противопоставления актуальности/неактуальности как грамматического было высказано много справедливых критических замечаний⁸.

Чехословацкие лингвисты Я. Паневова, П. Сгалл и другие актуальными действиями считают такие действия, которые связаны с определенной точкой, моментом настоящего, прошедшего или будущего, то есть конкретные единичные действия во всех трех временах. Из такого понимания актуальности вытекает, что это значение совместимо со значением целостности действия, поэтому прошедшие или будущие действия, обозначаемые глаголами СВ, «могут быть только актуальными»⁹.

В. Барнетова и З. Скоумалова подчеркивают, что понятие актуальности связано не с «точечностью», а с процессуальностью, «длительностью» отдельного действия¹⁰. Вслед за В. Матезиусом мы считаем, что актуальность основана на представлении действия, происходящего на глазах у говорящего¹¹. Поэтому в последующем изложении актуальные действия рассматриваются лишь в рамках настоящего времени. Актуальному настоящему противопоставление настоящее неактуальное. В основе этой оппозиции лежит противопоставление конкретных и абстрактных действий в настоящем времени.

Глагольное действие является актуальным, если оно протекает одновременно с моментом речи. Настоящее неактуальное представляет собой настоящее время повторяющихся, узуальных, обобщенных действий. Настоящее неактуальное лишь потенциально охватывает момент речи; неактуальное действие может совершаться в этот момент, однако совпадение с моментом речи эксплицитно не выражено.

В чешском и русском языках значения актуальности и неактуальности не имеют единой системы средств выражения — они могут быть выражены лексическими элементами контекста, непосредственно глагольными формами, а также широким контекстом. Контекстуальные показатели конкретности/абстрактности действия мы рассматриваем как квантификаторы этого действия¹².

Квантификаторы могут относиться как к глаголу, обозначающему действие, так и к обозначению производителя действия, а также к другим компонентам высказывания. Наиболее распространенными квантификаторами, относящимися к глагольной форме, являются наречия, указывающие на кратность действия, его типичность, узуальность и т. д., например: *často* — *часто*, *obvykle*, *obu-
šejně* — *обычно*, *vždycky* — *всегда*, *někdy* — *иногда*, *časem* — *порой*, *málokdy*, *zřídka* — *редко*, *pokaždé* — *каждый раз*, *čas od
času* — *время от времени*; *každý rok*, *rok co rok* — *каждый год*;
pejednou, *pejedenkrát* — *неоднократно*, *pětkrát* — *пять раз*. При-
веденным квантификаторам противостоит несколько показателей
актуальности действия, которые в сочетании с презентными фор-
мами НСВ указывают на то, что действие конкретно и происхо-
дит в момент речи, например: *teď* — *сейчас*, *v tomto okamžiku* —
в этот момент, *právě*, *zrovna* — *в данный момент*. Ср.:

Sestra pracuje (obvykle, oby-
šejně, někdy, vždycky... / teď,
právě, zrovna) dost rychle.

*Sestra работает (обычно,
иногда, всегда... / в данный
момент, сейчас) довольно бы-
стро.*

Для реализации значения (не)актуальности действия важную роль играют также квантификаторы, характеризующие с точки зрения конкретности/обобщенности субъект действия, а также объекты и обстоятельства действия. К таким квантификаторам относятся, например, следующие показатели обобщенности: *každý* — *каждый*, *některý* — *некоторый*, *všechen*, *všechny* — *весь, все*, *kteřýkoli* — *любой*; показатели конкретности: *ten(to)* — *этот* и ряд других конкретизирующих определений.

Если называется действие без сопровождающих его обстоя-
тельств, то презентная форма НСВ имеет, как правило, значение
актуального настоящего. Ср.: *Sejeme mrkev.* — *Мы сеем мор-
ковь*; *Roztahuje si deštník.* — *Он раскрывает зонтик*; *Vlak
zpromaluje.* — *Поезд замедляет ход*.

Таким образом, презентные формы НСВ со значением актуаль-
ного настоящего могут быть употреблены в минимальном контек-
сте, тогда как для реализации значения неактуального настоя-
щего этих же форм требуются специальные контекстуальные по-
казатели.

В чешском и русском языках неактуальность обозначаемого
действия может быть выражена непосредственно глагольной фор-
мой. Прежде всего речь идет о так называемых многократных
глаголах, презентные формы которых однозначно выражают неак-
туальные действия (актуальное настоящее в принципе не может
быть выражено глаголами типа *dělat*). Многократные глаголы
в чешском языке образуют опирающийся на развитую систему
форм особый способ глагольного действия, активно взаимодейст-
вующий с грамматическими категориями вида и времени¹³.
Ср. примеры, в которых неактуальное настоящее выражается пре-
зентными формами многократных глаголов: *Starý Kodeš s p r á v á*

také jen na doškách... (PS); Ten náš zvonek pěkně znívá, když nás lačně pobízívá, abychom šli k obědu (PS); To se přece dělává, ne? (hovor.)

В русском языке группа многократных глаголов весьма малочисленна, она имеет реликтовый характер. Поэтому говорить о морфологическом способе выражения настоящего неактуального в русском языке нельзя, тем более что употребление глаголов типа *сживать*, *читывать* в формах настоящего времени невозможно.

Значение неактуальности в чешском и русском языках может быть выражено лексическим значением презентных форм глаголов НСВ. Так, некоторые глаголы НСВ в чешском и русском языках не могут развивать значение процессуальности. К таким глаголам относятся глаголы НСВ, образующие видовую пару с глаголами СВ, обладающими точечной семантикой, например: *objevovat se* — *появляться, показываться*, *ocítat se* — *попадать* (куда-либо); глаголы, в семантике которых наличествует элемент случайности: *potkávat* — *встречать* (случайно), *stávat se* — *случаться, происходить* и т. п.; а также элемент достижения результата: *pacházet* — *находить*, *navštěvovat* — *посещать* и др. Презентные формы приведенных глаголов почти не употребляются со значением актуального настоящего. Для русского языка О. П. Рассудова установила, что глаголы НСВ, лексическое значение которых не допускает представление о процессе, «в форме несовершенного вида имеют только значение повторяемости или преимущественно значение повторяемости»¹⁴. Эта закономерность характерна и для чешского языка. Ср.:

Slunce se ukazuje jen na pár hodin nízko nad obzorem (rozhl.).

V našich krajích se ta nemoc také vyskytuje (rozhl.).

To se taky stává (hovor.).

Ta dvě jména si pletu.

Navštěvují nás oba dva.

Солнце появляется лишь на несколько часов низко над горизонтом.

В наших местах эта болезнь тоже встречается.

И это тоже случается.

Эти два имени я путаю.

Они нас посещают оба.

* * *

Рассмотрим реализацию видовых и временных значений презентных форм в контексте единичного (конкретного) и повторяющегося (абстрактного) действия.

Презентные формы НСВ при обозначении единичного действия выражают актуальное настоящее.

Настоящее актуальное является специфическим значением презентных форм НСВ, ни одна другая видовременная глагольная форма не может иметь это значение. Критерий «специфичности», а также наименьшей зависимости от контекста дает основание:

рассматривать данное значение как главное значение¹⁵ презентных форм НСВ в чешском и русском языках.

В зависимости от контекстуального выражения различной степени конкретности действия выделяются следующие разновидности актуального настоящего¹⁶:

1) конкретное настоящее момента речи. Ср.:

«Topí se člověk» — řekl jí
zmateně (Majer. Pov., 31).

«Kam pospíháš?»

«Тонет человек», — ска-
зал он ей растерянно.

«Куда ты спешишь?»

2) расширенное настоящее. Ср.:

Uklízíme už od deseti
hodin.

«René! Od rána tě hle-
dáme» (Majer. Pov., 31).

Мы убираемся уже с де-
сяти часов.

«Рене! Я ищу тебя с утра».

3) настоящее постоянное. Ср.:

Volha se vlévá do Kaspi-
ského moře.

Na Malé Straně chrání
vstup na most brána sevřena
dvěma věžemi (rozhl.).

Волга впадает в Каспий-
ское море.

На Малой Стране вход на
мост охраняют ворота с
двумя башнями.

Настоящее постоянное занимает промежуточное положение между настоящим актуальным и неактуальным.

При обозначении актуального настоящего функционирование презентных форм НСВ в чешском и русском языках сходно.

Презентные формы СВ в контексте единичного действия выражают грамматическое значение будущего времени, то есть значение следования действия по отношению к моменту речи. Для употребления презентных форм СВ со значением будущего времени в чешском и русском языках достаточен минимальный контекст. Формы СВ выступают с конкретно-фактическим значением, обозначая «однократное действие, отдельный единичный факт»¹⁷. Например:

Poslu ho pryč, řeknu ti
o tobě.

Čaj vystydne.

Я прогоню его, скажу
ему о тебе.

Чай остынет.

При возможной замене презентных форм СВ презентными формами НСВ значение будущего времени единичного действия в зависимости от свойств контекста и лексического значения глагола меняется:

1) на значение актуального настоящего (при отсутствии лексических показателей времени, совершения действия):

Převleču se / převlé-
kám se.

Bratr si ohřeje / ohřívá
polévku.

Я переоденусь / пере-
одеваюсь.

Брат разогреет / разо-
гревает себе суп.

2) на значение неактуального настоящего¹⁸:

V zimě podlahu pokryjí /
pokrývají koberci.

Večer mi pomůže / po-
máhá s prací.

*Зимой они покроют / по-
крывают пол коврами.*

*Вечером он поможет / по-
могает мне в работе.*

3) на значение ближайшего, запланированного будущего (при наличии лексических показателей ближайшего будущего):

Za chvíli to začne / za-
číná.

Zítřa u dělám / dělám hra-
chovku.

*Через минуту это начнет-
ся / начинается.*

*Завтра я сделаю / делаю
гороховый суп.*

Значение будущего времени глаголов НСВ в обоих языках выражается формами аналитического будущего (будущего несовершенного). Эти формы могут обозначать:

1) будущие процессуальные действия, ср.:

Ponechám si vaši práci
a budeme srovnávat
(rozhl.).

*Я оставляю у себя вашу
работу, и мы будем срав-
нивать.*

2) действия в будущем без указания на их целостный или процессуальный характер, ср.:

Kde budete přestupovat?

Budeme se scházet
každý měsíc.

*Где вы будете делать
пересадку? (единичное дейст-
вие).*

*Мы будем встречать-
ся каждый месяц (узусальное
действие).*

На фоне такого употребления форм аналитического будущего специфическую функцию презентных форм СВ со значением будущего времени в чешском и русском языках можно определить как обозначение в плане будущего времени целостного единичного действия.

Итак, обозначая одиночное глагольное действие, презентные формы СВ выражают будущее время, презентные формы НСВ — чаще всего настоящее (актуальное) время. В этом случае противопоставление презентных форм СВ и НСВ лишь по видовому признаку невозможно: семантика совершенного вида несовместима со значением актуального настоящего, конкретное единичное действие презентной формой СВ может быть обозначено лишь как действие в будущем. Это свидетельствует о тесном взаимодействии категории вида и категории времени, характерном как для русского, так и для чешского языков. Для того чтобы дать более полную характеристику этого взаимодействия в каждом из сравниваемых языков, а также выявить различия между ними, необходимо более подробно остановиться на функционировании презентных форм при обозначении неактуального настоящего.

Как уже упоминалось, со значением неактуального настоящего в чешском и русском языках могут употребляться презентные формы обоих видов. При анализе значения неактуального настоящего отдельно рассматривается функционирование презентных форм при обозначении единичного действия, не соотношенного с другим действием (несоотносительный тип контекста), и кратно-соотносительный тип контекста¹⁹, в котором выражается соотношенность данного действия с другим действием, а также с ситуацией, имеющей неглагольное выражение. Такое дифференцирование контекстов необходимо по двум причинам. Во-первых, с точки зрения русского языка, так как последний тип контекста в русском языке является главным условием употребления презентных форм СВ со значением неактуального (главным образом узуального) настоящего²⁰. Во-вторых, при обозначении нескольких соотношенных действий глагольный вид выполняет «несобственную» функцию выражения последовательности действий, что определенным образом влияет на употребление видовых форм.

Рассмотрим особенности употребления презентных форм НСВ и СВ в сопоставляемых языках при обозначении неактуального настоящего в несоотносительном типе контекста.

В рамках настоящего неактуального нами выделяются настоящее узуальное, настоящее потенциальное и так называемое атемпоральное значения.

Основные различия между чешским и русским языками при выражении неактуального настоящего касаются обозначения повторяющихся, обычных, узуальных действий.

В результате сопоставительного анализа сочетаемостных свойств презентных форм глаголов СВ и НСВ в чешском и русском языках было установлено, что в чешском языке большинство лексических показателей (квантификаторов) узуальности действия свободно сочетаются с презентными формами обоих видов, тогда как в русском языке сочетание таких квантификаторов с презентными формами СВ весьма ограничено. Остановимся на этом вопросе подробнее.

В чешском и русском языках с презентными формами СВ не сочетаются квантификаторы со значением непрерывности повторений — *stále, pořád* — *постоянно, все время*. Ср.:

Zajíci nám pořád okusují stromky.

Tuto společnou schůzi předsedů organizací... svolává stále městský výbor KSČ (RP).

Зайцы все время обгрызают у нас деревья.

Это совместное собрание председателей организаций... проводит постоянно городской комитет КПЧ.

В чешском языке ограниченная сочетаемость с презентными формами СВ характеризует квантификаторы со значением регу-

лярности повторения действия, типа pravidelně, s jistou pravidelností — *регулярно, с определенной регулярностью*. В русском языке подобные квантификаторы с глаголами СВ сочетаться вообще не могут. Ср.:

Navštěvuje (ср. navštívi) nás pravidelně v sobotu.

Patřím totiž k těm, kteří pravidelně uvolnují (ср. uvolní) své místo něžnému pohlaví (RP).

О тенденции к употреблению с квантификаторами типа pravidelně форм НСВ в чешском языке свидетельствуют данные проведенной анкеты. В анкете имелись следующие чешские предложения:

Naše mužstvo na domácím hřišti pravidelně vyhrává.

Naše mužstvo na domácím hřišti pravidelně vyhraje.

Опрос 120 информантов показал большую употребительность форм НСВ: 22 информата считают, что форма СВ (vyhraje) в данном контексте вообще невозможна, 56 опрашиваемых, допуская употребление обеих форм, более употребительной назвали форму НСВ (vyhrává); лишь 10 отдали предпочтение форме СВ и 32 отметили равную употребительность этих форм. При изменении порядка слов в данных предложениях, в результате чего особо подчеркивается значение регулярности, употребительность формы НСВ возрастает, соответственно, возможность употребления форм СВ уменьшается. Так, изменение исходных предложений на Naše mužstvo na domácím hřišti vyhrává (vyhraje) zcela pravidelně изменило и соотношение ответов: «возможно употребление лишь форм НСВ» — 68; «возможно употребление обеих форм, однако форма НСВ значительно употребительнее, чем форма СВ» — 35; «обе формы являются употребительными в равной степени» — 17.

Для презентных форм НСВ в сопоставляемых языках характерно взаимодействие с квантификаторами типа den ode dne — *с каждым днем*, предполагающими определенное изменение самого действия или обстоятельств, при которых совершается действие. Ср.:

Den ode dne usínám
později.

С каждым днем я засыпаю все позже.

Однако необходимо отметить, что некоторые контексты в чешском языке в отличие от русского допускают сочетание квантификаторов типа den ode dne с презентными формами СВ. Ср.:

Rok od roku náš závod
vyrobí více radiátorů.

С каждым годом наш завод производит все больше радиаторов.

Квантификаторы, выражающие разную частоту повторения действия без выделения отдельных этапов повторения типа *často, zřídka, vřdycky, obyčejně, obvykle*, в чешском языке свободно сочетаются с презентными формами обоих видов. В русском языке подобные квантификаторы (типа *часто, редко, всегда, обычно*) в несоотносительном типе контекста проявляют ограниченную способность сочетаться с презентными формами СВ²¹.

Возможность такой сочетаемости зависит от свойств контекста (наличия показателей необычности, исключительности действия, оборота *нет, нет да и...* и под.)²². Ср.:

Ráno vřdycky dávám (dávám) všechny mince do plechovky od sušeného mléka (Fr. 175).

Nadání k hudbě se často projevívá (projevuje) už v útlém mládí (rozhl.).

Ale od těch dob se čas od času znovu vracívá (vrátí) na stará místa (Mor. 100).

Vřdycky tam dostanu (dostávám) čaj s malinovou šťávou a sladké koláčky (Pol. Bylo).

В русском языке большую способность сочетаться с презентными формами СВ проявляют квантификаторы типа *иногда, иной раз*. Ср.:

Vitr někdy zanášívá (zanes) nad město plyny z vysokých pecí.

Ve vlaku někdy usnu (usínám) (hovor.)...

Квантификаторы, имплицитно выражающие временные этапы повторения, типа *denně, ročně, každý den, rok...* и под. (*ежедневно, ежегодно, каждый день, год...* и под.), в чешском языке широко употребляются с формами обоих видов, тогда как в русском языке подобные квантификаторы сочетаются, как правило, лишь с формами НСВ. Ср.:

Skoro každý den se objevují (objeví) nové filmy, nové knihy (rozhl.).

Hodinky se mi zpozdí (zpozďují) asi o minutu denně.

Týdně vyrobíme (vyrobíme) asi 10 těchto přístrojů (rozhl.).

Утром он всегда все мелкие монеты кладет в банку из-под сухого молока.

Способность к музыке часто проявляется уже в раннем детстве.

Но с тех пор она время от времени снова возвращается на старые места.

Я всегда получаю там чай с малиновым сиропом и сладкие калачи.

Ветер иногда заносит (ср. занесет) в город дым доменных печей.

В поезде я иногда засыпаю (ср. засну)...

Почти каждый день появляются новые фильмы, новые книги.

Мои часы ежедневно отстают приблизительно на минуту.

Каждую неделю мы производим около 10 таких приборов.

При наличии квантификаторов типа *každý* — *каждый*, относящихся к субъекту или объекту действия, а также при наличии других лексических показателей узуальности в чешском языке также возможно употребление презентных форм как несовершенного, так и совершенного вида. В русском языке в этом случае преобладает использование презентных форм НСВ. Ср.:

Mám za to, že každý z vás prodělává (prodělá) aspoň jednou do roka tuto hodinu Dobrých Úmyslů (Сар. Sl. 345).

Myslím, že většina lidí dostává (dostane) fotografický aparát dárem pod strom nebo k svátku (Сар. Sl. 119).

Я думаю, что каждый из вас хотя бы один раз в год переживает этот час Хороших Намерений.

Я думаю, что большинство людей получает фотоаппарат в подарок к рождению или именинам.

Таким образом, при выражении узуального настоящего в несоотносительном типе контекста в чешском языке возможно функционирование презентных форм двух видов, то есть в условиях факультативной нейтрализации наблюдается конкуренция видов — взаимозаменяемость видовых форм при неизменности предметного содержания высказывания. Для аналогичных типов контекста в русском языке характерно употребление презентных форм НСВ.

Обозначение узуальных действий презентными формами СВ в русском языке является особым экспрессивным приемом изображения повторяющихся действий и связано, как правило, с кратко-соотносительным типом контекста. Однако и в этом типе контекста функциональная нагрузка презентных форм СВ в чешском языке значительно больше, чем в русском. Так, формы СВ в чешском языке свободно употребляются в обеих частях кратко-парной²³ конструкции. В русском языке форма СВ может быть употреблена в придаточном предложении, когда действие придаточного каждым своим актом предшествует действию главного предложения. В главном же предложении употребление форм СВ в русском языке ограничено. Ср.:

Když vyhraje, tak mi přinese bonbóny (Pol. Bylo, 72).

Když se setkáme, vždycky se zeptá... (hovor.).

Когда он выиграет (выигрывает), то приносит мне конфеты.

Когда мы встретимся (встречаемся), он всегда спрашивает...

Разный характер нейтрализации видового противопоставления в контексте узуального настоящего в чешском и русском языках определяет различия в частных видовых значениях изучаемых форм.

В русском языке в условиях обязательной нейтрализации видового противопоставления в контексте узуального настоящего фор-

мы НСВ полностью нейтральны к видовому признаку целостности. Контекст указывает на неограниченное повторение действия, формы НСВ, обозначая просто «качество глагольного действия»²⁴, имплицитно указывая на это значение повторяемости²⁵. Если в контексте косвенно выражается отношение к признаку целостности (то есть имеется указание на то, повторяются ли процессные, незаконченные, или целостные, завершённые, действия), формы НСВ имплицитно выражают это отношение. В чешском языке формы НСВ глаголов, способных развивать процессуальное значение, в условиях факультативной нейтрализации на фоне широко употребляемых форм СВ нередко подчеркивают продолжительность каждого акта повторяющегося действия, актуализируют его как процесс²⁶. Ср.:

Později pocítuje každý člověk snížení tonusu...

Jinými slovy, mnohem rychleji se unaví (ср. unavuje) (R, I, 67).

Každé jaro vylije (ср. vy-lévá) Iple svoje proudy na lučiny (PS).

Позже каждый человек чувствует понижение тонуса...

Иными словами, он намного быстрее утомляется.

Каждую весну Ипле выливает свои воды на луга.

Частное видовое значение форм СВ при обозначении повторяющихся действий нами определяется как конкретно-типическое²⁷: формы СВ обозначают целостное действие, конкретный факт; контекст указывает на его повторяемость, обычность. В советской специальной литературе употребляется другой термин Ю. С. Маслова — «наглядно-примерное значение». У этого значения глаголов СВ отмечается наглядность, выразительность, экспрессивная окраска²⁸. Для анализа функционирования презентных форм СВ в чешском языке в большей степени подходит первый термин: презентные формы СВ в чешском языке в большинстве случаев являются стилистически нейтральным средством обозначения узуальных действий, поэтому конкретно-типическое значение форм СВ лишено экспрессивного значения наглядности. Это, в частности, подтверждает широкое употребление презентных форм СВ для обозначения повторяющихся действий в чешском языке не только в текстах художественной литературы и в разговорной речи, но и в текстах научной, специальной литературы и публицистики. Ср.:

U kovů odpor při velmi nízkých teplotách téměř úplně zmizí (Fyz.).

V jiných pokusech se ukázalo, že stimulace mozkových receptorů isoproterenolem vyvolá úzkost (Charv. 87).

У металлов при очень низкой температуре сопротивление почти полностью исчезает.

Другие опыты показали, что стимуляция мозговых рецепторов изопротеренолом вызывает чувство ужаса.

Cas od času noviny v Itálii přinesou zprávu, že další nezaměstnaný zvolil sebevraždu (RP).

Время от времени газеты в Италии сообщают (букв. приносят сообщение), что еще один безработный покончил жизнь самоубийством.

В ряде случаев презентные формы СВ при обозначении повторяющихся действий в чешском языке являются более употребительными, чем соответствующие презентные формы НСВ. Это следующие случаи:

1. Контекст указывает на то, что повторяются завершённые, целостные действия, причем глагол НСВ способен развивать процессуальное значение. Например:

Nejrychlejší vlak v SSSR «Aurora» překoná (ср. překonává) vzdálenost Lenin-grad-Moskva za necelých pět hodin (R, 67, 3).

Země oběhne (ср. obíhá) Slunce za rok.

Самый быстрый поезд в СССР «Аврора» преодолевает расстояние от Ленинграда до Москвы менее чем за пять часов.

Земля делает полный оборот вокруг Солнца за год.

В аналогичных русских предложениях единственно возможными являются формы НСВ.

2. Из контекста вытекает, что повторяются целостные действия, достигшие определенного результата. Если употребляемые глаголы относятся к общерезультативному способу действия, то при субституции презентных форм СВ этих глаголов соответствующими формами НСВ значение результативности утрачивается. Ср.:

Vždycky tady uklidím (ср. uklízím) před polednem.

Tady to všechno obvykle rychle uzraje (ср. zraje).

Я убираю здесь всегда к 12 часам дня.

Здесь все созревает обычно быстро.

В русском языке в подобных случаях более употребительными, а нередко и единственно возможными являются формы НСВ, имплицитные значение результативности.

3. Обозначаются повторяющиеся, неожиданные, мгновенные действия, например:

Lidé mluví, jdou, najednou radnou (ср. padají) ... a konec (Sed. 40).

Jsou chvíle, když lidé náhle odhalí (ср. odhalují) to, co po léta ukrývali (rozhl.).

Люди говорят, идут, вдруг упадут (ср. падают)... и конец.

Бывают минуты, когда люди неожиданно открывают (ср. откроют) то, что годами скрывали.

В русском языке наличие показателей неожиданности, а также исключительности действия, является одним из условий, необхо-

димых для функционирования одиночной презентной формы СВ со значением узуального настоящего²⁹, однако и при этих контекстуальных элементах в русском языке более употребительными являются презентные формы НСВ.

4. Обозначаются повторяющиеся непредвиденные или нежелательные действия, например:

Každý týden nějaký hrnek
rozbiže.

Babička ty řízky často
spálí.

*Каждую неделю он разби-
вает что-нибудь из посуды.*

*Отбивные у бабушки часто
подгорают.*

В приведенных чешских предложениях презентные формы СВ являются единственно возможными, так как соответствующие формы НСВ выражали бы повторение целенаправленных действий. В русском языке при обозначении повторяющихся случайных действий широко используются формы НСВ.

В чешском языке в отличие от русского презентные формы СВ наряду с презентными формами НСВ могут быть употреблены при обозначении естественно-физических законов, обладающих вневременной значимостью. При этом презентными формами выражается атемпоральное значение. Например:

Dva poloměry rozdělí kruh
na dvě kruhové výseče.

Dvě paralelní přímky se
protínou v nekonečnu.

*Два радиуса делят круг
на два сектора.*

*Две параллельные прямые
пересекаются в бесконеч-
ности.*

Kodování je metoda, kdy se
jedním smluveným znakem
vyjádří celé sdělení (RP).

*Кодирование — это метод,
при котором одним условным
знаком выражается целое
сообщение.*

В чешском языке подобное использование форм СВ особенно характерно для текстов различного рода учебников и научно-популярной литературы, встречается также в текстах научной и специальной литературы. Степень употребительности форм СВ и НСВ при выражении атемпорального значения в известной мере иллюстрирует опрос по анкете, в которую было включено следующее чешское предложение: Dvě k sobě kolmé přímky rozdělí/rozdělují rovinu na 4 části.

Все 120 информантов допускают употребление обеих видовых форм, причем 62 отдают предпочтение форме НСВ, 10 — форме СВ, 48 опрошиваемых называют сопоставляемые формы употребительными в равной степени.

В русском языке атемпоральное значение может быть выражено лишь презентными формами НСВ. Презентные формы СВ в предложениях, подобных приведенным чешским, выражали бы будущее время конкретного единичного действия.

При выражении различных оттенков потенциального настоящего, представляющего собой значение неактуального настоящего, осложненное модальными значениями возможности, способности, долженствования, в чешском и русском языках употребляются презентные формы обоих видов. Функционирование презентных форм в сопоставляемых языках в целом сходно при выражении потенциальной способности/неспособности, возможности/невозможности субъекта выполнить определенное действие. Ср.:

Vašek je veselý kluk, hraje na kytaru a krásně zpívá (hovor.).

(Ten pes) žere všecko. On sní i močenou okurku (Pol. Bylo, 27).

Dělnické domky jsou tam tak těsné, že se v nich sotva otočíš (rozhl.).

Вашек — веселый парень, он играет на гитаре и прекрасно поет.

Этот пес ест все. Он и соленый огурец съест (может съесть).

Домики рабочих там так тесны, что в них едва повернешься (можно повернуться).

В некоторых случаях чешской презентной форме СВ со значением потенциального настоящего в русском языке соответствует сочетание модального глагола *может* с инфинитивом, то есть в русском языке в этих случаях значение возможности выражается лексическими средствами. Ср.:

Neumí nic... slátá akorát zprávičku... o automobilce a dost (Klev., 83).

IL-62 uletí 9000 km průměrnou rychlostí přes 900 km/h (rozhl.).

Он не умеет ничего... может сострять лишь сообщение об автомобильном заводе и все.

ИЛ-62 может пролететь 9000 км со средней скоростью 900 км/ч.

В большей степени различия касаются значения так называемого настоящего предписания, реализующегося в инструкциях, руководствах, кулинарных рецептах и под.: в чешском языке обычным средством выражения этого значения являются презентные формы СВ, в русском языке — презентные формы НСВ, формы императива и модальные предикативы с инфинитивом. Например:

Silně orámovanou část vyplní student.

Do misky se dá mouka... přileje se mléko...

Выделенную часть (бланка) заполняет студент.

В миску насыпают (насыпьте, надо насыпать) муку... добавляют (добавьте, надо добавить) молоко...

Итак, в чешском языке реализация значения неактуального настоящего презентных форм СВ зависит от контекстуальных условий в меньшей степени, чем в русском языке. Это различие между сопоставляемыми языками особенно проявляется при функционировании одиночного глагола. В чешском языке презентные формы СВ сочетаются с большинством квантификаторов, сигнализирующих повторяемость действия. Эти формы являются обычным средством обозначения узуальных, атемпоральных действий и широко используются в различных в стилистическом отношении текстах, причем в ряде случаев формы СВ являются более употребительными, чем соответствующие формы НСВ. В русском языке сочетание семантических признаков повторяемости и целостности действия ограничено. Употребление презентных форм СВ со значением неактуального настоящего связано с особыми условиями контекста (главным образом, с кратко-соотносительным типом контекста) и, как правило, стилистически маркировано. Нейтральным средством выражения неактуального настоящего в русском языке являются презентные формы НСВ.

Большая контекстуальная независимость реализации значения неактуального настоящего презентных форм СВ свидетельствует о большей «равноправности» двух временных значений презентных форм СВ — значения будущего времени и неактуального настоящего. Иными словами, в чешском языке презентные формы СВ связаны со значением будущего времени в меньшей степени, чем в русском. Это подтверждает тезис Ф. Копечного о том, что в чешском языке категория вида менее тесно, в сравнении с русским языком, связана с категорией времени³⁰. Приведем другие доказательства того, что из двух сопоставляемых языков меньшая взаимосвязанность совершенного вида и будущего времени в области презентных форм характеризует чешский язык.

Контекстуальные условия, достаточные для реализации значения неактуального настоящего презентных форм СВ в чешском языке, часто недостаточны для употребления этих форм в том же значении в русском языке, в котором в аналогичных условиях контекста презентные формы СВ имеют значение будущего времени. Ср.:

Prý je moc chřipku... My tady o ní nic nevíme... jenom že k nám nepustí návštěvy (Schein. 56).

Говорят, сейчас грипп... Мы здесь о нем ничего не знаем, только что к нам не пускают (ср. не пустят) посетителей.

Prosinec, to je doba azalek a bramboříků... V lednu nastupují hyacinty a tulipány... V únoru přijdou větvičky

Декабрь — это время азалий и цикламенов... В январе следуют гиацинты и тюльпаны... В феврале появляются (ср. появятся) веточки

mimoz a čínské petrklíče...
(Сар. Sl. 340).

миמוзы и китайские баранчки...

В чешском языке возможны контексты, допускающие употребление презентных форм СВ как со значением будущего времени, так и со значением неактуального настоящего, тогда как в русском языке в аналогичных контекстуальных условиях презентные формы СВ могут выражать, как правило, лишь значение будущего времени. Ср.:

Mohli jsme vybrat nějakou hospodu na vsi, na vesnickou zábavu přijdou i holky z okolí (Pluh. 55).

V neposlední řadě takový letecký den něco stojí a jeho příprava zabere ohromné množství času tisícům lidí (R, 4, 69).

Мы могли выбрать какой-нибудь трактир в деревне, на деревенские танцы придут (ср. придут) и девушки из окрестностей.

Кроме того, такой воздушный праздник кое-что стоит, и его подготовка отнимает (ср. отнимет) огромное количество времени у тысяч людей.

В следующем чешском предложении употреблены две презентные формы přijdou, причем одна — со значением неактуального настоящего (на это значение указывает общий контекст), другая — со значением будущего времени (это значение сигнализируют наречия zítra a pozítří):

... Rovněž strojník od rotačky denně prohlašuje, že to... je marné... A vidíte, přes ty všechny úkazy noviny vyjdou, a vyjdou i zítra a pozítří (Сар. Sl. 13).

Также механик ротационной машины каждый день заявляет, что... все напрасно... Но видите, несмотря на все эти заявления газеты выходят (букв. выйдут), выйдут и завтра и послезавтра.

Такое употребление презентных форм СВ, как в чешском предложении, возможно лишь при относительной равноправности двух временных значений этих форм.

Вывод о том, что в чешском языке, презентные формы СВ связаны со значением будущего времени в меньшей степени, чем в русском, подтверждают также закономерности употребления изучаемых форм при выражении атемпорального значения (см. с. 166), а также так называемого настоящего исторического, когда объективно прошедшие действия говорящий представляет как настоящие.

Как известно, в обоих языках при обозначении единичного действия презентные формы СВ выражают значение будущего времени. В русском языке в области презентных форм совершенный вид настолько тесно связан со значением будущего времени, что это значение не нейтрализуется общим временным значением

контекста настоящего исторического единичного действия, а вступает с ним в противоречие, разрушая его. Настоящее историческое единичного действия в русском языке не допускает употребления презентных форм СВ. Исключением являются модальные обороты с *не* или типа *вдруг как закричит*³¹. План настоящего исторического единичного действия в русском языке создается при помощи транспозиции значения актуального настоящего презентных форм НСВ. В чешском языке также возможно построение фигурального актуального настоящего для обозначения прошедших действий, когда прошедшие действия обозначаются так, будто они происходят в момент речи. Ср.:

A na východní straně náměstí se seřadila policie... K jejímu veliteli přistupuje drobný človíček v brejlích, což mu hlásí a rychlými kroky odchází (Olb. 293).

Klec se zastavuje a dva samaritáni vyvádějí Standu ven (Čar. Pr. 121).

Однако со значением настоящего исторического в чешском языке в отличие от русского широко употребляются также презентные формы СВ, которые в контексте настоящего исторического при обозначении единичных действий утрачивают значение будущего времени, выражая «наступление» действия, предшествование одного законченного действия другому, последовательность целостных действий, являющихся объективно прошедшими³². Ср.:

Ale když mi pokladník dal jízdenku, zase jsem nevěděl, kolik mám platit. Vysypu na přepážku celou kapsu (Majer., 10).

Táhl jsem se s tou skříní až na Bohdalec, tam rozbiju sklo a roční vytažovat boty (Haš. 14).

А на восточной стороне площади выстроилась полиция... К начальнику отряда подходит маленький человечек в очках, что-то ему сообщает и быстрым шагом уходит.

Кабина останавливается и два санитара выводят Станду наружу.

Но когда кассир дал мне билет, я не знал, сколько платить. Высыпая все, что было в кармане.

Я тащился с этим ящиком аж до Богдальца, там разбиваю стекло и начинаю вытаскивать туфли.

* * *

Анализ функционирования презентных форм совершенного и несовершенного вида показывает взаимосвязанность и взаимозависимость самостоятельных грамматических категорий вида и времени в чешском и русском языках.

Тот факт, что в сопоставляемых языках разные видовые формы в области презентных форм при обозначении единичного действия связаны с разными временными значениями, а также то, что вид глагола определяет временную форму при выражении

будущего времени (у глаголов СВ — презентная форма, у глаголов НСВ — форма описательного будущего), свидетельствуют о тесном взаимодействии категории вида и времени в чешском и русском языках.

Исследование функционирования презентных форм со значением будущего времени, неактуального настоящего и настоящего исторического показало, что в чешском языке презентные формы СВ связаны со значением будущего времени в меньшей степени, чем в русском. Это свидетельствует о менее тесной связи категории вида и времени в чешском языке в сравнении с русским.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кореšný F. *Základy české skladby*. Praha, 1962, s. 100.
- ² См.: Петрухина Е. В. К вопросу о нейтрализации видового противопоставления. — *Ceskoslovenská rusistika* 21, 1976, № 4.
- ³ Кржижкова Е. Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке. — *Вопр. языкознания*, 1962, № 3, с. 25.
- ⁴ См.: Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). — В кн.: *Вопросы грамматики болгарского литературного языка*. М., 1959; Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
- ⁵ См.: Потехня А. А. Из записок по русской грамматике. М.—Л., 1941, т. 4, с. 78; Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола (Опыт синтеза). — В кн.: *Вопросы глагольного вида*. М., 1962, с. 131.
- ⁶ См.: Головин Б. Н. О видовых и внутривидовых грамматических значениях русских глаголов. — *Учен. зап. Вологодского пед. ин-та*, 1950, т. VII.
- ⁷ Например, Ф. Копечный рассматривает категорию актуальности/неактуальности как грамматическую категорию чешского глагола. Маркированными по отношению к признаку неактуальности являются многократные глаголы типа *dělat*, остальные глаголы по этому признаку рассматриваются как немаркированные (Кореšný F. *Slovesný vid v češtině*. — *Rozpravy Československé akademie věd* 72. Praha, 1962, N 2).
- ⁸ Křížková H. K. *problematicke aktuálního a neaktuálního užití časových a vidových forem v ruštině a češtině*. — *Ceskoslovenská rusistika*, 1958, N 3; Poldauf I. *Souhrnný pohled na vid v nové češtině*. — *Slovo a Slovesnost* 25, 1964; Poldauf I. *Neaktuálnost jako gramatická kategorie českého slovesa?* — *Slovo a Slovesnost* 27, 1966.
- ⁹ Panevová J., Benešová E., Sgail P. *Čas a modalita v češtině*. Praha, 1971, s. 27.
- ¹⁰ Barneťová V., Skoumalová Z. *Aspektuálnost a temporální charakteristika výpovědi*. — In: *Otázky slovanské syntaxe IV*, č. 1. Brno, 1980, s. 151—157.
- ¹¹ Matesius V. *O konkurenci vidů v českém vyjadřování slovesném*. — In: *Čeština a obecný jazykozpyt*. Praha, 1947, s. 196.
- ¹² О квантификаторах глагольного действия см.: Hlavsa Z. *On the operators of reference*. — In: *Travaux linguistiques de Prague 3*. Prague, 1968, p. 95—103; Hlavsa Z. *Tři problémy pro strukturní výklad kategorie času*. — In: *Charakterystyka temporalna wypowiedzenia*. *Prace Inst. języka polskiego*, N 8. Warszawa, 1975, s. 71—75.
- ¹³ Проблеме многократных глаголов в чешском языке посвящена обширная литература, детально этот вопрос разработан А. Г. Широковой (см.: Широкова А. Г. *О категории многократности в чешском языке*. — В кн.: *Исследования по чешскому языку*. М., 1963; Она же. *Основные значения многократных глаголов в чешском языке*. — *Вопр. языкознания*, 1965, № 2).
- ¹⁴ Рассудова О. П. *Употребление видов глагола в русском языке*. М., 1968, с. 47.
- ¹⁵ См.: Бондарко А. В. *Указ. соч.*, с. 75.

- 16 См.: Бондарко А. В. Указ. соч., с. 64—68.
 17 Маслов Ю. С. Указ. соч., с. 231.
 18 Любое указание на время совершения действия, кроме обстоятельств со значением 'сейчас, в данный момент' при употреблении презентных форм НСВ относит действие к области неактуального настоящего, так как такое указание означает, что действие совершается не в момент речи.
 19 Термин Ю. С. Маслова (см.: Маслов Ю. С. Указ. соч., с. 245).
 20 См.: Бондарко А. В. Указ. соч., с. 197.
 21 О возможной сочетаемости наречий *всегда, иногда, редко, часто, обычно* и под. с глаголами СВ в русском языке см.: Аникина А. Б. Сочетаемость глаголов с наречиями и другими лексическими единицами. — Науч. докл. Высшей школы. Филол. науки, 1964, № 3, с. 169—170.
 22 См.: Бондарко А. В. Указ. соч., с. 212.
 23 Термин Ю. С. Маслова (см.: Маслов Ю. С. Указ. соч., с. 245).
 24 Корещный F. *Základy české skladby*, s. 100.
 25 Соответствующее частное видовое значение форм НСВ в работах многих советских аспектологов определяется как неограниченно кратное.
 26 Havránek V., Jedlička A. *Česká mluvnické*. Praha, 1970, s. 226; Широкова А. Г. Многократные глаголы в чешском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М., 1965, с. 22. Подробно этот вопрос рассматривается в статье: Петрухина Е. В. О функционировании видового противопоставления в русском языке в сопоставлении с чешским (при обозначении повторяющихся действий). — Русский язык за рубежом, 1978, № 1.
 27 Термин Ю. С. Маслова (см.: Маслов Ю. С. Указ. соч., с. 232).
 28 См.: Маслов Ю. С. Указ. соч., с. 232; Бондарко А. В. Указ. соч., с. 23.
 29 См.: Бондарко А. В. Указ. соч., с. 210—212.
 30 Корещный F. *Slovesný vid v češtině*, s. 74.
 31 Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967, с. 233. При обозначении настоящего исторического повторяющегося действия закономерности функционирования видовых форм в чешском и русском языках такие же, как при обозначении повторяющихся действий в плане неактуального настоящего.
 32 Подробнее о функционировании презентных форм при выражении настоящего исторического и сценического в чешском языке в сопоставлении с русским см.: Петрухина Е. В. Категория глагольного вида и транспозиция морфологических форм. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Филология, 1977, № 6, с. 32—41.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

PS	— Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935—1958.
RP	— «Rudé právo»; R — «Rada»
Сар. Pr.	— Сарек К. První parta. Praha, 1971.
Сар. Sl.	— Сарек К. Sloupky. Praha, 1973.
Fr.	— Fried J. Časová tiseň. Praha, 1961.
Fyz.	— Říman E., Slavík I. Fyzika s příklady a úlohami. Praha, 1966.
Haš.	— Smějeme se s Jaroslavem Haškem, č. 2. Praha, 1946.
Charv.	— Charvat J. Život, adaptace a stres. Praha, 1976.
Klev.	— Klevis V. Abiturienti. Praha, 1976.
Majer. Pov.	— Majerová M. Povídky o lásce. Praha, 1974.
Mor.	— Moravcová J. Měsíc krásného zešílení. Praha, 1976.
Olbr.	— Olbracht I. Anna proletářka. Praha, 1971.
Schein.	— Scheinpflugová O. Karanténa. Praha, 1972.
Sed.	— Sedlmajerová A. O mrtvých jen dobře. Praha, 1971.
hovor.	— hovorové, rozhl. — rozhlas

ФУНКЦИИ УКАЗАТЕЛЬНЫХ
МЕСТОИМЕНИЙ В ЧЕШСКОМ
ЯЗЫКЕ В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ

Каждый, кто близко соприкасается с обиходно-разговорным чешским языком, не может не заметить, насколько часто в нем встречается указательное местоимение *ten, ta, to*. Это местоимение входит в состав многих предложений, неоднократно повторяясь в них. Частотность данного местоимения в других функционально-стилистических ответвлениях чешского языка значительно ниже, однако и здесь оно остается достаточно распространенным средством¹ (например, в сравнении с современным русским языком).

Необыкновенно высокая частотность указанного местоимения в чешском языке, особенно в его разговорной форме, привлекала внимание целого ряда исследователей, которые оценивали это явление различно. В свое время его частое употребление воспринималось как германизм², в связи с чем его рекомендовалось по возможности избегать. Против подобного рода категоричных рекомендаций выступил Й. Зубатый³, разграничивающий случаи оправданного и неоправданного употребления этого местоимения. Принципиально иной подход представлен у В. Матезиуса⁴, который оставляет в стороне проблему языкового пуризма и подходит к изучению данного явления прежде всего с точки зрения функциональной и стилистической. В частности, он ставит вопрос о приобретении этим местоимением характера грамматического члена⁵ (решая его для современного чешского языка отрицательно, хотя между этим местоимением и грамматическим членом действительно обнаруживается значительная близость), а также анализирует его эмоциональные функции. Употребление указанного местоимения весьма подробно описывает Ф. Травничек⁶; он также выступает против его необоснованного изъятия и сравнивает его функционирование с употреблением других местоимений и с их отсутствием, уделяя особое внимание его эмоциональной функции.

Интересная перспектива открывается при сравнении данного явления в чешском и русском языках.

В целом частотность русских указательных местоимений *этот* и *тот* заметно ниже, чем у их чешского эквивалента *ten* (следует учитывать, что русским местоимениям *этот* и *тот* могут соответствовать также и другие чешские местоимения с более специальной функцией, ср. *tento, tenhle...* или *tamtén, onen* и т. п.). Механическая замена чешского местоимения *ten* русским *этот* или *тот* при переводе может привести к необычному для русского

языка способу выражения, а нередко и к нарушениям правил грамматики. Напротив, употребление чешского местоимения *ten* лишь в тех случаях, когда в переводимом русском тексте находим *этот* или *тот*, лишило бы чешский перевод особого колорита, а адекватность отдельных предложений можно было бы поставить под сомнение. Однако это вовсе не означает, что случаи расхождения в употреблении указательных местоимений между двумя языками количественно преобладают: случаев соответствия в употреблении местоимений в обоих языках также очень много (возможно, ббльшая часть). Однако отмеченное различие остается чрезвычайно ярким и значительным, и в связи с этим сравнение чешского и русского языков в данном отношении представляется интересным и важным как для теории, так и для прикладных целей⁷.

Сопоставление чешского и русского материала могло бы показать: а) в каких случаях в обоих языках совпадает употребление или отсутствие данных местоимений; б) в каких случаях отмечается употребление местоимения *ten* в чешском языке и отсутствие местоимения в русском языке и является ли такое соответствие облигаторным или факультативным и, наконец, в) какими средствами в русском языке передается чешское указательное местоимение в случаях б), если подобные средства существуют.

Попытаемся теперь определить основные функции местоимения *ten*, *ta*, *to* в современном чешском языке.

С точки зрения синтаксической необходимо прежде всего различать употребление данного местоимения в качестве прилагательного (адъективное), типа: *Poděj mi tu knihu.* — *Поддай мне эту книгу*⁸; *S tím člověkem jsem o té věci ještě nemluvil.* — *С этим человеком я об этом деле еще не говорил*; *To sluníčko dnes ale pálí!* — *Ох, ну и печет же сегодня солнышко!*, и в качестве существительного (субстантивное), типа: *Ten nám tu ještě chyběl!* — *Только его нам здесь и не хватало!*; *Tu neznám.* — *Ее я не знаю (такой я не знаю)*; *Byl tu nějaký člověk a ten nám to řekl.* — *Приходил какой-то человек, он-то нам это и сказал*⁹.

В ряде случаев невозможно однозначно определить, употреблено ли местоимение в функции прилагательного или существительного; это особенно ярко проявляется в сочетаниях с прилагательными (без существительных), или с наречными словами, ср.: *Který kousek chceš?* — *Ten menší.* — *Какой тебе кусок?* — *Тот, что поменьше*; *Který z obrazů se ti víc líbí?* — *Ten vpravo.* — *Какая из картин тебе больше нравится?* — *Та, что справа*; *Všichni studenti čtou ruskou literaturu — ti lepší v originálu, ti slabší v překladu.* — *Все студенты читают русскую литературу, те, кто посильнее, — в подлиннике, кто послабее, — в переводе*; *Už tam zůstali jen ti nejvytrvalejší.* — *Там уже остались только самые настойчивые.*

Такое употребление во многом напоминает субстантивное, однако общий его характер указывает скорее на адъективный тип (прилагательное или наречное слово в данном случае выступает

по сути как субстантиват, способный сочетаться с синтаксическим прилагательным).

Другой весьма важный разграничительный признак — функционально-семантический. Основная (первичная) функция местоимения *ten* — идентифицирующая. Она состоит в идентификации, то есть отождествлении данного имени с определенным единичным объектом из данного (обозначаемого этим именем) класса¹⁰. Эта общая функция (А) объединяет три более частные¹¹:

А 1) дейксис — указание на предмет, который выступает в ближайшей конситуации, ср.: *Podej mi ten sešit.* — *Поддай мне эту тетрадь; Za tou skříní jsou nějaké papíry.* — *За этим шкафом лежат какие-то бумаги; Vidíš to auto?* — *Ты видишь эту машину?* и др.¹².

А 2) анафора — отсылка к предыдущему контексту, в котором выступал данный объект, ср.: *Byl jednou jeden král a ten měl tři syny.* — *Жил-был король, и было у него три сына; Vyrůčil jsem si dvě knížky, román a detektivku. Ten román byl dobrý, ale ta detektivka se nedala číst.* — *Я взял почитать две книги, роман и детектив. Роман-то был неплохой, зато детектив и читать невозможно*¹³ и др.

А 3) катафора — отсылка к последующему контексту, где данный объект идентифицирован, ср.: *Vyhraje ten, kdo nejdřív odpoví na všechny otázky.* — *Победит тот, кто раньше других ответит на все вопросы; Jsem pro to řešení, které by bylo pro nás nejsnáze uskutečnitelné.* — *Я за то решение, которое нам будет легче всего осуществить.*

Наряду с первичными функциями (А) местоимение *ten, ta, to* в чешском языке выполняет также ряд других, вторичных функций (Б). Это прежде всего две функции: Б 1) экспрессивная функция и Б 2) функция напоминания об известных событиях.

Первая функция имеет две разновидности: Б 1а) — усиление эмоциональности (выражение различных чувств — удивления, восхищения, возмущения, удовлетворения, желания и т. д.)¹⁴, ср.: *Ten Honza, to je ale drzoun!* — *Ну и нахал же этот Гонзал!*; *Ty děti, ty děti!* — *Ох, уж эти дети!*; *Jen kdyby mě ta hlava přestala bolet!* — *Хоть бы уж эта голова у меня прошла!*; *Ta naše maminka, ta umí vařit!* — *Ну и умеет же готовить наша мама!*; *Ani do toho kina už nechodíme!* — *И в кино-то мы уже не ходим!* и др., и Б 1б) — усиление интенсивности (стремление привлечь внимание, повысить силу воздействия высказывания, подчеркнуть настоятельность просьбы, предостережения и т. п., что бывает связано с определенными эмоциями (страх, опасение, нетерпеливость и т. п.). Ср.: *At' ten Jiříček nevyupadne z toho okna!* — *Смотри, не то Иржичек вывалится из окна!* (*Смотри как бы Иржичек не вывалился из окна!*); *Ten Mirek by už měl vstávat!* — *А Миреку пора бы уже и вставать!*; *Vem si jinou čepici, nebo ti ty uši na tom trazu omrznou!* — *Надень другую шапку, а то ведь уши отморозишь на этом морозище!* и др.

Вторая функция — эвокативная — состоит в напоминании

известных автору и адресату фактов их общего опыта, прежних намерений, договоренностей, обещаний и т. п., ср.: Tak do toho Brna jsem nakonec pejel. — *А в Брно-то я в конце концов так и не поехал*; Tak jsem koupil ty lístky do toho kina. — *Так я купил билеты в кино (как мы договорились)*; Podívej se, to je myslím ten, co jsme ho viděli s tou krásnou dívkou v tom obchodě, jak tam kupovali ten magnetofon. — *Посмотри, это, кажется, тот самый, кого мы видели с той красивой девушкой, тогда в магазине, помнишь, они еще магнитофон покупали*; Milane, kdy už začneš dělat ten úkol z té matematiky na ten čtvrtek? — *Милан, когда же ты наконец начнешь готовить то задание по математике, помнишь, ты говорил, что тебе на четверг нужно?* и др.

Обе указанные вторичные функции имеют много общего: в каждом случае наше внимание обращается на определенное явление в целом. Различие касается лишь характера этого внимания: в случае Б 1а) говорящий стремится вызвать у своих слушателей те же эмоции, какие возникали и у него самого при оценке данного явления, в случае Б 1б) говорящий добивается более пристального внимания слушателей к конкретной ситуации, в случае же Б 2) говорящий ставит перед собой цель напомнить о явлении или ситуации, которые и прежде слушателю были известны¹⁵ (выражения *стремится, добивается, ставит себе цель* не следует понимать дословно: в действительности это полностью неосознанные процессы). Таким образом, в каждом отмеченном случае местоимения во вторичной функции относятся по сути не только к соответствующим существительным, но их посредством и ко всему высказыванию в целом, в связи с чем они носят характер своеобразных «пояснителей предложения» подобно отдельным наречиям, вводным словам, определенным разновидностям главных предложений с так называемыми придаточными изъяснительными и так далее¹⁶. Ср.: Ty Tatry jsou nádherné! (Je obdivuhodné, jak jsou Tatry nádherné! / Tatry jsou skutečně nádherné, to se musí přiznat! — *Что за прелесть эти Татры! (Просто диву даешься, что за прелесть эти Татры! / Нужно признать, что Татры просто прелесть!); Ta naše maminka ale umí vařit! (Jen co je pravda, naše maminka umí výborně vařit. / Je až kupodivu, jak umí naše maminka výborně vařit...)* — *Ну и вкусно же умеет готовить наша мама! / Что правда, то правда: наша мама умеет вкусно готовить. / Поразительно, как вкусно умеет готовить наша мама.)*; Ať ten Jiříček nevypadne z toho okna! (Pozor, ať Jiříček nevypadne z okna! / Пробоһа, аť Jiříček nevypadne z okna!) — *Смотри, не то Иржичек вывалится из окна! / Осторожнее, Иржичек может вывалиться из окна. / Ну что же ты, ведь Иржичек вот-вот вывалится из окна!*); Tak jsem koupil ty lístky do toho kina. (Tak jsem koupil lístky do kina, jak jsi chtěl.) / Tak jsem koupil lístky do kina, jak jsme se domluvili.) — *Так я купил билеты в кино. (Так я купил билеты в кино, как ты хотел. / Вот, я купил билеты в кино, как мы договорились.)*

Высокая частность описываемого местоимения в современном

разговорном чешском языке в значительной степени обусловлена тем, что оно выступает в указанных выше вторичных функциях.

Вторичные функции в то же время в известном смысле оказываются связанными с первичными, восходят к ним: так, Б 1) развивается на основе дейксиса, а Б 2) — на основе анафоры. Одно и то же местоимение нередко выполняет одновременно первичные и вторичные функции: Прежде всего это отмечается в тех случаях, когда существительное, употребленное не в родовом значении, требует идентификации (таковы нарицательные существительные, если они не обозначают весь класс объектов, но и не отождествимы однозначно с каким-то конкретным объектом). Например: *Ty nádherně záběry!* — *Какие чудесные кадры!* [А 1) + Б 1а)]; *Zapni si ten knoflík!* — *Да застегни же ты свою пуговицу!* [А 1) + Б 1б)]; *Tak jsem ti přinesl tu knihu.* — *Вот, я принес тебе ту книгу, о которой мы говорили* [А 2) + Б 2)], и т. п. Если же существительное и без местоимения уже достаточно идентифицировано (например, с помощью притяжательного местоимения) или не нуждается в дополнительной идентификации (имена собственные, названия предметов, которые встречаются только в одном экземпляре — по крайней мере, в ближайшем окружении участников разговора, например, названия их частей тела или одежды), то исходная первичная функция целиком трансформируется в одну из вторичных функций. Ср.: *Ta Iveta mi už ale skutečně jde na nervy!* — *Эта Ивета мне уж (действительно) действует на нервы!*; *Ale ten Jirka, to je ale opravdu hezký chlapec!* — *А этот Ирка — ну и красивый же он парень!*; *Ten náš tatínek nějak stárne.* — *Что-то наш папа сдавать начал*; *A ty si ty ruce neumyješ a neumyješ!* — *А ты все руки никак не вымоешь!*; *Tak už si konečně sundej ten kabát!* — *Да сними же ты, наконец, пальто!*

Первичная функция идентификации не может осуществляться и в тех случаях, когда существительное употреблено в родовом значении, то есть обозначает весь класс объектов. Здесь выступает либо функция усиления эмоциональности высказывания, ср.: *Ty děti, ty děti!* — *Ох уж эти дети!*; *To je ti teď nemocí mezi těma mladýma lidma, to je hrůza!* — *Ну и болезней же развелось среди молодежи, просто ужас!*; *Ani tu kytičku už mi nepřineseš!* — *Ты мне даже уже и цветов-то не приносишь!*; *Ty auta ale hrozně zaneřádíjí to ovzduší!* — *Ну и загрязняют же они воздух, эти машины!*; либо определенный оттенок напоминания об известных событиях, обращение к личному опыту адресата, ср.: *Hezky tam bylo, jen ti komáři kdyby tam nebyli!* — *Чудесное было бы местечко, не будь там этих (противных) комаров!*; *Tak už se zase začínají nosit ty špičaté boty...* — *Вот видишь, опять начинают носить остроносые туфли...*

Остановимся теперь на адъективном типе употребления местоимения *ten, ta, to*: рассмотрим подробнее отдельные его семантические функции и попытаемся для каждого оттенка значения найти адекватные средства в русском языке.

А. Первичная функция идентификации.

А 1. Дейксис.

Как было отмечено, дейктическая функция выступает в тех случаях, когда идентификация данного имени достигается посредством указания на предмет, который находится в поле зрения участников коммуникации. В чешском языке в этой функции наряду с местоимением *ten* употребляются и местоимения с более узким значением — *tento, tenhle, tenhleten, tamten, tamhleten*, в русском языке наряду с *этот* и *тот* также употребляется *вот этот* и *вон тот*. Если из данной конституции вполне ясно, о каком предмете идет речь (например, если в ней выступает единственный в своем роде предмет), то местоимение может и отсутствовать. Именно в этом отношении между двумя сопоставляемыми языками отмечается количественное различие: в русском языке случаи отсутствия местоимения в описанной ситуации более многочисленны, чем в чешском. Тем самым в чешском языке местоимение *ten* в дейктической функции употребляется часто и в тех случаях, когда это не вызвано потребностями коммуникации, вследствие чего это местоимение до известной степени приобретает характер определенного члена. Ср.: (Кто-то долго не может отпереть дверь вполне определенным ключом.) *Dej mi ten klíč, já to zkusím odemknout sám.* — *Дай мне ключ, я попробую отпереть дверь сам*; (Елена сжигает в камине чертежи Роботов и говорит няне:) *Podívej se, jak se ty listy krouťí* (Сар., RUR, 50). — *Смотри, как свертываются листы*; (Алквист снимает после операции халат с пятнами крови и говорит Роботу:) *Odnes ten plášť, nechci jej vidět* (Сар., RUR, 92). — *Унеси халат, видеть его не могу*.

Подобные отличия можно обнаружить и при сравнении примеров из русских оригинальных текстов с их наиболее вероятными чешскими эквивалентами. Ср.: (Группа хулиганов оттаскивает со стоянки машину; при виде этого владелец кричит им:) *Rebata, čo vy děláte? Seččas že ostavte mašinu!* (Адам., с. 48). — *So to prosím vás děláte? Okamžitě nechte být to auto!*¹⁷; (Солдат принес из захваченного немецкого склада мешок с дешевыми часиками; командир увидел, что находка не слишком ценная, и приказал:) *Vezmte si ten pytel a jděte k četě;* (Тот же солдат показывает мешок взводу.)... *A v měške никак все часики? — поинтересовался Таткин* (там же, 108). — ...*A v tom pytli jsou skutečně samé hodinky?*

И в чешском языке при однозначной референции (то есть тождестве данного имени с определенным единичным объектом) указательное местоимение может в целом ряде случаев отсутствовать: его сближение с определенным артиклем еще далеко не окончательно. Ср.: (Эмилия пьет слишком много вина прямо из бутылки; адвокат Коленатый велит:) *Odejmete jí láhev* (Сар., Věs M., 245). — *Заберите у нее бутылку*. С другой стороны, и в русском языке указательное местоимение иногда употребляется

также там, где не возникает необходимости в дополнительной идентификации, однако таких случаев, бесспорно, меньше, чем в чешском языке.

А 2. Анафора.

Анафорическая функция выявляется в тех случаях, когда однозначная референция устанавливается посредством отсылки (отношения) к предыдущему контексту или же к предполагаемому опыту адресата. В обоих сравниваемых языках для этой цели используются указательные местоимения — в чешском языке это обычно местоимение *ten*, в русском — *этот* (примеры настолько очевидны, что приводить их было бы излишне).

В то же время в обоих языках указательное местоимение может быть легко опущено, если предмет достаточно идентифицирован в контексте или же относительно данной коммуникативной ситуации. Однако точно так же, как это отмечалось для дейктической функции, отсутствие местоимения и в этом случае кажется более частым в русском языке, чем в чешском. Следовательно, в чешском языке указательное местоимение обладает сравнительно более высокой частотой. Ср. примеры: (Разговор касается тяжбы в суде.) [Emilie:] *Co potřebujete, abyste ten proces vyhral?* (Сар., *Věc M.*, 199). — *Что вам нужно, чтобы выиграть процесс?*; [Baron Krüg:] *Ze se ta nemoc zdolá?* [Dvorní rada:] *Ne, ne. Ze vyhraje tu válku* (Сар., В. п. 312). — [Барон Крюг:] *В том, что удастся справиться с болезнью?* [Сигелиус:] *Нет, в том, что мы выиграем войну*; (Эмилия упомянула о письмах и завещании, которые, по мнению Грегора, не могли быть ей известны.) [Gregor:] *Jak víte o těch dopisech? Jak víte o tom testamentu?* (Сар., *Věc M.*, 203). — [Грегор:] *Откуда вы знаете о письмах? Откуда вы знаете о завещании?*

Сходная картина вырисовывается и при сравнении языков от русского к чешскому; ср.: (В одном магазине на витрине я вдруг увидела платье — такое, как мне хотелось.) *Я купила платье* (Дав., В. ж., 92). — *Koupila jsem si ty šaty*; (Речь идет о рационализаторском предложении молодого рабочего; кто-то высказывает сомнение, что еще ранее предложенная им новая конструкция фрезы не оправдала себя и от нее пришлось отказаться.) *Фреза хорошая, — опроверг Бахирев. — К фрезе мы подошли бюрократически* (Ник., Б. в п., 423). — *Ta fréza je dobrá... K té fréze jsme se zachovali byrokraticky*; (Два следователя пытаются восстановить ход преступления по уликам:) *Значит так, у нас остается еще два канала информации — орден и фотоаппарат, найденный в чемодане. Орденом займусь я, а ты сдай фотоаппарат в научно-технический отдел* (Вайн., Г. п. в., 46). — *Ten řád si vezmu na starost já, a ty odnes ten fotoaparát do laboratoře...*; (В мастерской по ремонту следователем был обнаружен краденый магнитофон; механик утверждает, что магнитофон оставил до вечера один приятель:) *Значит, вечером зайдет приятель? — спросил Тихонов. — Ну, может, сегодня вечером, а может, завтра*

утром... — А как зовут приятеля? — подал голос молчавший до этого Севастьянов. — Где живет приятель? Чем занимается? (Вайн., В. к М., 148). — Takže ten přítel přijde večer? A jak se jmenuje ten přítel? Kde bydlí ten přítel? Cím je?; (В развитии действия играет важную роль письмо, о котором неоднократно упоминалось:) Вера Арсеньевна что-нибудь говорила тебе раньше о Грекове? — Только один раз. Когда передавала письмо. — Когда она писала письмо? — За день перед смертью дала мне письмо. В больнице. — А в письме что? — Я не читал письма. (Бонд., Р., 289). — Když mi dávala ten dopis. — A kdy ten dopis psala? — Ten dopis mi dala den před svou smrtí. — A co je v tom dopisu? — Já jsem ten dopis nečetl.

Несомненно, что во многих из приведенных выше случаев и в русском языке могло бы выступать указательное местоимение *этот*; напротив, в чешском языке оно иногда могло бы быть опущено. Тем не менее продемонстрированное различие между языками проявляется как их ярко выраженная количественная характеристика.

А 3. Катафора.

В употреблении указательных местоимений в данной функции между чешским и русским языками нет сколько-нибудь значительных отличий. В чешском языке здесь используется местоимение *ten*, в русском языке — местоимение *тот*. В обоих языках местоимение часто может опускаться. Представляется, однако, что в подобных случаях местоимение чаще отсутствует в русском языке, хотя это различие выступает не столь отчетливо. Ср.: Tedy poslyš, teď běž k tomu svému advokátovi. Aby ti vrátil ten dokument, co jsem ti poslala (Сар., Вѣс М., 227). — ...Пускай он вернет тебе документ, который я ему послала; Tedy mně dejte tu růži, co máte za pásem (Сар., L., 15). — Ну так дайте мне розу, что у вас за поясом; и т. п.

Б. Вторичные функции;

Б 1. Экспрессивная функция;

Б. 1а) Усиление эмоциональности высказывания.

Данная функция указательных местоимений состоит в выражении различных чувств говорящего: удивления, одобрения, восхищения, удовлетворения, радости или же, напротив, недовольства, порицания, возмущения и т. п. При выражении указанных эмоций другими средствами, местоимение способно усиливать общий экспрессивный характер высказывания. В этой функции могут выступать указательные местоимения в обоих сопоставляемых языках; в чешском языке это обычно местоимение *ten*, в русском языке — местоимение *этот*. В обоих языках указательное местоимение может далее выступать в комбинации с другими средствами: в чешском языке с частицами *ale*, *jeň*, *aspoň* и т. д., в русском языке с частицами *уж*, *ну уж*, *ох уж*, *хоть бы*, *только бы* и т. д., а также с особой маркированной интонацией и др. Ср.: Ta Iveta,

ta mi už jde na nervy. — *Эта Ивета мне уже действует на нервы, или: Ну и действует же она мне на нервы, эта Ивета; Ты auta ale pěkně zaneřadují to ovzduší! — Ну и загрязняют же они воздух, эти машины!*; Jen kdyby mě ta hlava přestala bolet! — *Хоть бы уж эта голова у меня прошла!* и т. п.

Данная функция допускает употребление местоимения как с именами собственными и существительными со значением единичного объекта, так и с существительными с родовым значением, ибо оно служит не для идентификации, а для усиления эмоциональности. Ср. следующие примеры: Ten Vopat se zbláznil!, — *zavrtěla hlavou* (Šv., P. a. s., 13). — *Этот Вопат сошел с ума...*; Já se z toho Milana už jednou zblázním (z ř.). — *От этого Милана я когда-нибудь сойду с ума; То jsou ti milejší peníze než Ditino zdraví? Ты на ты peníze jednou zdechneš* (Šv., H., 85). — *...Подохнешь ты когда-нибудь из-за этих денег; Ты Řičky — to je úplný balzám na duši* (z ř.). — *Эти Ржички — прямо как бальзам для души; Já to vůbec nemůžu pochopit, proč ten svět je tak blbý* (z ř.). — *Я никак не могу понять, почему в этом мире все так глупо устроено; Zítřa v té televizi ale vůbec nic není* (z ř.). — *Завтра по этому «телеку» ну совсем ничего; [C v r ě k o v á:] Ano, ano, ti muži!* (Čar., Z ž. h., 62). — *Ох, уж эти мне мужчины!*

Аналогичные примеры в достаточном количестве встречаются и в русских оригинальных текстах, ср.: «*Ох, уж эти матери*», — *словно говорил его взгляд* (Адам., Ст., 5). — «*Jo ty matku*», jako by říkal jeho pohled; *Крупная сволочь, этот твой старый друг Дедушкин!* (Вайн., Г. П. в., 15). — *То je ale pěkná potvora, ten tvůj starý kamarád Děduškin; Я не могу так жить, я измучилась без Наташи... Она целый год у твоей матери. В этой отвратительной Ялте* (Бонд., Р., 294). — ... *V té odporné Jaltě.*

Если указательное местоимение относится к нарицательным существительным, употребленным не в родовом значении, то функция усиления эмоциональности сливается с функцией идентификации, то есть местоимение выполняет одновременно две функции. Ср.: Teda ten budík, ten je hlučnej. (Ten je ale hlučnej, ten budík.) — *Ну и грохочет же он, этот будильник; Páni, ten chlap mě usouží* (Šv., H., 24). — *Господи, этот тип меня изведет!*; Ten je teda opravdu hubený, ten kluk! (z ř.). — *Да он и в самом деле худой, этот парень!*

Примеры из русских оригинальных текстов: *Он вовсе не так прост, как кажется, этот старик* (Адам., Ст., 156). — Ten děda vůbec není tak naivní, jak se zdá; (Альбома вы не видели?) *Господи, опять этот альбом!* (Жар., К., 121). — ... *Proránaboha, zas to album!*

Особым типом сочетаний с указательным местоимением являются те, в которых существительное либо само обладает оценочным значением, либо это значение выражено прилагательным. В таких случаях представлена в сущности вторичная оценочная предикация: так, предложение Ten hlupák to nepochopil. — *Этот глупец ничего не понял* означает собственно *Он to nepochopil, он*

je hlupák. — Он ничего не понял, он глупец. Предложение Nesměj se tomu nešťastnému člověku. — Не смейся над этим несчастным человеком равнозначно предложению Nesměj se mu, je to nešťastný člověk. — Не смейся над ним, он несчастный человек. В этих случаях указательное местоимение последовательно употребляется как в чешском, так и в русском языке. Ср.: Ten šupák mě vlastně vyhodil (Šv., H., 104). — Этот стервец меня просто выставил.

Примеры из русских оригинальных текстов: *Галя с недоумением и досадой смотрела ему вслед — она не могла понять этого хмурого, сутулого парня...* (Б-ко, И. с. в г. п., 32). — ... Nemohla pochopit toho zachmuřeného nahrbeného chlapce; *Не хочет работать этот скверный мальчишка!* (з. п.). — Nechce pracovat ten odporný kluk! и т. п.

Несмотря на то что указательные местоимения в обоих языках являються вполне обычным средством усиления эмоциональности высказывания, в чешском языке они употребляются более часто. Совсем нередкими являются случаи, когда чешским сочетаниям с местоимением ten в эмоциональной функции в русском языке соответствуют лишь одни существительные. Ср.: Ten náš tatínek nějak stárne ... — *Что-то наш папа сдавать начал*; [Dr. Gall:] Hoši, to je zločin staré Evropy, že naučila roboty válčit. Nemohli už dát u čerta pokoj s tou svou politikou? (Сар., RUR, 63). — *Неужели, черт подери, не могли они не лезть всюду с этой своей политикой?*; [První asistent:] Hergot, jen aby to ten Galen nepublikoval, dokud si pořádně nezavedu praxi... (Сар. В. п., 288). — *Черт возьми, только бы (этот) Гален не опубликовал своего метода, пока я не налажу врачебную практику...*

Довольно часто чешское указательное местоимение, выступающее в эмоциональной функции, в русском языке передается каким-либо иным функциональным средством, например, междометиями и усилительными частицами. Ср.: Ten mizera! — *Ну и подлец!* / *Ну и подлец же!* / *Нет, каков подлец!*; To sluníčko dnes ale pálí! — *Ох, ну и печет же сегодня солнышко!*; Ten Filip ten prach zas neutfel! — *А Филипп-то ведь опять пыль не вытер!*; [Tulák:] Kde to jsem? Ta hrozná tma! (Сар, Z ž. h., 94). — *Где это я? Ну и темень!* [Chrobačka:] Ten moula! Nemohl mě zavolat? (ibid., 50) — *Вот олух! Не мог меня позвать?*; [Parazit:] Ten starý vrah! (ibid., 67). — *Ах, старый кровопийца!* и т. п.

Иногда в значении чешского местоимения ten в русском языке может выступать вопросительное местоимение в предложении с особой интонацией, ср.: Ta hanba! — *Какой позор!* Ty barvy! — *Какие краски!* и т. п. Чешские сочетания с местоимением ten при существительном в родительном падеже множественного числа (у исчисляемых существительных) или же единственного числа (у вещественных и отвлеченных существительных) в русском языке обычно передаются сочетаниями с местоименным числительным *сколько*, ср.: A těch malin co tam bylo! — *А малины сколько там было!* / *А малины-то сколько там было!* / *Ну и малины же*

там было!; Toho hluku co on nadělá! — А сколько от него шуму! / А шуму-то сколько от него! / Ну и шуму же от него!; Ježíšmárja, toho nádobí! (z ř.). — Господи, сколько посуды!; [Lumek:] Haha, a já tu tlachám, místo abych se přičinil. Té shánky! Toho běhání! (Сар., Z ž. h., 55). — Ах, сколько хлопот, сколько беготни!

Особый тип употребления местоимения *ten* в эмоциональной функции представлен в предложениях, когда предмету приписывается такой признак, который у него нельзя было предполагать (что связано с чувством удивления). В русском языке в подобных случаях указательное местоимение выступать не может, а эмоциональность передается обычно частицей *-то* или другими частицами. Ср.: *Áni ta vlna už není jako bývala! — И шерсть-то теперь не такая, как прежде; Takový člověk vám závidí i ten žvanec do úst. — Такой человек даже и кусок у вас в горле считает; Dyť i ten kuň se plaší, dyž potká pohana! (Сар. RUR, 34). — Даже и лошади-то шарахаются, как нехристя встретят. Ср. примеры из русских оригинальных текстов: А он выпил с чаем-то, да и говорит: «Мне и чай-то противен» (Л. Толстой). — ... Už i ten čaj je mi protivný...; Нынче и хлеб-то дорог... (А. Островский). — Dneska je i ten chleba drahý ...¹⁸.*

Б 16) усиление интенсивности высказывания.

Данная функция указательных местоимений предполагает предельное сосредоточение внимания адресата на ситуации. Это достигается эксплицитным отождествлением возможно большего числа существительных в одном предложении с выступающими в этой ситуации объектами, выраженными при помощи указательных местоимений (несмотря на то, что эти объекты единичны или в пределах данной ситуации больше не встречаются). Так, предложения: *At' ten Jiříček nevyradne z toho okna! — Смотри, не то Иржишек вывалится из окна; Zapni si pořádně ten knoflík u toho kabátu! — Да застегни же ты пуговицу на пальто!; Někdo by měl pomoci tomu Vládovi. — Ну что же вы, помогите кто-нибудь Володе-то* — звучат более настойчиво, чем те же предложения без местоимений при существительных. Так как в основном эта функция реализуется в предложениях с императивной или желательной модальностью, она может быть определена также как «усиление настоятельности побуждения».

В русском языке указательные местоимения в данной функции выступают крайне редко. Усиление побудительной или желательной модальности обычно достигается при помощи различных частиц, ср.: *Tak už si dej dolů ten kabát! (z ř.). — Да сними же ты, наконец, (это) свое пальто!; A ty si ty ruce neumyješ. Já furt s napětím čekám, kdy si ty ruce půjdeš umýt (z ř.). — А ты все руки никак не вымоешь. Дождусь ли я, наконец, когда ты пойдешь и все-таки вымоешь (свои) руки?; Tak už konečně vstal ten Vítek z té postele? (z ř.). — Ну что, Витек, наконец, все-таки встал?; Ježíši, to mlíko! Uplně jsem zapomněla (z ř.). — Боже,*

*молоко! Я совсем забыла; Pořad musíš pít to pivo, vždyt' už jsi jako soudek! (z ř.). — И что тебе за охота все время пить (это) пиво, ведь ты и так, как бочка!*¹⁹.

Данный оттенок значения в русском языке можно выразить также при помощи существительного (которое в таких случаях дублирует личное местоимение), часто с постпозитивной частицей *-to*. Ср.: *Dej na chvíli pokoj té babičce! — Да оставь ты ее хоть на минутку в покое, бабушку-то!*

Б. 2. Напоминание об известных событиях.

Так же, как функция усиления выразительности высказывания развивалась на основе дейксиса, функция напоминания об известных событиях выступает непосредственным продолжением анафоры. Если при анафоре происходит идентификация объекта, названного на более раннем этапе коммуникации, то описываемая вторичная функция состоит в напоминании известных фактов в целом²⁰. Указательное местоимение — одиночное или неоднократно повторяемое у различных существительных в предложении — оказывается аналогичным вводным предложениям типа *как ты помнишь, как мы собирались, как мы договорились* и т. п. Так, предложение *Zítva musím jít do té spořitelny pro ty peníze na tu chladničku. — Завтра я должен снять со сберегательной книжки деньги на холодильник* помимо собственной информации содержит также напоминание о каких-то обстоятельствах, которые известны только участникам коммуникации (например, что завтра доставят холодильник из ремонта, за что потребуется внести деньги, и для этого их нужно снять со сберегательной книжки). Точно так же предложение *Viš, že jsem se s tím Mirkem v těch Pardubicích nesešel? — А знаешь, я-таки не встретился с этим самым Мирком в Пардубицах* предполагает, что адресат знает о моей поездке в Пардубице для встречи с Мирком, и т. д. Таким образом, описываемая функция весьма близка к сигнализации так называемой пресуппозиции. В то же время она является средством установления более тесного контакта между говорящим и адресатом, отражает стремление говорящего повысить интерес адресата к тем или иным аспектам содержания высказывания (как это отмечается и для обеих разновидностей экспрессивной функции). Сходство данной функции с анафорой далее показывает, что и в этом случае указательные местоимения служат для осуществления так называемой межфразовой связи (хотя сами фразы иногда значительно отстоят одна от другой).

Сравнение способов выражения функции «напоминания» в чешском и в русском языках представляется особенно интересным и вместе с тем наиболее проблематичным, так как речь идет о специфической особенности чешского языка, которая не находит прямого соответствия в русском языке (если оставить без внимания эксплицитный способ выражения при помощи вводных предложений типа *как ты знаешь, как ты помнишь, как мы собирались, как мы договорились* и т. п.). В нашем материале оказа-

лось около 50% случаев, когда при переводе на русский язык эта функция чешского местоимения *ten* не выражена особыми средствами (при этом следует иметь в виду, что переводы — как литературные, так и выполненные специально — не могут служить достаточно надежным источником для сравнения языков). В русских предложениях находим иногда те или иные частицы, особенно частицу *-то* в постпозиции, однако они не вполне тождественны чешским предложениям с местоимением *ten*. Наиболее точно функция «напоминания» в русском языке выражается разговорным местоимением *этот самый*. Например: *Короче говоря, вернулся я как-то из колонии и застал хозяйкой в доме уже эту самую Магилло* (Вайн., Г. п. в., 13). Местоимения *тот* и *этот* употребляются только в тех случаях, когда наличествует также элемент идентификации. Ср.: *Выходит, Носов напечатал те анонимки? — спросил он* (Адам., К. п. в., 145). (Об анонимных письмах вплоть до этого момента не упоминалось, но об их существовании известно обоим собеседникам.); *А ты обратил внимание на эту Филатову?* (там же, 44). (Оба собеседника в разное время встретились с некоей Филатовой; оба видели ее впервые.)

Как было отмечено, в большинстве случаев чешское местоимение *ten* в функции «напоминания» не имеет эквивалента в русском языке. Кроме приводимых раньше примеров, ср.: *Tak co, jdeme do toho kina? (z ř.). — Так мы идем в кино? Ну как, мы идем в кино?* (Перед этим участники разговора договорились пойти в кино, но не в какое-то определенное.); *To zas začaly mrazu, to jsem klidně mohla tomu Vítkovi ty holínky koupit (z ř.). — Ну вот, опять начались морозы, я спокойно могла купить Витеку сапожки.* (Ранее обсуждалось, стоит ли покупать перед концом зимы новые теплые сапожки, если через год ребенок вырастет из них.); *Tak už si jděte zahrát ty šachy, at' už můžete jít na to dříví (z ř.). — Ну так пойдите, поиграйте в шахматы, чтобы уж потом взяться за (эти) дрова.* (Было условлено, что детям позволить сначала поиграть в шахматы, а потом они отправятся пилить дрова.) Ср. также: *Málo platné, v tom NDR byla taková vánočnejší nálada. Už jenom ten vánoční trh v každém tom městě... A ty stromečky všude rozsvícené na těch ulicích a v těch výkladech. — Что ни говори, а тогда в ГДР было, что ли, ну такое более рождественское настроение. Уж один только рождественский базар в каждом городе чего стоил. И елки-то везде зажжены — и на улицах, и в витринах.* (Собеседники вспоминают о совместной поездке в ГДР накануне рождества.)

Число подобных примеров можно увеличить до бесконечности; в обиходной речи их приходится слышать постоянно. Употребление местоимений в данной функции отмечается и в чешской художественной литературе, особенно если автор стремится воспроизвести живой разговорный язык. Ср.: *Půjdeme na ten oběd, nebo sis to rozmyslela? (Šv., Н., 181). — Ну так как, пойдём обедать или ты раздумала?*; *«Snad už to víš, — řekl Kamil, — když osaměli. Od května máš tu jedenáctku. Blahopřeju» (ibid., 197). —*

— *Может быть, ты уже знаешь... С мая ты получаешь по одиннадцатому разряду. Поздравляю.* (Речь идет о присвоении более высокого разряда, которого адресат давно ждал.); *Kvůli klimatickému jsem nechal stát spoustu jiných věcí, a teď je musím postupně vyřizovat. A taky jsem byl v té bance...» otevřel tašku a vyndal peníze* (Šv., P. a s., 184). — *Из-за этого кондиционера я совсем забросил другие дела, и теперь мне приходится понемногу наводить в них порядок. А потом, я же был в банке...* (Говорящий объясняет, почему он так поздно вернулся после работы, в частности, напоминает, что он должен был взять из банка деньги на машину.); *Tak ty tedy fakt chceš jít do té Příbrami?* (Šv., H., 316). — *Так ты и впрямь хочешь перебраться в Пришбрам?* (Говорящий имеет в виду намерение адресата сменить место работы.)

В целом ряде случаев сходный оттенок значения, который выражается чешским местоимением *ten* в функции «напоминания», в русском языке может быть передан постпозитивной частицей *-то*. По-видимому, это средство не вполне равнозначно чешскому местоимению, однако в известной степени и оно может сигнализировать наличие общего опыта автора и адресата, ср.: *Tak do toho Brna jsme nakonec pejelí. — А в Брно-то мы так и не поехали; Ono to v těch Budkovicích nestálo! (z ř.). — А в Будковицах-то мы и не остановились.* (Разговор в поезде; очередная остановка ожидалась в Будковицах.); *To je škoda, vid'?* — *Со?* — *Že nejsou ty lístky do toho kina (z ř.). — Обидно, правда? — Что? — А что билетов-то в кино нет; Vojím se, že se na ty práva stejně nedostane a bude muset hned na tu vojnu. — Я боюсь, что на юридический-то ему так и так не попасть и придется сразу идти в армию.* (Разговор родителей о сыне, который хочет поступать на юридический факультет, но может не пройти по конкурсу.); *Tak víš, že ti ravouci mají těch očí skutečně asi osm? (z ř.). — Ты знаешь, а глаз-то у пауков, оказывается, действительно что-то около восьми.* (Ранее это обсуждалось, были высказаны сомнения, теперь же это подтвердилось.)

Ср. также примеры из литературных текстов: *Budeš mít překrásné léto. Pojedeš do té Jugoslávie? (Šv., P. a s., 106). — А в Югославию-то ты как, поедешь?* (Поездка адресата в Югославию намечалась, но потом возникли препятствия.)

Помимо частицы *-то*, в функции чешского местоимения *ten* в русском языке могут выступать и другие частицы: *а, так, ну а, ну так, а вот* и др. Все они также лишь отчасти компенсируют соответствующее значение: Ср.: *Byls v tom Krakově? (z ř.). — Так ты был в Кракове?* (Известно, что адресат должен был ехать в Краков на симпозиум.); *O té Věře zatím nikomu nic neříkej (z ř.). — Так о Вере пока никому ни слова, ладно?* (Говорящий имеет в виду какое-то событие в жизни Веры, о котором знает он и адресат.); *V ten čtvrtek, prosím tě, nezapomeň. — Ну так в четверг, не забудь, пожалуйста.* (На четверг назначено какое-то мероприятие, в котором должен принять участие адресат.); *Tak ten kvěťák jsem nedostala (z ř.). — Ну, а цветной капусты я так*

и не достала. (Говорящая хотела купить цветной капусты, что известно адресату.)

Ср. также примеры из литературных переводов: Tu školu rozhodně vystudujete, Lumíre, věštecky zvedl ruku (Šv., P. a s., 151). — *А в вуз вы обязательно должны поступить...* (Адресат советуется с говорящим, стоит ли учиться заочно.); *Vezmeš si tu kávu?* (Šv., H., 14). — *Так ты выпьешь кофе?* (Вопрос был уже задан, но адресат не ответил.); *Přijď na tu svačinu, dobrodruhu!* (Šv., H., 323). — *Ты все-таки приходи завтракать...* (Приглашение уже было получено.)

Вполне адекватным в русском языке можно считать лишь эксплицитное выражение функции «напоминания» при помощи вводных слов и предложений типа *помнишь?*, *как ты помнишь* и т. п. Данное средство является, однако, описательным, перифрастическим (аналогично и в чешском языке, ср. вводные *vzpomínáš?*; *jak si vzpomínáš*). Оно используется в том случае, если другие средства исчерпаны, например: *Zdá se, že je to ten chlapec, co jsme ho viděli s tou krásnou dívkou v tom obchodě. Кажется, это тот парень, которого мы видели с той красивой девушкой, тогда в магазине, помнишь?*; *Tak jsem koupil ty lístky do toho kina. — Так я купил билеты в кино. (Как мы договорились.)* *Odpoledne jsme byly kupovat ty šaty... — После обеда мы, как и собирались, отправились покупать платье.* (Речь идет о платье для выпускного бала, покупка которого была намечена на определенный день.)

Лишь в ограниченной степени функция напоминания об известных событиях может быть выражена в русском языке также указательными местоимениями *тот* или *этот*. В этом случае всегда налицо элемент идентификации, то есть в этом случае осуществляется переход от функции А 2) к функции Б 2). Ср.: *Viš, mám takový problém... Pamatuješ si ještě na tu chalupu?* (Šv., H., 198)... — *Ты еще помнишь ту избу?*; «*Volal ten Angličan, že přijde v sedm*», — řekla Petrovi (ibid., 103). — *Звонил тот англичанин, сказал, что придет в семь...*

Аналогично употребление в русском языке местоимений *тот самый* и *этот самый*, ср.: *Ten dopis té Matouškové jsem už poslal. — А письмо этой самой Матоушковой я уже послал;* [Эмилия:] *Víte, toho roku se Pepi seznámil s tou Ellian MacGregor. Na vídeňském kongresu nebo tak někdy* (Čap., Věk M., 200). — [Эмилия:] *Как раз, когда Пепи познакомился с этой самой Эллиен Мак-Грегор...*

* * *

Подведем основные итоги сравнения функций указательных местоимений в чешском и в русском языках. Чешское местоимение *ten* и русские местоимения *этот*, *тот* выполняют наряду с первичными функциями также и вторичные. Первичные функции состоят в идентификации существительного

на основе дейксиса, анафоры или катафоры. Местоимения данного типа выступают в каждой названной функции в обоих языках, однако в чешском языке местоимение *ten* часто встречается и там, где его употребление не вызывается потребностями идентификации, и, следовательно, его частотность оказывается значительно выше, чем у соответствующих местоимений в русском языке. Вторичные функции можно свести к двум основным типам: 1) экспрессивная функция — повышение выразительности высказывания (усиление его эмоциональности или интенсивности) и 2) напоминание о событиях, известных участникам коммуникации. Из названных вторичных функций в русском языке местоимениями выполняется последовательно лишь одна: функция усиления эмоциональности высказывания (хотя и в этом случае их частотность остается значительно ниже, чем в чешском языке). Местоимения могут заменять различные междометия, частицы в сочетании с особой интонацией и т. д. Для придания высказываниям (обычно побудительным) большей интенсивности и особенно для напоминания о событиях, известных участникам коммуникации из прежнего опыта, указательные местоимения в русском языке используются лишь в незначительной степени, тогда как в чешском языке такое употребление чрезвычайно распространено. Настоятельность побуждения в русском языке выражается прежде всего при помощи усилительных частиц в предложениях с особой интонацией, напоминание о совместном опыте может передаваться посредством частиц, наречий, вводных слов и предложений. Последняя функция в русском языке вообще часто не получает специального выражения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ М. Людвикова отмечает, что и в публицистике высока частотность местоимения *ten* (в сравнении с другими местоимениями). Ludvíková M. Pronouns in Newspaper Texts (A Statistical Analysis). — The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics 32, Praha, 1979, s. 33—56.
- ² Определенное влияние немецкого языка, видимо, нельзя исключить. Однако подобно иным явлениям в грамматике, распространение местоимения *ten* не было следствием простого подражания, но более или менее самостоятельным развитием внешних импульсов. Характерно, что в последние десятилетия, когда влияние немецкого языка заметно ослабело, частотность местоимения *ten* в чешском языке отнюдь не стала ниже.
- ³ Zubatý J. «Ten». — Naše řeč I, 1917, s. 289—294.
- ⁴ Mathesius V. Přívlastkové «ten, ta, to» v hovorové češtině. — Naše řeč X, 1926, s. 39—41.
- ⁵ Аналогичный вопрос был позднее поставлен и в отношении русского языка (см.: Гуревич В. В. Есть ли артикли в русском языке? — Русская речь, 1969, № 3, с. 57—59). Автор считает, что и в русском языке указательные местоимения могут факультативно выполнять функции артикля.
- ⁶ Trávníček Fr. Mluvnice spisovně češtiny, č. II. Skladba. Praha, 1951, s. 1130—1158.
- ⁷ До сих пор в сравнении с русским языком было описано лишь употребление местоимения в среднем роде (ср.: Mgrázek R. Deiktické «to» v češtině a v ruštině. — Sovětská jazykověda IV, 1954, s. 285—304). В статье была затронута и более общая проблематика. Чешский язык в данном отношении

сопоставлялся также с другими языками. Ср., например: Radina O. Francouzský člen a ekvivalentní prostředky v češtině. — Cizí jazyky ve škole XIV, 1970/71, s. 6—14; č. 2, s. 37—50; Meyersteinová Z. Czech Deictics: Pronouns and Articles. Los Angeles (rotaprint). В сравнении с различными языками исследовалось употребление указательных местоимений и в русском языке, ср., например: Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1975, с. 32—58; Gladow W. Das Zusammenwirkungsunterschiedlicher sprachlichen Mittel zum Ausdruck der Determiniertheit/Indeterminiertheit des Substantiv im Russischen. — Zeitschrift für Slavistik, XVII, 1972, S. 647—656; Birkenmeier W. Artikelfunktionen in einer artikellosen Sprache. München, 1979; Christian R. F. Some Consequences of the Lack of Definite and Indefinite Articles in Russian. — The Slavic and East European Journal XIX, 1961, p. 1—12; Кони Ш. Венгерские артикли в сопоставлении с некоторыми явлениями русского языка. Acta Universitatis Szegediensis. Dissertationes Slavicae IV. Szeged, 1966, s. 25—33.

⁸ Примеры в данном разделе статьи приводятся лишь в целях информации. Переводы чешских предложений были выполнены и сверены Ю. Г. Кареевой, С. С. Скорвидом, Н. Орловой и др. Благодарим их за помощь.

⁹ Субстантивный тип употребления допускает двойное толкование; можно считать, что в этом случае выступает не указательное местоимение *ten*, *ta*, *to*, а некое особое местоимение (или даже частица). Последнее понимание склонен отстаивать Р. Мразек (см. примечание 7). Ср. также: Федулова Л. А. Семантико-грамматические функции местоимения «это». — Русский язык в школе, 1954, № 1, с. 24—27.

¹⁰ Проблематика, связанная с этими понятийными категориями (определенность, тождество и др.), в последнее время привлекает особое внимание. См., например: Алехина М. И. Определенность — неопределенность предмета как контекстуальная категория. — Русский язык в школе, 1974, № 5, с. 81—85; Арутюнова Н. Д. Референция имени и структура предложения. — Вопр. языкознания, 1976, № 2, с. 24—35; Поспелов Н. С. О синтаксическом выражении категории определенности — неопределенности в современном русском языке. — В кн.: Исследования по современному русскому языку. М., 1970, с. 182—189; Рылов Ю. А. Определенность — неопределенность существительного в отношении к актуальному членению предложения. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Воронеж, 1974; Фурсенко Д. И. Порядок слов как одно из средств выражения неопределенности — определенности имен существительных. — Русский язык за рубежом, 1970, № 4, с. 68—72; Иванчев С. Наблюдения върху употребата на члена в български език. — Български език, 1957, № 7; № 6, с. 499—524; Buzássyová K. Kategória určenessi v maďarčine a slovenčine. Z konfrontácie maďarčiny a slovenčiny. Bratislava, 1974, s. 60—132; Grzegorzczukowa R. Wykładniki kwantyfikacji w polskim zdaniu. Z polskich studiów slawistycznych. Serja 4. Językoznawstwo. Warszawa, 1973, s. 13—19; Hlavsa Z. K protikladu určenessi v češtině. — Slovo a Slovesnost XXXIII, 1972, s. 199—203; idem. Denotace objektu a její prostředky v současné češtině. Praha, 1975; Topolínská Z. Wyznaczość (tj. charakterystyka referencyjna) grupy imiennej w tekście polskim. Polonica II. Warszawa, 1976, s. 33—72; III, 1977; Adamec P. K vyjadřování referenční určenessi v češtině a v ruštině. — Slovo a Slovesnost XLI, 1980, s. 257—264.

¹¹ Ср. например: Křížková H. Zájmena typu *ten* a *takový* v současných slovanských jazycích. — Slavica Slovaca VI, 1971, s. 15—30.

¹² В этой функции местоимение *ten* в значительной степени уступает местоимениям типа *tento*, *tenhle*, *tenhleten*, *tamtén*, *tamhleten* и др., ср.: Mathesius V. Op. cit.

¹³ Анафора — одно из основных средств осуществления так называемой межфразовой связи. См. например: Brčáková D. K tzv. navazování v padvětných celcích. — Slavica Pragensia XIII, 1971, s. 153—168; Daneš F. Typy sémantických posloupností v textu. — Slovo a Slovesnost XXIX, 1968, s. 125—141; Palek Z. Cross-Reference. A Study from Hyper-Syntax. Praha, 1968.

¹⁴ См. указанные статьи В. Матезиуса и Ф. Травничка.

¹⁵ Tahal K. O kategorii určenessi. — Jazykovědné aktuality XIV, 1977, č. 1,

- s. 17—19. В данной связи автор отмечает «анафорическое отнесение высказывания в целом».
- ¹⁶ Adamec P. Několik poznámek k postojovému komentování propozičního obsahu mluvčím. — Slovo a Slovesnost XL, 1979, s. 129—134.
- ¹⁷ Переводы на чешский язык частично выполнены самостоятельно, частично заимствованы у И. Пискачека (Bondarev J. Vřeh. Praha, 1978), литературные переводы на русский язык принадлежат Т. Аксель, Н. Аросевой, Э. Брызгаловой, В. Мартемьяновой, Ю. Молочковскому; так как в отдельных случаях в них были внесены коррективы (в основном по советам проф. А. Г. Широковой), имя переводчика в тексте не указывается.
- ¹⁸ Примеры приводит Р. Мразек (см. примечание 7).
- ¹⁹ Это отмечает Р. Мразек (там же).
- ²⁰ Ср. примечание 15.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Адам., К.п.в. — Адамов А. Круги по воде. М., 1970.
- Адам., Ст. — Адамов А. Стая. М., 1967.
- Бонд., Б. — Бондарев Ю. Берег. М., 1975.
- Бонд., Р. — Бондарев Ю. Родственники (Батальоны просят огня — Родственники). М., 1971.
- Б-ко, И.с. в г.п. — Бондаренко Б. Ищите солнце в глухую полночь. М., 1967.
- Вайн., В. к М. — Вайнеры А. и Г. Визит к Минотавру. М., 1972.
- Вайн., Г.п.в. — Вайнеры А. и Г. Гонки по вертикали. М., 1974.
- Дав., В.ж. — Давыдова Н. Вся жизнь плюс еще два часа. М., 1968.
- Жар., К. — Жаренов А. Кладоискатели. М., 1977.
- Ник., Б. в п. — Николаева Г. Битва в пути. М., 1959.
- з.п. — заимствованный пример
- Сар., В.п. — Сарек К. Bílá nemoc. Praha, 1963.
- Сар., L. — Сарек К. Loupežník. Praha, 1963.
- Сар., Věc M. — Сарек К. Věc Makropulos. Praha, 1963.
- Сар., RUR. — Сарек К. RUR. Praha, 1963.
- Сар., Z ž.h. — Сарек К. Ze života hmyzu. Praha, 1963.
- Dietl, I.o. — Dietl J. Inženýrská odysea (телевизионная передача)
- Pl., O.m. — Pluhař Z. Opustili mne. Praha, 1962.
- Sv., H. — Švejda J. Havárie, Severočeské nakladatelství, 1975.
- Sv., P. a s. — Švejda J. Požáry a spáleníště. Praha, 1979.
- z f. — z řeči (записи разговорной речи)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ
KDO, SO (И ИХ ПРОИЗВОДНЫХ)
В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ
(в сравнении с русским)

В статье рассматриваются чешские местоимения *kdo* — *кто* и *so* — *что* (и их производные) в отношении к грамматической категории личности/неличности.

Носитель русского языка, руководствуясь общепринятым правилом, что в чешском языке местоимение *kdo* относится к лицам, а местоимение *so* — к животным и неодушевленным предметам, должен воспринимать чешские предложения типа *Čím chceš být?* (букв. *Чем ты хочешь быть?*) как аномальные, а в отношении предложения типа *Co se jim narodilo?* (букв. *Что у них родилось?*) может рассуждать так: поскольку, по-видимому, имеется в виду лицо, было бы более уместно употребить местоимение *kdo*.

В русском языке местоимение *кто* более или менее последовательно употребляется по отношению к живым существам (но не всегда по отношению к одушевленным именам существительным). Ср. случаи типа *Что ты смотрел, «Князя Игоря»?*

Колебания возможны при неопределенности живого существа, например: *В этой норе наверняка должно быть что-то живое / кто-то живой*, или при понимании живого существа как предмета добычи, улова или питания, например: *А кроме этого угря вы не поймали ничего / никого?; Кого / что мы зарежем на воскресенье: кролика или курицу?*

Ср. также вполне однозначные примеры типа: *На что ты поймал этого карпа, на червя или на муху?*

Указанные колебания в значительной степени соответствуют случаям непоследовательности при выражении одушевленности отдельными существительными в русском языке. Наряду с этим колебания отмечаются также в особых более редких случаях, как, например, при необычности (вплоть до уродливости) живого существа, ср.: *Знаешь, кто там родился / что там родилось? Двухголовый теленок*. Наряду с обычным: *На чем он едет, на коне?* возможны варианты в предложениях типа *Ты знаешь, на чем / на ком он катался по двору? На поросенке!*

По отношению к умершим лицам употребляется местоимение *кто*: *Кого вчера хоронили?*, по отношению к неживым животным — скорее местоимение *что*: *Что у вас было на обед: курица или рыба?*

Это различие в общем соответствует особенностям выражения в русском языке одушевленности/неодушевленности существительных, обозначающих умерших лиц или животных.

В чешском языке местоимение kdo (и производные от него местоимения) иногда могут употребляться по отношению к животным. Это, как правило, отмечается в баснях или сказках, а также в рассказах для детей и связано с персонификацией животных, например: Nebyl to nikdo jiný, nežli kmotra liška. — *Это был не кто иной, как кума-лиса.* Далее местоимение kdo последовательно употребляется при обращении к животным, которых говорящий называет по имени, например, при обращении к собаке: Podívej Puntičku, komu dá ráp cukříček? — *А ну-ка, Пунтичек, кому сейчас хозяин даст сахар?* При обозначении домашних животных употребление местоимения kdo вообще преобладает. Ср. обычное: Kdo tu vázu shodil, pes nebo kočka? — *Кто свалил эту вазу, собака или кошка?*

Однако при обозначении домашнего скота, хотя бы и вполне определенного животного, наряду с местоимением kdo нередко употребляется и местоимение со, ср.: Komu / čemu mám dát ty brambory, praseti nebo koze? — *Так кому (букв. чему) дать эту картошку, поросенку или козе?* Если же животное говорящему неизвестно, местоимение со употребляется более последовательно, ср.: Něco jim zakouslo kachnu, pravděpodobně lasička. — *Кто-то (букв. что-то) загрыз у них утку, наверное, ласка.* В то же время по отношению к диким животным также иногда можно употребить местоимение kdo, однако это предполагает оттенок экспрессивности, например, в парке при виде белки можно сказать: Koukej, co se to na nás přišlo podívat / Kdo se to na nás přišel podívat! — *Погляди, кто (что) это к нам пожаловал(о)!* При этом принимается во внимание отношение говорящего не только к животному, но и к собеседнику. Так, в зоологическом саду мы можем спросить у взрослого: Co chceš vidět napřed — slona nebo lachtana? — *Что ты хочешь видеть сначала — слона или морского котика?*, тогда как у ребенка — Koho navštívíme napřed — slona nebo lachtana? — *К кому мы пойдём сначала — к слону или к морскому котику?* В этих случаях выбор того или иного местоимения может быть обусловлен и значением глагола. Так, если нам непонятно начальное слово в песенке Komáři se ženili... (*Как женились комары...*), мы, естественно, спросим: Kdo se žení? (*Кто женился?*), и это не будет связано с каким бы то ни было оттенком экспрессивности. Однако даже при глаголах, которые сочетаются прежде всего с названиями лиц в функции субъекта, можно с определенной степенью экспрессивности, обусловленной значением глагола, употребить местоимение со, например: Co nám to bydlí na půdě? Není to plch? — *Кто (букв. что) это поселился у нас на чердаке? Уж не соя ли это?* или даже: Něco nám tu v chatě přes zimu hospodařilo! — *Кто-то (букв. что-то) у нас на даче этой зимой похозяйничал!*

Местоимение со употребляется по отношению к маленьким детям, если говорящий считает, что речь идет о еще не имеющих имени младенцах. Так, например, возможно лишь: V lednu se jim má něco narodit. — *В январе у них кто-то (букв. что-то) должен*

rodit'sya. Вопрос *Co se jim narodilo?* — *Кто у них родился?* предполагает ответ, в котором бы определялся пол или количество новорожденных (сын, дочь, близнецы). Напротив, в ответ на вопрос *Kdo se narodil v Hudlicich?* — *Кто родился в Гудлице?* мы вправе услышать имя лица. Точно так же, в ответ на вопрос *Co to vozí v kočárku?* *Кого* (букв. *что*) *это она везет в коляске?* мы можем услышать в ответ — *племянника*, но едва ли «Петю». Поэтому вопрос *Koho to veze v tom kočárku?* может быть понят как: *Кого из двух близнецов она везет в коляске?* *. Когда хотят узнать имя даже очень маленького ребенка, спрашивают: *Kdo je tohle?* — *Кто это?* Местоимение *kdo* употребляется также при обращении к детям, ср. *Ale ale, kdo to zase ztratil dudlíka?* — *Ну-ка, кто это опять потерял свою соску?* Таким образом, местоимение *kdo*, употребленное по отношению к маленьким детям, служит для различения отдельных индивидов.

Аналогичное соотношение в чешском языке наблюдается и при выборе местоименных коррелятов к существительным, обозначающим взрослого человека. В отличие от русского языка местоимение *co* употребляется прежде всего в вопросах, касающихся рода занятий или должности лица, например: *Čím se stal?* — *Кем он стал?*; *Jako co tam pracuje?* — *В качестве кого (кем) он работает?* или же: *Čím ho jmenovali?* — *Кем его назначили?* В подобных случаях речь идет не о каком-либо качестве или должности того или иного лица или его положения в обществе, а о принадлежности индивида к какому-либо общественному классу или группе. Если мы скажем о ком-то *Čhtěl by být něčím jiným*, это будет означать, что он хотел бы сменить род деятельности; если же сказать *Čhtěl by být někým jiným* — это будет означать, что он хотел бы стать другим лицом (в русском языке в обоих случаях: *Он хотел бы быть кем-нибудь другим*). Однако дистрибуция местоимений *kdo* и *co* в подобных случаях не всегда однозначна. Так, вопросом *Kdo jste?* говорящий обычно просит собеседника представиться, назвать свое имя, нередко вместе с профессией или другими сведениями о себе; вопрос *Čím jste / Co jste?* подразумевает только данные о его профессии; вопрос *Co jsi?* наряду с установлением принадлежности собеседника к определенной социальной группе или его роли в данной среде может касаться и его человеческой сущности, тех или иных его качеств, возможно, отрицательных. Ср. также вопрос *Co je člověk?* — *Что есть человек?*

Местоимение *co*, хотя и с сильным оттенком экспрессивности, может быть употреблено и по отношению к конкретным индивидуумам, которые могут быть названы по имени. Так, если говорящий слышит звук открываемой двери, он вправе спросить: *Co to přišlo?* — *Кто там пришел?*, имея в виду кого-нибудь из членов семьи. Аналогичную экспрессивность (не всегда отрицательную) этот вопрос приобретает даже в случае, когда речь идет

* Просьба назвать по имени.

о приходе домашнего животного. Следует отметить, что в подобных случаях возможно употребление местоимения *to* в отношении лиц, вышедших из детского возраста. Ср.: *Vždyť to ještě nemá gozum.* — *Ведь он еще дитя неразумное.*

Употребление местоимения *so* в отношении лиц может иметь ярко выраженную отрицательную окраску, особенно если говорящий пытается поставить под сомнение те или иные качества, а иногда и самую сущность данного человека, например: *So nám to sem poslali na výpomoc?* — *Кого (букв. что) только нам прислали в помощь?*; *Něco tak protivného jako ten kluk člověk hned tak nevidí.* — *Не каждый день видишь такое отвратительное создание, как этот мальчишка.*

Колебания в выборе местоименного коррелята *kdo* или *so* наблюдаются также у существительных, обозначающих фантастические существа (персонажи мифологии, фольклора и др.). По отношению к существам, единственным в своем роде, употребляется обычно местоимение *kdo*, ср.: *Kdo to byl Perun?* — *Кто такой был Перун?*; *Kdo je to Krakonoš?* — *Кто это Краконош?* Это же часто относится и к животным, ср.: *Kdo to byl Šemík?* — *Кто такой был Шемик?* Вопрос типа *Kdo to byli Kentauři?* предполагает скорее уточнение подробностей, вопрос типа *Co to jsou kentaufi?* подразумевает скорее раскрытие сущности; в русском языке — *Кто такие кентавры / Что такое кентавры?* Ср. также вопрос *Co je bůh?* — *Что есть бог?* В отношении персонифицированных признаков, как, например, водяной или русалка, употребляется обычно местоимение *kdo*, если мы не затрагивали самую сущность явления, по отношению к призракам, не имеющим человеческого подобия (блуждающие огоньки, голос без тела и др.), чаще употребляется местоимение *so*.

Колебания в употреблении указанных местоимений отличаются и при обозначении неживых предметов, часто выраженных одушевленными существительными. По отношению к умершим лицам употребляется местоимение *kdo* в случае их идентификации, например, *Kdo je ten utopenec?* — *Кто этот утопленник?*, и местоимение *so* при определении сущности, например, *Co je to, utopenec?* — *Кто / что это, утопленник?* По отношению к куклам и марионеткам употребляется местоимение *so*. Тем не менее относительно детских игрушек, у которых есть свои имена, мы можем спросить: *Kdo je to, Růženka?* — *Это кто, Руженка?*; это очевидно распространяется и на куклы, изображающие животных. Например, о кукле-собаке можно спросить: *Kdo je to, Broček nebo Azorek?* — *Это кто, Брочек или Азорек?* Точно так же местоимение *kdo* может употребляться по отношению к марионеткам, если спрашивается, кого они представляют, например: *Kdo to má být, ježibaba?* — *Кто это у тебя, баба-яга?* или *Kdo je to, Žerůček?* — *Кто это, Жеричек?* Параллельно возможны вопросы с местоимением *so*. Сходное употребление местоимения *kdo* в вопросах типа *Kdo to je?* — *Кто это?* наблюдается также по отношению к фотографиям, портретам и скульптурным изображениям лиц.

Обобщая, можно утверждать, что в чешском языке местоиме-

ние *kdo* употребляется по отношению к лицам и животным, осмысляемым в своей индивидуальности, а местоимение *co* — по отношению к предметам и животным, а иногда также и к лицам, осмысляемым как представители того или иного класса. Границы между сферами употребления обоих местоимений нередко оказываются весьма лабильными, что открывает возможности для выражения различных оттенков экспрессивности и реализации индивидуального узуса.

Сравнивая материал русского и чешского языков, можно прийти к еще более широкому выводу о том, что в русском языке местоимения *кто* и *что* выражают в сущности одушевленность / неодушевленность, в то время как в чешском языке скорее «нечистую» личность и неличность, сопровождаемую иногда экспрессивными и некоторыми другими оттенками.

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ
ЧИСЛОВЫХ ПАРАДИГМ
В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

1. Сопоставление фактов генетически родственных языков уже не раз обнаруживало существенные структурные и функциональные различия между ними. В предлагаемой статье будет рассмотрен ряд вопросов, связанных с функционированием числовых форм существительных в чешском и русском языках, — соотношение знака (формы числа) и денотата, употребление числовых форм в пределах различных функциональных стилей, зависимость числовой формы от формально-семантической структуры предложения.

Анализ этих частных проблем подчинен общей задаче — показать функционирование форм числа в качестве производного от специфики чешской и русской языковых систем, — как на уровне парадигматического устройства, так и на уровне предложения.

Такое понимание проблемы определило и композицию статьи: описание системных различий представляет собой рамочную конструкцию, центральное место в которой занимает анализ функционирования числовых форм в чешских текстах различного стиля.

1.1. В категории числа (в дальнейшем — КЧ) системные различия между чешским и русским языком проявляются в том, что в русском языке парадигмы единственного и множественного числа изолированы друг от друга в большей степени, чем в чешском.

Слабая корреспонденция форм числа русских существительных проявляется, в частности, в том, что форма именительного падежа единственного числа не определяет с достаточной точностью форм множественного числа: ср. *гóлос* — *голосá*, *голосóв*, но *вóлос* — *вóлосы*, *волóс*.

В чешском языке подобных несоответствий в числовых парадигмах меньше.

Этот факт нашел свое отражение в композиции нормативных грамматик чешского и русского языков: традиционные грамматики чешского языка дают объединенные парадигмы числа по установленным образцам склонения, в русских же грамматиках формы множественного числа нередко приводятся отдельно от форм единственного числа¹.

«Разорванность» числовых парадигм в русском языке обусловлена и унификацией склонения существительных во множественном числе. Как констатирует «Грамматика современного русского литературного языка», «во множественном числе различие падежных флексий характеризует только формы именительного и роди-

тельного падежей... Формы дательного, творительного и предложного падежей у всех трех разновидностей склонения одинаковы... По системе форм множественного числа первого субстантивного склонения изменяются все слова *pluralia tantum* — напр.: *бегá, белила, брюки, жмурки, зеленя, сумерки, штаны* и т. п.»².

Иная ситуация представлена в чешском языке, где в связи с особенностями истории его развития в большинстве случаев сохраняется родовая определенность парадигм множественного числа. Этот факт обусловил и сохранение родовых различий существительных *pluralia tantum*. Как отмечает В. Ф. Васильева, «принадлежность этих существительных к определенному роду устанавливается в первую очередь на основе парадигматических особенностей»³ (разрядка наша. — И. Г.). Например: *pařozepíný* — *день рождения*, *libáňku* — *медовый месяц*, *golfku* — *бриджи* — существительные женского рода, *podráky* — *спецодежда*, *dřeváky* — *обувь на деревянной подошве*, *Klobouky* (географическое название) — существительные мужского рода, *kolovadla* — *гигантские шаги*, *řídítka* — *руль* — существительные среднего рода.

Как показывает анализ языкового материала, особенности функционирования числовых парадигм в чешском языке определяются, в частности, их большей, чем в русском, формальной корреспонденцией.

2. Отмеченные парадигматические особенности существенны для характеристики категории числа в целом.

При относительной формальной простоте рассматриваемая категория отличается семантической и функциональной сложностью. Структуру КЧ особенно усложняет наличие существительных *singularia* и *pluralia tantum* (количество их примерно равно числу существительных с двучисловой парадигмой!)⁴.

Существует значительное количество концепций, описывающих устройство этой категории как в виде привативной, так и эквивалентной оппозиции, через ее синтагматические связи и под.⁵

Не останавливаясь на анализе этих гипотез, отметим, что в описании материала мы исходили из понимания КЧ как категории смешанного типа — словоизменительно-словообразовательной. Такая интерпретация учитывает особенности числовой парадигматики и позволяет объяснить значительное число языковых фактов, которые оказываются за рамками большинства других концепций.

Первый компонент предлагаемого определения КЧ вполне традиционен: словоизменение составляет ядро категории числа и предполагает обязательное наличие двучисловой парадигмы (*стол — столы*), вследствие чего значение единичности — множественности рассматривается как основное грамматическое значение категории числа.

Второй компонент определения указывает на участие парадигмы единственного или множественного числа в процессах словопроизводства.

Имеются в виду следующие факторы: без участия парадигмы единственного числа невозможно представить словообразование производных имен собирательных, вещественных и отвлеченных имен существительных: *Slovanstvo, létání; мудрость*. Модель образования подобных существительных можно представить следующим образом:

(мотивирующая основа + суффикс) + парадигма
единственного числа.

В таких случаях парадигма единственного числа как бы сопровождает «нормальное» суффиксальное словопроизводство.

«Самостоятельность» числовых парадигм позволяет им в некоторых случаях выступать в качестве основного словообразовательного средства. Такая ситуация наблюдается, в частности, при образовании «вторичных» вещественных существительных:

ромашка: ромашки → отвар ромашки;

куница: куницы → шапка из куницы;

králík: králíci → kožíšek z divokého králíka.

Развитие обобщенно-собирательного значения счетными именами существительными также связано с использованием парадигмы только единственного числа: *День металлурга; Дом учителя* и т. д. Ср. также газетные заголовки: *Поле кубанское; Во имя человека; Осуждение агрессора; Тайна зеленого листа.*

Как показывают примеры, словообразовательная функция КЧ реализуется в отношении самых разных лексических разрядов (имена счетные, собирательные, вещественные, абстрактные).

Таким образом, «разорванность» парадигм единственного и множественного числа (столь очевидная на формальном уровне в современном русском языке) играет важную роль в процессах словообразования.

3. Учет особенностей парадигматики является необходимым, но недостаточным условием при сопоставительном анализе числовых форм в чешском и русском языках. Важным компонентом такого анализа представляется выяснение отношения знака (числовой формы) и денотата.

Видимо, можно утверждать, что в чешском языке формы числа в большей степени, чем в русском, мотивированы характером денотата⁶.

Наиболее очевидные различия в употреблении числовых форм между сравниваемыми языками наблюдаются в области условно-недискретных имен (термин С. Д. Кацнельсона): в чешском языке реальная расчлененность денотата чаще, чем в русском языке, передается формой множественного числа: ср.: *чешуя — šupiny, жемчуг — perly, ежевика — ostružiny, фасоль — fazole.*

В чешском языке форма единственного числа этих существительных является сингулятивом, то есть обозначает единичный предмет, выделенный из общей массы. В русском языке для выражения этого значения используются производные имена существительные: *чешуйка, жемчужинка* и под.

Характерные различия между чешским и русским языками можно наблюдать на примере употребления числовых форм существительного *řavučina / řavučiny — паутина*.

Единственное число существительного *řavučina* может означать как одну нить или одну сетку паутины, так и некоторое количество паутины как однородного материала: *dvěře pokryté tlustou řavučinou — двери, покрытые толстым слоем паутины*. Это существительное может употребляться и во множественном числе, обозначая при этом отдельные, часто оборванные нити или сети паутины:

Sám láhev odšpuntoval, když napřed odstraní z jejího hrdla chumel řavučin (Stehl.)

Он сам откупорил бутылку, сняв вначале паутину с ее горлышка.

В русском языке отсутствие формы множественного числа данного существительного компенсируется наличием сингулятива *паутинка*, свободно образующего форму множественного числа.

4. Учет и знание общеязыковой нормы необходимы при анализе и оценке употребления числовых форм в других функциональных стилях языка. Принципиальная возможность использования форм числа со «стилистическим эффектом» определяется прежде всего (как уже отмечалось выше) внутренним устройством категории числа — незанятостью парадигмы за пределами основного грамматического значения. Однако характер связи числовой формы с денотатом за пределами нейтрального стиля меняется, становится более опосредованным, как бы «сдвинутым» по отношению к общеязыковому узусу.

4.1. Так, например, чешские существительные *brambory — картофель, губу — рыба, knedlíky — кнедлики* в нейтральном стиле при обозначении совокупного множества употребляются преимущественно во множественном числе, что связано с отмеченным выше «вниманием» чешского языка к реальной дискретности денотата. Русскому названию магазина «Мясо. Рыба» соответствует чешское *Maso. Rybu*; русским словосочетаниям *ловить рыбу; сажать картошку* соответствуют чешские *jít na gubu, (vy)sázet brambory*.

Иная норма — единственное число! — характеризует профессионально-сленговое употребление этих существительных, например: *veřřové s knedlíkem — свинина с кнедликами, maso s bramborem — мясо с картошкой*. Ср. также употребление существительного *губа* в руководстве по кулинарии:

Těmito studenými omáčkami se ochucují míchané saláty (s gubou a masem), studené hovězí plátky, губа a drůbež.

Такие холодные соусы служат приправой к салатам «ассорти» (с рыбой и с мясом), к холодному мясу, рыбе и птице.

При таком употреблении имени расчлененность предмета становится факультативным признаком, существительное по значе-

нию приближается к «названиям массы» (mass-words), как они были охарактеризованы О. Есперсеном⁷.

Внимание к «вещественному» характеру предмета характерно и для употребления существительного vlas/vlasy в профессиональном языке косметологов:

Zdravému vlasu častější mytí neškodí. Kartáčujte si vlasy pravidelně a masírujte pokožku. To náramně oživuje vlas. Kartáčování kromě toho odstraňuje z vlasů prach, nebojte se o účes, kartáčování mu vůbec neuškodí, naopak, vlas bude poddajnější. (A—Z, 1967, 4).

Здоровым волосам частое мытье не вредит. Регулярно расчесывайте волосы, массируйте кожу головы. Это прекрасно освежает волосы. Кроме того, при расчесывании с волос удаляется пыль; за прическу не бойтесь, расчесывание ее не портит, наоборот, волосы будут послушнее (ср. рус. просторечное: У нее красивый волос).

В данном контексте противопоставление единственного и множественного числа нейтрализовано, так как для обозначения совокупного множества может употребляться форма как единственного числа vlas, так и множественного числа vlasy. Единственное число данного существительного, согласно нормам литературного чешского языка, употребляется: а) для обозначения одного волоса, б) в собирательном значении в книжном, поэтическом языке:

Vy neřeknete nikdy ne,
Vy pavoněné vlasy trav,
Vy hebké vlasy trav,
Vy neřeknete nikdy ne,
Jako to říkávají vlasy žen,

Když blíží se k nim
touha našich hlav,
A noc když vetkne ve váš vlas
zářivé spony světlušek...
(Jan Alda V trávě, Hr. Lásky)

*Вы не скажете никогда «нет»,
Пахучие волосы трав,
Гибкие волосы трав.
Вы не скажете никогда «нет»,
Как это говорят волосы
женщин,
Когда к ним приближаются
наши головы.
И ночь, когда воткнет в ваши
волосы
Горящие заколки
светлячков...*

Контраст значений — при формальном совпадении — может быть использован как художественный прием. На этом принципе построена пародия В. Каминского Vlas slečny Elsy. Пародируется известное стихотворение Я. Врхлицкого, романтическая история некоего Гастона, проникшего в спальню героини — Эльзы, счастливо избежавшего стражи и легко рвавшего все пути до тех пор, пока его не опутали... золотыми волосами Эльзы. Как рефрен в этом стихотворении звучит строка dlouhý zlatý vlas, tvůj, krásná Elso, dlouhý zlatý vlas, где форма единственного числа имеет собирательно-вещественное значение.

Этот же рефрен находим и в пародии, но уже в несколько ином значении, понять которое поможет содержание всей пародии.

Пан Кубанек, владелец пекарни, очень гордится своей дочерью, у которой — толпы поклонников. Наконец Эльза находит свой идеал: пана в униформе и лакированных туфлях, и он приглашен на воскресный обед:

V polévce bylo drobné ságo,
Pan oficiál lžici zved;
A náhle mračil se jak Jago,
A zrudnul v tváři, opět zbled...
On potáci se, vstává, nejí
Jen zří tu krásnou hlavu její a její vlas,
Ten dlouhý, zlatý vlas, tvůj, krásná Elso,
Dlouhý zlatý vlas!

В супе — увы! — оказался этот самый «длинный золотой волос», Эльза лишилась избранника, а рефрен обогатился подтекстом.

4.2. Отличается от общеязыковой нормы и употребление названий цветов в чешском народно-поэтическом языке. В нейтральном стиле выбор формы числа в большинстве случаев зависит от внешнего вида растения. Названия стелющихся, коврообразных растений выражены обычно существительными *singularia tantum*: *kapradí* — *папоротник*, *vřes* — *вереск*, *mateřídouška* — *чабрец*, *jetel* — *клевер*, *jitrocel* — *подорожник*. Названия индивидуализированных цветов в случае необходимости получают форму множественного числа: *záhon plný tulipánů* — *газон тюльпанов*, *věnc z růží* — *веночек из роз*, *kytice z rudých jirfin* — *букет красных георгин*.

В чешских народных песнях вне зависимости от формы величины и т. п. практически все названия цветов употребляются в единственном числе: *A dělaj mně ju (svatbu) v létě, dyž fialka kvete*; *počkej až do jara, až bude fiala*; *uvila mi voničku z ty bilej konvalije*; *Přikryj mě rozmarýnem, pěkným bílým tulipánem*⁸.

Использование сингулярной формы при обозначении крупных индивидуализированных цветов производит значительный поэтический эффект: единственное число обозначает уже не единичный цветок, а множество цветов: *až umřu, přikryjte mé tělo karafiátem* (или *gůží, levkojí, chryzantémou* и под.).

4.3. Мы рассмотрели употребление форм единственного числа, отличающееся от общеязыкового узуса. В качестве стилистически маркированных могут выступать и формы множественного числа.

В нейтральном стиле современного чешского языка практически не встречаются плюральные формы со значением интенсивности. В разговорной речи реликты множественного числа с этим значением можно найти во фразеологизмах *umírat hladu*, *třást se* (или *klepat se*) *strachy*, *válet se smíchy*. Форма множественного числа носит в таких словосочетаниях адвербиальный

характер, с точки зрения современного языка представляется немотивированной.

Иная ситуация представлена в чешской беллетристике, где плюральные формы со значением интенсивности достаточно распространены:

Štěstí je jen bleskem ve tmách života. (PSJČ)

Na to jsem mu vnutila do ruky kytku a chtěla jsem vznešeně zmizet v hlubinách domu. (Louk. Med.)

Весьма характерны подобные формы для Ст. К. Ноймана: интенсивное множественное число помогает поэту передать экспрессивное восприятие действительности:

Mám plná ústa pryskyříc.

Holé stromy svírají zastavené proudy miz.

A já tu ležím pokořen života bláznivým dnem, jenž tryská, šílí, zpívá, žhne, var pudů, hladů, žízni (S. K. N.).

Счастье — лишь молния во тьме жизни.

В ответ на это я всунула ему в руки букет и хотела торжественно исчезнуть в глубине дома.

Рот мой полный смолы (букв. смол).

Нагие деревья сжимают (в себе) остановившиеся токи сока (букв. соков).

Лежу, покоренный сумасбродством жизни, что бьет ключом, безумствует, поет, обжигает; кипение инстинктов, голода (букв. голодов), жажд.

5. В большинстве приведенных примеров легко прослеживается связь формы числа и контекста. До последнего времени эта проблематика оставалась малоразработанной⁹.

В исследованиях, выполненных на различном языковом материале, прежде всего обращается внимание на взаимозависимость значения существительного (а тем самым и форм числа) и семантики глагола. Так, например, контексты-констатации обычных, повторяющихся явлений, имеющих универсальный характер, содержат обычно глаголы в неактуальном презенсе и существительные в форме единственного числа с обобщенно-собирательным значением. Например: *Выпускник института становится настоящим специалистом только на производстве; Какой силой живучести и мимикрии обладает обыватель!* (газ.); *Čtenář patří mezi zvířata poční* (Čapek).

У. Чейф, анализируя английские контексты различного типа (в том числе и аналогичные вышеприведенным), специально отмечает роль глагола: «...общий или необщий характер существительного не устанавливается произвольно в рамках самого существительного, этот характер автоматически определяется для существительного тем глаголом, к которому оно относится»¹⁰.

Такое направление взаимовлияния глагола и имени можно наблюдать и на славянском материале. Так, в частности, в при-

мере из чешской народной песни «Kařařiať trhavajú... rozdávaajú» употребление формы единственного числа, обозначающей нерасчлененное множество, компенсируется употреблением итеративного глагола.

В связи с этим возможно, видимо, констатировать определенную зависимость числовых форм от формально-семантической структуры предложения в целом. Эта зависимость проявляется, на наш взгляд, в случаях употребления форм множественного числа при обозначении реально единичных объектов, например: *В вагоне у нас новые пассажиры: молодая женщина с чемоданом.*

Употребление такого рода трактуется обычно как одно из проявлений категории определенности-неопределенности. Это противопоставление, «оставаясь вторичным и неграмматикализованным в русском языке и избыточным в обычных условиях, все же достаточно глубоко проникает в грамматическую систему и не может полностью игнорироваться»¹¹.

Как известно, формы множественного числа наряду с обозначением раздельного и совокупного множеств могут также представлять множество как неопределенное. Если контекст снимает значение неопределенности, множество может оказаться равным одному (ср. приведенный пример).

Значение неопределенности может присутствовать не только в формах множественного числа имени существительного, но и в глагольных плюральных формах, например: в 3-м лице глагола в составе неопределенно-личных предложений, ср.: *«Товарищ директор, вас ждут»*. — *«Кто ждет?»* — *«Какая-то женщина»*.

Наиболее полно случаи употребления множественного числа при обозначении реально единичных предметов описаны в МИССРЛЯ¹².

Выделяется два основных типа употреблений: 1) существительные со значением нелица, 2) существительные со значением лица. Употребление множественного числа у существительных первой группы связано, как правило, с экспрессией высказывания: *Вот мы дома сидим, а вы по театрам ходите* (речь идет об одном посещении театра).

Употребление форм множественного числа существительных второй группы при обозначении неопределенного множества, то есть и при обозначении одного лица, широко представлено в современной публицистике: *А тут звонят мне на работу геологи и говорят: «Вам к празднику из Москвы посылка, придите, заберите ее»*. *Недавно на общем собрании жильцов нашего дома представители домоуправления заявили...* (газ.).

Подобное функционирование форм числа поддерживается самой грамматической системой русского языка, так как «употребление форм множественного числа имен существительных, обозначающих лица... в составе предложения, сближает эти предложения с неопределенно-личными»¹³.

Действительно, очевиден параллелизм между предложениями *А тут звонят мне на работу и говорят...* и *А тут звонят мне на работу геологи и говорят...* Такая «поддержка» формально-семантической структуры предложения, бесспорно, способствует употреблению форм множественного числа при обозначении неопределенного множества.

В русской разговорной речи формы множественного числа закрепились за некоторыми существительными вне зависимости от того, говорится ли об одном или нескольких реальных лицах или предметах: *гости, экзамены, полы, ключи, праздники, билеты* (в кино, театр, на поезд, самолет...), например: *У нас сегодня гости* (об одном госте). *Ключи возьми!* *А то я уйду* (то есть ключ) ¹⁴.

В чешском языке употребление такого рода отсутствует, что определяется совокупностью ряда отмеченных выше факторов: более тесной, чем в русском языке, формальной связью парадигм единственного и множественного числа, более непосредственным отношением формы числа и денотата, а также меньшей, чем в русском, распространенностью неопределенно-личных предложений.

Проведенные над материалом наблюдения позволяют заключить, что в чешском и русском языках грамматические формы числа допускают возможность двусторонних переходов: единственное число в соответствующем контексте может оказаться в позиции, типичной для множественного числа, и, наоборот, множественное число — в позиции, характерной для числа единственного. Конкретные формы этого перехода в чешском и русском языках различны, что определяется системными различиями данных языков как на уровне парадигматического устройства категории числа, так и на уровне предложения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср.: Наврѓánek В., Jedlička А. *Česká mluvnice*. Praha, 1960, s. 129—154; Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. *Очерк грамматики русского литературного языка*. М., 1945, с. 111—120.

² Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 373. Широко известна интерпретация этих фактов как наличие четвертого рода имен существительных в современном русском языке. Ср.: Зализняк А. А. *Русское именное словоизменение*. М., 1967, с. 75—80.

³ Васильева В. Ф. Категория рода и существительные *pluralia tantum* в современном чешском языке. — В кн.: *Славянская филология*, вып. 10. М., 1973, с. 164—176.

⁴ Эти данные содержатся в работе: Демьяненко Н. К. *Лексико-грамматические разряды имен существительных в русском языке*. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Днепропетровск, 1972.

⁵ См.: Докулил М. К вопросу о морфологической категории. — *Вопр. языкознания*, 1967, № 6, с. 3—17; Кацнельсон С. Д. *Типология языка и речевое мышление*. Л., 1972, с. 27—35; Реформатский А. А. *Число и грамматика*. — В кн.: *Вопросы грамматики*. М.—Л., 1960, с. 384—400. Критический анализ интерпретаций КЧ содержится в статье: Горшкова И. М. Категория числа при сопоставительном анализе (на материале русского и чешского языков). — *Филол. науки*, 1977, № 4, с. 93—101.

- ⁶ Подробнее об этом см.: Горшкова И. М. О некоторых различиях в употреблении единственного и множественного числа в чешском и русском языках. — *Československá rusistika*, 1977, č. 3, s. 109—112; Rybák J. *Vzťahy opozície neurčitých zámen a gramatickej kategórie čísla v ruštine a slovenčine*. — *Slavica Slovaca* 1, 1978.
- ⁷ См.: Есперсен О. *Философия грамматики*. М., 1958, с. 229.
- ⁸ Eisner P. *Chrám a tvrz*. — In: *Kniha o češtině*. Praha, 1946.
- ⁹ Восполняя этот пробел, А. А. Зализняк и Е. В. Падучева предложили описание контекстной синонимии единственного и множественного числа, пользуясь параллелями из языка математической логики, где выделяются контекст существования, контекст всеобщности и контекст с именами-константами (см.: Зализняк А. А., Падучева Е. В. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных. — В кн.: *Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода*, вып. 4. М., 1974, с. 30—36).
- ¹⁰ Чейф У. *Значение и структура языка*. М., 1975, с. 217.
- ¹¹ Ревзин И. И. Так называемое «немаркированное множественное число» в современном русском языке. — *Вопр. языкознания*, 1969, № 3, с. 102—110.
- ¹² *Морфология и синтаксис современного русского литературного языка*. Сер. *Русский язык и советское общество*. М., 1968, с. 153—163.
- ¹³ Там же, с. 160.
- ¹⁴ Земская Е. А. *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*. М., 1979.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Hr. Lásky — Hrubín Fr. Lásky. Praha, 1967.
- Louk. — Loukotková J. *Medúza*. Praha, 1972.
- S.K.N. — Neumann S. K. *Kniha lesů, vod a strání*. Praha, 1914.
- A—Z — *Rada Aktuální Zajímavosti*, 1967.
- Stehl. — Stehlík J. *Sbohem, láske*. Praha, 1969.
- Сапек — Сапек К. *Sloupky*. Praha, 1973.
- PSJC — *Příruční slovník jazyka českého*. Praha, 1935—1957.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ГРАММАТИЧЕСКИХ И
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ
В ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ
ФОРМАХ С ПРЕДЛОГОМ ПО
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(в сопоставлении с чешским языком)**

То особое положение которое занимают предлоги в лексической и грамматической системе языка, постоянно привлекает к ним внимание исследователей: предлог, сохраняя в речи отдельность и цельнооформленность слова, функционально уподобляется морфеме, выражающей то или иное грамматическое значение.

Исконные производные предлоги, *по/ро* в том числе, отличаются простотой морфологической формы и в то же время настолько широким спектром употребления, что попытки формулировать правила употребления без перечисления серии конкретных примеров заранее обречены на неудачу. Поэтому и словарные статьи, посвященные первичным предлогам, обычно громоздки и нечетки.

Многообразие выражаемых с участием предлогов *по/ро* отношений в современных славянских языках велико, и трудно найти хотя бы два современных славянских языка, которые не имели бы относительно друг друга специфики в области функционирования предлога *по*¹.

Сопоставление русских и чешских предложно-падежных форм с предлогами *по/ро* дает своеобразную картину, подтверждающую тезис о том, что при близости инвентаря строевых единиц морфологии и синтаксиса, при общности грамматических категорий славянские языки обнаруживают собственные правила распределения формально однотипных единиц и еще более сложное отношение их функциональных нагрузок². В полной мере это наблюдение относится и к падежным системам славянских языков.

В последние годы, однако, становится все более заметной тенденция изучать семантику и функции не предлогов, а предложно-падежных групп в целом, понимаемых как синтаксическое и семантическое единство.

Реальное смысловое единство предлога и имени в речи приводит к необходимости комплексного анализа предложно-падежных форм с учетом их лексического наполнения и синтаксической функции, поскольку функция является производной от ряда других признаков.

С этих позиций нами была проанализирована дистрибуция

предлога *по* в русском языке на уровне форм падежей, лексико-грамматических разрядов существительных и лексико-семантических групп существительных, безотносительно к синтаксической позиции анализируемых предложно-падежных форм и выполняемой ими синтаксической функции. На каждом из этапов анализ русского материала сопровождался сопоставлением с чешским языком. Результаты сопоставительного анализа представлены в таблицах, построенных по «методу эталона»³.

С помощью «метода эталона» может быть наглядно представлено отношение позиций реального тождества микросистем двух языков к позициям гипотетически возможным.

В русском и чешском языках предлоги *по/ро* входят в первый десяток наиболее частотных предлогов, разница в межстилевом распределении незначительна: в русском литературном языке предлог *по* занимает 7-е место, в научном стиле — 8-е, в разговорной речи — 9-е; в чешском языке соответственно 9-е, 8-е и 10-е⁴. Согласно словарю Э. А. Штейнфельдт, общая частотность предлога *по* в русском языке составляет 1907, в том числе с дательным 1780 (около 93%), с винительным 125 (около 6%) и с предложным 2 (около 1%). В чешском языке предлог *po* соединяется с формами винительного падежа: *od Japonska až po USA — от Японии до США*; *pracoval jsem po celou noc — я работал всю ночь* и предложного падежа: *chodí po ulicích — они ходят по улицам*; *po tomto první ložení — после этой первой разлуки*. По данным М. Киселой⁵, в чешском языке предлог *po* с предложным падежом дает 90—92%, а с винительным — от 8 до 10% примеров употребления предлога *po*. Предложно-падежная форма «*po+дат. падеж*» как член именной парадигмы в чешском языке отсутствует.

Отношение реального тождества к гипотетически возможному в области предложно-падежных форм с предлогами *по/ро* составляет 2 : 3 (см. Приложение, табл. 1).

Необходимость последовательного учета лексических значений в грамматических описаниях подчеркивают многие крупные лингвисты. «Нам представляется, что парадигматические схемы и обобщенная, притом основанная на тщательном изучении лексического состава характеристика их лексической компетенции относятся к грамматике...», — писал Л. В. Копецкий⁶. Действительно, лексико-грамматические разряды и лексико-семантические группы существительных представлены в предложно-падежных формах крайне неравномерно⁷. Прежде всего, и для русского и для чешского языков характерно, что в предложно-падежных формах с предлогами *по/ро* преобладают существительные трех разрядов: одушевленные, неодушевленные и отвлеченные. Вещественные и собирательные существительные в этих формах встречаются редко, обычно это закрытые списки слов. Однако это лишь суммарные характеристики. Распределение указанных пяти лексико-грамматических разрядов по падежам в русском и чешском языках своеобразно. Так, русский дательный падеж имеет много общего

с чешским предложным падежом, а винительные падежи существенно различаются по этому признаку.

Русская предложно-падежная форма «по+дат. падеж» имеет свободное лексическое наполнение со стороны трех разрядов: существительных одушевленных, например: *по бунтарям, по красноармейцам, в день по пескарнику, из пушки по воробьям*; неодушевленных: *по столу, по рубахе, по горлу, по территории, по целым дням и ночам*; отвлеченных: *по быстроте, по продолжительности, по империализму*. Вещественные и собирательные существительные встречаются реже: *Глухо бьют по воде плицы колес, где-то бьет молот по железу* (М. Горький); *...(слышны) удары валька по мокрому белью* (Л. Н. Толстой).

Эти же признаки отличают чешскую предложно-падежную форму «ро+предл. падеж»; ср.: *jít po cestě — идти по дороге; ani stopu po laskavosti — никаких признаков любезности; stopu po lidské krvi — следы человеческой крови; klouzat po jehličí — скользить по хвое; poznáš (ptáka) po peří — узнаешь (птицу) по оперению*.

Если в русском языке «по+вин. падеж» отличается лексическим однообразием, то в чешском «ро+вин. падеж» характеризуется свободным лексическим наполнением. В русских примерах преобладают названия частей тела или деталей более сложных предметов: *провалился по грудь, по шею, по колено, по самую ступицу*. Выделяется небольшая группа вещественных существительных: *по малину, по орехи, по дрова, по воду* и некоторые др. В чешских примерах свободно употребляются и одушевленные, и неодушевленные существительные: *důstojníci od majora po plukovníka — офицеры от майора до полковника; zvíř od kňouřů až po medvěda — звери от кабанов до медведя; od kartáčku na zuby až po boty — от зубной щетки до обуви; od Japonska až po USA — от Японии до США; až po pás — до пояса; po celou noc — всю ночь*. В этой форме встречаются и отвлеченные существительные, преимущественно отглагольные: *od vědeckého výzkumu až po realizaci a užití — от научного исследования до реализации и использования его (результатов); až po pověšení a zastřelení — вплоть до повешения и расстрела*. Вещественные и собирательные существительные в этой форме не встретились.

Русская форма «по+предл. падеж» представлена преимущественно отвлеченными отглагольными существительными. Круг их ограничен: *по завершении перевода, по истечении семи лет, по окончании работ*. Изредка встречаются одушевленные существительные в контексте, несущем черты определенной стилизации: *плакать по младенце, служить панихиду по усопшем старце, соскучиться по братце*.

Соотношение реального и гипотетически возможного тождества русских и чешских предложно-падежных форм с учетом их отношения к лексико-грамматическим разрядам существительных составляют 6 : 15 (см. Приложение, табл. 2).

Дальнейшая детализация основания для анализа связана с по-

нятием лексико-семантической группы⁸. В пределах указанных групп лексические единицы объединяются на основе общей парадигматической семы. Классификация лексики по этому признаку, безотносительно к форме падежа, позволяет выделить семнадцать лексико-семантических групп существительных, релевантных для предложно-падежных форм с предлогами *по/ро*.

1. Названия лиц — *отец, красноармеец, bratr, plukovník*;
2. Названия животных — *лошадь, воробей, kočka, pták*;
3. Предметно-пространственные — *стол, книга, dům, časopis*;
4. Собственно-пространственные — *территория, сторона, území, břeh*;
5. Части тела, детали целого — *шея, рукоять, uši, pápravy*;
6. Временные — *ночь, неделя, večer, měsíc*;
7. Конкретные непредметные — *орбита, заказ, stopa, otázka*;
8. Собственно вещественные — *молоко, железо, voda, cukr*;
9. Вещественные — дары природы — *грибы, малина, houby, malina*;
10. Собираательные предметные — *белье, посуда, nábytek, obuv*;
11. Собираательные личные — *начальство, студенчество, mládež, příbuzenstvo*;
12. Названия процессов — *изучение, борьба, výdej, představa*;
13. Названия признаков — *красота, продолжительность, přeruch, laskavost*;
14. Названия абстрактных понятий — *длина, высота, hloubka*;
15. Научные и общественно-политические термины — *разоружение, переработка, dohoda; odzbrojení*;
16. Название средств связи — *телефон, почта*; —
17. Названия видов спорта — *футбол, бег*; —

Таковы лексико-семантические группы существительных, отмеченные в анализируемых предложно-падежных формах. Отсутствие двух последних групп среди чешских примеров, возможно, отражает узус чешского языка, так как сконструировать соответствующие примеры несложно: *od telefonu až po videofon* — *от телефона по видеофон*; *od plování až po lyžování* — *от плавания до катания на лыжах*. Более глубокое разграничение внутри выделенных групп практически возможно, но с теоретической точки зрения уже несущественно.

Понятие типоформы, предложенное А. И. Смирницким⁹, более соответствует целям комплексного анализа, чем, например, понятие словоформы, но в известное определение типоформы необходимо включить еще и понятие типового лексического значения. Именно в таком смысле употребляется далее термин «типоформа»: это форма имени в дательном, винительном или предложном падеже с предлогом *по/ро*, несущая типовое лексическое значение существительного. В русском языке отмечаем 17 типоформ в дательном падеже (то есть все возможные группы), в винительном — 3 типоформы: *очутились по горло в воде*; *с января по март*; *ходить по воду, по грибы*; в предложном — 2 типоформы:

ланихида по усопшем старце, по уходе его плакала. Сфера употребления предлога *по* с винительным и предложным падежами в русском литературном языке сокращается. Немногочисленные сами по себе, эти типоформы вытесняются типоформами с предлогами *до, за, после*. Ср.: *разделся до пояса, пошли за грибами, после его ухода плакала*¹⁰.

Распределение лексико-семантических групп между винительным и предложным падежами в типоформах чешского языка является более равномерным, чем в русском языке. В винительном падеже свободно употребляются все группы конкретных существительных, а также существительные отвлеченные, в целом 9 лексико-семантических групп:

od «Hřbitovního kvítí» až po
feuilleton «1. Máj 1880»

od hrsti zrní po salonní va-
gón

od kusu uhlí po kožišinu z
modrých lišek

po hy se po kotníky bořily do
promočeného trávníku

podnebí je po celý rok teplé

po celou tuto dobu obnovo-
vali zařízení

od výběru talentované mlá-
deže až po trénink

bezpodmínečný neutralismus
až po izolacionismus

В предложном падеже с предлогом *po* употребляются все лексико-семантические группы существительных, отмеченных в русских формах с дательным падежом, кроме названий средств связи и видов спорта, в целом 15 групп:

bouchat knihami po stole
otiskovat básně po časopi-
sech

po napoleonských válkách
po všech rovnoběžkách

slídili po mouce, cukru a tuku

po ověření faktu

úsilí po aristokratickém pře-
rychu

není tu ani stopy po jazyko-
vém šovinismu

О том, насколько велики различия между русской и чешской микросистемами на уровне типоформы, можно судить по данным «максимальной системы» (см. Приложение, табл. 3). Сохраняя тождество в двух позициях винительного падежа (*по пояс — по pás, по апрель — až po duben*) и в двух позициях предложного

от «Кладбищенских цветов»
до фельетона «1 Мая 1880 г.»

от горсти зерна до салон-
вагона

от куска угля до меха голу-
бых песцов

ноги по щиколотку тонули
в мокрой траве

климат в течение всего года
теплый

все это время обновляли
оборудование

от подбора талантливой мо-
лодежи до тренировок

безусловный нейтрализм
вплоть до изоляционизма

хлопать книгами по столу
печатать стихи в журналах

после наполеоновских войн
по всем параллелям

они искали муку, сахар,
жиры

после проверки факта

погоня за аристократиче-
ской роскошью

нет и следа языкового шо-
винизма

падежа (*скучать по муже* — *stýská se jí po manželovi*; *по истечении срока* — *po uplynutí lhůty*), русский и чешский языки расходятся здесь в абсолютном большинстве позиций. Отношение реального тождества к гипотетическому на уровне типоформы составляет 4:51. По таблицам можно проследить, как по мере углубления анализа своеобразии сопоставляемых близкородственных языков выступает все более отчетливо.

В одной из статей Вл. Скаличка¹¹ выдвинул тезис о плодотворности «микротипологии» для славянских языков. Действительно, именно сопоставление микросистем вскрывает те «подводные камни», на которые постоянно наталкиваются и переводчики, и преподаватели языков, и учащиеся.

* * *

Межъязыковые расхождения на уровне типоформы предопределяют расхождения и в области функционирования формально однотипных единиц. На основе данных табл. 3 (см. Приложение) можно с уверенностью предсказать, что функциональные эквиваленты к предложно-падежным формам с предлогами *по/ро* будут располагаться в широкой зоне разноструктурных средств. Богатый материал для сопоставления дают именные словосочетания типа *поездка по стране*, *тоска по родине*, *obchůzka po vesnicích*, *touha po vlasti*. Грамматическое значение этих словосочетаний — определительно-ограничительное¹². При общем для обоих языков синтаксическом значении именных словосочетаний этого типа почти полностью отсутствует их морфолого-семантический параллелизм (имеются в виду параллели типа *po возвращении на родину* — *po návratu do vlasti*, *срок по сентябрь* — *lhůta až po září*, где наличествует совпадение и форм и значений). Имеются существенные различия и в функционально-стилистической маркированности именных словосочетаний с предлогами *по/ро*.

Прежде всего отметим, что в русском языке господствует предложно-падежная форма «*по*+дат. падеж»: *статья по физике*, *труд по найму*, *поездка по стране*, *пенсия по инвалидности*, *комитет по печати*, *установка по очистке воды* и т. п. Эти словосочетания — принадлежность прежде всего общественно-политических текстов и деловой речи. Такие примеры встречаются и в произведениях художественной литературы, однако их появление здесь связано, как правило, с «деловым» содержанием: *оставался с товарищами по работе* (М. Горький); *знал Ростовцева как одного из лучших специалистов по антеннам* (Д. Гранин); *Буров, следователь по особо важным делам* (А. Н. Толстой).

Словосочетания с винительным падежом типа *коса по пояс*, *срок по сентябрь*, *поход по грибы* непродуктивны и редки для современного русского языка: *а где лошадка — так разнотравье, трава по груди* (Л. Н. Толстой); *глубокая воронка, налитая ржавой водой, кругом бурьян по-пояс* (М. Шолохов).

То же самое можно сказать и о словосочетаниях с предложным падежом, как, например, *занятость по возвращении домой, женитьба по приезде* и др. Ни академическая «Грамматика русского языка», ни академический словарь не приводят подобных примеров¹³.

Напротив, в чешском языке именные словосочетания не связаны с каким-либо функциональным стилем по преимуществу, не находим также и таких контрастных по продуктивности / непродуктивности типов, как в русском языке.

Морфолого-семантический параллелизм в словосочетаниях с предлогами *по/ро* имеет ограниченный характер, поэтому сопоставляемые единицы — это функционально-семантические эквиваленты, то есть постоянные, регулярно воспроизводимые соответствия, выполняющие одну и ту же синтаксическую функцию. Их морфологические формы при этом могут быть различными.

Не приходится сомневаться в том, что именные словосочетания с предлогом *по* и дательным падежом в современном русском языке представляют собой одно из наиболее продуктивных явлений. Они возникают, когда появляется необходимость в новом сложном определении. Ср.: *хоккейный чемпионат — чемпионат по фигурному катанию, по художественной гимнастике; экспортная компания — компания по экспорту чая; избирательная комиссия — комиссия по правам человека*. В сфере именных словосочетаний с большой силой действует аналогия. В публицистике, в деловой, профессиональной речи постоянно возникают и закрепляются словосочетания с наиболее общим значением отношения одного предмета (понятия) к другому: *планы по так называемой «автономии»* (телевидение), *заявление Картера по Ирану* (радио), *речь идет о скоординированных действиях по вмешательству извне* (из газет), *отягощенная наследственность по сахарному диабету* (интервью), *компания по разъяснению канадской общественности предложений индейцев и эскимосов по конституционной реформе* (из газет). В литературном языке подобные примеры сопровождаются оговорками: *По мастерству актера, выражаясь по-современному, было два преподавателя* (выступление актрисы); *Представляю вам главных консультантов по юмору, — да простят мне такую формулировку* (телевидение, передача для молодежи). Но чаще такие «нелитературные» сочетания остаются без комментариев, поскольку значение и форма не противоречат общезыковой норме: они строятся по модели, специализированной для выражения определительно-ограничительных отношений. Ср.: *скульптор по животным, колдун по насекомым, скотник по обслуживанию молодняка, павильон по питью минеральной воды, соревнование по достойной встрече*. В сущности такие примеры — только подражание принятым в обиходе наименованиям, как: *министр по иностранным делам, касса по продаже билетов, композиция по стихам Есенина, действия по смягчению напряженности, порт по перевалке грузов* и т. д.

Прежде чем перейти к анализу чешских функциональных экви-

валентов, необходимо напомнить о том, что именные словосочетания с дательным падежом и предлогом *по* находятся в отношениях функциональной соотносительности с целой серией разноструктурных средств в самом русском языке; чаще всего это дублетные единицы: *слесарь-сантехник — слесарь по сантехнике, китаист — специалист по Китаю, футбольная команда — команда по футболу, мастера хоккея — мастера по хоккею, книга о шахматах — книга по шахматам*¹⁴; сравните один из типичных рядов: *мероприятия по охране — мероприятия, направленные на охрану, с целью охраны, касающиеся охраны, для охраны, охранительные мероприятия*. Внутри возникающих таким образом рядов происходят активные процессы семантической и стилистической дифференциации. Без учета этого явления невозможно обойтись, например, при переводе с русского языка на чешский. Тем не менее все разнообразие структурно-грамматических типов соотносительных единиц русского и чешского языков подчиняется определенным семантическим закономерностям.

Рассмотрим некоторые типовые словосочетания русского языка, имеющие в чешском языке регулярные соответствия. Эти соответствия можно представить в виде правил, формулируемых по схеме: *если — то*.

1. Если словосочетание относится к спортивной тематике, то в чешском ему соответствует словосочетание с предлогом «*v + предл. падеж*»:

первенство мира по гандболу
встреча по футболу
чемпионка мира по шахматам
мастер спорта по волейболу

mistrovství světa v házené
utkáni v kopané
mistryně světa v šachu
mistr sportu v odbijené

2. Если словосочетание принадлежит к учебной тематике, то в чешском находим словосочетание с предлогом «*z*» и родительным падежом:

экзамен по математике, по физике, по русскому языку
лекция по литературе, по математике

zkoušky z matematiky, z fyziky, z ruštiny
přednáška z literatury, z matematiky

3. Если определяемое существительное принадлежит к лексико-семантической группе «речевое произведение», то в чешском — словосочетание с предлогом «*o + предл. падеж*»:

доклад по организационным вопросам
инструкции по охране труда
материалы по истории
 также:
лекция по полупроводникам

referát o organizačních otázkách
předpisy o ochraně práce
materiály o dějinách
přednáška o polovodičích

В эквивалентных сочетаниях этой группы, обычно в заголовках, используется и предлог *k*+д.т. п.а.д.е.ж.:

пособие по изучению словарного запаса
комментарии по темам
доклад по коренным проблемам

příručka k nácviку slovní zásoby
komentáře k témátům
referát k základním otázkám

4. К словосочетаниям с дополнительным значением соответствия в чешском языке имеется эквивалент с предлогом *podle*+р.д. п.а.д.:

распределение по потребности

rozdělování podle potřeb

определение повреждений по методу Лобанова

zjišťování poruch podle Lobanovovy metody

принципы воспитания по Макаренко

zásady výchovy podle Makarenka

5. В названиях органов и организаций по роду их деятельности в чешском используется предлог *pro*+в.н. п.а.д.е.ж.:

комиссия по правам человека

komise pro lidská práva

госкомитет по телевидению
агентство по атомной энергии

státní výbor pro televizi
agentura pro atomovou energii

бюро по проблемам воспитания детей

poradna pro výchovné problémy s dětmi

совет по развитию экспорта
центры по работе среди женщин

rada pro rozvoj vývozu
střediska pro práci mezi ženami

6. В том случае, если определяемое существительное входит в лексико-семантическую группу «предприятие, прибор», то предпочтителен предлог *na*+в.н. п.а.д.е.ж.:

завод по переработке чая
фабрика по производству обуви

továrna na zpracování čaje
závody na výrobu obuvi

установка по очистке шерсти

zařízení na čištění vlny

7. Определенный параллелизм к перечисленным словосочетаниям в наименованиях по роду деятельности прослеживается в профессиональных определениях лиц; так, предлог *pro* встречается в определении лиц по сфере их деятельности:

заместитель по работе с кадрами, по политчасти

zástupce pro kádrovou práci, pro věci politické

Определения лиц по узкой специальности содержат предлог *na*:

специалист по конденсаторам

odborník na kondenzátory

специалист по антеннам

— " — na antény

специалист по проблемам

— " — na problémy Dal-

Дальнего Востока

ného východu

специалист по строительным материалам

specialista na stavební materiál

При определении лиц по месту их деятельности в чешском языке употребляются словосочетания с предлогами *z* и *v*:

друзья по аспирантуре

přátelé z aspirantury

заместитель по группе

zástupce ve skupině

помощник по лаборатории

pomocník v laboratoři

товарищи по работе

kolegové ze zaměstnání, z práce

товарищи по политбюро

soudruzí v politbyru

В общественно-политическом стиле и в профессионально-деловой русской речи получили большое распространение словосочетания «*по+дат. падеж*», особенность которых состоит в том, что и определяющее и определяемое существительное выражают идею действия, целесообразной деятельности (непосредственно или метонимически): *результат общих усилий по подъему сельского хозяйства*; *ударные дни по заготовке кормов*; *мероприятия по регулированию рождаемости, по расширению сети яслей*; *работы по строительству железной дороги, по реконструкции народного хозяйства*; *шаги по уничтожению феодального государства* и т. п. Такие примеры вызывают больше всего нареканий в нарушении литературной нормы. Действительно, в них присутствует информационная избыточность, иногда и явная тавтология. Ср.: *работа по ликвидации туберкулеза — ликвидация туберкулеза*; *работа по строительству — строительство*; *труд по нарезке овощей — нарезка овощей*; *В настоящее время развернулась большая работа по разработке встречных планов*; *У нас проходят занятия по обучению*. Особенно популярны такие клише, как *работа по...*, *меры по...*, *мероприятия по...*, *шаги по...*.

О том, насколько чужды чешскому языку словосочетания этого типа, свидетельствует пестрота грамматических средств при передаче соответствующих значений. Здесь беспредложные падежи и глагольные конструкции, предлоги *pro*, *na*, *při*, *k* с соответствующими падежами, придаточные предложения и описательная передача значений:

работа по улучшению состава партии

zkvalitňování složení strany

работа по созданию единого фронта

práce na utváření jednotné fronty

работа по строительству железнодорожной линии, по реконструкции народного хозяйства

práce na stavbě železniční trati, na rekonstrukci národního hospodářství

комплекс мероприятий по совершенствованию планирования

деятельность по реализации программы

кампания по сбору средств

кампания по обмену документов и вовлечению в ряды КПЧ новых членов

мероприятия по национализации

мероприятия по регулированию рождаемости

komplex opatření směřujících ke zlepšení plánování

činnost směřující k realizaci programu

sbírka pro získání prostředků výměna dokumentů a kampaně za získání nových členů do řad KSČ

zнародňovací opatření

opatření pro regulování porodnosti

Наличие синтаксических рядов и дублетных конструкций в самом чешском языке еще более осложняет общую картину, однако при этом чешский язык по-прежнему не использует предлог *po*, как, например, в таком случае: *удары по врагу* — *úderý zasazené nepříteli*; *úderý nepříteli*; *rány zasazené nepříteli*; *úderý proti nepříteli*; *rány nepříteli*. При этом конструкция *rány po nepříteli* воспринимается как калька с русского языка¹⁵.

Непродуктивные для русского языка словосочетания с винительным падежом и значением временного или пространственного предела имеют четкие соответствия в чешском языке: *коса по поясу* — *сору po pás*; *срок по сентябрю* — *lhůta až po září*.

Такие же четкие соответствия имеют редкие словосочетания с предложным падежом и значением относительного последующего времени: *женитьба по возвращении* — *sňatek po návratu* и некоторые устойчивые сочетания: *траур по муже* — *smutek po manželovi*. Для современного узуса более приемлем дательный падеж и здесь.

В такой же последовательности рассмотрим словосочетания с предлогом *po* в чешском языке.

Определительно-ограничительные словосочетания с винительным падежом в чешских текстах практически отсутствуют:

Na fotografii bylo vidět tělo muže po pás (Čapek).

Pokračoval nájezdy až po Bolgar (Čapek).

Kolem bejlí až po pás (Šolchov).

На фотографии было видно тело мужчины по поясу.

Он продолжал совершать набег до самых границ Болгарии.

Вокруг бурьян по поясу.

Словари также не дают соответствующих примеров. Сочетание *грязь по щиколотку* переводится как *bláta po kotníku*, то есть посредством более приемлемой для чешского языка предикативной конструкции.

Предлог *po* в значении крайнего предела обычно сопровождается усилительной частицей *až*. Сочетание *až po* встречается в контекстах, исключая эмоциональные элементы (в научном

стиле, в официальных документах), поэтому мы рассматриваем *až po* в качестве варианта предлога *po*.

Предложно-падежная форма «*až po*+вин. пад.» участвует в выражении значения предела, но не непосредственно, а в конструкции *pěso, od pěčeho, přes pěso, až po pěso*, сравните в русском языке: *ничто, от чего-либо — через что-либо — вплоть до чего-либо*.

Je tu všechno, co lze zpeněžit, kupovat a prodávat, od hrsti zrní až po salonní vagón, od kusu uhlí až po kožišinu z modrých lišek (Čapek).

Jako člen Laterny magiky navštívil mnoho zemí od Japonska až po USA (Rudé právo).

Sto hektarů památek od romanského přes gotický, renesanční až po bohatý barokní sloh obepínají hradby (Čs. svět).

Zápotocký vytvořil široký beletristický obraz historie našeho dělnického hnutí, a to od samých počátků (...) přes revoluční vření na počátku století (...) až po boj o charakter Republiky po Říjnové revoluci (...) (Český jazyk).

Словосочетания «*po*+предл. падеж» при общем определительно-ограничительном значении дифференцируются еще и как объектные, пространственные и временные. Словосочетания с объектным значением немногочисленны. В позиции определяемого члена выступает небольшая группа существительных: *touha, spáha, žízeň, portávka* и некоторые другие, семантически к ним близкие. В русском языке им соответствуют устойчивые словосочетания (*стремление к чему, спрос на что* и т. д.):

...plný životního optimismu a nesmírné touhy po vzdělání (Rudé právo)

Tři další byli svobodní tříčátníci, s touhou po ženitbě a bez vyhlídky na slušný byt (Rezáč).

Здесь есть все, что можно обратить в деньги, покупать и продавать, от горсти зерна до салон-вагона, от куска угля вплоть до меха голубых песцов.

В качестве члена труппы «Латерна магика» он посетил много стран от Японии до США.

Сто гектаров достопримечательностей (всех стилей), от романского, через готический и ренессанс, вплоть до пышного барокко, окружают высокие стены.

Запотоцкий создал обширное художественное полотно истории нашего рабочего движения, а именно от самых его зачатков (...) затем революционных волнений в начале века (...) вплоть до борьбы за характер Республики после Октябрьской революции (...).

...полный жизненного оптимизма и безграничной тяги к образованию

Трое других — тридцатилетние холостяки, с мечтой о семье и без всяких перспектив на получение приличного жилья.

Milka Ivičová ocenila na polských referátech snahu po jasném objasnění termínů a po úsilí demonstrovat teorii na textu (SaS).

Vytvořil si svůj svět, svět otázek po smyslu života a lidského bytí (Čes. jazyk a I-ra).

...což se projevuje v poptávce po stále nových a dražších výrobcích (Čs. svět).

Дистрибутивно-объектное словосочетание: hromádky po šesti kusech — *кучки по шести штук*.

Словосочетаниям с пространственным значением в русском языке имеется регулярное соответствие «по+дат. падеж»:

Turné po několika zemích Evropy («Čs. svět»).

V sobotu je na pořadu přechod po hřebenech okolo Čadce (Rudé právo).

... který měl do rána službu, obchůzku po vesnicích (Našek).

В нижеследующих примерах пространственное значение не связано с идеей перемещения, такие примеры более редки:

naprostý útlum po celé mozkové kůře

osobní obsazování klíčových hráčů po celé ploše (Rudé právo)

В польских докладах Милка Ивич отметила стремление к точному определению терминов и попытки продемонстрировать теорию применительно к тексту.

Он создал собственный мир, мир вопросов о смысле жизни и человеческого существования.

... что и проявляется в растущем спросе на новые и дорогие изделия.

Турне по нескольким странам Европы.

В субботу по программе переход по гребню гор около Чадца.

... у которого до утра было дежурство, обходы деревень.

полное торможение по всей коре головного мозга

расстановка ведущих игроков по всему пространству (поля)

Временной оттенок значения в именных словосочетаниях встречается чаще других. В них передается отношение следования, которое в современном русском языке выражается с помощью предлога *после*. Но эта группа неоднородна. Если определением служит указание на последующее относительное время, то в русском языке имеем регулярное соответствие предлог: *после+род. падеж*:

První etapa je období po skončení II světové války («Čs. svět»).

Vyrůstají jako příslovečné houby po dešti.

Bylo to té noci po atentátu na Hejdricha (Fučík).

Первый этап — это период после окончания второй мировой войны.

Вырастают как вошедшие в поговорку грибы после дождя.

Это случилось в (ту) ночь после покушения на Гейдриха.

odpočinek po práci (SSJČ)
v letech po dosažení nezávis-
losti (Rudé právo)
silák po dlouhé nemoci (Ře-
záč)

*отдых после работы
в годы после получения не-
зависимости
богатырь после долгой бо-
лезни*

Вторая группа примеров интересна тем, что определительное значение имеет оттенок «оставлено кем-либо». Эти словосочета- ния не имеют в русском языке регулярных эквивалентов:

A vůbec, to je stará zkušě-
nost po předcích (Čapek).

Dala mi věnem po otcích
koušek té půdy (Nezval).

[Městečko] Má hrádek a ka-
tedrálu, a něco po Římanech
(Čapek).

...aby se ujál pravoplatného
dědictví po otcí
knihy po otcí

syn po sestře
stopy po lidské krvi
penze po manželovi
vdova po lékaři

Отдельные примеры этой группы имеют эквиваленты в рус- ском языке также с предлогом *po*, но с дательным падежом:

přibuzenstvo po matce
...smyslný po otcí, blázen po
matce.

*А в общем, это старый опыт,
унаследованный от предков.*

*Она дала мне в наследство
от предков кусок этой земли.*

*В нем (в городке) есть не-
большой замок и собор, и что-
то оставшееся от римлян*

*...чтобы вступить в законное
наследство (после отца).*

*книги, оставшиеся после
отца*

*сын покойной сестры
следы человеческой крови
пенсия за мужа
вдова врача*

Таким образом, отдельные точки соприкосновения на уровне синтаксических значений также не могут опровергнуть общего тезиса о своеобразии микросистем близкородственных славянских языков. Речевые реализации предлогов *po/ro* говорят о том, что и первичные предлоги активно взаимодействуют не только с мор- фологической (падежной) формой, но и с лексическими значе- ниями. Расширение сферы употребления словосочетаний с пред- логом *po* в русском языке за счет словосочетаний с неослож- ненным значением отношения типа *атлас po травматологии* свидетельствует о сохранении предлогом *po* собственно грамма- тического значения и утрате им лексического значения. Однако его активное отношение к лексическим типовым значениям свя- занных с ним существительных не позволяет квалифицировать его даже в этом случае как «субморфему», эквивалентную падеж- ному окончанию¹⁶. Как известно, падежное окончание в славян- ских языках индифферентно к лексическому значению «своего» существительного. Следовательно, в любом случае предлог лишь функционально уподобляется морфеме.

*родня po матери
...po отцу сладострастник,
po матери юридивый (Ф. До-
стоевский).*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кореѣпѣ Fr. Několik poznámek k předložkám z hlediska etymologického. — Slovo a Slovesnost 28, 1967, s. 393—401.
- ² См.: Широкова А. Г. О функциональной нагрузке форм кондиционала в чешском языке (в сопоставлении с русским языком). — In: Konfrontační studium guské a české gramatiky a slovní zásoby. Praha, 1971, s. 19—48.
- ³ Сущность метода заключается в том, что специально для целей исследования строится «максимальная система», охватывающая и дифференцирующая все элементы, которые могут дифференцироваться в отдельных говорах (соотв. языках) и из которых система говора (языка) может быть получена в результате операции свертывания (см. об этом: Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972, с. 446).
- ⁴ См.: Штейнфельдт Э. А. Частотный словарь современного русского языка. Таллин, 1963, с. 234; Частотный словарь общенаучной лексики. М., 1970, с. 86; Jelínek J., Večka J., Těšitelová M. Frekvence slov, slovních druhů a tvarů v českém jazyce. Praha, 1961, s. 585.
- ⁵ См.: Кисела М. Значение и употребление предлогов *по/ро* в русском и чешском языках. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1977.
- ⁶ Копецкий Л. В. О лексической компетенции грамматического правила. — Slovo a Slovesnost 33, 1972 (перепеч.: Языкознание в Чехословакии. М., 1978, с. 153).
- ⁷ Источниками языкового материала служили произведения современной художественной литературы, газеты, журналы, словари и грамматики русского и чешского языков, справочники, а также записи устной речи на русском языке.
- ⁸ См.: Васильев Л. М. Теория семантических полей. — Вопр. языкознания, 1971, № 5, с. 103—113.
- ⁹ См.: Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 11—53.
- ¹⁰ См.: Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. Очерк 4. Конструкции с предлогом «по». — В кн.: Грамматика и норма. М., 1977, с. 216—234.
- ¹¹ См.: Скаличка В. К вопросу о типологии. — Вопр. языкознания, 1966, № 4, с. 22—30.
- ¹² В именных словосочетаниях объектные и обстоятельственные значения являются дополнительными, так как определяются не синтаксической позицией зависимых предложно-падежных форм, а их лексическими значениями, ср.: *удар по врагу, поездка по стране, инвалидность по ранению*. В соответствующих же глагольных словосочетаниях объектные и обстоятельственные значения являются основными: *бить по врагу, ездить по стране, уволиться по ранению*.
- ¹³ Грамматика русского языка, т. II, ч. 1. М., 1954, с. 233—282; Словарь современного русского литературного языка, т. 10. М.—Л., 1960.
- ¹⁴ См.: Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, с. 138.
- ¹⁵ Примеры В. Грабье.
- ¹⁶ См.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 180.

Приложение

Таблица 1

Предлоги *по/ро* и формы падежей

Языки	Падежи		
	Дат.	Вин.	Предл.
Русский	+	+	+
Чешский	—	+	+

Таблица 2

Предлоги по/ро и лексико-грамматические разряды существительных

Падежи	Разряды									
	одушевл.		неодушевл.		веществ.		собирает.		отвлеч.	
	рус.	чеш.	рус.	чеш.	рус.	чеш.	рус.	чеш.	рус.	чеш.
Дат.	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—
Вин.	+	+	+	+	+	+	—	+	—	+
Предл.	+	+	+	+	—	+	—	+	+	+

Таблица 3

Предлоги по/ро и лексико-семантические группы существительных

Лексико-грамматич. разряды	Лексико-семант. группы	Падежи					
		дат.		вин.		предл.	
		рус.	чеш.	рус.	чеш.	рус.	чеш.
Одушевл. существит.	лица животные	+	—	—	+	+	+
		+	—	—	+	—	+
Неодушевл. существит.	предметно-пространств. собственно-пространств. части целого (в т. ч. час- ти тела) временные не предметные	+	—	—	+	—	+
		+	—	—	+	—	+
		+	—	+	+	—	+
		+	—	—	+	—	+
Веществ. существит.	собств. вещественные дары природы	+	—	—	—	—	+
		+	—	+	—	—	+
Собирает. существит.	предметные личные	+	—	—	—	—	+
		+	—	—	—	—	+
Отвлеченн. существит.	процессы признаки абстрактные понятия научные и общественно- политические термины средства связи виды спорта	+	—	—	+	+	+
		+	—	—	—	—	+
		+	—	—	+	—	+
		+	—	—	—	—	+
		+	—	—	—	—	+
		+	—	—	—	—	—

О ЗНАЧЕНИИ ЧЕШСКИХ
И РУССКИХ ПЕРВИЧНЫХ
ПРЕДЛОГОВ

Наш материал позволяет лишь очень упрощенно представить различие между системами предлогов в чешском и русском языках. При установлении различий мы исходили из результатов наших исследований системы первичных предлогов¹ в чешском языке, после чего была предпринята попытка выявить особенности соответствующей ей русской системы, и, в частности, ее отличия от чешской. Таким образом, описание системы первичных предлогов в русском языке выступает в данной статье как результат проекции чешской системы на русскую (а не наоборот), что касается исходных положений и целей описания, а также применяемых методов.

Принять устанавливаемое в данной статье различие между двумя сравниваемыми системами можно лишь при следующих допущениях:

- во-первых, выражение при помощи первичных предлогов является образным, метафорическим (то есть выражение отношений, отличных от пространственных, совпадает с выражением видимого события, происходящего в пространстве; такие отношения наглядно представлены как развернутые в пространстве). Полисемия такого рода может быть понята как не вполне осознанный, но действующий в сознании говорящего механизм²;
- во-вторых, существует не только семантическая связь всех частных значений одного предлога и кооперация всех предлогов с одинаковым управлением, но и системная кооперация всех первичных предлогов в каждом из сравниваемых языков. Поэтому в статье не сопоставляются трудно выделимые частные значения (которые необходимо дифференцировать и сопоставлять в практике преподавания и перевода): мы стремимся упрощенно выявить различие в закрепленной в обоих языках — русском и чешском — метафоричности предлогов.

Прежде чем приступить к описанию различий, отметим сходство между исследуемыми славянскими предложными системами, а именно: на вертикальной плоскости изображается движение видимого предмета во время совершения действия. Статическая кубическая модель, легко выводимая из определения «предлог выражает отношение двух предметов в пространстве» применима, например, к системе предлогов в немецком языке, где предлоги с двойным управлением (дательным и винительным падежом) можно понимать как средства обозначения соотносимого нахож-

дения и размещения на трех осях (vor — hinter, über — unter, neben — neben), нахождения и размещения или на вертикальной, или на горизонтальной плоскости (an — auf), нахождения и размещения на одной прямой, на плоскости или же в трехмерном пространстве (zwischen, unter, in). С одной стороны, кубическая модель избыточна, особенно для русской предложной системы, где предлоги *перед* и *над* в отличие от предлогов *за* и *под* не могут управлять винительным падежом (в чешском языке по меньшей мере предлоги před, za, nad, pod, mezi обладают двойным управлением, которое выражает нахождение и размещение на двух осях). С другой стороны, статическая кубическая модель, вполне достаточная в немецком языке, не в состоянии охватить славянский предлог *по* с его выразительной семантикой движения. (Родственный ему немецкий предлог von выражает движение только в действительном пространстве; в языке, однако, его управление совпадает с управлением предлогов an, auf и т. п., как раз в тех случаях, когда они не выражают движения.)

ОПИСАНИЕ РАЗЛИЧИЙ
МЕЖДУ СИСТЕМАМИ ПРЕДЛОГОВ
В ЧЕШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.

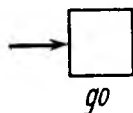
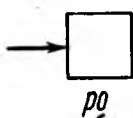
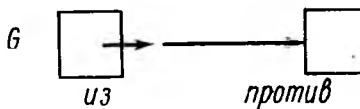
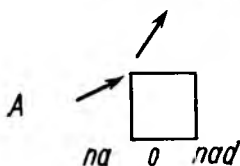
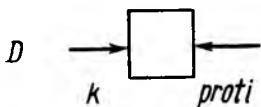
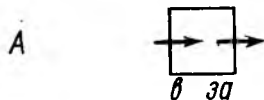
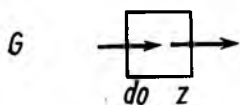
(см. прилагаемые схемы)³

1. Включение и исключение (действия в объект и из объекта) выражается в чешском языке родительным падежом, в русском языке — винительным падежом: do města, z města — *в город, за город*.

2. Дательный падеж в чешском языке выражает движение в противоположном направлении: jít po proudu (M) — proti proudu (D), в русском языке — движение в том же направлении: *идти по следам колес; работать по плану; действовать по совету врача*.

3. Предел движения выражается в чешском языке винительным падежом, в русском языке — родительным падежом (ср. например, sukně po kolena — *юбка до колен*); причем винительный падеж в чешском языке выражает движение внутрь и вовне, а родительный падеж в русском языке служит для описания движения откуда-то и куда-то.

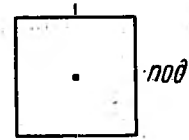
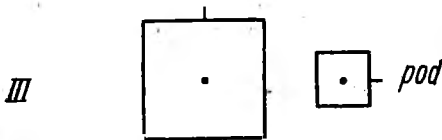
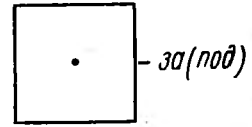
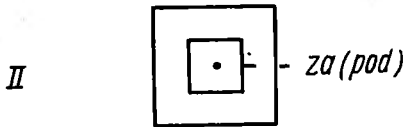
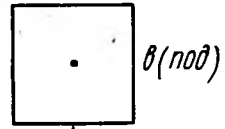
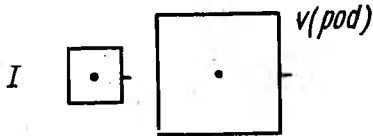
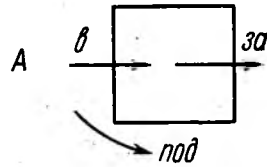
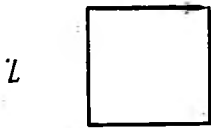
4. Местный падеж в русском и чешском языках выражает отношение уровней: guba ve vodě, guba na vodě — *рыба в воде, рыба на воде*. В чешском языке, однако, этот падеж передает также движение, течение, обусловленное разницей уровней (положения), например, с предлогом или приставкой po(-), ср.: je po Karlovi — *после Карла* (очередность), *похож на Карла* (сходство), безл. с *Карлом конец* (утрата прежнего положения). Ср.: roběží, po cestě, po běhu — *побежит, по дороге, после бега*⁴. В соответствии с дательным и местный падеж в чешском языке выражает противоборство, движение предмета возникает в результате постепенной утраты прежнего положения. В русском языке движение выражает прежде всего предлог *под* с винительным

падежом. Историческое родство *po* и *pod* по меньшей мере проблематично, однако общим для обоих предлогов (приставок) является значение социативности: связь двух действий, действия с видимым предметом или двух видимых предметов. Данное значение выступает как у чешского *po(-)*, так и русского *pod(-)*, сближая их с английским *by*. Предлоги *po* и *pod* в чешской и русской предложных системах также одинаково важны как средства выражения инхоативности: приведение предмета в движение. Однако в русском языке в соответствии с дательным и винительный падеж выражает не противоположное движение, но следование (вплоть до совмещения). Такое движение возникает, когда поток воды течет под мельничное колесо; напротив, движение, выраженное в чешском языке предлогом *po* из системы *ři*, *pa*,

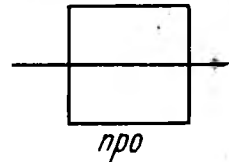
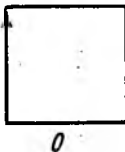
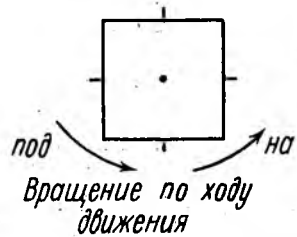
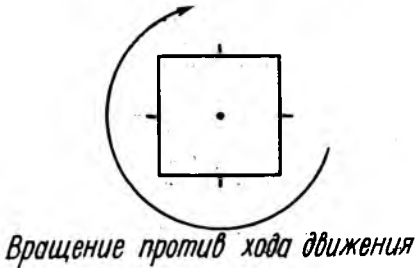
Чешский язык

Русский язык

Направление действия

Направление действия

ро, о, можно передать скорее как падение потока воды на мельничное колесо. Поскольку в русском языке не сочетаются с винительным падежом предлоги *над* и *перед* в значении направления, то при выражении соответствующего движения как бы происхо-

дит движение, вначале направленное под данный предмет, а потом восходящее (подъем вверх), ср.: *внимание, заннмание* (детей игрой), *поднимание* (якоря). Видимый предмет словно подгоняется, подталкивается: *течение подобьет, подбивает, подбило баркас к берегу.*

Как в чешском, так и в русском языке выступает предлог о со значением темы (о губѣ — о рыбе). Разговор как бы вращается «вокруг» обсуждаемого предмета, действие «окружает» объект, но в чешском языке невозможны сочетания типа *дом в пять этажей* (*dům o pěti patrech*) и сочетания типа *сказка про золотую рыбку* (*rohádka o zlaté rybce*); в чешском языке отсутствует параллелизм между действием и объектом, а также между разговором и его темой, который так отчетливо проявляется у русского предлога *по* с дательным падежом, а также представлен в системе предлогов с винительным падежом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Первичными предлогами мы считаем: *bez* (без), *do* (до), *k* (к), *na* (на), *nad* (над), *o* (о), *po* (по), *pod* (под), *pro* (про), *proti* (против), *před* (перед), *při* (при), *s* (с), *u* (у), *v* (в), *z* (из), *za* (за). Из первичных предлогов, как они определяются в подготовительных работах для научной грамматики чешского языка, мы исключаем *ob* (о/об не являются достаточно семантически дифференцированными ни в чешском, ни тем более в русском языке, ср. рус. *о том, об этом*), а также этимологически различающиеся, но семантически вполне тождественные предлоги *přes*—*через*; далее добавляем предлог *proti* (*против*), отличающийся в сравниваемых языках управлением (дательный/родительный).
- ² Подчеркиваем: «может быть понята», так как эта проблема ждет своего исследования; она могла бы изучаться в психолингвистике вместе с проблематикой визуального мышления, например, в связи с работами Зинченко (см.: Зинченко, Виргилес. Формирование визуального образа. Чешский перевод, Прага, 1975), то есть совершенно иначе, чем в тех исследованиях, где априорно работают с понятием «дух нации»; такое исследование привлекло бы внимание к индивидуальным различиям между отдельными носителями того или иного языка (то есть к различиям в соотношении абстрактной и конкретной, визуальной и аудитивной, синтетической и аналитической ориентации индивидов и т. п.).
- ³ В системе предлогов чешского и русского языков мы выделяем частные предложные системы родительного, дательного, винительного и местного падежей; система творительного падежа в чешском языке состоит из одного элемента и семантически связана с системой родительного падежа (*s* и *bez* являются антонимами); различия между системами родительного падежа в чешском и русском языках нам кажутся достаточно выразительными и без рассмотрения социативного и противоположного ему значения (как у чешских предлогов *bez*, *kromě*, *мимо*).
- Так как трудно решить, в какой последовательности лучше рассматривать отдельные частные предложные системы, то мы начинаем с чешского родительного, идем через чешские дательный и винительный падежи к чешскому местному падежу и сопоставляем их с соответствующими системами в русском языке.
- ⁴ Для обоих языков нам достаточно различать три фазы: I. начало действия, II. протекание действия, III. завершение действия.

О СОЧЕТАЕМОСТНЫХ СВОЙСТВАХ
ГЛАГОЛОВ *vědět*, *znát*
В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ
И ИХ СООТВЕТСТВИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Различение семантически близких слов часто вызывает затруднения, особенно при сопоставлении с формально неадекватными эквивалентами в другом языке. В последнее время при анализе семантики все более пристальное внимание уделяется синтаксису, изучаются дистрибуция слова, его трансформационные возможности и употребление в различных типах контекста. Такие методы исследования семантики оказались плодотворными главным образом при изучении глагола, как убедительно показал, например, Ю. Д. Апресян¹.

В целесообразности подобного подхода к изучению семантики можно убедиться на примере семантического анализа чешских глаголов *vědět* и *znát*, которым в русском языке и в ряде других языков соответствует один глагол. Русский читатель, например, едва ли найдет в словаре исчерпывающие сведения об особенностях употребления обоих чешских глаголов. Это объясняется прежде всего тем, что словари (толковые и двуязычные) стремятся описать или перевести значение глагола вне контекста, не обращая достаточного внимания на его валентность. Последняя трактуется в словарях узко — как глагольное управление, которое в свою очередь понимается как составная часть грамматической характеристики глагольного слова, в отрыве от его значения.

Так, например, Словарь литературного чешского языка² приводит пять значений глагола *vědět*:

1. *vědět* *co o kom, o čem, na, koho* — *знать что о ком, о чем, то есть обладать познаниями и быть всегда способным их обнаружить; держать что-то в памяти, в сознании; быть знакомым с чем-то. Другие значения являются специальными и периферийными: 2. víš* — *знаешь, понимаешь, видишь ли* (для подчеркивания сказанного); 3. *to se ví* — *само собой разумеется* (как проявление согласия); 4. *nevím* — *ну, не знаю; уж и не знаю* (как выражение сомнения). 5. *vědět* с инфинитивом или прямым дополнением — *уметь, быть в состоянии* (редкое и устаревшее).

Для глагола *znát* дается шесть значений:

1. *znát koho, co* — *знать что, кого* (=на основании личного опыта иметь соответствующее представление, мнение о чем-то; быть осведомленным о чем-то, о ком-то; обладать познаниями в чем-то); 2. *znát koho* — *знать кого-либо* (=быть лично знакомым с кем-то, знать в лицо кого-то); 3. *znát co* — *знать что* (=уметь что-то, владеть чем-то, разбираться в чем-то). Другие значения

этого глагола являются специальными, периферийными; 4. znát koho — признавать кого-либо (книжн.); 5. je znát — видно, заметно; 6. с отрицанием peznat něco — не иметь обыкновения; не знать чувства чего-либо (жалости и т. п.).

Новый Словарь литературного чешского языка³ объединяет отдельные значения, тем самым сокращая их число в сравнении с более полным прежним словарем.

Большой русско-чешский словарь⁴ предлагает лишь три значения глагола znát: 1. znát (свои права, законы, урок и т. д.) — znát; 2. радости, покой, счастье (чаще с отрицанием) — zakusit, znát, poznat; 3. znát что о ком, о чем (а также znát, что...) — vědět.

Новый Чешско-русский словарь⁵ указывает два значения глагола vědět: 1. vědět со о ком, о чем (или без дополнения) — znát. Здесь же приводятся случаи типа nevím jak na to — не знаю, как и быть; 2. já vím — ну да, да, знаю, знаю; to se ví — само собой разумеется; в качестве вводных слов (в Словаре литературного чешского языка толкуется как подчеркивание сказанного).

Для глагола znát различаются четыре значения: 1. глагол с прямым дополнением, выраженным одушевленным существительным: znát koho — znát кого; 2. то же с неодушевленным существительным: znát со — znát что, владеть чем. В известной степени из общего ряда случаев 1—2 выпадает пример vždyt' to znáte — известное дело; 3. с отрицанием в сочетаниях типа peznat soucitu, peznat závist — не znát жалости, не znát (чувства) зависти; 4. je znát — видно, заметно; dát znát — дать понять, почувствовать.

В целом можно констатировать, что в двуязычных словарях недостаточно отражаются основные значения и наиболее частотные типы употребления глаголов vědět и znát; внимание сосредоточивается скорее на явлениях ограниченных, специальных и на фразеологии. Это связано с ориентацией таких словарей прежде всего на потребности перевода.

Указанные глаголы можно достаточно четко разграничить на основании их валентности. В словарях предпринимаются более или менее удачные попытки в данном направлении, однако из-за стремления охватить все частные случаи употребления правила сочетаемости глаголов оказываются не совсем ясными и однозначными, а иногда даже затушевываются отдельными примерами. С описанием сочетаемостных свойств скорее можно встретиться в практических учебниках языка, а также при преподавании, например, чешского языка как иностранного.

Рассмотрим основные модели, в которых на основании своих сочетаемостных свойств выступают глаголы vědět и znát.

1. Модели с глаголом vědět:

а) vědět, že...

Глагол vědět соединяется с дополнительным придаточным предложением при помощи союза že или вопросительного слова (местоимения, наречия, частицы):

Vím, že je to těžké. — Я знаю, что это не легко; Nemohl vědět, že ten kufr je prázdný. — Он не мог знать, что этот чемодан пуст; Věděl jsem, že život může být dobrý a šťastný. — Я знал, что жизнь может быть хорошей и счастливой; Nevíš, co dávají dnes v televizi? — Ты не знаешь, что сегодня по телевизору?; Všichni lidé věděli, kdo jsem a jaký jsem. — Все люди знали, кто я и что собой представляю; Chceme, aby mladí věděli, proč jsme se stali těmi, jimiž jsme. — Мы хотим, чтобы молодые знали, почему мы стали теми, кто мы есть; Levice neví, co dělá pravice. — Левая рука не знает, что делает правая; Nevím, co dělat. — Не знаю, что и делать; Nevím, kam jít. — Не знаю, куда идти; Dodnes neví, jak se to tehdy mohlo stát. — Я до сих пор не знаю, как это тогда могло случиться; Nevím, jestli tam už byl. — Я не знаю, был ли он там уже; Nevědí, zda jsou šťastni či nešťastni. — Они не знают, счастливы они или несчастливы.

К тому же типу относятся отдельные устойчивые сочетания и фразеологизмы: Neví, čím je. — Он не в себе, он сам не свой; Hned věděl, co a jak. — Он сразу нашелся, (он сразу понял), что к чему; Dař bych za to nevím co. — Я за это готов отдать не знаю что (все); Víš co, půjdeme tam až zítra. — Знаешь что, пойдём-ка туда завтра.

В описанной модели глагол znát не употребляется. Отдельные случаи, когда он выступает с придаточным предложением, относятся к окказиональным и маркированным (архаичное, индивидуальное употребление), например: Zná, co jsou starosti při обычném Ví, co jsou starosti. — Он знает, почему фунт лиха.

б) vědět (co) o kom, o čem

Глагол vědět имеет два дополнения. Прямое дополнение обычно выражается местоимением и обладает значением меры и степени; часто вместо него выступает обстоятельство меры и степени. Обязательным является дополнение, выраженное существительным в предложном падеже с предлогом o. Ср.:

Věděl o tom. — Он знал об этом; Ví se o tom. — Об этом все знают (= Это всем известно); O matematice nevím vůbec nic. — Я ровно ничего не знаю о математике (= Я не имею ни малейшего представления о математике); O motorech toho věděl málo. — Он мало что знал о моторах; O skutečnosti nevěděli o nic víc než my. — О случившемся они знали несколько не больше нас.

К тому же типу относятся и отдельные устойчивые сочетания и фразеологизмы: Neví nic o světě. — Он ничего не смыслит в жизни; Nevěděl o světě. — Он был как во сне; Nevěděl o sobě. — Он был без памяти (он не помнил себя).

Формально с данной моделью сходны такие случаи, как znáš tu anekdotu o bleše? — Ты знаешь этот анекдот о блохе? Здесь, однако, существительное в предложном падеже с предлогом o выражает определение (а не второе дополнение при глаголе znát).

в) vědět (co) na koho

Модель отличается от предыдущей способом выражения дополнения (одушевленное существительное в винительном падеже с предлогом na). В связи с этим ее значение является более специальным: она предполагает знание прежде всего предосудительных сведений об определенном лице или лицах. Ср.: Na každého ze svých přátel něco věděl. — О каждом из своих друзей он знал что-то (предосудительное), при нейтральном O každém ze svých přátel něco věděl.

г) особые случаи

Особое употребление отмечается для глагола vědět в ряде отдельных форм:

víš, víte — знаешь, знаете при обращении к собеседнику выступает как средство установления или сохранения контакта. Употребляется также с усилительной частицей: to víš, to víte — да знаешь, да знаете.

víme — мы-то (с тобой, с вами) знаем, правда? Обычно стоит в конце высказывания, когда говорящий хочет добиться согласия.

nevím — не знаю, уж и не знаю; часто повторяется дважды: nevím, nevím... — не знаю, не знаю... Служит для выражения сомнения.

to se ví — разумеется. Как выражение согласия: Byls tam? To se ví! — Ты был там? Разумеется! Как эмпатическое выражение чего-то неблагоприятного, ожидаемого говорящим: No to se ví, (že) ty tam nemůžeš chybět! — Ну разумеется, без тебя там дело не обойдется!

Глагол vědět выступает, далее, в отдельных описательных оборотах, в особенности:

vědět si rady s čím (чаще с отрицанием) — быть способным справиться с чем-то (знать, как быть).

dát vědět komu co — дать знать кому-то о чем-то.

2. Модели с глаголом znát:

а) znát koho

Глагол znát сочетается с прямым дополнением, выраженным одушевленным существительным (или замещающим его местоимением), например: Zním dobře Petra. — Я хорошо знаю Петра; Znáte tam někoho? — Вы там кого-нибудь знаете?; Nikdo neznal mne a já taky nikoho neznal. — Никто не знал меня, и я тоже никого не знал.

К тому же типу относятся такие устойчивые сочетания и фразеологизмы, как: Když se rozčilí, tak se nezná. Когда он злит-

ся, он не владеет собой; Nezná bratra. — Для него нет своих и чужих (для него все равны).

Взаимное знакомство с определенным лицом выражает модель znát se s někým — быть знакомым с кем-то (экспр. знаться).

б) znát co

Глагол znát сочетается с прямым дополнением, выраженным неодушевленным существительным (или замещающим его местоимением), например: znát Prahu, Brno — знать Прагу, Брно; znát nějaký film, knihu, píseň, rostlinu — знать какой-нибудь фильм, книгу, песню, растение; znát matematiku, fyziku, ruštinu, češtinu — знать математику, физику, русский язык, чешский язык.

В отличие от модели vědět co o kom, o čem в данной модели представлено только одно дополнение. В отдельных случаях здесь может встретиться глагол vědět, однако его употребление будет стилистически маркировано (устаревшее, индивидуальное): Nevíme ani jediný případ, kdy... — Мы не знаем ни одного случая, когда...; Takové říkanky už nikdo neví. — Таких считалок уже никто и не знает.

С существительными, обозначающими школьные предметы или же подлежащий усвоению материал, сочетается также глагол umět. Ср.: umět matematiku, češtinu, báseň, logaritmy, Přemyslovce — знать задание по математике, чешскому языку; знать слова стихотворения, правила логарифмов; знать историю государства Пржемысловичей. При сочетании глагола umět с этими существительными подчеркивается способность воспроизводить, приобретенная учебой (запоминанием); напротив, глагол znát требование воспроизводимости не выражает. Так, в случае Znáš tu báseň? — Ты знаешь это стихотворение? мы спрашиваем собеседника, читал ли он, слышал ли он, помнит ли он его содержание; в случае же Umíš tu báseň? — Ты знаешь наизусть это стихотворение? мы спрашиваем, может ли собеседник по памяти восстановить его слова. Аналогично znát ruštinu — знать русский язык, в переносном значении — 'знать определенный раздел учебного предмета'; umět ruštinu предполагает только знание материала. Как показывает приведенный пример, отмеченное различие иногда может стираться. Ср. также znát na jedničku/umět na jedničku — знать на «отлично», где во втором случае имеется в виду скорее ограниченная часть учебного материала.

В сочетании с инфинитивом могут выступать только глагол umět или dovést: umět (dovést) číst, psát, zpívat, plavat — уметь читать, писать, петь, плавать. Ср.: To si umím (dovedu) představit. — Я могу себе это представить. В то же время при существительном со значением действия (отглагольном или другом) употребляется лишь существительное znalost: znalosti čtení, písma (psaní, zpěvu, plavání — умение читать, писать, петь, плавать). Аналогично и znalosti matematiku, češtiny, písně — знание математики, чешского языка, песни.

Менее обычен глагол znát с инфинитивом: Zná dobře vařit. — Она вкусно готовит; Zná se bránit. — Он умеет защищаться (Зейер). Подобное употребление всегда является стилистически маркированным (устаревшее, индивидуальное).

в) модели с ограниченным составом:

znát to kde

Глагол znát выступает с прямым дополнением, представленным местоимением среднего рода; обязательным распространителем является обстоятельственное слово — существительное в предложном падеже или наречие со значением места. Модель выражает способность ориентации, приобретенную предшествующим пребыванием в какой-то местности: znát to v Praze, v Krkonoších, na Šumavě, tady — *знать Прагу, Крконоши, Шумау, здешние места* (ср. *знать в Праге каждый камень*).

znát jak

Позиция дополнения при глаголе znát может замещаться наречиями, обозначающими языки: znát rusky, německy, anglicky — *знать русский, немецкий, английский язык* (ср. *Она по-русски плохо знала...* — А. С. Пушкин). Аналогично может употребляться и глагол umět: umět rusky, německy, anglicky.

neznat čeho (co)

Модель употребляется при отрицании и выражает отсутствие привычки к чему-то, чувства чего-то. В дополнении обычно стоит существительное slitování (*сострадание, жалость*); сочетание neznat slitování — *не знать жалости* приближается к устойчивым. В целом такое употребление скорее устаревшее, о чем, в частности, свидетельствует родительный падеж существительного при отрицании; например: neznat oddechu — *не знать отдыха*. Ср. nevěděti si rady.

je znát co

Модель относится к безличным конструкциям с verba sentiendi типа je vidět, je slyšet, je cítit — *видно, слышно, чувствуется*. Примеры: Je to znát. — *Это видно*; Je znát, že... — *Видно, что...* . Прямое дополнение при глаголе часто переходит в подлежащее, так что конструкция становится двусоставной: Jeho práce tu bylo znát. — *Его работу здесь было видно*; Jeho práce tu byla znát. — *Его работа здесь была видна*.

г) особые случаи

Глагол znát выступает в отдельных описательных оборотах: dát na sobě znát — *проявить, обнаружить какие-то чувства*; Nedal na sobě nic znát. — *Он не подал и виду*; dát znát komu co — *дать понять, почувствовать; намекнуть*. Данный оборот считается несколько устаревшим, на наш взгляд, однако, он лишь имеет от-

тенок книжности. Ср.: Dal mu znát, co si o něm myslí. — Он дал понять, что он о нем думает; то есть каким-то способом выразил свое мнение о нем (например поведением, тоном, жестом). В противоположность этому Dal mu vědět, co si o něm myslí. — Он дал знать, что он о нем думает означает собственно сообщение (как правило, опосредованное: письменное, через третье лицо) (см. 1 г).

3. Омонимия vědět/znát

В тех случаях, когда модели 1а), б) и 2а), б) являются неполными или же когда в позиции зависимого члена находится местоимение, глаголы vědět и znát дифференцируются на фоне полной модели. Ср.: Kdo tu byl? Nevím / Neznám. — Кто здесь был? Не знаю; в первом случае — не знаю, кто здесь был, во втором случае — не знаю того, кто здесь был.

Já jsem omámený! Já to vím / Já to znám. — Я как угорелый! Я это знаю; в первом случае — мне известно, что ты в таком состоянии, во втором случае — мне знакомо такое состояние.

Глагол vědět в сочетании с местоимением, когда оно замещает дополнительное придаточное предложение (vědět, že...), или когда опущено второе дополнение (vědět co o kom, o čem), указывает на определенный известный факт, к которому отсылает местоимение. Ср. Nemýlili se ti, kdo to už tehdy věděli. — Не ошибались те, кто уже тогда знал это; то есть «знал, что...», но содержание мыслимого придаточного предложения извлекается из контекста или ситуации. Víš něco? — Ты что-нибудь узнал?; Так už to vím. — Так я узнал... / Так вот, я все узнал. (Обоим собеседникам был заведомо известен подлежащий выяснению факт, вследствие чего он остался не назван. Пример подобной коммуникативной ситуации: кто-то из собеседников должен был уточнить время отхода поезда по расписанию.)

К указанным случаям не относятся выражения to víš, to víte, употребляемые как средство установления контакта (см. 1 г).

4. Случаи синонимии

Семантическая близость глаголов vědět и znát приводит к тому, что в отдельных случаях они оказываются взаимозаменяемы. В основном это отмечается при усечении основной модели:

Odkud to víš? / Odkud to znáš? — Откуда ты (это) знаешь?; On (toho) mnoho ví / On (toho) mnoho zná — Он много (всего) знает; Víš něco nového? / Znáš něco nového? — Ты не знаешь, есть что-нибудь новенькое?; Však to víme, jak to obvykle chodí / Však to známe, jak to obvykle chodí. — Уж мы-то знаем, как это обычно бывает... Věděl to (všechno) z vlastní zkušenosti. / Znal to (všechno) z vlastní zkušenosti. — (Все) это он знал по собственному опыту.

Иногда такие случаи дифференцированы стилистически. Ср.: при нейтральном to se víl устаревшее to se zná! — разумеется!

5. Случаи контаминации.

У близких по значению моделей может наступать смешение (контаминация). Как правило, такие случаи воспринимаются как необычные, маркированные (индивидуальные), однако отдельные типы могут становиться общеупотребительными. Ср.: *Neznáš něko-ho / Nevíš o někom, kdo by to uměl?* — Ты не знаешь кого-то (тебе не знаком / тебе не известен кто-то), кто разбирается в этом? В результате контаминации: *Nevíš něko-ho, kdo by to uměl?*

Znát odpověď — знать ответ; *vědět, co odpovědět* — знать, что ответить; *umět odpovědět* — уметь ответить. В результате контаминации: *zná odpovědět* — он умеет ответить; *věděl na všechno odpovědět* — у него на все был готов ответ.

Neznat slítování — не знать жалости; *nevědět, co je slítování* — не знать, что такое жалость. В результате контаминации: *peznat, co je slítování*.

* * *

Итак, глаголы *vědět* и *znát* семантически весьма близки, иногда и тождественны. Основой для их разграничения нам послужило выделение различных моделей, в которых данные глаголы выступают. В связи с этим нами была предпринята попытка исследования основных типов употребления обоих глаголов. Отчасти был принят во внимание глагол *umět*, относящийся к той же семантической области. Ряд глаголов с подобной семантикой можно было бы продолжить, например, глаголом *dověst*.

Общая картина оказалась бы более сложной, если бы были рассмотрены также корреляты совершенного вида для обоих глаголов (*znát* — *roznat*; *vědět* — *zvědět, do(z)vědět se*), которые могут выступать лишь в некоторых из описанных моделей.

Фактическая ситуация в употреблении глаголов *vědět* и *znát* осложняется тем, что здесь проявляются и диалектные различия, обусловленные отсутствием одного из этих глаголов в отдельных говорах. В этом случае утраченный глагол заменяется парным ему глаголом. Интенсивные контакты приводят к тому, что подобное употребление встречается и далеко за пределами первоначальной изоглоссы.

Различия проявляются также и в плане диахронии. Однако носители языка, как правило, безошибочно отличают случаи устаревшего или устаревающего употребления, а также явления периферийные и окказионализмы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.

² *Slovník spisovného jazyka českého*, d. 4. Praha, 1971.

³ *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Praha, 1978.

⁴ *Velký rusko-český slovník*, d. 1. Praha, 1952.

⁵ Чешско-русский словарь, т. II. Москва—Прага, 1976.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ
НАД СОЧЕТАЕМОСТНЫМИ
ОСОБЕННОСТЯМИ КАЧЕСТВЕННЫХ
И ОТНОСИТЕЛЬНЫХ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ
И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Проблема сочетаемости слов заслуживает внимания как в плане теории, так и в плане практического изучения языков.

В теоретическом отношении особый интерес представляет исследование грамматической сочетаемости, служащей как бы проекцией существующих в языке грамматических отношений и связей. Достаточно сказать, что нормы грамматической сочетаемости являются одним из критериев классификации слов по частям речи и частным лексико-грамматическим разрядам. Как справедливо отмечает А. В. Бондарко, «иногда определенная сочетаемость может служить не менее существенным показателем принадлежности данного слова к тому или иному лексико-грамматическому ряду, чем представленный в этом слове морфемный признак»¹.

Однако если грамматическая сочетаемость, опирающаяся на функционирование грамматических форм, поддается достаточно строгому описанию, то мотивацию лексической сочетаемости не всегда легко обнаружить. Именно потому, что принципы формализации лексической сочетаемости не разработаны, некоторые исследователи считают возможным относить лексическую сочетаемость к внеязыковым явлениям².

В настоящей работе делается попытка выявить некоторые семантические, словообразовательные, а также грамматические факторы, влияющие на нормы лексической сочетаемости качественных и относительных прилагательных в близкородственных русском и чешском языках.

Центральным вопросом является вопрос о полной и частичной эквивалентности прилагательных в составе словосочетаний в указанных языках с акцентом на различие норм лексической сочетаемости качественных и относительных прилагательных.

Под эквивалентностью прилагательных нами понимается последовательное употребление семантически тождественных прилагательных, входящих в состав сопоставляемых словосочетаний, например, *молодая женщина* — *mladá žena*, *молодое дерево* — *mladý strom*, *молодая кровь* — *mladá krev* и т. д.

Сопоставительное изучение лексической сочетаемости на материале близкородственных языков дает возможность выявить

некоторые закономерности, предопределяющие «смысловую правильность номинативных решений, а также выбор и комбинацию единиц номинации в ходе формирования высказывания»³, что является важным как для лексикографической практики, так и для теории языковой номинации.

Описание норм лексической сочетаемости, которая рассматривается нами как «исторически сложившееся в данном языке постоянное заполнение какой-либо синтаксической модели определенными лексическими единицами, логически обоснованное и традиционно признаваемое правильным»⁴, требует не только всестороннего анализа семантической структуры слов, но также и выявления способов стилизации отображаемой действительности.

Степень эквивалентности норм лексической сочетаемости слов зависит прежде всего от степени идентичности их семантической структуры. Тождественность или близость семантической структуры прилагательных в русском и чешском языках может проявляться как в основных, первичных значениях, так и во вторичных значениях. Это позволяет русские и чешские прилагательные классифицировать на следующие группы⁵:

1. Прилагательные, семантические объемы которых полностью совпадают. Так, например, прилагательные *новый* и *nový* в русском и чешском языках употребляются в трех идентичных значениях: 'недавно возникший (*новый дом* — *nový dům*)'; 'пришедший на смену ранее существовавшему (*новый учитель* — *nový učitel*)'; 'современный, прогрессивный (*новое время* — *nová doba*)'.

2. Прилагательные, совпадающие только в первичном значении. Так, русское прилагательное *красный* является синонимом чешского прилагательного *červený* в значении цвета (*красная краска* — *červená barva*). Однако в значении 'относящийся к революционной деятельности' прилагательное *красный* оказывается синонимом чешского прилагательного *rudý* (*красное знамя* — *rudý prapor*, *красные моряки* — *rudí námořníci*, *Красный Кладно* — *Rudé Kladlo*), а в значении 'производящий приятное впечатление', в котором это прилагательное употребляется в народной и поэтической речи, является синонимичным чешскому прилагательному *krásný* (*красна девица* — *krásná dívka*).

3. Прилагательные, совпадающие в первичном и в некоторых вторичных значениях. Ср., например, *глубокий пруд* (*тыл, мысль*) — *hluboký rybník* (*tyl, myšlenka*). Однако синонимичность указанных прилагательных может нарушаться при выражении значения 'достигший высшего предела во временном развитии'. Ср.: *глубокая старость* — *vysoký věk*.

4. Прилагательные, первичное значение одного из которых совпадает с вторичным значением эквивалента, как, например, это имеет место у прилагательных *суровый* и *drsný*. Первичное значение русского прилагательного *суровый* (СРЯ) определяется как 'холодный, неблагоприятный для жизни' (*суровый климат, суровая зима*). Это же значение согласно SSC является одним из вторичных значений чешского прилагательного *drsný* (*drsné podnebí*,

drsná zima), первичное значение которого — 'недостаточно обработанный, негладкий' (drsná kůže — *грубая кожа*).

5. Прилагательные, совпадающие только в некоторых вторичных значениях, как, например, русское прилагательное *мирный* и чешское *mírný*. Оба прилагательных синонимичны во вторичных значениях 'спокойный, чуждый волнениям, тихий'. Ср.: *мирный характер* — *mírná povaha*, *мирный сосед* — *mírný soused*. В своем первичном значении 'миролюбивый, исполненный согласия, дружбы' русское прилагательное *мирный* является синонимом чешских прилагательных *mírový* (*мирный договор* — *mírová smlouva*) и *mírúmilovný* (*мирный народ* — *mírúmilovný národ*). Чешское прилагательное *mírný*, первичное значение которого согласно SSC — 'незначительный по силе' может быть также синонимом русских прилагательных *слабый, незначительный*. Ср.: *mírný vítr* — *слабый ветер*, *mírné zvýšení teploty* — *незначительное повышение температуры*.

6. Особо следует выделить те случаи, когда эквивалентом прилагательного в одном из сопоставляемых языков оказываются другие части речи. Ср.: *легочный больной* — *petospný na plíce*, *слуховой прием* — *příjem sluchem*.

7. Особую группу составляют также те случаи, когда лексикализованному адъективному словосочетанию в одном языке соответствует самостоятельная лексема в другом. Ср.: *дойная корова* — *dojnice*, *зеленый горошек* — *hrášek*.

Неполная эквивалентность норм лексической сочетаемости русских и чешских прилагательных чаще всего бывает связана с несовпадением у них вторичных значений, что обусловлено специфическими особенностями семантического развития анализируемых слов в каждом языке.

Широта семантического объема рассматриваемых разрядов прилагательных находится в прямой зависимости от их категориальной семантики. Так, семантический объем относительных прилагательных, выражающих признак предмета опосредованно, через отношение к другому предмету или через свойство этого предмета, ограничивается рамками соотнесенности со значением мотивирующей основы. Ср.: *оконный* — 'относящийся к окну', *надувной* — 'такой, который надувается', *сестрины* — 'принадлежащие сестре'.

Качественные прилагательные, выражающие признак предмета непосредственно, без отнесенности к другому предмету или понятию, являются в семантическом отношении менее дифференцированными, чем прилагательные относительные.

Указанные прилагательные, большая часть которых с точки зрения современного языка считается производной, оказываются более емкими в семантическом отношении и, что особенно важно — в плане сочетаемости, они больше, чем относительные прилагательные, подвержены контекстуальной лексической модификации. Они обычно характеризуются широкой полисемией, их вторичные значения, как правило, являются контекстуально обусловленными.

Так, не зная определяемого слова, трудно сказать, какое именно значение, исключая первичное, таких прилагательных, как, например, *молодой, тяжелый, мелкий* и других будет реализовано в контексте.

Качественные прилагательные в большей степени, чем относительные, предрасположены к метафорическому развитию, процессу, который у идентичных прилагательных в русском и чешском языках может иметь неодинаковые результаты, что и приводит к семантической неоднородности, а тем самым и к сочетаемостной неэквивалентности этих имен в сопоставляемых языках.

Качественные прилагательные в русском и чешском языках, как показывает анализируемый материал, в подавляющем большинстве случаев характеризуются нетождественностью или неполной тождественностью своих семантических структур. Совпадая в своем основном значении, они лишь частично совпадают во вторичных значениях. Для иллюстрации ограничимся всего лишь несколькими произвольно выбранными примерами.

Чешское прилагательное *ostrý* имеет значения, содержащиеся в русских прилагательных: 1. *острый*: *ostrá špička tužky* — *острый конец карандаша*; 2. *жесткий*: *ostrá tkanina* — *жесткая ткань*; 3. *резкий*: *ostrý zvuk* — *резкий звук*; *ostrý vítr* — *резкий ветер*; 4. *быстрый*: *ostré tempo* — *быстрый темп*; 5. *строгий*: *ostrý soudce* — *строгий судья*; 6. *крепкий*: *ostrý alkohol* — *крепкий алкоголь*. Чешское прилагательное *ostrý*, таким образом, включает в себя зрительные, осязательные, слуховые и некоторые другие признаки, выражающиеся в русском языке дифференцированно.

Далее, например, можно указать, что чешскому прилагательному *řidký* в русском языке могут соответствовать прилагательные: 1. *редкий* в значении 'такой, в котором части предмета или однородные предметы находятся на расстоянии друг от друга, расположены с промежутками'. Ср.: *řidký les* — *редкий лес*, *řidká tkanina* — *редкая ткань*, *řidké zuby* — *редкие зубы*; 2. прилагательное *жидкий* в значении 'с большим количеством воды, водянистый, не крепкий'. Ср.: *řidká polévka* — *жидкий суп*, *řidké těsto* — *жидкое тесто*, *řidké bláto* — *жидкая грязь*. Очевидно, что в русском языке в отличие от чешского признак вязкости вещества (*жидкий суп, каша, сметана, грязь* и т. д.) и признак пространственной удаленности предметов или однородных частей предмета получают по отношению друг к другу дифференцированное выражение.

Наблюдается и обратное положение, когда дифференцированному выражению признака в чешском языке соответствует недифференцированное выражение того же признака в русском. Так, например, чешским прилагательным *daleký* и *dávný*, употребляющимся во временном значении 'отделенный большим промежутком времени' (SSČ), в русском языке соответствует прилагательное *далекий*. В русском языке указанное прилагательное выражает временную перспективу, относящуюся как к прошлому, так и

к будущему: *далекое прошлое, далекое будущее*. В чешском языке отнесенность к прошлому выражается прилагательным *dávňý* (*minulost*), а принадлежность к будущему — прилагательным *daleký* (*budoucnost*).

Русскому прилагательному *хороший* в значении 'положительный по своим качествам и свойствам, удачный, благоприятный' (СРЯ) в чешском языке соответствуют прилагательные *dobrý* и *řekňý*. Прилагательное *řekňý* в сравнении с прилагательным *dobrý* заключает в себе дополнительное значение 'производящий приятное внешнее впечатление'. Ср.: *хороший пример* — *dobrý příklad*, *хороший друг* — *dobrý přítel*, но *хороший голос* — *řekňý hlas*, *хорошая мебель* — *řekňý nábytek*. Таким образом, неадекватность семантических объемов прилагательных в чешском и русском языках, а следовательно, и неполная эквивалентность норм их лексической сочетаемости находят свое конечное выражение в неидентичной стилизации отображаемой действительности, в частности, как показывают наши примеры, в дифференцированном выражении признака в одном языке и недифференцированном — в другом.

Степень адекватности семантических объемов качественных прилагательных в русском и чешском языках в отдельных лексико-семантических группах различна. Дать точную классификацию, учитывающую все различия семантических структур прилагательных той или иной группы, представляется весьма затруднительным. Дело в том, что в каждом отдельном случае схематичность общих различий может нарушаться контекстуальным употреблением качественного прилагательного, а также узусом употребления. Тем не менее можно полагать, что адекватность семантических объемов прилагательных во многом зависит от степени релятивности выражаемого признака.

Если, к примеру, взять такие качественные прилагательные, как *большой* — *velký*, *низкий* — *nizký*, *маленький* — *malý*, то очевидно, что они характеризуют предмет прежде всего с субъективной точки зрения. Выражаемый этими прилагательными признак варьируется в зависимости от качественных данных определяемого предмета. Ср.: *глубокое море, река, пруд, лужа...* Релятивность самого понятия глубины позволяет употреблять указанный признак для характеристики неоднородных по своему значению предметов. Ср.: *глубокое озеро, яма, тыл, мысль, тарелка, знания, рассказ, благодарность, старость, осень...* Иными словами, субъективность и релятивность оценочного значения, выражаемого прилагательным, способствует широкому развитию вторичных значений. Поскольку, однако, ассоциативные связи, лежащие в основе языковой метафоры, у носителей различных языков могут основываться на неидентичных предметно-логических признаках, постольку метафорическое развитие слова в сопоставляемых языках может иметь различные результаты. Так, упомянутое выше прилагательное *глубокий* и чешское прилагательное *hluboký* совпадают в основном значении 'имеющий большую глубину': *глу-*

бокая река — *hluboká řeka*. Совпадают они также и в ряде вторичных значений, в таких, как 'находящийся в глубине' (*глубокий тыл* — *hluboký týl*); 'обладающий глубиной, содержательный' (*глубокая мысль* — *hluboká myšlenka*) и в некоторых др. Однако чешское прилагательное *hluboký* в отличие от русского в современном языке, как правило, не употребляется в значении 'достигший полноты своего проявления, высшего предела во временном развитии'. В этом значении синонимичность прилагательных *глубокий* и *hluboký* утрачивается. Ср. несколько примеров: *глубокая древность* — *dávná minulost*, *глубокая старость* — *vysoký věk* (СРЯ, VRCS, SSJC). Чешское прилагательное *hluboký*, таким образом, не сочетается с существительными, обозначающими понятия, характеризующиеся временной протяженностью, с такими, как *zima* — *зима*, *podzim* — *осень*, *staroba* — *старость* и др. Исключение составляет существительное *noc*: *hluboká noc* — *глубокая ночь*.

В семантическом отношении к прилагательным с релятивным значением, точнее, с релятивно-оценочным, относятся прилагательные, первичное значение которых выражает признак, обозначающий величину, протяженность, размер определяемого предмета: *большой* — *velký*, *маленький* — *malý*, *высокий* — *vysoký*, *низкий* — *nizký*, *короткий* — *krátký*, *длинный* — *dlouhý*; далее, прилагательные со значением веса; *тяжелый* — *těžký*, *легкий* — *lehký*; некоторые прилагательные, обозначающие температурные свойства предметов: *теплый* — *teplý*, *холодный* — *studený*, *горячий* — *horký* и некоторые др. Семантические объемы прилагательных, входящих в указанную группу, в русском и чешском языках обычно не совпадают. Таким образом прилагательные данной семантической группы являются лишь частичными синонимами по отношению друг к другу, то есть частичными сочетаемостными эквивалентами. Сравним несколько примеров.

Чешское прилагательное *velký* является частичным синонимом русских прилагательных *большой* и *великий*. Как и русское прилагательное *большой*, чешское *velký* обозначает конкретную величину определяемого предмета. Ср.: *большой дом* — *velký dům*, *большая река* — *velká řeka*. Оба прилагательных могут употребляться также в значении 'занимающий высокое положение': *большой человек* — *velký člověk*. Кроме того, они могут выражать возрастной признак. Ср.: *большая (взрослая) дочь* — *velká dcera*. Однако чешское прилагательное *velký* в отличие от русского *большой* имеет значение 'великий, непревзойденный по своему значению', являясь синонимом русского прилагательного *великий* и чешского — *veliký*. Ср.: *Великая Октябрьская социалистическая революция* — *Velká říjnová socialistická revoluce*; *Великая Отечественная война* — *Velká vlastenecká válka*; *мы живем в великую эпоху* — *žijeme ve velké době*; *великие стройки коммунизма* — *velké stavby komunismu* и т. п. Кроме отмеченного различия, чешское прилагательное *velký* в сочетании с некоторыми существительными имеет значения русских прилагательных 'благородный,

высокий'. Ср.: velké srdce — *благородное сердце*, velké poslání — *высокая миссия*.

Чешское прилагательное krátký в отличие от русского *короткий* не имеет переносного значения 'близкий, дружественный'. Ср.: *короткие отношения* — důvěrné vztahy, *короткое знакомство* — blízké styky, *короткие связи* — těsné styky.

Чешское прилагательное dlouhý является семантическим эквивалентом русских прилагательных *длинный* и *долгий*. Ср.: *длинные волосы* — dlouhé vlasy, *длинный коридор* — dlouhá chodba, но dlouhá léta — *долгие годы*, dlouhé rozhovory — *долгие беседы*, dlouhé odloučení — *долгая разлука*. Если чешское прилагательное dlouhý включает в себе как признак пространственной, так и временной протяженности, то в русском языке указанные признаки получают дифференцированное выражение. Следствием неадекватности семантических объемов чешского прилагательного dlouhý и русских прилагательных *долгий* и *длинный* является и неадекватность наборов сочетающихся с ними лексем.

Прилагательное těžký в отличие от русского прилагательного *тяжелый* не имеет значения 'лишенный тонкости, изящества' применительно к форме словесного выражения. Ср.: *тяжелый язык, слог, фраза, стиль...* — těžkopádný jazyk, styl, věta...

Прилагательные těžký и lehký в отличие от соответствующих русских прилагательных не употребляются в чешском языке для характеристики внутренних качеств человека, в частности, в значении 'уживчивый или неуживчивый в общении'. Ср.: *тяжелый человек, характер* — nepřijemný, nesnášenlivý člověk, povaha; *легкий человек, характер* — mírný, snášenlivý člověk, povaha.

Далее можно отметить, что, например, для прилагательных teplý и horký в современном чешском языке не характерно их употребление в переносном значении для выражения эмоциональных чувств. Ср.: *теплые пожелания* — srdečná přání, *теплая встреча* — upřímné setkání, *горячий прием* — vřelé přivítání, *горячий привет* — vřelý pozdrav.

У прилагательных, выражающих признак с меньшей степенью релятивности, то есть допускающих меньшую модификацию выражаемого признака, в сопоставляемых языках наблюдается большая семантическая адекватность. Имеются в виду прилагательные, своим первичным значением обозначающие, например, цвета, некоторые физические и психические свойства людей и животных, а также многие другие, выражающие вкусовые ощущения. Согласно данным словарей можно, в частности, констатировать адекватность семантических объемов таких слов, как *желтый* и žlutý, *горький* и hořký, *больной* и nemocný, *гордый* и hrdý, *веселый* и veselý, *сладкий* и sladký, *кислый* и kyselý и др. Так, прилагательные *веселый* и veselý в русском и чешском языках употребляются в трех идентичных значениях: 1. 'проникнутый весельем, полный веселья': *веселый человек* — veselý člověk, *веселый характер* — veselá povaha, *веселая компания* — veselá společnost; 2. 'вызывающий, доставляющий веселье': *веселая песня* — veselá písnička,

веселый спектакль — *veselé představení*; 3. 'приятный для взора, немрачный': *веселые краски* — *veselé barvy* (СРЯ, ССČ, ССЈС).

Аналогичным образом прилагательные *горький* и *hořký* употребляются в идентичных значениях — 'имеющий своеобразный едкий вкус' и 'горестный, тяжелый'. Ср.: *горькое лекарство* — *hořký lék*, *горькие слезы* — *hořké slzy*, *горькая правда* — *hořká pravda* (СРЯ, ССČ, ССЈС).

Прилагательные *желтый* и *žlutý* в сопоставляемых языках употребляются в прямом значении для обозначения цвета и в переносном — для выражения значения 'реформистский, соглашательский'. Ср.: *желтый песок* — *žlutý písek*, *желтый свет* — *žluté světlo*, *желтые профсоюзы* — *žluté odbory*, *желтая пресса* — *žlutý tisk*. При изучении норм лексической сочетаемости недостаточно, однако, ограничиться выявлением случаев адекватности / неадекватности семантических объемов сравниваемых прилагательных. Идентичность значений, выражаемых прилагательными в сопоставляемых языках, не всегда означает абсолютную идентичность набора сочетаемостных компонентов этих слов. В этой связи особое значение имеет анализ случаев возможного несовпадения норм лексической сочетаемости слов, синонимичных по своему значению.

Широко известны случаи, когда, например, существительные, относящиеся к одной лексико-семантической группе, не могут определяться одним и тем же прилагательным. Так, в русском языке существительные *картофель* и *капуста* входят в группу существительных, обозначающих овощи. Картофель нового урожая обозначается сочетанием существительного с прилагательным *молодой*: *молодой картофель*. Однако существительное *капуста*, употребляясь в том же значении, определяется не прилагательным *молодой*, а прилагательным *свежий*: *свежая капуста*. Подобные примеры можно привести и из чешского языка. Ср.: *nové brambory* — *молодой картофель*, но *mladá zelenina* — *свежие овощи*. Возможные случаи несовпадения сочетаемостных компонентов синонимичных или близких по значению слов, относящихся к одному лексико-семантическому разряду, в лингвистической литературе обычно объясняются как «дань языковой традиции». В основе таких сочетаемостных различий лежит субъективное восприятие денотата носителями того или иного языка, что оказывает существенное влияние на выбор средств номинации и затрудняет возможность «прогнозирования» норм лексической сочетаемости, лишая ее той строгой последовательности и закономерности, которая характеризует грамматическую сочетаемость.

Сопоставительное изучение лексической сочетаемости дает возможность выявить некоторые различия в способах выражения понятийного содержания в пределах синонимичных лексем, приводящие к нарушению эквивалентности норм сочетаемости.

Различия эти часто обуславливаются тем обстоятельством, что в одном языке объект внеязыковой действительности характеризуется на основе общего признака, а в другом — на основе част-

ного. Понятийная характеристика может основываться также и на однородных (но неидентичных) частных признаках определяемого предмета. Поясним указанное положение на конкретных примерах. Прилагательные *мертвый* и *mrtvý* в русском и чешском языках употребляются в двух идентичных значениях: 1. 'лишенный жизни', например, *мертвый человек, лошадь, рыба* — *mrtvý člověk, kůň, ryba*; 2. 'лишенный жизненности, оживления', например, *мертвый сезон* — *mrtvá sezóna*, *мертвый язык* — *mrtvý jazyk*, *мертвая точка* — *mrtvý bod*. Семантическая структура прилагательных *мертвый* и *mrtvý* во втором значении складывается из таких частных признаков, как «невыразительный», «застывший в развитии», «неподвижный», «нефункционирующий». В том случае, когда в русском и чешском языках актуализируется общий, нерасчлененный признак, наблюдается эквивалентность сочетаемости адъективных компонентов (ср. приведенные примеры). Если же в одном из сопоставляемых языков актуализируется общий признак, а в другом — частный, лексическая эквивалентность прилагательных в составе словосочетания нарушается. Ср.: *мертвое выражение лица* — *strnulý (nehybný) výraz tváře*, *мертвое пространство* — *hluchý prostor*, *мертвые краски* — *nevýrazné barvy*.

Различия в способах выражения понятийного содержания прослеживаются далее на примерах сочетаемости таких прилагательных, как *бедный* и *chudý*. Оба прилагательных в русском и чешском языках могут употребляться в значении 'имеющий недостаток в чем-либо, скудный'. Ср. несколько сочетаний: *бедная мысль* — *chudá myšlenka*, *бедный словарный запас* — *chudá slovní zásoba*, *бедная программа* — *chudý program*. Во всех приведенных примерах характеризуемый предмет определяется по общему свойству, а именно по отсутствию необходимого качества. Однако наблюдаются также случаи, когда в одном из сопоставляемых языков предмет определяется по общему, нерасчлененному признаку, а в другом — по одному из частных признаков. Например, чешскому словосочетанию *chudý projev* в русском языке соответствует словосочетание *слабый доклад*. Значение русского прилагательного *слабый* как 'плохой, несодержательный' является одним из компонентов значения более общего по содержанию прилагательного *бедный*. Признак «несодержательности», как показывают вышеприведенные примеры, характеризует и чешское прилагательное *chudý*. Тем не менее актуализация общего признака предмета в одном языке и частного — в другом приводит к нарушению сочетаемостной эквивалентности синонимичных прилагательных в составе рассмотренного словосочетания.

Характеристика объекта по смежным частным признакам в сопоставляемых языках оказывается возможной благодаря широко развитой синонимии значений, свойственной разряду качественных прилагательных в русском и чешском языках. Наиболее наглядно синонимические ряды прослеживаются у качественных прилагательных с отвлеченным значением. Для иллюстрации ограничимся несколькими примерами. Синонимами прилагатель-

ного *смелый* в значении 'не знающий страха, решительный' в русском языке являются прилагательные *храбрый, мужественный, отважный, дерзкий, безбоязненный, доблестный, героический, решительный (поступок)*. В качестве синонимов прилагательного *слабый* в значении 'отличающийся малой силой' могут употребляться прилагательные *слабосильный, малосильный, бессильный, немощный (человек)*.

Как указывалось выше, аналогичная картина богатой синонимии качественных прилагательных наблюдается и в чешском языке. Так, синонимами чешского прилагательного *smělý* в том же значении 'не знающий страха, решительный' являются прилагательные *odvážný, statečný, neobácný, neohrožený*. В качестве синонимов прилагательного *slabý* употребляются прилагательные *mdlý, chabý, zesláblý, bezmocný*.

Принцип избирательности способов и средств номинации, реализующийся в языке на основе синонимии, приводит к неустойчивости, лабильности сочетаемостных эквивалентов и к тому, что логически допустимые сочетания не закрепляются в языковой практике (ср.: **свежий картофель, *молодая капуста*).

Особо следует отметить тот факт, что выражение понятийного содержания в сопоставляемых языках может основываться на разных ономастических категориях. В частности, на категории признака — в одном языке и на категории процесса — в другом. Покажем это на примерах. Чешское прилагательное *bledý*, как и русское прилагательное *бледный*, употребляется в прямом значении 'слабо окрашенный': *bledá tvář — бледное лицо, bledé rty — бледные губы* и в переносном значении 'не производящий впечатления, невыразительный': *bledá slova — бледные слова*. Однако русскому прилагательному *бледный* в словосочетании *бледные воспоминания* в чешском языке соответствует прилагательное *vybledlý*, а не прилагательное *bledý*, как этого следовало бы ожидать. В чешском языке в данном случае совершенно очевидно стремление актуализировать признак завершенности качественного развития определяемого предмета, на что однозначно указывает отглагольная приставка *vy-* (*vyblednout*). У прилагательных *бледный* и *bledý* этот признак остается невыраженным.

По той же самой причине — актуализация качественного признака в русском языке и процессуального, в широком смысле слова, в чешском — нарушается сочетаемостная эквивалентность синонимичных прилагательных *сладкий* и *sladký*. Чешское прилагательное *sladký*, как и русское *сладкий*, употребляется в значении 'имеющий приятный вкус, свойственный сахару или меду' (СРЯ, SSC). Ср.: *сладкий сок — sladká šťáva, сладкие фрукты — sladké ovoce, сладкий вкус — sladká chuť*. В ряде случаев, однако, когда предмет наделяется признаком «сладости» как бы со стороны, когда указанный признак является результатом действия, в чешском языке наряду с прилагательным *sladký* употребляется отглагольное прилагательное *slazený (sladit)*, заключаю-

щее в себе признаки глагольной семантики. Ср.: *сладкое блюдо* — *sladké jídlo*, но *сладкий* (то есть *подслащенный*) *чай* — *slazený čaj*, *сладкий кофе* — *slazená káva*.

Таким образом, если неадекватность семантических объемов прилагательных в русском и чешском языках неизбежно предполагает неэквивалентность их норм лексической сочетаемости, то в случае идентичности значений, выражаемых синонимичными русскими и чешскими прилагательными, не исключаются отдельные лексические несовпадения сочетаемостных компонентов, что, в частности, объясняется особенностями восприятия денотата в каждом из рассматриваемых языков.

В дополнение к сказанному проанализируем более детально возможные случаи нарушения сочетаемостной эквивалентности синонимичных русских и чешских прилагательных *новый* и *nový*, *молодой* и *mladý*. Указанные прилагательные согласно данным словарей имеют адекватные семантические объемы. Русское прилагательное *новый* и чешское *nový* имеют следующие значения: 1. 'такой, который недавно появился, возник, который создан или сделан впервые', ср.: *новый дом* — *nový dům*, *новый друг* — *nový přítel*; *новая книга* — *nová kniha*; 2. 'такой, который появился на смену прежнему', ср.: *новое место работы* — *nové pracoviště*, *новый учитель* — *nový učitel*; 3. 'современный, прогрессивный', ср.: *новое время* — *nová doba*, *новый мир* — *nový svět*, *новая литература* — *nová literatura*; 4. 'малоизвестный, незнакомый', ср.: *новые места* — *nová místa*, *новые земли* — *nové kraje*.

Прилагательные *молодой* и *mladý* в русском и чешском языках употребляются в следующих идентичных значениях: 1. 'юный, не достигший зрелого возраста', ср.: *молодой человек* — *mladý člověk*; 2. 'свойственный, присущий молодости', ср.: *молодая кровь* — *mladá krev*; 3. 'недавно начавший расти, существовать', ср.: *молодое дерево* — *mladý strom*; 4. 'недавнего приготовления', ср.: *молодое вино* — *mladé víno*.

Близость некоторых значений прилагательных *новый* — *nový* и *молодой* — *mladý* (ср. соответственно 1. значение прилагательных *новый* — *nový* и 3. значение прилагательных *молодой* — *mladý*) в отдельных случаях создает предпосылки для частичной сочетаемостной эквивалентности прилагательных *молодой* и *nový*, нарушая тем самым устойчивость сочетаемостной эквивалентности прилагательных *молодой* и *mladý*, *новый* и *nový*. Ср.: *молодой картофель* — *nové brambory*, *молодой месяц* — *nový měsíc*.

Нарушение сочетаемостной эквивалентности со всей очевидностью далее прослеживается у таких синонимичных прилагательных, как *жесткий* — *tvrdý*, *дикий* — *divoký*. Ср. несколько примеров: *жесткий стул* — *tvrdá židle*, *жесткое мясо* — *tvrdé maso*, но *жесткая бумага* — *hrubý papír*; *жесткая игра* — *tvrdá hra*, но *жесткая борьба* — *krutý boj*; *дикий виноград* — *divoké víno*, но *дикая яблоня* — *planá jablň*.

Рассмотренные примеры дают основание полагать, что идентичность значений, выражаемых синонимичными прилагательными

ми в сопоставляемых языках, хотя и является первостепенной предпосылкой эквивалентности прилагательных в составе словосочетаний, но не ее абсолютным условием. Лексическая эквивалентность прилагательных в составе словосочетания зависит не только от потенциальной сочетаемостной способности прилагательного, но также и от характера «запрограммированности» существительного, а именно от того, какое из свойств определяемого предмета должно найти свое языковое выражение.

Проведенный анализ сочетаемостных свойств качественных прилагательных в сопоставляемых языках позволяет заключить, что для указанного разряда наиболее типичной является частичная эквивалентность норм их лексической сочетаемости. Она обуславливается прежде всего неадекватностью семантической структуры этих прилагательных, а также широко развитой синонимией, характеризующей разряд качественных прилагательных в русском и чешском языках.

Относительные прилагательные в силу особенности и специфичности выражаемых ими значений, как отмечалось выше, имеют большую вероятность совпадения их семантических объемов. Они характеризуются менее развитой синонимией, что является важной предпосылкой эквивалентности норм их лексической сочетаемости.

По характеру выражаемых значений относительные прилагательные можно условно разделить на две группы: 1. прилагательные, употребляющиеся, как правило, только в основном, первичном значении, и 2. прилагательные, употребляющиеся в русском и чешском языках как в первичном, так и во вторичном значениях.

В первую группу входят прилагательные, выражающие технические, экономические, политические и культурные понятия. Многие из них имеют терминологический характер. Это такие прилагательные, как *автоматический* — *automatický*, *сельскохозяйственный* — *zemědělský*, *социалистический* — *socialistický*, *философский* — *filozofický*, *партийный* — *stranický*, *профсоюзный* — *odbogový* и мн. др. Сюда же относится большая группа относительных прилагательных, выражающих различные пространственные и временные отношения, как, например: *городской* — *městský*, *здешний* — *zdejší*, *областной* — *krajský*, *деревенский* — *vesnický*, *вечерний* — *večerní*, *весенний* — *jarní*, *зимний* — *zimní*, *ноябрьский* — *listopadový*, *январский* — *lednový* и т. д.

Семантические объемы указанных и подобных им прилагательных в русском и чешском языках обычно совпадают. Лексико-семантическая замкнутость этих прилагательных обуславливает и лексическую тождественность наборов сочетаемостных компонентов в сопоставляемых языках.

Возможные случаи нарушения сочетаемостной эквивалентности относительных прилагательных в русском и чешском языках объясняются чаще всего функционированием неадекватных в структурном отношении конструкций. Так, например, в резуль-

тате неадекватного функционирования в русском и чешском языках согласованного и несогласованного определения русским адъективным словосочетаниям в чешском языке могут соответствовать субстантивные словосочетания, главное и зависимое слово в которых выражено именем существительным, и наоборот. Иными словами, особенности синтаксической сочетаемости отдельных разрядов слов в сопоставляемых языках могут приводить к нарушению эквивалентности норм лексической сочетаемости синонимичных слов. Укажем несколько словосочетаний, в которых, с одной стороны, прослеживается сочетаемостная эквивалентность относительных прилагательных в русском и чешском языках, а с другой — имеются случаи нарушения такой эквивалентности в силу указанной выше причины. Ср.: *телефонная будка* — telefonní budka, *телефонная трубка* — telefonní sluchátko, *телефонная связь* — telefonní spojení, но *телефонные звонки* — zvonění telefonu; *морское течение* — mořský proud, *морской курорт* — mořské lázeňské město, *морская болезнь* — mořská nemoc, но *морское путешествие* — cesta po moři, *морское купание* — koupaní v moři. Ср. также случаи нарушения сочетаемостной эквивалентности анализируемых прилагательных в чешско-русском плане: mořská hladina — *уровень моря*, sjezdový palác — *дворец съездов*, životní podmínky — *условия жизни*, životní cíl — *цель жизни*.

Ко второй группе относительных прилагательных относятся прилагательные, первичное значение которых — обозначение признака, указывающего на материал или вещество, из которого изготовлен или состоит определяемый предмет. Имеются в виду такие прилагательные, как *золотой* — zlatý, *железный* — železný, *серебряный* — stříbrný, *деревянный* — dřevěný и др. Существенным фактором в плане лексической сочетаемости рассматриваемых прилагательных оказывается то обстоятельство, что относительные прилагательные, употребляющиеся в переносных значениях, в русском и чешском языках характеризуются определенным семантическим параллелизмом. Переосмысление первичного признака, выражаемого относительным прилагательным, основывается на условной смежности первичного и вторичного признаков. Употребляясь в переносном значении, относительное прилагательное приобретает значение 'подобный тому, что выражает первичный признак'. Однонаправленность модификации первичного значения обуславливает лексическую эквивалентность относительных прилагательных в составе словосочетаний. Для иллюстрации ограничимся несколькими словосочетаниями, в которых относительные прилагательные выступают в качестве сочетаемостных лексических эквивалентов как в прямом, так и в переносном значениях: *стальной лист* — ocelový plech, *стальная проволока* — ocelový drát, *стальные нервы* — ocelové nervy, *стальные мускулы* — ocelové svaly; *серебряная ложка* — stříbrná lžice, *серебряная медаль* — stříbrná medaile, *серебряный смех* — stříbrný smích, *серебряный звон* — stříbrné zazvonění; *железный прут* —

železná tyč, *железный лом* — železný šrot, *железная воля* — železná vůle, *железная рука* — železná ruka, *железная дисциплина* — železná kázeň, *железный закон* — železný zákon.

Относительные прилагательные, употребляясь в переносном значении, как показывают примеры, в русском и чешском языках часто входят в устойчивые словосочетания, в которых прослеживается адекватная стилизация отображаемой действительности.

Необходимо заметить, однако, что возможная нетождественность ассоциативных представлений, лежащих в основе наименования в русском и в чешском языках, приводит к нарушению сочетаемостной эквивалентности и в разряде относительных прилагательных. Именно этим, на наш взгляд, объясняется лексическая, но не семантическая, неэквивалентность следующих словосочетаний: *молочный брат* ≠ soukojenec, *железное спокойствие* ≠ pezlomný klid. Если в русских словосочетаниях в основе ассоциативных представлений лежит качественный признак, то в чешских соответствиях прослеживается процессуальное значение, на что указывает глагольное образование соответствующих чешских эквивалентов.

Несмотря на имеющиеся случаи нарушения сочетаемостной эквивалентности относительных прилагательных в составе словосочетаний, в целом следует признать, что относительные прилагательные в сопоставляемых языках характеризуются более последовательной, чем качественные прилагательные, сочетаемостной эквивалентностью как в первичных, так и во вторичных значениях. Мотивация норм сочетаемости оказывается у них более прозрачной, чем у прилагательных с качественным значением.

Помимо рассмотренных выше факторов логико-семантического характера, на лексическую сочетаемость прилагательных оказывают также влияние словообразовательные и грамматические факторы. Остановимся коротко лишь на некоторых из них.

Влияние словообразования на эквивалентность норм лексической сочетаемости прилагательных связано, в частности, с дифференцированным выражением того или иного признака в одном языке и недифференцированным — в другом. В плане языкового выражения это часто проявляется в том, что определенное прилагательное в одном из сопоставляемых языков употребляется как синоним двух или более однородных прилагательных в другом языке. Так, русское прилагательное *земной* употребляется как семантический эквивалент прилагательных *zemský* и *pozemský*. Ср.: *земная ось* — *zemská osa*, *земная жизнь* — *pozemský život*. Прилагательное *школьный* является синонимом чешских прилагательных *školní* и *školský*. Ср.: *школьные программы* — *školní osnovy*, *школьные помещения* — *školní místnosti*, *школьная реформа* — *školská reforma*, *школьные годы* — *školská léta*.

В чешско-русском плане можно привести такие соответствия, как *zdravý*, с одной стороны, и *здоровый / здравый* — с другой. Ср.: *zdravý člověk* — *здоровый человек*, *zdravé srdce* — *здоровое*

сердце, zdravý rozum — здоровый ум, zdravý úsudek — здоровое суждение. Чешское прилагательное *malý* является синонимом русских прилагательных *маленький* в значении 'небольшой по размерам, по количеству': *malá zahrada — маленький сад, malý kolektiv — маленький коллектив* — и прилагательного *малый*. Последнее в современном русском языке часто употребляется в устойчивых словосочетаниях, включая географические и астрономические названия. Ср.: *Малая Азия — Malá Asie, Малый Пес — Malý pes, Малая Медведица — Malý vůz.*

В чешском языке словообразовательная дифференциация иногда бывает обусловлена переходом относительного прилагательного в разряд качественных. В русском языке это явление в словообразовательном плане не находит своего выражения. Прилагательное в подобных случаях оказывается синонимичным двум чешским лексемам. Понятие эквивалентности норм лексической сочетаемости при этом утрачивает свою строгую определенность. Ср.: *srdeční záchvat — сердечный приступ, но srdečný pozdrav — сердечный привет; sluneční soustava — солнечная система, но slunečný den — солнечный день; životní podmínky — жизненные условия, но životná postava — жизненный герой (романа).*

На координацию норм лексической сочетаемости в русском и чешском языках весьма существенное влияние оказывает словообразовательная категория деминутивов. Хотя в функционировании этой категории в русском и чешском языках наблюдаются некоторые различия (исследователи иногда приходят к диаметрально противоположным выводам)⁶, значение деминутивности как в русском, так и в чешском языках, несомненно, ограничивает семантику слова в определенном направлении, ибо не все значения исходного слова оказываются отраженными в производном⁷. Значение деминутивности конкретизирует семантический объем прилагательного, препятствуя развитию переносных значений. Тем самым создаются благоприятные предпосылки для семантической адекватности слов и эквивалентности норм их лексической сочетаемости.

Покажем это на конкретном примере. Чешское прилагательное *lehký*, совпадая в основном и в ряде переносных значений, как отмечалось выше (с. 240, 241), с русским прилагательным *легкий*, не имеет значения 'удобный в общении'. Это обстоятельство нарушает сочетаемостную эквивалентность указанных прилагательных. Соответствующие деминутивные прилагательные *легонький* и *lehoučký*, выступая в конкретном значении 'незначительный по весу, небольшой по силе', характеризуются более последовательной, чем исходные прилагательные, сочетаемостной эквивалентностью. Ср.: *легонькое платье — lehoučké šaty, легонькое пальто — lehoučký plášť, легонькие туфли — lehoučké boty, легонькое прикосновение — lehoučký dotyk, легонький ветерок — lehoučký víšek.*

Аналогичное ограничение семантических объемов прослеживается далее у прилагательных *красный / красненький — červen-*

pů / čerVENoučký; бледный / бледненький — bledý / bledoučký; близкий / близенький — blízky / blizoučký; короткий / коротенький — krátký / kratoučký и др.

Подобное семантическое «выравнивание» и как следствие этого установление сочетаемостной эквивалентности наблюдается также у прилагательных со значением усиленного или ослабленного качества. Это такие прилагательные, как, например, красный / красноватый — červený / načervenalý; желтый / желтоватый — žlutý / nažloutlý; зеленый / зеленоватый — zelený / nazelepalý; большой / большущий — velký / velikánský; длинный / длиннущий — dlouhý / dlouhatánský; толстый / толстенный — tlustý / tlustánský и т. д.

Влияние грамматического фактора на лексическую сочетаемость проявляется прежде всего в том, что тождественные в семантическом отношении конструкции в сопоставляемых языках иногда оказываются неэквивалентными в формально-структурном отношении⁸. Грамматическая, а точнее синтаксическая, неэквивалентность норм сочетаемости неизбежно влечет за собой и нарушение эквивалентности норм лексической сочетаемости, что отмечалось нами при анализе лексической сочетаемости относительных прилагательных.

На лексической сочетаемости прилагательных в русском и чешском языках не могут не сказаться различия в функционировании категории кратких прилагательных в сопоставляемых языках. В современном чешском языке краткие прилагательные, как известно, соотносительны лишь с немногими качественными прилагательными. В русском языке они имеют более широкое распространение. Ограниченное употребление кратких прилагательных в чешском языке приводит к тому, что чешское полное прилагательное оказывается синонимичным двум формам русского прилагательного — полной и краткой. Ср.: malý = *малый* и *мал*, zdvořilý = *вежливый* и *вежлив*, chytrý = *умный* и *умен*, mlčenlivý = *молчаливый* и *молчалив*. Очевидно, что в таких случаях нарушается строгость сочетаемостной эквивалентности.

Мы остановились лишь на некоторых аспектах лексической сочетаемости прилагательных. Она представляет собой сложное языковое явление, в котором взаимодействуют факторы как логико-семантические, так и словообразовательные и грамматические. Поскольку логико-семантические отношения в языке со строгой обязательностью находят свое грамматическое выражение, постольку и лексическая сочетаемость оказывается зависимой от грамматических факторов, и наоборот. «Изучение грамматического строя языка, — как справедливо отмечал В. В. Виноградов, — без учета взаимодействия лексических и грамматических значений невозможно»⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976, с. 174.
- ² См.: Зингер Р. Л. О лингвистической вероятности. — *Вопр. языкознания*, 1958, № 2, с. 123.
- ³ Языковая номинация. М., 1977, с. 135.
- ⁴ Глинская М. М. К вопросу о нормах сочетаемости в русском и английском языках. Тематический сб., вып. 3. Иностранные языки в высшей школе. М., 1964, с. 50.
- ⁵ Семантика прилагательных проверялась по следующим словарям: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973. Далее СРЯ; Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1937—1957. Velký rusko-český slovník. Praha, 1952—1964 (VRCS); Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1958—1964 (SSJC); Slovník spisovně češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 1978 (SSC); Česko-ruský slovník. Praha, 1973.
- ⁶ См.: Немищенко Г. П. Закономерности словообразования, семантики и употребления существительных с суффиксами субъективной оценки в современном чешском языке. — В кн.: Исследования по чешскому языку. М., 1963, с. 105—158. Brož L. Deminutivní a augmentativní přípony a jejich stylistické využití v Solochově Tichém Donu. — *Československá rusistika* 4, 1961; Straková V. Substantivní derivace (v ruštině a češtině). Studie CSAV. Praha, 1973, N 1, s. 99.
- ⁷ Немищенко Г. П. Указ. соч., с. 106.
- ⁸ Kubík M. K problematice syntaktické spojitelnosti sloves. — *Československá rusistika*, r. XXIII. č. 2, 1978, s. 66.
- ⁹ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове), изд. 2. М., 1972, с. 12.

*К ПРОБЛЕМАТИКЕ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ
ЛЕКСИКОЛОГИИ РОДСТВЕННЫХ
ЯЗЫКОВ (лексические
параллели в словацком,
русском и чешском языках)*

В данной работе мы попытаемся провести сопоставительный анализ некоторых лексических единиц в словацком и русском языках (с привлечением материала чешского языка), используя методику социолингвистического описания, как это было сделано в нескольких сопоставительных работах на материале словацкого и чешского языков¹.

1. Сравнивая единицы лексики и их структурные отношения в славянских языках, можно отметить общие закономерности развития и функционирования лексической системы: наличие аналогий, унаследованных от общей основы. Они развиваются параллельно — и тогда обеспечивают большую или меньшую степень взаимной понятности — или, что бывает чаще, развитие происходит дивергентно, то есть формируются лексические структуры, специфические для каждого языка. В результате появляются формально совпадающие лексемы, имеющие лишь некоторые фонетические отличия, но различающиеся (частично или полностью) с функционально-семантической точки зрения. Это развитие обусловлено, главным образом, подвижностью языковой системы, ее словообразовательными и семантическими законами, их отношением к изменяющимся потребностям коммуникации данного языкового сообщества.

Другим возможным направлением развития является конвергентное развитие путем выравнивания дифференцированных лексических структур при наличии прямых или косвенных языковых контактов, осуществляющихся либо между двумя родственными языками, либо путем контактирования с другими языками, которые могут привести к сопоставимым результатам, хотя сами условия контактов могут быть неодинаковыми в результате многосторонних контактов различных языковых сообществ в современную техническую эпоху² (ср. например, интернационализацию специальной терминологии, что не остается без последствий и для других пластов лексики).

В данной работе мы рассматриваем первый случай, а именно: родственные, по происхождению общеславянские языковые средства выражения. Хотя и здесь не исключены внешние контактные влияния, тем не менее подобный методический прием мы можем считать по сравнению с другими приемами наиболее надежным и в то же время наиболее сложным, так как именно слова, обра-

зованные от исконных основ, имеют самую богатую семантическую членимость и словообразовательный охват.

Итак, языковое родство на лексическом уровне проявляется в том, что существуют общие словарные основы — корневые морфемы, используемые прежде всего в повседневной речи, а также в специальной терминологии, образованной от собственно славянских основ. Однако длительное и относительно изолированное развитие языков приводит к образованию самостоятельных, типичных для данного языка сложных словообразовательных и семантических структур, благодаря которым возникают существенные отличия в словарном составе даже близкородственных языков; эти различия носят системный характер. Правда, если близкородственные языки развиваются в условиях культурных, а следовательно, и языковых контактов, развитие идет путем параллельного выравнивания этих структур. Указанный параллелизм создает условия для более высокой степени понятности и переходит в состояние, которое мы называем языковой близостью³.

Эти процессы происходят, правда, только в частных структурах — в семантических микроструктурах, если речь идет о сдвигах компонентов значения, или в макроструктурах, если изменения вызывают перестройку всего лексического поля. Поэтому невозможно говорить о так называемом сближении лексики в целом. Целостная структура лексической системы с трудом поддается описанию с помощью методов лингвистического исследования, применяемых в настоящее время. Поэтому мы ограничимся описанием частных структур, тем более что языковые контакты и сопровождающие их лексические сдвиги не распространяются на лексику в целом. Здесь мы имеем дело с ситуацией, отличающейся от ситуации на фонетическом и морфологическом уровнях, где языковые контакты хотя и оказываются менее опосредованными, но где изменение того или иного элемента может оказать влияние на всю систему. Лексические же структуры открыты. Они создают более сложные образования путем взаимного перекрещивания лексических полей, поэтому описание одной частной структуры не может быть исчерпывающим и законченным. Лексическая единица перекрывает свое структурное поле синонимическими, синтагматическими и парадигматическими отношениями и примыкает к структурным полям других единиц благодаря своей довольно широкой сфере употребления.

В межъязыковых отношениях представлены структуры, на которые распространяются контактные процессы, случайные с точки зрения строя языка, так как они подчиняются внеязыковой, общественной ситуации. В зависимости от того, в какой области осуществляются культурные связи, они затрагивают только определенные пласты лексики. Влияние может быть и чаще всего бывает асимметрично двусторонним, но довольно часто этот процесс односторонний: язык, находящийся в более сильной позиции (а это зависит от того, какое место он занимает в обществе в течение более или менее длительного периода) является посредни-

ком при передаче духовных ценностей другому языку и его носителям, которые их спонтанно принимают (насильственные процессы ассимиляции мы во внимание не принимаем). В данном случае речь идет не только о заимствовании новых наименований для обозначения новых явлений действительности, но и о новом, опосредованном языком взгляде на известные явления, которые благодаря языковым контактам попадают в новые взаимосвязи. Такое положение в настоящее время занимает русский язык в отношении к языкам стран социалистического содружества, а также в отношении к языкам других стран, которые находятся в тесном контакте с динамически развивающейся советской наукой, техникой и общественной практикой. Об этом, например, свидетельствуют советские русизмы во французском языке: *soviétique, sputnik, maison de la culture, vaisseau spatial cosmique, intelligensia, kolchoz*, а также *kazatchok* (танец «казачок»), *matrioschka* и др.⁴

2. Обязательным условием сопоставительного метода, применяемого при описании лексики, является системный подход к исследуемым явлениям. Имеет смысл сравнивать только целые, структурно организованные лексические комплексы — лексические поля. В отличие от прежнего понимания поля как ономаσιологического, понятийно организованного образования, мы понимаем поле более комплексно. Это понимание вытекает из признания системы формально родственных производных наименований одной и той же семантической области (лексического гнезда) в комбинации со словообразовательным и семантическим подходами. Понимаемое таким образом поле включает в себя отношения данных единиц на парадигматической и синтагматической оси. Сопоставительная лексикология занимается сравнением двух или более лексических структур. Следовательно, тот же самый метод выделения поля избирается и для других сравниваемых языков. Так, мы устанавливаем отношения параллелизма, симметрии и асимметрии сравниваемых структур при выражении одной и той же языковой данности (лексическое поле охватывает определенный круг явлений действительности). Комбинации отношений внутри поля в каждом языке и его отношение к внеязыковой действительности позволяют зафиксировать семантические сдвиги и различия, которые не могут быть выявлены при ином подходе. Эти семантические сдвиги делают невозможным механический перевод с одного языка на другой, даже на язык близкородственный и находящийся в тесном контакте, так как при этом могут возникнуть искажения. Механический перевод означал бы интерференцию языковых структур. С этим связана проблема перевода (даже для близкородственных языков) таких понятий, которые традиционно приписывались так называемому «духу языка».

Исследование асимметричного параллелизма до сих пор мы проводили на материале двух близкородственных языков — чешского и словацкого⁵.

Подтвердилось предположение, эмпирически установленное

в практике перевода, что даже языки с большим количеством общих, формально близких (параллельных) лексем не совпадают по своим лексическим структурам. Лексемы, совпадающие по форме и по структуре основных значений, обычно имеют различную дистрибуцию (возможности употребления в минимальных устойчивых контекстах): словацк. *dať sa do roboty, do práce*, чеш. *dát se do práce, do díla*, разг. экспр. *do rachtoty* — *начать работать*. С этой точки зрения нет принципиального различия между близкородственными и генетически неродственными языками; отличия проявляются лишь в мере и степени параллельности сочетаний. Когда такие параллельные несимметричные структуры оказываются в процессе языкового контакта, особенно непрямого контакта (например, при переводческой деятельности в самом широком смысле слова, что на практике означает сопоставление языковых систем), появляется стремление выравнять асимметрию и реализовать симметрический параллелизм. Это стремление является стихийным, неосознанным, действующим вопреки силе обязательных лексико-стилистических, а иногда и словообразовательных норм языка. Возникают явления интерференции и контаминации, те процессы, которые часто считают признаком сближения языков. В данном случае действует тенденция выравнивания структур, направленная на повышение степени взаимной понятности находящихся в контакте языков. Условием успешного завершения этих процессов (они бывают длительными, хотя часто протекают на глазах одного поколения), то есть обобщения семантического сдвига и его прочного закрепления в лексической структуре, является соблюдение законов, действующих в языке, что зависит не только от языковой культуры, но и от устойчивости и строгости лексических норм языка, участвующего в этом процессе. Границы лексических норм чешского и словацкого языков не являются достаточно четкими (самая большая трудность двуязычной лексикографии еще со времени первого кодификатора лексики А. Бернолака в конце XVIII века — проведение четких границ между чешской и словацкой лексикой). Указанное обстоятельство обусловлено также переходным характером западно-словацких и моравских говоров, которые играют определенную роль в формировании словацкого и чешского литературных языков особенно в области лексики. Языковое сознание носителей этих говоров на протяжении длительного времени было неустойчивым в условиях специфической языковой ситуации — в условиях двуязычия⁶.

Возникает вопрос, как указанные процессы обнаруживают себя при контактах с более отдаленным родственным языком (например, русским), который в настоящее время с точки зрения интенсивности языковых контактов (после чешского и словацкого языков) занимает второе место. Языковое осознание родства и различий здесь живое, степень понятности по сравнению с чешским или словацким языком более низкая, интенсивность языкового контакта изменчива. Однако этот контакт не является массовым

и постоянным (как в случае с чешским и словацким языками), несмотря на почти повсеместное знание русского языка в объеме программы девятилетней школы.

В настоящее время контакты усиливаются, отчетливо вырисовываются различия поколений. На язык художественной литературы до сих пор оказывают влияние литературные контакты более ранних периодов.

Сопоставительный метод, обогащенный учетом факторов социолингвистических, при описании близкородственных языков оправдал себя еще и потому, что он позволяет осознать на первый взгляд скрытые различия, зафиксировать лексические сдвиги, проявляющиеся на ранней фазе развития. Благодаря этому четче осознаются нормы родного языка. Широко распространена точка зрения, которую иногда пропагандируют, намеренно не замечая языковых различий в интересах желаемого сближения языков, согласно которой близкородственные языки различаются только своими фонетическими и морфологическими особенностями. Основанное на этом обучение в школе не достигает своей цели, так как не готовит учеников к полноценному восприятию содержания и смысловой насыщенности текста в условиях двуязычия. Поэтому даже в будущем нельзя рассчитывать на то, что исчезнет необходимость перевода не только художественных, но и важных политических текстов, обязательных для каждого члена данного общества (законы, объявления, сообщения, а также инструкции по эксплуатации приборов и применению изделий).

Например, слова *gráca* и *gráce* кажутся почти тождественными с регулярной фонетической корреспонденцией окончания существительных женского рода (имеется в виду историческая перегласовка *a* в *e*). Регулярно повторяющаяся фонетическая вариативность не является препятствием для их понимания. Точно так же можно рассматривать словацкое слово *robotá* и русское *работа* (различие в ударении и аканье не являются препятствием для понимания этих слов, если они употребляются изолированно; другое дело — в потоке речи, особенно в разговорном языке с неотчетливым произношением), слова *stól* — *stúl* — *стол* и т. д. Однако употребление этих слов в контексте показывает, что кажущаяся идентичность и параллелизм присущи только изолированным словам, то есть репертуару лексем, но не охватывает их употребления и контекстуально обусловленных значений, а также включения в более высокие семантико-синтаксические комплексы, то есть не учитывает их сочетаемостных свойств. В тексте дистрибуция параллельных лексем даже в близкородственных языках значительно отличается. Попытка применить метод, используемый при исследовании близкородственных языков, в отношении русского языка является экспериментом, хотя и не совсем новым. Для описания других, в том числе неродственных языков, используется вспомогательный контрастивный метод, с помощью которого удастся вскрыть общее действие лексических и семантических закономерностей языка, не принимая во внимание ни их

языковое родство, ни сходное функционирование языков в сходных социолингвистических условиях. Например, при анализе семантического поля, охватывающего слова со значением производственной деятельности, расположение и характер структуры единиц в двух неродственных и типологически различных языках оказывается приблизительно параллельным, что может быть результатом языковых контактов в рамках общеевропейского культурного контекста (франц. travail, oeuvre, ouvrage-faire travailler, ouvrir (manoeuvrer), fabriquer-travailleur, manoeuvre, ouvrier; венг. dolog, munka-dolgozni, csinálni-dolgozó, munkász и т. д.). Правда, при этом обнаруживаются также и важные типологические различия, касающиеся в основном роли морфологической и семантической деривации в образовании новых слов.

3. Сопоставительное изучение лексики русского, чешского и словацкого языков представляет интерес по многим причинам. При поверхностном сравнении можно прийти к неверному выводу, что языковая близость на уровне лексики проявляется как бы хаотически и неупорядоченно. Мы вправе ожидать, что аналогично фонетической и грамматической системе двух западнославянских языков (чешского и словацкого) будут общими и лексические сходства и различия при сравнении их с русским языком как языком восточнославянской ветви. Это предположение в действительности не подтверждается. Многие примеры из основного словарного фонда показывают, что в отличие от словацкого чешский язык совпадает с русским, например: žhnout — *жечь*, но слов. páliť, pražiť; чеш. dělat — рус. *делать* — в словацком параллель отсутствует; чеш. žížeň — рус. *жажда* — слов. smäd, но книжн. поэт. žiznivý, žizniť. Напротив, словацкий язык имеет общие с русским языком слова типа robota — *работа*, чеш. práce, dílo; želat — *желать*, чеш. přát и т. д. Тем не менее чаще представлены элементы, общие для чешского и словацкого языков (в отличие от русского), например, слов. čakať, чеш. čekat — *ждать*, слов. obeť, чеш. obět — *жертва*, в слов. устар. žertva); в чешском и словацком život в отличие от русского *жизнь*, životný — в чешском и словацком; oživotvoriť — в словацком, в отличие от чешского oživit; слов. citiť, чеш. cítit в отличие от русского *чувствовать*, но в слов. устар. čuť, čuv, čuvy.

4. Выше были приведены примеры неравномерной дистрибуции общих славянских основ в современных славянских языках. Однако ситуация осложняется наличием контактных явлений. В процессе развития исторически дифференцированные структуры снова могли взаимно переплестись и еще более усложнить пеструю картину взаимоотношений в области лексики (ср. слов. и чеш. vŕzpat в отличие от русского *значение*, но в слов. — чеш. наряду со znamenat/znamenat имеется также značit/značit).

Для сравнения словообразовательной и семантической структуры параллельных выражений в качестве еще одного примера

мы можем привести лексическое поле слова *желание*. Речь пойдет о другом случае словацко-русского лексического параллелизма, отличающегося от чешского языка. С точки зрения исторического развития лексики здесь можно указать на роль языковых контактов. Речь идет о старом лексическом русизме, который в отличие от слов *trud, trudný* уже не имеет никакого оттенка чужеродности, необычности или стилистической ограниченности. В то же время благодаря заимствованию довольно обширной словообразовательной структуры его лексическое поле стало отличаться от соответствующего лексического поля в чешском языке, где хотя и приводятся в толковых словарях слова *želať, želání, želací* (Травничек), однако отмечается ограниченность их употребления в произведениях авторов раннего периода, у которых их можно считать или непосредственно контактными русизмом, или уже словакизмом (Коллар, Галек, Гейдук, из более поздних — Шмилауэр). Ср.:

Словацкий язык	Чешский язык	Русский язык
želať, zaželať, želať si priat', žičiť	přát (si)-	желать, пожелать
želám, prajem vám (úspěch)	přeji vám (úspěch)	желаю вам (успеха)
želanie, pranie splniť želanie	přání splniť přání	желание, пожелание исполнить желание
vyssloviť želanie	vyssloviť přání	выразить желание
želanie šťastia, (úspechu)	přání štěstí, (úspechu)	пожелание счастья, успеха
želaný	očekávaný	желаемый
želaný výsledok	žádoucí výsledek	желаемый результат
želatelný, žiadúci	očekávaný, žadoucí	желательный
предикат je želatelné	je žadoucí	желательно
želací (veľa želacia) (лингв. термин)	přací (přací veľa)	желательное (предложение)

Кроме приведенных параллельных производных слов в словацком языке представлены также слова *blahoželaf, blahoželanie* и наряду со словами, имеющими параллели и в чешском: *blahopriať, blahoprianie*, которые с точки зрения фреквенции занимают в словацком языке второе место. Русскими эквивалентами являются слова *поздравить, поздравлять, поздравление, пожелание*: *blahoželaf k úspechu* — *поздравить с успехом*. Однако *поздравительная телеграмма* имеет параллель как в словацком, так и в чешском языках. Ср.: слов. *blahoprajný telegram*, чеш. *blahopřejný telegram*.

Как обычно бывает в сопоставительной лексикологии, корреспонденция не является обратимой. Не всем русским сочетаниям с указанной основой в словацком языке соответствуют параллельные выражения. Ср. например: *по желанию* — *na žiadosť* (чеш. *na žádost*); *при всем желании* — *pri najlepšej vôli* (чеш. *při nejlepší vůli*); *иметь желание к чему* — *mať chuť, mať vôľu na niečo* (чеш. *mít chuť na něco*); *желанный* — *tužobne očakávaný, drahý...* (как и в чешском); *он не желает* — *neželá si, nepraje si* (чеш. *perřeje si*); *желающий* — *záujemca* (чеш. *zájemce*).

3. Подробнее мы остановимся на лексическом поле понятия «трудовой деятельности» в трех рассматриваемых языках. Основные лексемы в довольно богатых синонимических рядах разделены таким образом, что каждая пара языков имеет параллельный и отличный синоним в следующем порядке: словацкому *robota, práca* (реже *dielo*, книжное и стилистически маркированное *trud* — контактный русизм) в чешском соответствует *práce, dílo* (историзм *robota* в значении 'барщина'), в русском — *работа, дело, труд*.

Необходимо различать центральные и периферийные элементы лексической структуры. Контактные варианты, неологизмы и синонимы часто представляют собой периферийные явления, стилистически маркированные, но в то же время употребительные при особых обстоятельствах (например, если возникает необходимость в новом, нестандартном выражении).

Таким образом, мы имеем дело не с какими-то неполноценными и избыточными элементами, осложняющими систему средств выражения и не соответствующими потребностям выражения, а наоборот, в богато дифференцированном языке со средствами выражения, находящимися как бы в резерве, который может быть использован в стилистических целях. Например, слово *dielo* в словацком языке семантически и функционально ограничено, так как употребляется в значении 'результат творческой и научной деятельности': *umelecké, literárne, vedecké, majstrovské dielo* — *художественное, литературное, научное, мастерское произведение*. Параллельное слово *dílo* в чешском языке употребляется значительно шире, что вытекает из возможности сочетания с основным глаголом действия *dělat*, не имеющего параллели в словацком языке. Чешские словосочетания *dát se do díla* — *начать работать*, *dílo pracovitých rukou* — *дело трудолюбивых рук* имеют в словацком языке эквиваленты *robota, práca*.

Сочетания *dať sa do diela, dielo sa darí* — *дело идет* в словацком языке считаются не вполне литературными, разговорными контактными неологизмами (журналистскими фразеологизмами). Это — проявление тенденции симметричного выравнивания параллельной асимметричной структуры. Сочетания *vodné dielo* — *гидростанция*, *banské dielo* носят терминологический, специальный характер; в профессиональном языке утвердилась тенденция создания параллельной и симметричной терминологии, если этому не препятствует различная основа терминологической единицы:

чеш. *silnice* — слов. *cesta*, но чеш. *dálnice* — слов. *autostráda*, более новое — *diaľnica*.

Более сложным является соотношение слов *robota* в словацком и *работа* в русском языках. В словацком языке слово *robota* является синонимом слова *gráca* (правда, неполным). В отличие от нейтрально интеллектуального, иногда даже книжного слова и термина *gráca* семантика слова *robota* в зависимости от контекста включает в себя более или менее отчетливый компонент «физическая, тяжелая, изнурительная работа или деятельность».

Слово *gráca*, наоборот, семантически нейтрально, его семантика не включает в себя никакого выразительного семантического признака, то есть оно беднее с точки зрения лексического содержания, но шире по объему своего значения. Почти во всех контекстах слово *robota* можно заменить словом *gráca*, но одновременно при этом стирается семантический признак, обогащающий сочетание со словом *robota*, то есть происходит семантическое и стилистическое обеднение сочетания из-за утраты им экспрессивности, зависящей от наличия определенного семантического компонента. Словосочетания *idem do roboty* — *я иду на работу*, особенно употребленные работником умственного труда, характеризуются стилистическим признаком разговорности и экспрессивности в отличие от стилистически нейтральной окраски с оттенком официальности, присущей слову *gráca*. В некоторых устойчивых, фразеологических оборотах слова *gráca* и *robota* не являются взаимозаменяемыми. Например: *Co je to za robotu?* — *Что это за работа?*; *To je mi pekňá robotu.* — *Хороша работа*, где слово *robotu* собственно уже означает не работу, а деятельность в широком смысле.

Русскому глаголу *работать*⁷ однокоренной словацкой глагол *robiť* соответствует лишь в ограниченном количестве сочетаний: *работать в поле, на заводе* — *robiť* (синоним — *pracovať*) *na poli, v továrni*; *работать на свою семью* — *robiť* (*pracovať*) *na rodinu*. В сочетаниях *машина, завод, сердце работает* — единственно возможны *stroj, závod, srdce pracuje* (синонимы — *je v chode, činnosti*). Сочетания *работать со словарем, над древними рукописями* имеют в словацком эквивалент *pracovať* (*robiť* здесь бы было разговорным, экспрессивным). *Robiť* в словацком языке не включает в себя семантический компонент интеллектуальной, умственной работы и, если употребляется в приведенном выше сочетании, то всегда имеет признак экспрессивности. Сочетанию *магазин не работает* в словацком языке соответствует сочетание *obchod je zatvorený*; глагол *robiť* в этом значении не может быть эквивалентом даже в переносном значении. Производные слова *работёнка, работка, работёшка* в словацком языке имеют эквиваленты *robotienka, robôtka, robotička*. Аналогично употребление существительного *работа* — *robotu*: *работа машины, сердца, единица работы* — эквивалент *gráca, činnosť*; (*физическая, общественная*)

работа — práca; *работа* (с детьми) — práca; *провести большую работу* — urobiť veľkú prácu; robotu; *задать работу* — objednať prácu; *вышли на работу* — išli do práce, разг. išli do roboty.

Подобная асимметричность характерна и для производных слов. Ср.: *работник: отличный работник* — dobrý pracovník; *он уже не работник* — už nevláďze robiť, pracovať; *научный работник, партийный работник* — vedecký, stranický pracovník; *работники искусства* — umelci (устаревшее, в сельском хозяйстве *хозяин и работник* — gazda a robotník, pahlolok).

Словацкому слову robotník в русском языке соответствуют слова *рабочий, трудящийся*; в словацком языке признак «физический труд» реализуется всегда, в русском языке семантика основы слова содержит оба признака (физический и умственный труд). У имен существительных оба признака различаются и формально — с помощью словообразовательного суффикса. Аналогичную картину мы наблюдаем и у имени прилагательного *рабочий*, которому в словацком языке соответствует прилагательное robotnícky: *рабочий класс* — robotnícka trieda; *рабочее движение* — robotnícke hnutie. В ином значении эквивалентами являются слово pracovný и словосочетание vykonávajúci prácu: *рабочее* (колесо) — vykonávajúce prácu, *рабочие части машины* — pracovné časti stroja, *рабочая лошадь* — ťažný kôň, *рабочий человек* — pracovujúci človek. В остальных значениях (по С. И. Ожегову) попеременно употребляются словацкие эквиваленты pracovný или robotný (последний с разговорным оттенком): *рабочее время* — pracovný čas, *рабочий день* — pracovný и (разг.) robotný deň, *рабочее место* — только pracovné miesto, *рабочий костюм* — pracovné šaty или šaty do roboty, *рабочий инструмент* — pracovný nástroj, *рабочая гипотеза* — pracovná hypotéza, *рабочие руки* — robotné, pracovité ruky, *рабочая сила* — pracovná sila, *рабочий поезд* — robotnícky vlak.

Слово *труд* в русском языке (как синоним слова *работа*) в словацком языке может иметь эквиваленты práca, robota, dielo или činnosť: *умственный труд* — duševná práca, *научный труд* — vedecká práca; фразеологический оборот *с трудом добиться* — pamáhavo, ťažko niečo dosiahnuť, *не дал себе труда* (подумать) — nedal si s tým prácu, robotu, námahu; *без труда не вынешь и рыбку из пруда* — bez práce nie sú koláče (можно употребить и со словом robota).

Производному прилагательному *трудоу* в словацком языке соответствует эквивалент pracovný: *трудоу книжка* — pracovná knížka.

Сравнение с чешским языком показывает, что приведенным выше выражениям чаще всего соответствует эквивалент práce, pracovní, pracovník; лишь в соответствии с robotník употребляется слово dělník.

Совершенно очевидно, что в словацком языке слово práca чаще всего совпадает с чешским словом práce в его нейтральном

литературном употреблении; синоним *robota* употребляется в более разговорной речи с оттенком значения 'сложная, тяжелая, изнурительная работа'. Однако глагол *robiť* этого ограничения не имеет и является параллельным чешским глаголам *dělat* и *pracovat*.

С корнем *rob-* в словацком и чешском языках представлены производные слова *výroba*, *výrobok*, *výrobif*, *výrabať*. В отличие от них в русском языке употребляются слова с другими корнями: *производство*, *изделие*, *произвести* / *выработать*, *производить* / *вырабатывать*.

Наряду с эквивалентами *robota*, *práca*, *dielo* словацкий язык располагает и параллельным, частично контактным эквивалентом *trud*. Как отмечено в словаре словацкого языка⁸, это слово является, без сомнения, контактным по происхождению и относится к наиболее ранним заимствованиям из русского языка, о которых уже говорилось выше. Это слово имеет следующие значения: 1. поэт. = *smútok* (*печаль*, *скорбь*), 2. книжн. *práca*, *dielo*, *činnosť námaha*, *lopotenie* (с оттенком тяжелой, изнурительной работы, связанным с первым значением, то есть с семантическим признаком «нерадостный»). Примеры взяты из старой литературы (Заборский, Влчек).

Слово *trud* в словацком языке имеет более прочную позицию также благодаря своей словообразовательной структуре. Оно является основой производных слов, параллельных с русским языком (вероятно, контактно реализуется вся структура, а не только изолированный лексический элемент) *trudiť sa*: 1. *trápiť sa*, *zarmisovať sa*; 2. (устар.) *namáhať sa*, *ťažko pracovať*, *hrdlačiť* (Я. Краль — штуровский период); прилагательное *trudný*: 1. *smutný*: *trudné myšlienky...*; 2. (книжн.) *ťažký*, *namáhavý*: *trudné detstvo* (Фигули, Ласкомерский — современные прозаики); существительное *trudovisko* — *starosť*, *namaha* находим у Шолтесовой (писательница старшего периода развития словацкой литературы).

Чешские словари (Травничек) тоже приводят слово *trud* как устаревшее и книжное в двух значениях, однако по сравнению со словацким языком оно характеризуется более ограниченным употреблением.

В обиходной речи в устойчивых сочетаниях выявляется следующее соотношение вышеуказанных слов. Ср.:

Словацкий язык	Чешский язык	Русский язык
<i>robota</i>	<i>práce, dílo</i>	работа, дело
<i>chodit' do roboty</i>	<i>(chodit) do práce</i>	(ходить) на работу
<i>dat' sa do roboty</i>	<i>dát se do práce, do díla</i>	приняться за работу
<i>mám veľa roboty</i>	<i>mám mnoho práce</i>	у меня много дел
<i>mám v meste robotu</i>	<i>mám ve městě práci</i>	у меня в городе дела

Словацкий язык	Чешский язык	Русский язык
nemá roboty	nemá co na práci (разг. экспресс. nemá do čeho pichnout)	ему нечего делать
mat' s niekým do roboty	mít s někým co dělat, činit	иметь дело (с кем.-л., с чем.-л.)
to je jeho robota	práce	это дело его рук
(истор.) robota (na rapskom)	robota	барщина
robotník	dělník	рабочий
robotníčka	dělnice	работница
robotnica (včela)	dělnice	рабочая пчела
robotnica (о старательной женщине)	pilná pracovnice	работящая женщина
robiť	dělat, pracovat	делать, работать
robiť dlžoby	dělat dluhy	делать долги
robiť (celý deň)	dělat, pracovat (celý den)	работать (весь день)
robiť na niekoho	pracovat, dělat na někoho	работать на кого-нибудь
nedá sa nič robiť	nedá se nic dělat	ничего не поделаешь
robiť hlúposti	dělat hlouposti	делать глупости, дурить
robiť krik	dělat hluk, křičet	поднимать крик
robiť prach	prášit	поднимать пыль
robiť žarty	dělat legraci	шутить
robiť zo seba blázna	dělat ze sebe blázna, hlupáka	строить из себя дурака

В словацком и чешском языках приведенные выше слова образуются от основы *gov-*; в них актуализируется семантический компонент 'тяжелая, подневольная работа'. В русском языке этот компонент в семантической структуре лексемы *работа* не получает выражение.

Глагол *činit* (синоним к приведенным выше выражениям) в словацком и чешском языке в значительной степени книжный (ср. библейское выражение *nevie, čo činí, čiň čertu dobre...*). Он употребляется в качестве дублета глагола *robiť*, и поэтому в этой упрощенной схеме мы его не приводим, однако для комплексного воссоздания лексического поля оно необходимо, хотя включается в него лишь иногда и периферийно (со стилистическим ограничением). К этой области относится также старый контактный русизм *čipovník*, являющийся в настоящее время уже забытым архаизмом.

В отличие от русского языка в словацком невозможно употребить слово *robota* для обозначения умственного труда в нейтральном или социальном контексте. Например, о деятеле науки можно сказать: *Ide do roboty.* — *Он идет на работу.* *Ma vela roboty.* — *У него много работы;* *Od roboty sa mu kečka parí.* — *От работы он весь взмок;* *Nevie, kde mu od roboty hlava stojí.* — *От работы у него голова идет кругом.*

Вышеприведенные предложения являются стилистически маркированными разговорными выражениями с большей степенью экспрессивности. Русские выражения *научные труды, избранные труды* в словацком языке всегда имеют эквиваленты *práce* или *diela: vedecké práce, zobraňé diela*. Указанное разложение семантических признаков проявляется при образовании производных слов. От слова *robota* образовано слово *robotník* — ‘человек, занимающийся физическим трудом’, а от слова *práca* — *pracovník* — ‘работник’ (с широким значением трудовой деятельности), может означать и рабочего, например: *V závode je veľký počet vyznamenaných pracovníkov.* — *На заводе много награжденных рабочих.* Аналогично в сочетании *Rad práce* — *Орден труда* (награда за отличную работу) не допускается замена слова *práca* словом *robota*.

Только у авторов русофильского мартинского периода развития словацкого языка мы находим следующее употребление: *Trudy ich (literátov) ostávali v písacích stolíkoch* (И. Влчек. Словарь словацкого языка, т. 4). — *Их работы оставались в письменных столах.* Контактный синоним *труд* в этом значении является архаичным и неживым. Наоборот, в значении ‘тяжелый, изнурительный труд’ ССЯ дает пример из периода более позднего. Находим его как книжный поэтизм; например, у Гвездослава в стихотворении *To je práca hodna znoja / To robota hodna trudu*⁹, где оно является синонимом слова *robota*, но с оттенком необычности, приподнятости. С этим же значением связаны и другие устаревшие производные слова, такие как *trudovinu* со значением исследования, работы, встречающиеся у Ваянского, Влчка и Гурбана, и *trudovník* (книжн. устар.) *трудолюбивый человек* (Кукучин, Ваянский). Среди новых русизмов подобного типа ССЯ приводит слово *trudodeň*, употребленное Есенской в контексте, связанном с русскими реалиями. ССЯ отмечает также значение *trudnatý*, которое скорее соотносится с первым значением слова *trud* (с пометкой *поэт.*), то есть со словами *smutok, zármutok* (*печаль, скорбь*). С этим же значением соотносится прилагательное *trudný* в обычном книжном сочетании *trudné myšlienky* и сложное слово *trudnomyseľný*. Правда, здесь вызывает сомнение русское происхождение этого слова. Скорее всего это параллельное слово, образованное от старого корня, в котором реализовались потенциальные семантические оттенки «трудный, нерадостный».

4. Словацко-русские культурные и языковые контакты установились давно. Период проникновения лексических и словообразовательных русизмов в устанавливающуюся лексическую норму

словацкого языка - начинается в 40-х годах XIX века, то есть со времени штуровской кодификации современного словацкого литературного языка, и достигает наибольшей интенсивности в так называемый «матичный период» (конец прошлого и начало XX века).

В обзоре развития литературного языка¹⁰ приводятся известные русские заимствования, такие, как *činovník*, *prestol*, *strepenie*, *zapímať sa niečím*, *zavojevanie* и т. д., а также примеры словообразовательных аффиксов русского происхождения: *-stvo*, *-stvenný*, *-stvovať'*, *-imý* (*závisimý*). Большинство этих заимствований закрепилось в словацком языке, например: *dejstvo* (в слов. и чеш., однако *dejstvovať* — устаревшее), *družba*, *chrabrosť*, *revnivost'*, *želať*, *dumať*, *oživotvoríť*, *tovariš* (устаревшее в значении 'собеседник, друг'). Некоторые ранние заимствования из русского языка остались стилистически маркированными. Они использовались главным образом в классической словацкой литературе как поэтизмы, например: *celovať*, *čudesný* (*prečudesný* — П. Гвездослав. Вступление к поэме «*Hájnikova žena*»), а также упоминавшиеся выше слова *trud*, *prestol*, *žertva(-ovať)* и т. д. Представителями русофильских тенденций были передовые деятели словацкой национальной и культурной жизни того времени, такие как поэт и главный редактор журнала «Словацкое обозрение» («*Slovenské pohľady*») С. Г. Ваянский; языковед и ответственный редактор «Словацкой национальной газеты» («*Slovenské národné poviny*») Йозеф Шкультеты и целая плеяда литераторов и работников культуры. Этот факт показывает, какую роль в развитии языка могут сыграть выдающиеся деятели, объединенные общей идеей. Вероятно, тогдашняя культурная общественность подготовила благоприятную почву для общеславянских устремлений словацких и чешских патриотов (не случайно центральное правительство преследовало их за панславизм).

На примерах контактных русизмов, а также богемизмов можно проиллюстрировать процесс интеграции заимствованных элементов в литературном языке. Слова, взятые из родственных языков, в отличие от заимствований из других языков имеют больше шансов слиться с исконным словарным фондом этого языка. Процесс освоения заимствованной лексики зависит от степени фонетических, морфологических и словообразовательных различий и семантической близости этих заимствований (например, легче усваиваются слова, образованные от корня, который может опосредовать семантику производного слова, см., например, *trudný* — *trud*). Такие слова, как *vozduch* (совр. слов. и чеш. *vzduch*), *vesmír* (и раннее поэт. *všehomír*), *želať*, *dejstvo* легко приспособились, а затем и интегрировались в словацком языке настолько, что их инославянское происхождение в настоящее время не ощущается. И наоборот, слова, содержащие периферийные звуки или необычные группы и комбинации согласных, как, например, *-g*, *-lj*, *-oj*, *-ij*, а также суффиксы *-uška*, *-ňa*, *-čik*, *-ik*, *-anka*, по-прежнему

ощущаются как заимствованные, даже если они употребляются в цитатах или для обозначения реалий, характеризующих русскую действительность или литературных героев.

В качестве примеров можно привести такие ранние русизмы, как *genij*, *geroj*, *molodec*, *báfuška*, *bářišňa*, *chorovod*, а также заимствования более позднего периода типа *gorodky*, *zemljanka* / *zemiľanka*, *ušanka* / *ušiľanka*, *guľometčik*, *subotnik*, *pirohy* (нов. *pirožky*, *pirôžky*) и т. д. Сложные слова типа *kolchoz*, *chozrasčot*, *fyzkul'túra*, несмотря на их довольно частое употребление, воспринимаются как не полностью освоенные словацким языком.

Кратко охарактеризованная выше языковая ситуация раннего периода, когда в словацкой литературе довольно интенсивно развивались выразительные средства русского языка, оставила глубокий след в современном словацком литературном языке.

В Словаре словацкого языка отмечается значительное число русизмов с соответствующими пометами об их происхождении (а также без помет, если слово полностью освоено). Это обусловлено еще и тем, что этот толковый словарь включает словарный состав современного словацкого языка с определенной исторической перспективой, и поэтому в нем можно найти слова из авторского языка классической литературы конца XIX — начала XX века, когда еще были живы традиции предшествующего периода. Но даже с этой точки зрения словарь в настоящее время уже устарел, так как со времени его издания язык интенсивно развивался, переоценивалась и перестраивалась структура его словарного состава, особенно его литературной формы. Это касается не только русизмов, но и старых богемизмов, так называемых библизмов. Некоторые богемизмы, напротив, перестали ощущаться как заимствованные, стали составной частью словацкой лексики. Указанный процесс продолжается и в условиях интенсивного языкового контакта. В меньшей мере это относится к словам, заимствованным из русского языка, о которых речь была выше. Мы находим их и в словарях с более строгим отбором слов, изданных позже, ограничивающихся нехудожественными функциональными стилями, например, в Словацко-чешском словаре¹¹, что в общем-то удивительно, так как авторы этого словаря при отборе слов ориентировались на ССЯ. В последнем нашем Чешско-словацком словаре¹² русизмов меньше, так как исходным языком был чешский язык, менее восприимчивый к заимствованиям из русского языка, чем словацкий. Причиной меньшей восприимчивости чешского языка было, во-первых, то, что в то время чешский язык с точки зрения словарного состава был более сложившимся, а во-вторых, то, что под влиянием практики языковых пуристов («брусичей») он обогащался путем производства слов от собственных основ или путем калькирования, строго ограничивая проникновение слов иностранного происхождения, особенно германизмов, а также слов из других европейских языков. Языковая ситуация в Словакии была иной. Хотя так же, как и в чешском языке, из словацкого языка устранились герма-

низмы (они становились достоянием более низкого разговорного стиля, где функционируют и по сей день, например, в терминологии ремесленников или же как экспрессивные слова и выражения), в словацкой языковой теории того времени и особенно в литературной практике господствовало мнение, что для развития языка лучше всего и удобнее всего заимствовать готовые слова и выражения из других языков (первое место в этом отношении занимали русский и чешский языки)¹³. С. Г. Ваянский прямо высказывался против «насильственной выковки слов», реагируя таким образом на слишком интенсивное, часто неограниченное лексическое новаторство или насильственное калькирование, имевшее место в ранний период.

В отношении к русизмам проявляется жизненность идей славянской взаимности и языкового единства, развивавшихся Я. Колларом, П. Шафариком и Л. Штуром.

Эти языковые контакты были односторонними, что характерно для контактов подобного рода, осуществляющихся посредством литературы и ограниченных узким кругом образованных людей. С общенсторической и политической точки зрения это и понятно. В то время в царской России мало знали о западных славянах¹⁴. Только Л. Н. Толстой под влиянием чешских и словацких литературоведов и друзей, особенно под влиянием своего личного врача, словака по национальности, Д. Маковицкого, а также издателя и переводчика его произведений на словацкий язык и на наиболее распространенные языки мира А. Шкарвана, начинает интересоваться судьбами славян, проживающих в Австро-Венгрии. Благодаря деятельности словацких «толстовцев» словацко-русские культурные и языковые контакты оживились. В литературных произведениях этой группы (к ней принадлежали и И. Г. Тайовский, Й. Шкультеты и особенно С. Г. Ваянский — почитатель литературного творчества Толстого, однако критически относившийся к его философским идеям), в основном мемуарного и биографического характера¹⁵, мы находим большое количество русизмов в цитатах, приближающих русскую действительность, обозначающих реалии, для которых в словацком языке отсутствовали адекватные наименования.

В телеграммах по случаю 80-летия Толстого, присланных словаками из Словакии и Америки, мы также находим русизмы, которые иллюстрируют отношение к русской культуре того времени образованных словаков, а также простых людей (анонимных), например, *zdravstvuj* (приветствие, не употребляемое в словацком языке, в чеш. *bud' zdrav*, слов. народн. *v zdraví ostávajúte* — употребляется при прощании), *molodec*, *duchovní*, *genij* и т. д. Однако само употребление некоторых русизмов предполагает хотя бы частичное знание читателем реалий, так как значение русских слов не объясняется. Они выступают как интегрированная составная часть авторского текста, хотя и встречаются чаще в речи героев, чем в авторском языке. Довольно сильная насыщенность текста русизмами является несколько неожиданной,

хотя следует сказать, что это характерно для менее художественных текстов (например, биографической литературы). У С. Г. Ваянского скопление русизмов в поэтическом и прозаическом тексте встречается не часто; они используются функционально, целенаправленно выполняя в контексте функции поэтизмов, книжных и возвышенных слов, усиливающих в соответствии с литературной модой того времени художественное воздействие текста. Приведем несколько примеров из текстов прозаиков, цитированных выше: *versta* (отмечено и в ССЯ как русизм), *sprievodčí chlapec, báryšňa, stinný, vyšiel k upravľajúšemu, mužik* (отмечено и в ССЯ и в ЧСС), *vozduch, stolová* (от рус. *столовая* = слов. *jedáleň*), *tramvaj: zišiel z tramvaja* (слов. *električka*, чеш. *tramvaj* — ж. р.), *bystro: stalo sa to bystro* (в значении 'гýchlo'), *guský zemný poklon, junosť* (в значении 'mladosť').

В довольно большой по объему статье «Русские элементы в словацком литературном языке», написанной в 1887 году, Само Цамбель¹⁶ приводит обширный список слов с фонетическими, орфографическими, синтаксическими и, главным образом, словообразовательными русизмами, которые представляют собой эксерпции из работ современных ему авторов. В рецензии на эту работу Й. Шкультеты из приведенного материала признает в качестве русизмов лишь несколько, широко распространенных слов, которые он считает не только вполне понятными для словаков, но и необходимыми. К ним относятся: *beseda, celovanie, chrabrý, kperkú* и т. д.¹⁷. С точки зрения ограниченности и понятности средств литературного языка Цамбель отрицательно относится к русизмам.

Слова *celovať, poscelovať* содержатся в ССЯ (примеры из произведений С. Г. Ваянского и Я. Краля) с пометой *поэт.* Сейчас эти русизмы даже в поэтическом тексте были бы маркированными. Слова же *žertva, žertvovať, samožertva* являются нормальными словацкими словами высокого стиля, синонимичными словам *obeť, obetovať, sebaobetovanie*. В чешских словарях эти слова отмечаются как русизмы (Травничек дает помету — рус. книжн.¹⁸). С этой точки зрения необходимо подробнее изучить и другие группы однокоренных слов, как, например: *dumať, дума, dumka, zadumaŋý* — которые могут быть как параллельными, так и приспособившимися к ним контактными новообразованиями.

Особую группу составляют названия русских реалий, которые с формальной стороны приспособились как к словацкому, так и к чешскому языкам и в обоих языках занимают прочное место. Это такие слова, как *samovar, pirohy, pirožky, mužik, samoderžavie, kvas* (название русского напитка, встречающееся у Тайовского; словацкое слово *kvas* имеет другое значение, оно связано с брожением, квашением и обозначает 'грязь, беспорядок, навоз'). Слово *kupres* в значении 'купец, торговец' ССЯ отмечает как устаревшее, но его можно часто встретить в переводах или при адап-

тации русских народных сказок. Аналогично и слова *ság, ságovná, bárin, kozák* и мн. др.

В текстах книжного характера с несколько преувеличенной стилизацией до сих пор употребляются такие слова, как *oživot-voríť, vek* в значении 'столетие'; *dejaťeľ, činovník* и др.

Третья группа параллельных выражений контактного происхождения — более новые русизмы в современном словацком и чешском литературных языках. Они требуют особого анализа. Приведем лишь некоторые примеры, свидетельствующие о живых контактах двух наших языков (особенно в период совместной борьбы против фашизма, во время партизанского движения и после освобождения нашей родины Советской Армией). Здесь речь идет, главным образом, о результатах прямых языковых контактов, поэтому соответствующие слова укоренились в обиходно-разговорной речи. В настоящее время они бытуют в художественной и мемуарной литературе. Эти русские слова в значительной степени приспособились к системе наших языков, они параллельно встречаются как в словацком, так и в чешском языках (с отличиями в правописании). Например: *partizán, zemlianka, ušianka, guľometčik, kaľuša, častuška, komisár, bezprizorný, obriad*.

В производственном процессе получили распространение слова *brigáda, brigádnik, brigádničieľ* (употреблялись только в военной области), *stachanovec*; находим даже слово *subotnik*. Слова *chuligán* и *chuligánstvo* стали употребляться как юридические термины. Встречаются и выражения-цитаты, например, *davaj, idi suda, bystro*.

Посредством чешского языка была заимствована и реалья *kefir*.

Так же как и во многих языках мира, в словацком языке употребляется слово *vodka*. Несколькими путями было заимствовано слово *kozák*. В словацком языке уменьшительное слово *kozáčik* означает русский танец, слово *kazak* употреблялось в значении 'рубашка, перевязанная в талии на русский манер'. Слово *kozačky* в чешском языке означает *дамские сапожки*¹⁹.

* * *

На основании приведенных примеров, число которых можно увеличить, мы пришли к выводу, что между словацким и русским языками, так же как и между словацким и чешским, чешским и русским языками, в условиях языковых контактов происходят процессы, характерные для изменения лексики. Языковое родство способствует не только реализации тенденций к формальному приспособлению слов, обозначающих реалии, которые нельзя выразить другими словами, но происходят также процессы выравнивания параллельных, но асимметричных структур родственных слов, образованных от общеславянских основ. Этот процесс был особенно интенсивным в период роман-

тизма, а также в период становления реализма в словацкой художественной литературе. Он оказал влияние на формирующийся словацкий литературный язык и язык художественной литературы. Правда, этот процесс был ограничен главным образом литературными текстами и языковым узусом образованной части населения, которая тогда в различном объеме вводила в свои произведения заимствованные из русского языка слова. Поэтому большинство русизмов этого периода сохранились в современном словацком языке в функции книжных архаизмов или поэтизмов и представляют собой примеры заимствований одной эпохи в истории развития литературного языка. Язык таким образом консервирует и сохраняет свидетельства культурных связей наиболее сознательной части словацкого общества, которое в условиях усиливающегося национального гнета ставило перед собой цель национального возрождения, обращая свои взоры к великому русскому народу и его культуре. Некоторые лексические элементы прочно укоренились в общенародном литературном и разговорном узусе словацкого языка, где они стали характерными для словацкого языка наряду с синонимами, общими для близкородственных языков, особенно с чешским (ср.: *želať* — *prívať*). Но и другие более или менее устаревшие элементы не являются в языке мертвыми. Они могут обрести новую жизнь, актуализироваться для придания тексту стилистической окрашенности, так как содержат семантические оттенки, способные обогащать содержание текста. Эти элементы обладают способностью вызывать более богатые семантические ассоциации, чем выражения обиходного языка. В качестве примера можно привести строки из П. Гвездаслава: *...práca hodna trudu* — *работа достойная труда* или сочетание *mnohé léta* — *многие лета* (в значении 'годы') у поэта Я. Костры. Многие из ранних русизмов обрели новую жизнь в послевоенной литературе в связи с тематикой Словацкого национального восстания и антифашистского сопротивления, а также в качестве поэтизмов в современной политической поэзии. Эта проблематика заслуживает особого исследования с точки зрения сопоставительной стилистики художественного текста.

Мы попытались описать несколько литературных параллелей, используя некоторые примеры соотношений лексических структур в родственных языках, уделяя внимание также социолингвистическим моментам, которые играли и продолжают играть значительную роль в словацко-русских и словацко-чешских связях. Эти межъязыковые соответствия, с одной стороны, являются результатом исторических связей наших культур и языков, а с другой (особенно в настоящее время) — признаком сближения культур и языков славянских народов в период их подъема и взаимного сотрудничества.

ПРИМЕЧАНИЯ,

- ¹ Budovičová V. Charakter jazykovej situácie v Československej socialistickej republike. — Slavica Pragensia XIII. Acta Universitatis Carolinae. Praha, 1975, s. 185—198.
- ² Норецкий J. Postoj k cudzím slovám v slovenčine a češtine. Slavica Pragensia, ibid., s. 207—211; Budovičová V. Spisovné jazyky v kontakte. Sociolingvistický pohľad na dnešný stav v slovenčine a češtine. — Slovo a Slovesnosť, 1974, č. 3, s. 173—184; Peciar Š. O jazykových kontaktoch. — Slovo a Slovesnosť, 1974, č. 3, s. 169—172; Никольский Л. В. Синхронная социолингвистика. М., 1976, с. 79 и сл.
- ³ Jedlička A. Vztah současné spisovné češtiny a slovenštiny k aktuálním problémům teorie a praxe. — Slavica Pragensia, ibid., s. 163—174; Budovičová V. Lexikálny pohyb v tzv. blízko príbuzných jazykoch. — In: Československé prednášky pre VII medzinárodný zjazd slavistov vo Varšave. Praha, 1973, s. 271—282; Budovičová V. K problematike pomeru slovenčiny a češtiny ako východiska konfrontačného štúdia. Slavica Pragensia VII, 1965, s. 29n.
- ⁴ Budovičová V. Zaradenie nového pomenovania do slovnej zásoby. — Slovenská reč, 1961, s. 230n. Ср. другие примеры, которые можно привести в связи с этим: от старого *le bistro*, в новом написании *bistrot*, образуется слово *le bistrottier* — *владелец бистро*; слово *zakuska* (с колебаниями в написании) можно найти в меню ресторанов и т. п.
- ⁵ Budovičová V. Asymetrický paralelizmus lexikálnych štruktúr. Tézy liblického zasedania komisie pre lexikológiu a lexikografiu. Praha, 1979.
- ⁶ Норецкий J. Všeobecné a špecifické črty jazykovej kultúry v našich jazykoch. — In: Aktuální otázky jazykové kultury v socialistické společnosti. Praha, 1979, s. 21—25; Stich A. Shrnutí diskuse. — Ibid., s. 245n.; Budovičová V. K teórii spisovného jazyka najmä z hľadiska medzijazykových vzťahov. — In: Z teórie spisovného jazyka. Bratislava, 1979, s. 52—60; Ščipanskaja N. K otázkam vývoja spisovnej ruštiny. — In: Z teórie spisovného jazyka, s. 77n.
- ⁷ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1972.
- ⁸ Slovník slovenského jazyka (SSJ), t. I—VI. Bratislava, 1959—1968, zv. V.
- ⁹ Hviezdoslav P. O. Básne. Bratislava, 1963.
- ¹⁰ Blánár V., Jóna E., Ružička J. Dejiny spisovnej slovenčiny, II. Bratislava, 1974, s. 60.
- ¹¹ Gašparíková Z., Kamiš A. Slovensko-český slovník. Praha, 1965.
- ¹² Česko-slovenský slovník. Bratislava, 1979.
- ¹³ Dejiny spisovnej slovenčiny. Op. cit., s. 103.
- ¹⁴ Kolafa Š. K souhvězdí ruské literatury. D. Makovický u Tolstého, Čechova a Gorkého. Univerzita Karlova. Praha, 1974, s. 124n.
- ¹⁵ Makovický D. U L. N. Tolstého. Turčiansky sv. Martin 1898. Zápisky z Moskvy od D. Makovického. — Beseda — Slovenský zábavník, 1, 1890; Tájovský J. Na hostine. — Slovenské národné noviny, 1902, č. 44, i 45.
- ¹⁶ Czambel S. a m. Príspevky k dejinám jazyka slovenského. Budapešť, 1887, s. 70—114.
- ¹⁷ Dejiny spisovnej slovenčiny. Op. cit., s. 103.
- ¹⁸ Trávníček F. Slovník spisovného jazyka českého (SSJ). Praha, 1955.
- ¹⁹ SSJ, zv. I (t. I).

ВЫРАЖЕНИЕ
ВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ
В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ
В ЧЕШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье проводится сравнение лексического выражения времени в простом предложении в современном литературном чешском и русском языках. Будет проведена конфронтация выражения временных значений существительными и наречиями в обоих языках, а также сделана попытка выявить различия между чешским и русским языками при включении существительных и наречий в предложение в функции обстоятельства времени.

В чешской и русской лингвистике проблематике выражения временных значений посвящена обширная литература¹, которую рамки статьи привести не позволяют. В последнее время указанная проблематика активно разрабатывается и в общем языкознании², и чешскими русистами-лингвистами³, литературоведами и философами и т. д.

Особенности выражения в отдельных языках некоторых содержательных (семантических) категорий, таких, например, как категория причинности, пространства, времени и других, представляют большой интерес.

Если рассматривать эти категории не только во взаимоотношениях, но и как активное отражение объективной действительности в субъекте, с необходимостью встает вопрос, как указанные категории выражаются на отдельных уровнях языковой системы, то есть прежде всего в простом предложении, в сложном предложении и в тексте⁴.

Мы обратимся только к проблематике выражения времени, в частности, к обстоятельству времени. Рамки статьи не позволяют рассмотреть выражения с временным значением, выполняющие в предложении другие функции, а также комбинации обстоятельств времени.

Обстоятельства времени можно классифицировать самым различным образом. Положим в основу первого этапа классификации их отношение к внеязыковой действительности и в зависимости от характера вопросов разделим их на пять основных типов, принятых в чешской лингвистике:

- 1) размещение (локализованность) действия во времени отвечает на вопрос *kdy?* (когда?);
- 2) точка отсчета времени — *od které doby? odekdy? jak dávno?* (с какого времени? как давно?);
- 3) временная цель — *do které doby? do kdy? po kterou*

dobu? (до какого времени? как долго? до каких пор?);

4) количество (мера) времени — jak dlouho? za jak dlouho? na jak dlouho? (как долго? за какой период времени? как надолго?);

5) размещение повторяющегося действия во времени — jak často? (как часто?).

Рассмотрим наиболее употребительные обстоятельства времени, отвечающие на вопрос kdy? (когда?). Не во всех конкретных случаях их можно с определенностью отличить от остальных типов обстоятельств времени; некоторые примеры являются переходными⁵.

На втором этапе классификации среди обстоятельств времени, отвечающих на вопрос kdy? (когда?), мы различаем: а) выражения, обозначающие только единицу времени (ср. п. 1); б) выражения, обозначающие длительность временного отрезка, в течение которого закончено или будет закончено определенное действие (их нельзя заменить придаточным предложением, ср. п. 2); в) выражения с общевременным значением (п. 3); г) выражения с процессуально-временным значением, причем возможна их субституция придаточным предложением времени (п. 4); д) выражения с фазовыми значениями (п. 5).

Хотя такая классификация по семантике не охватывает всех семантических типов, но она представляется полезной для сравнения фактов чешского и русского языков, так как способ включения выражений с временным значением часто зависит от их семантики.

Прежде чем обратиться к подробному анализу приведенных семантических типов, сделаем два замечания. Первое касается интенционности некоторых видов обстоятельств времени (0.1), второе — содержащихся в тексте выражений с временным значением, отсылающих за пределы данного предложения (0.2).

0.1. В чешском и русском языках (как и в других языках) некоторые глаголы облигаторно детерминированы обстоятельством времени, чаще всего отвечающим на вопрос jak dlouho? (как долго?), ср. Tři dny již trvaly přestřelky (V. Kaplický) — *Уже три дня продолжалась перестрелка*. Ср. также: *До войны раскопки в Новгороде, начавшись в 1932 году, продолжались с перерывами шесть сезонов* (В. Л. Янин). Некоторые глаголы облигаторно детерминированы несколькими типами обстоятельств, из которых один является обстоятельством времени. Ср.: Alois Jirásek se narodil roku 1851 (uz). — *Алоис Ирасек родился в 1851 г.*; Alois Jirásek se narodil v Hronově. — *Алоис Ирасек родился в Гронове*; предложение Alois Jirásek se narodil — *Алоис Ирасек родился* — неполное. Однако можно констатировать, что интенционное обстоятельство времени в обоих языках крайне редко, значительно реже, чем интенционное обстоятельство места⁶.

0.2. В простом предложении в чешском и русском языках встречается ряд выражений, отсылающих за границы этого пред-

ложения. Мы называем их «текстовыми временными выражениями». Рассмотрим всего лишь два типа.

Первый тип представлен в чешском языке наречиями *ještě, již, už, teprve, až* и другими, в русском языке — *еще, только, уже* и т. д., временное значение которых ясно только из контекста⁷. Так, например, выражение *až* в предложении *V srsti lesů až pupí začali prostřihovat cesty* (L. Leonov)⁸ отсылает за границы этого предложения, к невыраженной мысли, обозначающей действие, находящееся в отношении контрадикции к выраженной мысли и предшествующее ей во времени. Ср. мысль, невыраженную в тексте Л. Леонова *Předtím neprostřihovali v srsti lesů cesty*⁹. — *Раньше в шерсти лесов дороги не простригали*. Аналогичная ситуация и в русском языке. Ср. предложение в русском оригинале: *В шерсти лесов только что начали простригать дороги*.

Вторым типом текстовых временных выражений являются в чешском языке выражения *tentokrát, tehdy*, в русском языке *на этот раз и тогда*. Эти выражения сами по себе являются носителями временного значения. Будучи членами предложения, они отсылают к действию предшествующего в тексте предложения, следовательно, в данном случае речь идет о выражениях непредложенческого синтаксиса. Однако между рассматриваемыми выражениями есть существенное различие. Предложение с наречием *tentokrát*, ср.: *Neodvážila se začít o tom hovor se sestrou a Káťa tentokrát nic nepozorovala* (A. Tolstoj) — имплицитно невыраженную мысль с временным значением «в порядке очередности — предшествовать чему-либо», ср.: *Dříve Káťa něco pozorovala*. Аналогично и в русском оригинале: *Заговорить первая с сестрой она не решалась, а Катя на этот раз ничего не замечала* (Ал. Толстой); ср. невыраженную мысль: «*Раньше что-то замечала*».

Предложения с наречием *tehdy* и *тогда* носят иной характер. Они отсылают к эксплицитно выраженным конкретным временным данным, содержащимся в предшествующем предложении. Ср. пример: *Na přelomu let 1329—1330 se však dosavadní způsob Karlova života změnil. Společně s Blankou se tehdy odebral do Lucemburka* (Z. Fiala). — *Однако на рубеже 1329—1330 прежний образ жизни Карла изменился. Именно тогда вместе с Бланкой он отправился в Люксембург*. В данном случае наречие *tehdy* отсылает к конкретным временным данным «*на рубеже 1329—1330 [годов]*», содержащихся в предшествующем предложении.

Мы, разумеется, не могли привести все текстовые временные выражения, как и не описали все их функции.

1. Под выражениями, обозначающими единицы времени и отвечающими на вопрос *kdy?* (когда?), мы понимаем следующее: обстоятельство времени не содержит никаких других временных указателей, то есть не обозначает протяженность временного отрезка (не отвечает на вопросы *jak dlouho* (как долго?); *za jak dlouho?* (за какой отрезок времени?) и т. п.), повторяемость (не

отвечает на вопрос: jak často? (как часто?), фазовость временно-го отрезка (начало — середина — конец, см. п. 5), его процессуальность (см. п. 4) и неопределенность. Выражения, охарактеризованные указанным выше образом и обозначающие единицы времени, не являются субъективными. В общественном сознании они объективно даны временной системой, различной в разных языках.

Рассмотрим выражения, обозначающие кратчайшие единицы времени и длительные временные отрезки. Проследим, как влияет лексическая семантика существительного (наречия) с временным значением на способ его включения в предложение. Итак, нас будут интересовать, во-первых, различия в лексическом выражении времени между чешским и русским языками, во-вторых, различия в способах их включения в предложение в обоих языках. Попутно рассмотрим названия единиц времени, детерминированные некоторыми прилагательными, местоимениями и порядковыми числительными.

1.1. Кратчайшие временные отрезки обозначаются выражениями *hodina*, *půlhodina*, *čtvrthodina*, *minuta*, *sekunda* при условии, что мы абстрагируемся от их комбинаций, ср. *pětiminutovka* — *пятиминутка* и др. Различия между чешским и русским языками — в лексическом выражении: *hodina*¹⁰ — *час*, сложное слово *čtvrthodina* — устойчивое сочетание *четверть часа*. В чешском языке продолжает сохраняться выражение *vteřina*, образованное в соответствии с латинским *secunda* (в настоящее время выражение *sekunda* вновь вводится в обиход, так как это основная единица времени в Международной системе единиц SI).

Основное различие в способе включения в предложение названий единиц времени между чешским и русским языками заключается в том, что в русском языке обстоятельство времени с точностью до часа выражается одним предложным падежом. Ср.: *Высоту мы тогда захватили в четыре часа утра* (газ.), в чешском же употребляются два предложных падежа в зависимости от того, каким числительным детерминирована единица времени — количественным или порядковым: *ve čtyři hodiny*, *o čtvrté hodině* — *в четыре часа*. Ср.: *To bylo v úterý přesně ve čtyři hodiny pět minut* (J. John). — *Это было во вторник, ровно в четыре часа пять минут*; *V pondělí o šesté hodině musel stát v Brně u soustruhu* (O. Pavel). — *В понедельник в шесть часов он должен был стоять у токарного станка в Брно*; *Šel jsem o půl páté ven* (K. Čapek). — *В половине пятого я пошел прогуляться*. В русском языке в отличие от чешского часто указывается не только час совершения действия, но и соответствующая часть дня (*два часа ночи* — *в четыре часа утра* — *в четыре часа дня* — *в пять вечера*). В данном случае выбор падежа из возможных синонимических конструкций зависит в предложении от названия части дня: *приехал вечером* — *приехал в семь часов вечера*¹¹. В чешском языке для обозначения наименования используют как наречия (*ve 4 hodiny ráno* — *в четыре часа утра*; *v 5 večer* — *в пять*

вечера), так и существительные в предложном падеже (ve 2 hodině v noci — в 2 часа ночи)¹².

1.2. Более длительные временные отрезки передаются существительными, обозначающими части дня. Само выражение den в чешском языке имеет 2 значения: оно обозначает время от восхода до захода солнца (день) и временной отрезок в 24 часа, как правило, от полночи до полночи (в русском языке существует особое выражение — сутки). Система названий временных отрезков не одинака для всех языков и в значительной мере зависит от традиций в отдельных этнических группах. В чешском языке эту систему образуют 4 наименования: ráno — утро (с 4 до 8 часов), dopoledne — время до полудня (от 8 до 12 часов), odpoledne — вторая половина дня (12—18), večer (18—23) — вечер. Наряду с указанными названиями в чешском языке есть выражения den и noc, относящиеся к другому понятийному уровню. Особое положение занимает выражение v poledne, то есть часть дня, когда в определенное время года солнце находится в зените. В русском языке система названий временных отрезков в рамках дня также представлена 4 наименованиями; но разделение часов иное, чем в чешском языке: утро (от восхода солнца до 10—11 часов), день (от 10—11 часов до захода солнца), вечер (от захода солнца до 22—23 часов) и ночь (от 22—23 часов до восхода солнца)¹³.

В русском предложении названия временных отрезков в рамках дня имеют специфическое средство включения в предложение: адвербиализованный творительный падеж (с точки зрения чешской падежной системы), ср. утром, днем, вечером, ночью¹⁴. Чешскому сочетанию ve dne отвечает только русское днем, если не учитывать чешские адвербиализованные устойчивые сочетания dnem i noci — днем и ночью, dnem zveřejněni — со дня публикации, šli jarním rámem — они отправились весенним утром. Ср.: *Ho proizvesti etu sloznuju razvedku dnem bylo nevozmožno* (В. Катаев).

Выражения ráno и večer адвербиализованы, и хотя имеют значение 'в утреннее время' и 'в вечернее время', они употребляются, однако, в исходной форме. Ср.: *Utrom ja uviděl sledy medvěda na cestě* («Наука и жизнь»). — *Ráno jsem uviděl medvědí stopy na cestě*, далее: *Večer toho litoval* (В. Капlický). — *Вечером он жалел об этом*.

В то время как день, ночь имеют формы днем, ночью, то есть, с одной стороны, адвербиализованный творительный падеж (ср.: *Ночью я не курил* (К. Паустовский). — *V noci jsem nekořil*), с другой — адвербиализованный винительный падеж с предложением в (ср.: *А через день неожиданно в ночь ударил мороз* («Наука и жизнь»), сочетание *светящиеся в ночи* (там же) имеет ситуативный оттенок и означает 'светящиеся в темноте'. В чешском языке есть лишь сочетания v noci — ночью, если не считать устойчивого сочетания dnem i noci — днем и ночью.

Особую проблематику представляют выражения, обозначаю-

щие части дня — если они распространены прилагательным, местоимением или числительным. В чешском языке в этом случае употребляется родительный падеж. Ср.: Jednoho březnového rána, kdy řádila vánice a bylo zamračeno, přišla smutná zpráva, в русском же языке основным способом включения является творительный падеж. Ср.: *Мартовским утром, метельным и хмурым, пришла печальная весть.* (VRCS). В чешском языке форма творительного падежа в данном употреблении уже очень устарела. Ср.: *Pozdním večerem se vrátili*¹⁵. — *Они вернулись поздним вечером;* винительный падеж с предлогом употребляется редко: *Byl tady v ten večer.* — *В тот вечер он был здесь.*

Итак, в русском языке иные, чем в чешском, способы включения в предложение существительных, обозначающих временные отрезки в рамках дня, ср.: *ráno — утром, ve dne — днем, večer — вечером, v noci — ночью, в ночь или в ночи.*

Помимо названий основных временных отрезков в рамках дня особой проблематикой являются также и другие названия. Во-первых, это названия, обозначающие часть дня в зависимости от положения солнца. Ср.: *na úsvitě, za svítání — на рассвете, с рассветом; za soumraku — в сумерки, в сумерках, při západu (slunce) — на закате, с заходом (солнца)* и т. п. Во-вторых, это названия, обозначающие более тонкие семантические оттенки внутри системы наименований временных отрезков в рамках дня. Если не касаться таких сочетаний, как *brzy ráno, časně ráno — рано утром, pozdě večer — поздно вечером* и других, то выражению *z rána / z rána* отвечает выражение *с утра*. Ср.: *С утра татары близко подошли к рязанским стенам* (В. Л. Янин), но также — *утром*. Выражениям *k ránu / k ránu* отвечают выражения *на утро* (погода испортилась) и *под утро*. Ср.: *Вернулся под утро.* — *Vrátil se k ránu*¹⁶. Выражениям *k večeru, pavečer* отвечают — *к вечеру, под вечер, вечером*¹⁷; в качестве эквивалента чешского *z večera* приводят русское *с вечера, под вечер, вечером*¹⁸.

Названия, обозначающие более тонкие временные семантические оттенки в рамках дня, не всегда адвербиализованы. Ср.: *Slova jí šeptal v tichých dlouhých podvečerech.* (В. Benešová). — *В тихие долгие предвечерние часы он шептал ей [нежные] слова.*

1.3. Названия дней в их отношении к моменту речи выражаются в чешском и русском языках прежде всего наречиями. Ср.: *předevčírem — вчера — dnes (ka) — zítra — pozítří (nazítří) — popozítří*, например: *Právě včera ji zahlédl* (V. Kaplický). — *Как раз вчера он увидел ее.* В русском — *вчера, сегодня, завтра*; в чешском языке реже — существительными: *včerejšek — dnešek, zítřek* (естественно, что иногда они уже не выступают в функции обстоятельства). Ср.: *Včerejšku měly svou radost.* — *И вчерашние дни (прошлые) имели свою радость, в русском — устойчивым словосочетанием, ср. вчерашний день и т. п. Ср.: Забудь про то, что я тебе вчерашний день говорил* (газ.).

Относительное временное значение выражают чешское *příště* и русское *в следующий раз*, затем родительный падеж *příštího dne*

и винительный падеж на следующий день. Выражения den (день) могут быть детерминированы также местоимением; эквивалентом чешского родительного падежа toho dne и винительного падежа ten den является русская модель «в+вин. падеж». Ср.: В этот день Мересьев встал с рассветом (Б. Полевой).

1.4. Названия дней недели (кроме neděle — воскресенье) в чешском и русском языках имеют одинаковые основы¹⁹. При включении в предложение в обоих языках реализуется модель «в+вин. падеж». Ср.: v pondělí — в понедельник, v úterý — во вторник и т. п. Если наименование дня имеет распространение, в чешском языке употребляется беспредложный вин. падеж. Ср.: Minulou sobotu nepřišel. — В прошлую субботу он не пришел; или беспредложный падеж: Té soboty nikdo nepřišel. — В эту субботу никто не пришел. В русском языке это прежде всего модель «в+вин. падеж». Ср.: В первое воскресенье после нашего приезда в Лондон Степняк сказал нам... («Наука и жизнь»).

1.5. При обозначении дней месяца в обоих языках употребляется беспредложный родительный падеж существительного, распространенного порядковым числительным (ср.: dvacátého května — двадцатого мая). В чешском и русском языках в функции подлежащего может быть также порядковое числительное в именительном падеже + родительный падеж названия месяца. Ср.: Сегодня Первое мая, то есть Dnes je První máj, но также Dnes je Prvního máje. В разговорном русском языке числительное в именительном падеже употребляется без названия месяца: сегодня первое. В чешском же в аналогичном случае числительное стоит в родительном падеже: Dnes je prvního.

1.6. Названия дней года (праздники). Если в названии праздника употреблено личное имя, то такие названия в обоих языках включены в предложение по модели «на (на) + вин. падеж»: na Petra — на Петров день. Если дни года по происхождению — религиозные праздники, то в чешском языке наряду с указанной моделью употребляется также модель «о+предл. падеж». Ср.: na Štědrý den — о Штедрém dni, na vánoce — о vánocích. Na Štědrý den byla Máša bohatě obdarována (J. Havlíček). — В сочельник Маша получила богатые подарки; O vánocích rozdmyčávala kamna (J. Havlíček). — На рождество она раздувала огонь в печи.

В литературном русском языке названия указанных праздников употребляются лишь по модели «на+вин. падеж». Ср.: на Крещение, на рождество — на vánoce, o vánocích. Например: У нее я гостила на рождество (М. Шагинян). Названия праздников нового времени в чешском языке включаются в предложение также в форме беспредложного род. падежа. Ср.: Prvního máje 1926... — Первого мая 1926...

1.7. Как известно, месяцы в русском языке названы по римскому календарю, в чешском языке наименования месяцев — славянского происхождения²⁰. Эти названия в чешском и русском

языках включаются в предложение только сочетанием предлога *v* (в) + предл. падеж. Ср.: *v lednu — в январе*. У распространенных названий месяцев находим следующее: русскому *в декабре прошлого года* отвечает чешское *v prosinci minulého roku* — гораздо реже — беспредложный вин. падеж. Ср.: *Minulý prosinec jsem nebyl doma. — В декабре прошлого года меня не было дома*. И в русском языке в данном случае есть некоторые менее употребительные модели включения, как, например, «*v + вин. падеж*». Ср.: *Еще в прошлый сентябрь здесь шелестели под ветром сухие метелки овса* («Наука и жизнь»).

1.8. В системе лексических единиц, обозначающих четыре времени года, в современном чешском и русском языках есть сходства и различия: *jaro — весна, léto — лето, podzim — осень, zima — зима*. В современном чешском языке еще сохраняется выражение *předjaří*²¹. По способу их включения в предложение в чешском языке представлены 2 типа: а) семантически противопоставленные *léto — zima* включаются в предложение по модели «*v + предл. падеж*», ср.: *v létě — в зиме*; б) семантически противоположные *jaro — podzim* включаются при помощи предлога *na*; употребление предлога *v* исключено: *na jaře* (предл. падеж) — *весной*, *na podzim* (вин. падеж) — *осенью*. Ср.: *A na podzim vypůlil na klášteru značnou sumu peněz (Z. Fiala). — А осенью он добился от монастыря солидной денежной суммы*. Различие между способом включения выражения *jaro, podzim* заключается и в том, что существует также сочетание *z jara*, однако в литературном чешском языке не употребляется *z podzimu*. Ср.: *Z jara roku 1921 stávkovali zemědělstí dělníci na Slovensku (Z. Urban). — С весны 1921 года начались забастовки сельскохозяйственных рабочих Словакии*. В то же время возможно сочетание *s podzimem*. Ср. также развернутые выражения: *v jarních měsících; v letních měsících — в весенние месяцы; в летние месяцы*.

В русском языке включение в предложение названий времени года существенно отличается от чешского. Как и у названий временных отрезков в рамках дня (п. 1.2) и в данном случае специфическим средством включения является беспредложный твор. падеж. Ср.: *И не зимой ушел, а весной, в апреле* (газ.). Этот падеж выполняет еще одну функцию (ср. *весной — зяга*). Кроме того, употребляется и модель «*с + род. падеж*» (ср. *с весны*), крайне редко модель «*по + дат. падеж*». Ср.: *Одного-то уж женили по осени* («Юность»). Три приведенные модели синонимичны и взаимозаменяемы в функции обстоятельства²². Выражения *весна* и *зима* в русском языке включаются также по модели «*v + вин. падеж*».

Если название времени года распространено, в чешском языке употребляется беспредложный вин. падеж, в русском — беспредложный твор. падеж. Ср.: *Minulou zimu nepřijel (úz.). — Прошлой зимой он не приехал; Прошлой зимой. Ольга Андреевна из Москвы приехала* (К. Паустовский), а также модель «*v + вин. падеж*» (ср. *в прошлую зиму*).

Таким образом, в русском языке употребление названий частей дня и времен года отличается от употребления названий дней недели и месяцев тем, что у I типа наряду с другими формами включения в предложение есть главная модель — беспредложный твор. падеж (*утром, зимой*), отсутствующая у II типа, основными моделями которого являются вин. падеж с предлогом *в* (*в среду*) и предл. падеж с тем же предлогом (*в мае*). В чешском языке подобная дифференциация отсутствует, лексическая единица не является решающим, как в русском языке, фактором в выборе беспредложной или предложной формы.

1.9. При обозначении данных о годе, о временных отношениях относительно понятия «год», выделяются два подтипа: I подтип — понятия года выражаются с точки зрения времени высказывания (подобно тому, как и при обозначении дней, см. п. 1.3), а именно наречиями *předloni, loni, nařesrok* — *в позапрошлом году, в прошлом году, в будущем году*. Ср.: *Byl jeden jeho tovaryř předloni trestán pro násilí* (K. Čapek). — *Один из его подмастерьев два года назад был осужден за насилие*. К этим наречиям можно отнести соответствующие синонимические названия, состоящие из нескольких слов, в последнее время трактуемые как мультивербизация²³. Они состоят из существительного, *rok* — *год*, распространенного прилагательными *loňský* — *прошлогодний*, *letošní* — *нынешний* (год) и т. п. Ср.: *Loňského roku (loni) se objevila na nebi kometa* (V. Kaplický). — *В прошлом году на небе появилась комета*; *Opatření přijaly předsednictvo ÚV KSČ a vláda ČSSR v loňském a letošním roce*. — *Эти меры президиум ЦК КПЧ и правительство ЧССР приняли в прошлом и текущем году*. В русском языке в данном случае употребляются исключительно названия, состоящие из нескольких слов, ср.: *в прошлом году, в нынешнем (этом) году*.

Во II подтипе существительное *rok* детерминировано местоимением. При значении 'определенный год' в чешском языке употребляется беспредложный род. падеж, ср.: *Sklizeň toho roku nebyla špatná* (V. Kaplický). — *Урожай в этом году был неплохой*, или предл. падеж: *v tom roce* — *в этом году*. В русском языке, как и в чешском, употребляется предл. падеж, однако в отличие от чешского в русском возможна также модель «*в*+вин. падеж». Ср.: *В 1947 году здесь началось большое строительство*. *В тот год минер Алексей Новиков вернулся из армии* (газ.). Насколько нам известно, в литературном русском языке существительное *год* со значением 'определенный год' не включается в предложение при помощи беспредложного родительного падежа.

1.10. С точки зрения сопоставительного исследования проблематика названий длительных временных отрезков, таких, например, как *детство, молодость; старость* и других, а также *десятилетия, столетия* и т. д., не столь интересна, как проблематика подтипов, рассмотренных выше. Существительные, обозначающие длительные временные отрезки, в обоих языках включаются в предложение прежде всего по модели «*в*(*в*)+предл. падеж»,

ср. v minulosti — в прошлом. Интересно, что и в чешском и в русском языках ограничено выражение значения настоящего при помощи существительных: это значение передается прежде всего наречиями *pupí* — в настоящее время и *ted'* — сейчас или устойчивым словосочетанием. Ср.: *V současné době probíhá co do rozsahu dosud největší generální oprava (RP)*. — *В настоящее время идет самая крупная по масштабам генеральная реконструкция* (ср. также в русском языке — «в+вин. падеж»: *в наше время*).

2. Остановимся теперь коротко на способах обозначения временного отрезка, в течение которого было или будет закончено определенное действие. В отличие от IV типа, который будет рассмотрен позднее, субституция придаточным предложением в данном случае невозможна. Мы не будем подробно классифицировать временные отрезки от наиболее коротких к наиболее длительным, а обратимся к рассмотрению особенностей включения этих выражений в предложение.

В чешском языке в этом типе употребляются как первичные, так и вторичные предлоги, причем в сочетании с существительными со значением времени или не имеющими временного значения. Из первичных предлогов это прежде всего *za*+род. падеж. Ср.: *Za buržoazní republiky nesměl každý do lesa (RP)*. — *Во времена буржуазной республики не каждому разрешалось ходить в лес*; далее предлог *přes*+вин. падеж, например: *Praha se stala takřka přes noc jedním z klíčových míst evropské politiky (J. Janáček)*. — *Почти за одну ночь Прага стала одним из центров европейской политики*; и предлог *o*+предл. падеж: *O dovolených lze komiku lépe vychutnat (RP)*. — *Во время отпусков легче наслаждаться юмором*.

В отличие от первичных вторичные предлоги эксплицитно выражают протяженность действия во времени: Ср.: *Orgány ministerstva připustily v průběhu listopadu a prosince značný pokles zásob uhlí v elektrárnách*. — *Органы министерства виновны в том, что в течение ноября и декабря значительно уменьшились запасы угля на электростанциях*; *Během jednoho dne podařilo se mu ulovit pár vzácných bělásků (Baar)*. — *В течение одного дня ему удалось поймать несколько редких белышек*; *Přirodní vědy se z fyziky průběhem staletého vývoje postupně oddělovaly (Fyzika)*. — *В ходе столетнего развития естественные науки постепенно отдалялись от физики*.

Протяженность во времени передает также предложное выражение «*v době*+род. падеж» в примерах типа *Již v době středoškolských studií se těžce vyrovnával s prostředím*. — *Уже во время учебы в средней школе он с трудом мирился с окружающим*.

И в русском языке первичный предлог *za* выражает протяженность во времени: *за час* — *během hodiny*, *за субботу* — *během soboty*, *за неделю* — *během týane* и др. Ср.: *Путь из Архангельска до острова Гукера мы проделали за неделю (Е. Крен-*

кель). Различие между чешским и русским языками, однако, в том, что русское *за неделю* однозначно выражает протяженность во времени, в то время как чешское *Cestu z Archangelska na ostrov Guker jsme absolvovali za týden* может трактоваться двояко (наряду со значением протяженности во времени в данном случае есть и значение 'спустя какое-то время'); так, предложение *Cestu z Archangelska... budeme absolvovat za — týden* имеет значение 'Путь из Архангельска... мы закончим через (спустя) неделю'. Протяженность во времени выражает также сочетание *в неделю*.

Среди вторичных предлогов в советской лингвистике выделяют два типа: а) «*в течение + род. падеж*» у глаголов совершенного вида, обозначающих, как правило, однократное действие. Ср.: *Решение суда вы имеете право обжаловать в течение десяти дней с момента вынесения решения* («Человек и закон»); б) «*на протяжении + род. падеж*»; «*в продолжении + род. падеж*» (а также «*в течение + род. падеж*») у глаголов, обозначающих повторяющееся действие²⁴. Ср.: *В литературе на протяжении почти 2000 лет появилось много фантастических сообщений* («Наука и жизнь»). Чешскому сочетанию «*v době + род. падеж*» отвечает русское «*во время, во времена + род. падеж*»; ни в чешском, ни в русском языках это сочетание не комбинируется со значением времени, однако может комбинироваться с некоторыми выражениями, не имеющими временного значения, ср.: *v době studii — во время учебы*.

3. Особая проблематика у выражений с общевременными значениями, у таких как *čas — время, doba — эпоха, okamžik — мгновение, chvíle — минута* и другие, в русском — *время, пора, мгновение* и т. д. И эти выражения нельзя субституировать придаточным предложением.

Выражение *čas* в чешском языке бывает адвербиализовано в форме творительного падежа, поэтому его нельзя детерминировать прилагательным, ср.: *Časem se dokonce stavěli přímo proti ní (Z. Fiala)*. — *Временами они даже прямо выступали против нее*.

Иная ситуация в следующих примерах: *Na sídliště se lovecké skupiny po čase znovu vracely (V. Husa)*. — *Некоторое время спустя группы охотников снова возвращались в поселок*; *Skupina našich odborníků před časem odjela do Budapešti (RP)*. — *Некоторое время тому назад группа наших специалистов выехала в Будапешт*. Здесь общее временное значение можно детерминировать, например, прилагательным *krátký — непродолжительный*.

Протяженность во времени выражается в следующем примере: *Postupem doby se vztahy mezi rodovými příslušníky začaly řídit reálnými pravidly (V. Husa)*. — *С течением времени в отношениях между членами рода стали действовать твердые правила*. В русском языке протяженность во времени выражается также формой предложного твор. падежа, например: *Со временем это забудется*.

Выражения с общевременным значением в чешском языке мо-

гут быть распространены прилагательным. Ср.: Vynálezci v dřívějších dobách byli na tom lépe (Hoch). — В прежние времена изобретателям жилось легче; Poslední dobou podivní lidé navštěvují město Hammeln (V. Dyk). — В последнее время странные люди посещают город Гаммельн; V pravý okamžik rozevřel náruč (V. Dyk). — Он вовремя раскрыл объятия. В русском языке здесь чаще всего употребляется модель «в+вин. падеж»: Первые рептилии появились еще в каменноугольный период.

Выражения с общевременным значением могут быть распространены также указательным местоимением; при этом в большинстве конструкций и в чешском и в русском языках употребляется твор. падеж, ср.: Silnice a cesty tou dobou skutečně nevynikaly zvláštní bezpečností (V. Kaplický). — В то время шоссе и дороги действительно не отличались особой безопасностью; Тем временем в машину подсаживались все новые и новые люди (В. Катаев).

В отличие от русского языка в чешском необычным является сочетание «в+вин. падеж». Ср.: Avšak Mozart v ten okamžik mi dával dvacetník. — Но в этот момент Моцарт давал мне монетку в двадцать грошей; более обычным является сочетание в том okamžiku²⁵.

4. В большой группе примеров представлено так называемое процессуально-временное значение, выражаемое сочетанием предлога с существительным, не имеющим временного значения, но чаще всего образованным от глагола. В отличие от всех ранее описанных типов выражения с процессуально-временным значением в обоих языках можно субституировать временным придаточным предложением. Действие или состояние, обозначенное глаголом, от которого зависит указанные выражения, совпадает с ним по времени. Выбор предлога обусловлен прежде всего семантикой существительного. В большинстве случаев употребление таких выражений в чешском и русском языках совпадает. Ср.: Při jízdě si pobroukával (O. Pavel) = když jel, tak si pobroukával = за jazdy si pobroukával. — Во время езды он напевал себе под нос; ср. также: При езде на суше пыль поднимается вверх.

Отметим самые существенные различия.

Название языкового процесса в чешском языке включается в предложение при помощи моделей «při+предл. падеж», «během+род. падеж», в русском языке — «при+предл. падеж», «во время+род. падеж», «в течение+род. падеж» и в отличие от чешского также по модели «за+твор. падеж». Ср.: Я застал его за чтением (пример М. В. Всеволодовой) — в чешском возможно лишь Zastihl jsem ho při čtení.

При включении названий, обозначающих время приема пищи, в чешском языке преобладает модель «při+предл. падеж», ср.: Při obědě se rozehnala lžičkou po talíři (J. Weiss). — За обедом она водила ложечкой по тарелке. В русском языке — модель «во время+род. падеж», ср.: Во время завтрака по обыкновению Окошкин рассказывал истории (пример Всеволодовой).

В других синтаксических группах при выборе предлогов ситуация в обоих языках сложная и неясная, поэтому мы не проводим сопоставительный анализ указанного материала (такой анализ может быть осуществлен тогда, когда будет закончена семантическая классификация процессуально-временных значений).

5. Коротко рассмотрим выражение фазовых значений, то есть лексические выражения временных фаз при помощи существительных и предлогов.

Основное различие между чешским и русским языками в способе включения в предложение существительных с фазовыми значениями состоит в том, что в чешском языке употребляется модель «па+предл. падеж», в русском языке — модель «в+предл. падеж». Ср.: Křesťanství se na počátku omezovalo jen na tenkou vládnoucí složku společnosti. — *В начале христианство исповедовала лишь незначительная правящая прослойка общества; Na sklonku léta 1920 se začala na Slovensku šířit nezaměstnanost (Z. Urban). — В конце лета 1920 в Словакии начала расти безработица; Na samém konci dětství zažili Máša s Vášou veliké vzrušení (J. Havlíček). — На пороге юности Маша с Вашком пережили волнующее событие. Дело было в начале осени (И. А. Акимускин); Вдруг в конце месяца ей объявили, что она не принята (Т. Щепкина-Куперник).*

В чешском языке модель «в+предл. падеж» употребляется, вероятно, лишь у существительного závěr. Ср.: Automobilní útvár pořádá v závěru nynějšího týdne už 7. ročník soutěžního pochodu (Obrana lidu). — *В конце нынешней недели авточасть проводит седьмой ежегодный пробег.*

В чешском языке употребляется также беспредложный творительный падеж существительных с фазовыми значениями, выступающий в функции препозитивного члена²⁶. Ср.: Dochází začátkem sedmdesátých let k úspěšnému použití laserového skalpelu (RP). — *В начале семидесятых годов успешно применялся лазерный скальпель; Významnou událostí se stala celostátní konference učitelů konaná koncem dubna (RP). — Важным событием стала прошедшая в конце апреля общегосударственная конференция учителей.* В отличие от чешского языка в русском средняя фаза временных отрезков выражается существительным, ср.: *В середине зимы летчики начали летнюю практику (Б. Полевой).* В чешском языке в данном случае употребляется вторичный предлог (ср. uprostřed zimy).

С сопоставительной точки зрения представляет интерес выражение фазовых значений при помощи первичных и вторичных предлогов. Наряду со сходными случаями, которых большинство, как, например, před odjezdem — *перед отъездом*, po skončení — *по окончании*, po válce — *после войны*, po práci — *после работы*, uprostřed noci — *среди ночи* и других, есть и определенные различия, ср.: před válkou — *до войны*; Vrátil jsem se před hodinou. — *Я вернулся час тому назад. Vrátil jsem se za hodinu. — Я вернулся через час.*

Временное значение — промежуток между началом и концом действия — выражается также предложениями *mezi* — *между*. Ср.: *Mezi patnáctou a šestnáctou hodinou na celém orloji došlo konečně k té hrozně věci...* (V. Kaplický). — *Случилось это ужасное событие между пятнадцатью и шестнадцатью часами...*; *Между десятью и одиннадцатью часами участковый тихим шагом ходил возле молокотоварных ферм* (В. Липатов).

6. Итак, перечислим основные сходства и различия между литературным чешским и русским языками в способах включения в предложение выражений, обозначающих единицы времени. Некоторые способы включения совпадают в обоих языках по форме и по выполняемой функции и характеризуют выражения, обозначающие различные единицы времени. Речь в этом случае идет о центральных способах включения. Другие способы представлены лишь в одном языке или только у некоторых названий единиц времени — это периферийные способы включения.

К центральным моделям относятся модели «*v*(*в*) + вин. падеж» и «*v*(*в*) + предл. падеж»; первая более употребительна в русском, вторая — в чешском языке.

Модель «*v*(*в*) + вин. падеж» употребляется при включении в предложение существительного *hodina* — *час* в обоих языках (ср. *ve čtyři hodiny* — *в четыре часа*), а также при включении названий дней недели (ср. *v pondělí* — *в понедельник*). В русском языке в отличие от чешского модель «*v* + вин. падеж» реализуется при включении в предложение названий времен года, как нераспространенных (ср. *в весну* — *na jaře*), так и распространенных (ср. *в прошлую зиму* — *minulou zimu*); а также при употреблении выражений *день* и *год*, если они распространены местоимением, ср.: *в этот день* — *ten den, toho dne*, *в тот год* — *ten rok, toho roku, v tom roce*.

Модель «*v*(*в*) + предл. падеж» используется при включении в предложение названий месяцев в чешском и русском языках (ср. *v březnu* — *в марте*). В отличие от русского языка эта модель в чешском языке реализуется также при включении названий частей года (ср. *v zimě* — *зимой*), далее у выражения *год*, если оно распространено (ср. *v tom roce* — *в тот год*).

Следующей моделью является беспредложный родительный, используемый при определении дней месяца в чешском и русском языках (ср. *dvacátého května* — *двадцатого мая*). В отличие от русского языка в чешском языке эта модель употребляется и у названий частей дня, если они распространены (ср. *jednoho březnového rána* — *мартовским утром*), у названия дня в его отношении к названию другого дня (ср. *příštího dne* — *на следующий день*), а также у названия года по отношению к времени высказывания (ср. *toho roku* — *в тот год*).

Беспредложный винительный падеж используется в чешском языке при включении в предложение названий частей дня (ср. *ráno, večer* — *утром, вечером*), при включении названий дней недели, если они распространены (ср. *minulou zimu* — *прошлой*

зимой, в прошлую зиму). В русском языке беспредложный винительный употребляется при обозначении названий дня в их отношении ко времени высказывания (ср. устойчивое словосочетание *вчерашний день*, которому в чешском языке соответствует наречие *všega*, хотя в русском языке также есть *вчера*).

Специфическим — с точки зрения чешской падежной системы — способом включения в предложение названий единиц времени является в русском языке адвербиализованный беспредложный падеж (*утром, днем, зимой, летом* и т. п.). В чешском же языке специфическим способом включения является модель типа *o čtvrté hodině, o vánocích*. Другие модели употребляются лишь с ограниченным количеством единиц времени и совпадают в обоих языках.

Для включения в предложение названия отрезка времени, в течение которого было или будет закончено определенное действие, в чешском и русском языках используется ряд первичных предлогов. Из вторичных в чешском языке основными являются предлоги *během, rgúběhem*, предложное выражение *v rgúběhu*, в русском — *в течение, на протяжении*.

Речевое выражение понятийной категории времени, одной из важнейших категорий, связанных с бытием, в чешском и русском языках имеет много общего. Однако существуют и определенные различия, и их необходимо принимать во внимание уже потому, что обстоятельство времени интенционно не связано с глаголом, от которого зависит: этот способ включения, называемый примыканием, не всегда приводится в словарях.

Итак, для обоих языков, с одной стороны, характерно свободное включение обстоятельства времени в предложение, с другой — способ включения выражений, обозначающих временные данные (беспредложный или предложный падеж, выбор предлога) зависит от содержательной значимости и распространенности этих выражений. Важным моментом является и языковой узус, связанный также с различиями в семантике предлогов в обоих языках, в системе значений, выражаемых соответствующими предлогами сопоставляемых языков.

Предметом сопоставительного исследования могли бы быть также выражения с временным значением, выступающие в предложении в функции субъекта, объекта, атрибута и других, а также полупредикативные конструкции. Полезен был бы и анализ выражения времени в сложном предложении и вообще в тексте в чешском и русском языках, проведенный с точки зрения семантики отражения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о грамматиках, монографиях по синтаксису, сборниках, ряде статей, специально посвященных вопросам выражения времени и др. Из чешских работ укажем хотя бы книгу: Smilauer V. *Novočeská skladba*, vyd. 2. Praha 1966, s. 267, а из самых последних советских монографий — книгу М. В. Всеволодовой «Способы выражения временных отношений в современном русском языке» (М., 1975). Из работ сопоставительного характера, затрагивающих

- вопросы выражения временных значений в чешском и русском языках, см. исследование Н. А. Пащенко «Анализ и сопоставление способов выражения обстоятельных значений в русском и чешском языках» (The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics, 3—4. Praha, 1965, s. 13—37, 26—61).
- ² Обширную литературу приводит Я. Паневова: P a n e v o v á J., S g a l l P. Cas a modalita v češtině. Praha, 1971, s. 163—168.
- ³ Ср.: Běličová-Křížková H. K systému mezivětných časových vztahů v ruštině a v češtině. — In: Studie ze slovenské jazykovědy. Praha, 1979.
- ⁴ Ср.: Štěpán J. K tzv. odrazové sémantice. — Jazykovědné aktuality 16. Praha, 1979, s. 65.
- ⁶ Примеры, отвечающие одновременно на вопрос *когда?* и *за какое время?* приводятся в разделе 2.
- ⁶ Bauer J., Grepel M. Skladba spisovné češtiny. Praha, 1972, s. 66; Hrabě V. K problematice větných členů, zvláště v ruštině. Slovo a Slovesnost 39. Praha, 1978, s. 266—269.
- ⁷ На материале чешского языка в последнее время этот вопрос исследовал М. Комарек: Komárek M. K jednomu funkčnímu rozdílu v soustavě partiikulí. — Slovo a Slovesnost 40. Praha, 1979, s. 139—142.
- ⁸ Мы сравнивали примеры из произведений двух советских авторов: Леонов Л. Соть (М., 1961); Толстой А. Хождение по мукам (Свердловск, 1946) с их чешскими переводами: Leonov L. Dravá řeka. Praha, 1949; Tolstoj A. Křížová cesta, 1 (Sestry). Praha, 1974.
- ⁹ Štěpán J. Odkazování za hranici věty k časovým významům nevyjádřené myšlenky. — Slovo a Slovesnost 42, 1981.
- ¹⁰ Выражение *година* относится к торжественным, в этом смысле оно может корреспондировать с чешским *hodina*, если последнее употреблено метафорически, например, *hodina pravdy*, *zlá hodina*. Понимается, речь идет не о значении этого существительного как единицы времени.
- ¹¹ Ср.: Всеволодова М. В. Указ. соч., с. 161.
- ¹² Специальную проблематику представляет обозначение неполного часа, а также дат в чешском и русском языках (см.: Широкова А. Г., Адамец А., Влчек Й., Грбачек Й., Роговская Е. Р. Учебник чешского языка. М., 1973, с. 180).
- ¹³ Ср.: Всеволодова М. В. Указ. соч., с. 30. *Dopoledne*, *odpoledne* соответствуют в русском языке *до обеда*, *после обеда*. Ограничено и употребление словосочетаний *время до полудня*, *время после полудня* и наречий *до полудня*, *после полудня*. Чешскому *poledne* отвечает русское *полдень* (в *pravě poledne — rovně v poledně*), *půldne* — *половина дня* (первая, вторая).
- ¹⁴ Подробнее об этом см.: Мразек Р. Синтаксис русского творительного. Spisy filozofické fakulty UJEP, sv. 94. Brno, 1964.
- ¹⁵ Bauer J., Grepel M. Op. cit., s. 123.
- ¹⁶ Velký ruskoo-český slovník, I—VI, d. V. Praha, 1962, s. 363 (далее VRCS).
- ¹⁷ Velký ruskoo-český slovník, 1, 1952, s. 130.
- ¹⁸ Česko-ruský slovník, 2. Praha, 1976, s. 695 (далее CRS).
- ¹⁹ Взаимосвязь слов *úterý* и *вторник* и их связь с выражением *vteřina* отметила Н. Roudná в журнале «Naše řeč» (60, 1977, s. 55).
- ²⁰ Сопоставление названий месяцев в чешском языке и других славянских языках представлено в книге: Čeština všední i nevšední. Praha, 1972, s. 180—183.
- ²¹ Выражение *jeseň* и *vespa* в чешском языке являются книжными и относятся к поэтической речи, выражения *podjaří*, *podleť*, *podjeseň* — устаревшие.
- ²² Это отмечает М. В. Всеволодова (см.: Всеволодова М. В. Указ. соч., с. 128).
- ²³ Jedlička A. Univerbizace a multiverbizace v pojmenovacích strukturách. — Slavica Pragensia XI, 1969, s. 93—101.
- ²⁴ На материале чешского языка эти глаголы исследовала А. Г. Широкова (см.: Широкова А. Г. О категории многократности в чешском языке. Исследования по чешскому языку. М., 1963, с. 61—85).
- ²⁵ Svoboda K. Stylizační výcvik ve spisovné češtině a rozvoj myšlení, II (učební text). Praha, 1976, s. 93.
- ²⁶ Kroupová L. Sporné případy nevlastních předložek. — Naše řeč 56, 1973, s. 19—26.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ
ЯЗЫКА И СТИЛЯ
В ЧЕШСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Проблема взаимоотношения между языком и стилем время от времени вновь становится актуальной. Именно так обстоит дело в настоящее время, например, в работах, имеющих социолингвистическую направленность; ср. обзор проблематики по этой дисциплине в книге А. Д. Швейцера и Л. Б. Никольского «Введение в социолингвистику» (М., 1978) — в особенности главы «Социолингвистика и интерлингвистика», а также «Социолингвистика и стилистика». Смежной областью исследования в указанных дисциплинах¹ является языковая коммуникация вообще и ее внутренняя дифференциация — в особенности. Авторы названной книги справедливо упрекают стилистов в том, что используемые ими критерии классификации стилей во многом отличаются друг от друга. Вместе с тем вряд ли справедлив адресованный стилистике упрек во взаимном пересечении критериев выделения стилей. Определение стилей в стилистике не может осуществляться иначе, чем на основе ряда взаимно пересекающихся критериев — неспециалисты нередко представляют себе дифференциацию языка и дифференциацию стилей в слишком упрощенном и искаженном свете.

Рассматривая данный вопрос, мы хотели бы совершить краткий экскурс в недавнюю историю, сопроводив его собственной интерпретацией. Несмотря на то что предметом нашего внимания будет служить то, как понималось отношение между языком и стилем в чешской лингвистике первой половины XX века, полагаем, что данный вопрос может представлять интерес и для небогемистов. В трудах чешских и советских ученых существует значительное совпадение в понимании стиля, имеются, впрочем, также и различия. Важнейшее сходство во взглядах заключается в том, что — в отличие от преобладающей на Западе точки зрения — стиль понимается не только лишь как индивидуальное свойство (как правило, имеется в виду индивидуальность персональная, личная), но и как обобщение более высокого порядка, чем класс текстов одного автора и присущий им стиль. Предметом изучения являются и стили интерперсональные (ранее чаще использовался термин «надындивидуальный»), важной разновидностью которых являются стили, традиционно называемые функциональными. Именно этим стилям и придается основное значение, поскольку лишь интерперсональные стили могут быть предметом систематического изучения, а также служить благоприят-

ным фоном при характеристике и стиля отдельных конкретных текстов и персональных стилей (авторских, индивидуальных).

Существование различных стилей является одним из источников дифференциации, расслоения, вариантности национальных языков, важнейшим источником дифференциации их литературных манифестаций. Данный вопрос вряд ли может вызывать дискуссию. Иначе обстоит дело с толкованием положения вещей в данной области, какими категориями здесь оперируют и т. д. Нередко ситуация настолько упрощается и искажается, что говорят о «разделении языка на определенное количество функциональных стилей» и т. д. В подобном случае за отдельными стилями признается и наличие системы языковых средств — грамматических, лексических и т. д. Подобным образом понимаемые стили затем квалифицируются как разновидности языка. В результате этого, однако, ситуация в языковой коммуникации утрачивает свою объемность, исчезает одно важное измерение, отражающее напряжение, существующее между стилями как способами построения текста, языкового коммуниката, и системой языковых средств (грамматических лексических и т. д.), дифференцируемой на различные варианты. В текстах некоторых функциональных стилей могут использоваться средства различных вариантов системы языка, иногда и (целые) различные варианты языковой системы (например, в текстах полностью информативных или же художественных); с другой стороны, одна форма существования национального языка, например, разговорный язык (или же некоторые его средства), может быть использована в текстах, принадлежащих к различным функциональным стилям. Мы придерживаемся той точки зрения, что нельзя смешивать разные формы существования национального языка, варианты языковой системы, с одной стороны, и стили — с другой, и что стиль нельзя понимать как разновидность языка — оба эти явления необходимо принципиально разграничивать. Впрочем, для этого необходимо иметь достаточно разработанный понятийный аппарат, пригодный для того, чтобы адекватно описать, как отражается дифференциация стилей в системе языковых средств, как фиксируется динамика отношений между обоими рядами явлений. Это, разумеется, может быть достигнуто лишь в том случае, если угол зрения, под которым исследуются изучаемые явления, будет достаточно широким для того, чтобы правильно выявить место, занимаемое исследуемыми явлениями в комплексе, в состав которого они входят. Только в этом случае мы сможем правильно понять взаимоотношение между указанными явлениями. Мы остановились на этом вопросе потому, что именно этот аспект на протяжении длительного времени отсутствовал, в какой-то мере и в настоящее время отсутствует в понимании проблемы «язык и стиль». Сказанное можно продемонстрировать на одном примере. В языкознании не уделялось достаточно внимания вопросу о том, исследуются ли все виды средств, используемых при построении текстов, а также тому, что относится к сфере языка, каковы его

границы. В данном случае я имею в виду не «нижнюю» границу, то есть где кончаются элементарные языковые явления (фонология в этом отношении перешла от фонем-звуков к дистинктивным фонетическим признакам), а границу «высшую», которую следует искать на самом высоком, «текстовом» уровне строения коммуниката. Ведь, как правило, и ныне зачастую статус языкового средства признают лишь за грамматическими, лексическими и другими средствами, принимающими участие в построении низших единиц, каковыми являются морфемы, слова, предложения. Совокупность этих средств определяется затем как языковая система, для обозначения которой и в чешском языке также используется термин «язык» (в специальном значении). Вместе с тем очевидно, что подобное понимание комплекса не исчерпывает все явления, играющие в структуре текстов, вербальных коммуникатов, роль структурных, конструктивных элементов. В этом случае не учитываются средства, называемые мною тектоническими, которые иногда определяются как собственно стилистические.

В отличие от этого в понятие «стиль» (хотя в работах лингвистов и многочисленных специалистов по стилистике это понятие также интерпретируется как «языковой компонент строения текста» — поэтому нередко говорят о языковом стиле) непременно должны быть включены и некоторые средства тектонические, как, например, повторение, градация, параллелизм или же контрастное употребление. Таким образом, в этом отношении понятия «язык» и «стиль» в их обычном употреблении являются несимметричными — уже на основе одного этого мы не можем подразумевать под стилем разновидность языка.

Отношение, существующее между языком и стилем, не может быть правильно понято без учета третьего понятия, то есть понятия (языкового²) коммуниката, — последний в настоящее время чаще всего обозначается термином «языковое высказывание»³. Впрочем, в языкознании данному центральному понятию длительное время не уделялось достаточного и систематического внимания. Примечательно, что даже в стилистике стиль не рассматривался в более широком контексте — в составе структуры коммуникатов-текстов. Следует заметить, что наука о тексте является сравнительно молодой дисциплиной, она начала складываться, собственно, лишь на протяжении двух последних десятилетий.

В начале нашего века после периода почти абсолютного преобладания сравнительно-исторических исследований, когда в языкознании вновь было обращено внимание на вопросы теории изучения современного языка, на первый план было выдвинуто понятие системы языковых средств (во французском языке для этой цели был использован термин *langue*, ранее употреблявшийся в более широком значении и противопоставляемый говорению (по-французски *parole*), установлению языкового взаимопонимания, или же, как бы мы теперь сказали, языковой коммуникации, или же попросту речи⁴.

Письменные тексты и устные высказывания использовались лишь в качестве источника, из которого лингвистика черпает свой материал и в котором она выявляет отдельные системные языковые средства. При наличии подобной ориентации языковедение, хотя и выдвигало в своей программе на первый план требование изучать явление как целое, тем не менее видело эту целостность, собственно, лишь в целостности языковой системы, а отнюдь не в целостности коммуниката, в его общем понимании. Что же касается стилистики, то она значительно отставала от языковедения и лишь с трудом высвобождалась от школьного нормативного ее понимания, от ограниченного подхода к ней как к стилю художественных текстов, от уз не слишком глубокой литературной концепции.

Интерес к изучению отношения, существующего между языком и стилем, на базе активной современной методологии возник на чешской почве в первой трети XX века. Мы имеем в виду прежде всего работы двух видных представителей пражской школы — Вилема Матезиуса и Богуслава Гавранека, к которым впоследствии присоединились и другие ученые.

В. Матезиус впервые формулирует интересующий нас вопрос и также впервые на него отвечает в своей новаторской статье «О потенциальности языковых явлений», написанной еще в 1911 году⁵.

Исследуя явления потенциальности, то есть синхронные колебания⁶ в речи индивидуумов, принадлежащих к данному языковому обществу, Матезиус высказывается по поводу взаимоотношений «между языковедением и стилистикой или же риторикой». Он отвергает точку зрения, согласно которой в речи того или иного писателя одни явления принадлежат грамматике, другие — стилистике, и продолжает: «Если речь идет о лингвистическом анализе индивидуальной речи, то все ее факты принадлежат лингвистике и нельзя при этом что-то передавать стилистике. Языковедение является наукой, которая исследует языковой материал общественного целого определенной эпохи в статике, а его исторические изменения — в динамике. Поэтому ученые обязаны определять характер материала непосредственно путем исследования индивидуальной речи, для того чтобы выявить его потенциальность. Стилистика отличается от языковедения не материалом, а целью. Если языковедение исследует речь индивидуума для определения языкового материала социальной группы в целом, то стилистика изучает конкретные литературные произведения для определения того, каким образом данный языковой материал использован при создании индивидуального художественного произведения. Следовательно, стилистический анализ всегда обращен к индивидуальности и в лучшем случае может коснуться нескольких индивидуальностей, чтобы исследовать их стилистическую взаимозависимость или зависимость от общего внешнего влияния»⁷.

Таким образом, для Матезиуса стиль того времени представ-

ляет собой явление индивидуальное, он принимает во внимание лишь стиль художественных произведений. Наряду с этим в тексте цитируемой статьи понятие стиля используется и в иной интерпретации, выходящей за рамки сделанного ограничения предмета стилистики: впрочем, здесь Матезиус прибегает и к терминологической дифференциации — вместо термина *styl* он использует термин *sloh*: «Однако в языке представлены и такие явления, исследование которых на первый взгляд приближается к анализу стилистического характера, — это языковые стили — так я назвал бы в отличие от индивидуального характера литературно-художественного творчества тот факт, что речь различных лиц, обусловленная сходством их характера или сходной целью, содержит известные общие черты» (с. 62). К сожалению, Матезиус здесь не говорит о том, какие же отличия, обусловленные действием указанных двух факторов, он имеет в виду, однако исследователь приводит примеры подобных стилей на материале произношения (он различает торжественный стиль и вслед за Есперсеном еще три другие стиля), лексики и синтаксиса (вслед за Гербером им разграничиваются два способа выражения: субъективное, которое помимо прочего фиксирует также и эмоции, и объективное, которое просто сообщает некоторую мысль).

По прошествии пятнадцати лет Матезиус вновь задает себе вопрос: «каково же отношение между научным исследованием языка и научным исследованием стиля?»⁸. Он дает на него следующий ответ: «На мой взгляд, различие между двумя (названными) областями исследования заключается не в различии предмета, но в различии целей анализа... При изучении языка индивидуальные высказывания исследуются как образцы языковых возможностей всего (языкового) сообщества, тогда как при изучении стиля мы пробуем установить, как языковые возможности, общие для всего (языкового) сообщества, были использованы в отдельном случае для достижения индивидуальной цели. Соответственно лингвистическое исследование сосредоточивается всегда на том, что является общим или может стать общим для всего данного (языкового) сообщества; напротив, при анализе стиля мы имеем дело с тем, что является индивидуальным и особенным (единичным, исключительным)».

Строго разграничивая лингвистический и стилистический подход, а тем самым и язык и стиль, Матезиус сосредоточивает внимание прежде всего на языке, акцентируя его коллективный характер. Что же касается другого полярного явления — стиля, то в понимании Матезиуса имеется одна неясность, иначе говоря двусмысленность: так, под «индивидуальным» подразумевается, с одной стороны, индивидуальность отдельных «употребителей» языка (Матезиус прямо говорит об индивидуальных представителях, об индивидуальной цели), с другой — речь идет об «исключительном» («*unique*»), об особом случае актуального употребления, а это допускает возможность интерпретации не только «связанный с индивидуальностью человека» (то есть подразумевается персо-

нальный стиль, стиль текстов одного лица), но и «относящийся к отдельному коммуникативному акту» (это означает, что речь идет о стиле отдельного коммуниката, а не об известной степени обобщающей категории персонального стиля, то есть стиля класса коммуникатов). Впрочем, недифференцированный подход к этому вопросу в чешской стилистике (да и не только в ней) будет сказываться еще очень долго, часто вплоть до настоящего времени. Что касается функционального подхода к языку, Матезиус в этой связи называет две функции языка: экспрессивную и коммуникативную; однако в данном случае речь идет не о стиле. Заканчивая комментировать данный этап в понимании Матезиусом стиля, следует отметить, что исследователь пока еще не рассматривает стиль в плане интерперсонального обобщения, не ставит вопрос и о его функциональном разграничении.

Отсутствует и упоминание о стиле в «Тезисах Пражского лингвистического кружка»⁹, в работе над которыми принимал большое участие и В. Матезиус (а также Б. Гавранек). В данных Тезисах помимо прочего формулируются принципы функционального подхода — в первом тезисе они изложены в весьма общей форме, в третьем речь идет о «проблемах изучения языков, выполняющих различные функции».

Вопросам стиля Матезиус уделяет больше всего внимания в нескольких статьях, относящихся к началу 40-х годов. Прежде всего это его большая работа «Речь и стиль»¹⁰. В своем изложении он исходит из оппозиции языковой системы и конкретных высказываний, являющихся результатом «говорения» — сейчас мы бы сказали — результатом речевых актов. Высказывания здесь являются предметом интересной семантической характеристики, однако о стиле здесь пока еще не говорится, хотя уже проводится разграничение высказываний в зависимости от их цели, прежде всего на высказывания информативные и экспрессивные. Рассмотрение вопроса о стиле (*slah*) термины *styl* и *stylistika* в работе Матезиуса вообще не употребляются!) начинается безотносительно к высказыванию — говорится о том, «как используются языковые средства выражения в стиле», — понятие «высказывание» и в данном определении стиля не употребляется. Матезиус определяет стиль как «специфический способ, посредством которого были использованы или же обычно используются языковые средства выражения для достижения конкретной цели». В приведенном определении особенно важно дифференцированное понимание стиля «как явления, данного нам в готовом языковом продукте», и «как возможности, заданной ситуацией, в которой языковой продукт возникает». Если сравнить ту интерпретацию, которую автор предложил в 1927 году и которая, впрочем, относилась к более широкому кругу явлений, чем к языковому стилю, то можно установить, что в новой дефиниции Матезиуса стиль уже не рассматривается лишь как свойство готового языкового факта (в его завершенном виде), и автор не ограничивает стиль, используя определение «индивидуальный» (способ), — употреб-

ляется лишь определение «специфический»; не говорится и об объединяющей функции стиля.

На основе учета трех факторов, то есть языкового материала, личности автора и цели, Матезиус разграничивает три вида стилей: стиль языковой основы (чешского, немецкого... языков); стиль авторской индивидуальности и стиль функционального объекта (стиль доверительного письма, торжественного письма). Таким образом, при установлении типа стиля он не использует в качестве критерия такой фактор, как ситуация, в которой текст возникает, несмотря на то что он и упоминает об этом факторе. Стиль функционального объекта Матезиус называет также функциональным стилем. Он выделяет ряд разновидностей функционального стиля в зависимости от характера и цели высказывания (что-то кому-то сообщается, объясняется, рассказывается... предлагается, что-то опровергается и т. д.). Матезиус не стремится систематизировать эти стили и лишь отмечает, что в сущности речь идет о том, каким образом на лексическое значение накладывается обращение или же примешивается эмоциональная окрашенность.

Матезиус создал свою концепцию стиля относительно поздно (он умер в 1945 году), ее появлению предшествовали основные публикации по данной проблематике Б. Гавранека. На рубеже 20-х и 30-х годов Гавранек откликнулся на призыв Матезиуса создать функциональную теорию языка, предложив функциональную концепцию специфической проблематики литературного языка и его функциональной и стилистической дифференциации. Именно эта задача является целью его работы «Задачи литературного языка и его расслоение»¹¹. В соответствии с замыслом автора вопросы стиля здесь занимают подчиненное положение: он отдельно рассматривает расслоение языка на ряд функциональных языков и стилистическую дифференциацию. В центре внимания данной работы находится выявление основных функций литературного языка и его расслоение на функциональные языки.

К числу специфических особенностей литературного языка помимо прочего относится именно то, что он характеризуется более богатой функциональной дифференциацией, чем народный язык: функции, выполняемые народным языком, по мнению Гавранека, можно включить в разряд функций коммуникативных (под этим понимается повседневная обиходная коммуникация); литературный язык имеет кроме того широко развитые специальные и поэтические средства выражения. По поводу сказанного можно сделать два замечания: вызывает удивление то, что не упоминается о сфере народной словесности, богато представленной у славян даже в новейшее время. Народная словесность, равно как и различные формы — обрядовые, ритуальные, как обычаи, поговорки и т. д., свидетельствуют о том, что функцию народного языка вряд ли было бы правильно ограничивать лишь обиходно-информативной, коммуникативной функцией, как это делает Гавранек. Народный язык оснащен по крайней мере терминологически и

для специальной сферы; ср. многочисленные специальные обозначения из области сельского хозяйства, ремесел и т. д. Мы полагаем, что вопреки общепринятому мнению не следует ограничивать специальную сферу лишь коммуникацией на литературном языке. Второе замечание касается широты функциональной сферы: Гавранек различает функцию информативную, которую он затем подразделяет на функции коммуникативную и специальную — последняя в свою очередь делится на практически специальную и теоретически специальную, а также функцию эстетическую. Из этого следует, что наряду с функцией эстетической он оперирует лишь функцией (пользуясь термином Бюллера) отображения, не включая такие функции, как апеллятивную и экспрессивную, или же эмоциональную; обращение, призыв у него появляется уже при разграничении на стили (в зависимости от конкретной цели высказывания). Из этой статьи Гавранека, как правило, цитируется лишь место, касающееся различения функциональных языков — так, как это представлено в схематическом обзоре функциональной дифференциации (с. 67). Однако в тексте статьи говорится и о языке торговом, юридическом, политическом, дипломатическом и административном (все они могут быть отнесены к языку практически специальному), а также о языке журналистики (с. 63) — впрочем, в другом месте он именуется как журналистский стиль (с. 77). Наряду с упомянутым различением функций и соответствующих им функциональных языков проводится разграничение стилистическое: автор различает функциональные стили литературного языка в зависимости от: А. конкретной цели (указываются пять случаев: практическая информация (сообщение), призыв, популярное наставление, специальное и профессиональное наставление и кодифицирующая формулировка). Б. способа сообщения: разграничиваются, с одной стороны, сообщения интимно-публичные; с другой — устные, письменные и, наконец, монологические и диалогические (при этом Гавранек показывает, как эти критерии перекрещиваются).

В этой же статье Гавранек также непосредственно формулирует, каким ему представляется отношение между языком и стилем, точнее говоря, между функциональным языком и функциональным стилем: «функциональный стиль определяется конкретной целью того или иного высказывания и представляет собой функцию высказывания, то есть «речи» (parole), в то время как функциональный язык определяется общими задачами нормативного комплекса языковых средств и является функцией языка (langue) (с. 68). И продолжает далее: «При языковом высказывании мы сталкиваемся, следовательно, с функциональными языками в различных типах функциональных стилей» (с. 69). Из сказанного вытекает, что для Гавранека стиль представляет собой лишь низшую степень обобщения (следует обратить внимание на то, что он проводит «полутерминологическую» дифференциацию и при перечислении функций: так, рассматривая функциональный стиль, он говорит о «конкретной цели», в то время как у функ-

ционального языка отмечается «общая цель»). В интерпретации этого отношения нам недостает учета третьего компонента, который находится «в игре», — это коммуникат в его общем понимании: «общие цели», приписываемые функциональным языкам, должны быть реализованы и в коммуникатах, которым мы, таким образом, можем приписать соответствующую общую цель, обобщенно понятую функцию. Причем, это должно в первую очередь распространяться именно на них, а затем уже на систему используемых в них средств. Так, например, специальный функциональный язык используется в специальных сообщениях, коммуникатах, то есть в коммуникатах, характеризующихся специальным стилем (в понятие «стиль» мы вкладываем современную интерпретацию, а отнюдь не то содержание, которое ему тогда приписывал Гавранек). Отнесение стиля лишь к сфере «parole» не было принято, уже в дискуссии, состоявшейся в журнале «Slovo a Slovesnost» несогласие с этим высказали Б. Трнка и В. Скаличка.

В начале 40-х годов Гавранек еще дважды обращался к теоретическим вопросам языкового стиля, затрагивая также отчасти проблему его отношения к системе языка. Он поместил короткий, однако очень содержательный материал в статье «Стилистика»¹³, в которой он рассматривает стилистическую проблематику в разных аспектах, делая при этом важные наблюдения. Автор здесь уже продумывает вопрос об отношении между стилем и языковым сообщением и особенно отмечает следующее: «Стилистическая организация языковых сообщений может затрагивать как любой аспект языкового плана — не только синтаксический и лексико-грамматический, в которых это проявляется наиболее заметно, но и грамматический вообще и звуковой, — так и общее построение языкового плана и его отношение к плану тематическому» (с. 470). Проблема, поставленная Гавранеком в заключении статьи, не была, однако, в стилистике реализована в достаточной степени. В своих работах по стилистике с начала 60-х годов я стремился привлечь внимание именно к этой проблеме; мною был сделан вывод о необходимости расширения предмета исследования стилистики за счет включения в сферу изучения способа организации тематического аспекта. Только в этом случае стиль будет интерпретирован как интеграционный принцип строения коммуникатов. В указанной выше статье Гавранек остается верным своей концепции функциональных языков и функциональных стилей, предложенной им в 1932 году. Некоторые изменения, имеющие в сущности лишь терминологический характер, были осуществлены им в статье «К функциональному расслоению литературного языка»¹⁴ (с. 409 и далее), написанной уже после дискуссии о стиле, состоявшейся в журнале «Slovo a Slovesnost» в 1941 году. Вместо функциональных языков он уже отдает предпочтение обозначению «функциональные диалекты или слои» (второй термин используется затем в тексте). В этой работе Гавранек очень удачно определяет характер дифференциации языка. Он показывает, что речь идет об иерархическом расслоении и что

дифференцированные формы — сказанное касается диалектов как территориальных, так и функциональных, а также функциональных слоев — отличаются друг от друга в структурном отношении; хотя, как правило, имеется в виду не структура, имеющая совершенно иной характер, а структура, отличающаяся лишь некоторыми своими аспектами. Таким образом, отдельные диалекты нельзя ни уравнивать, ни объединять в рамках монолитной структуры: в соответствии с формулировкой, избранной Гавранеком, речь идет о структуре, характеризующейся иерархическим расчленением.

В дискуссии о теоретических вопросах стиля, проходившей в журнале «Slovo a Slovesnost» в 1941 году, состоялись три, точнее, четыре выступления: И. М. Коржинека, Б. Трнка и Вл. Скалички (в их число почему-то не включают статью В. Матезиуса «Пути к ясной стилистической интерпретации»¹⁵, хотя среди заявленных выступлений называется также выступление Матезиуса «По поводу практики стилистики»).

Выступление И. М. Коржинека «О языковом стиле»¹⁶ благодаря своим отточенным формулировкам явилось удачным началом дискуссии. Тем не менее большинство основных мыслей автора принято не было: и прежде всего точка зрения на то, что предметом стилистики является *parole*, в то время как предметом лингвистики — *langue*, а также то, что стилистика направлена на индивидуальное, в то время как лингвистика — на надындивидуальное. При этом Коржинек, для которого стиль является «специфическим отражением цели языкового сообщения в языковом материале», собственно различие между языком и стилем видит лишь на оси «индивидуальное — надындивидуальное», в остальном же оба явления, по его мнению, имеют одинаковый статус. Согласно формулировке автора «языковой стиль не есть лишь сумма внешних языковых особенностей, а язык в целом в определенном целенаправленном употреблении» (с. 30). Напомним также, что выступление Коржинека содержит некоторые очень ценные мысли, например, о том, что стили различных национальных языков являются более или менее идентичными (самую резкую критику вызвало прямолинейно упрощенное причисление Коржинеком логического, эстетического и этического «языково-стилистических типов» к функциям образительной, выразительной и апеллятивной).

Б. Трнка («К вопросу о стиле») и Вл. Скаличка («Проблемы стиля»)¹⁷ в отличие от Коржинека отмечали, что стиль затрагивает как сферу речи, так и языка, и что стиль любого высказывания содержит как индивидуальный, так и надындивидуальный компоненты. Трнка подчеркивает, что науку о стиле следует создавать при учете его надличностной функции и нормы. Скаличка, который делает акцент на внутренней характеристике языковых явлений, при интерпретации явлений стиля основывается на учете расширенного понимания синонимичности; стилистически маркированные явления обнаруживают качества своей стилистической

характеристики по отношению к синонимичным средствам, имеющим иную (либо нейтральную) стилистическую окраску. Трнка тесно связывает интерпретацию стиля с интерпретацией структуры высказывания, языкового сообщения. По его мнению, стилистику следует понимать как науку о высказывании. При этом важно то, что Трнка разграничивает стилистические и языковые явления: говоря о стилистических компонентах высказывания, стилистических средствах, он подразумевает под этим средства, характеризующие говорящего как члена определенной общественной группы, далее средства, при помощи которых говорящий стремится оказать определенное воздействие на слушателя. Сюда же относятся средства, на основе учета которых само высказывание может быть отнесено к определенной конвенционной категории (например, для данного образования характерным признаком является обращение в письме). Характеризуя эволюцию нормы (информативного) стиля, он исследует главным образом стилистические различия структуры предложения — развернутое предложение Цицерона, более короткое антитетическое предложение Сенеки, правильное предложение периода классицизма и т. д.

Можно сказать, что упомянутая дискуссия о стиле в основном способствовала укреплению того подхода к исследованию стиля, становление которого было связано с пражской школой межвоенного периода, то есть это понимание стиля как категории, относящейся к плану языка и соединяющей в себе надиндивидуальные и индивидуальные особенности, — иными словами, как явление, которое не только можно, но и нужно изучать в функциональном и системном аспектах. Разумеется, высказанные ими точки зрения носили лишь самый общий характер, они не претендовали на систематизацию. Было установлено наличие тесной связи между проблематикой стиля (в выступлении Б. Трнки) и проблематикой строения языкового сообщения. Можно лишь сожалеть о том, что не было возможности продолжить намеченный путь исследования: журнал «Slovo a Slovesnost» в 1943 году перестал выходить, а работа в области лингвистики была продолжена только после войны.

Оживление интереса лингвистов к теоретическому изучению вопросов стиля проявилось у нас, однако, лишь в первой половине 50-х годов (в 1948 году вышел цикл работ Й. В. Бечки «Введение в чешскую стилистику»¹⁸, которые, однако, не решают теоретические вопросы об отношении между языком и стилем). Одним из основных достижений периода, наступившего после отхода от марризма в советском языкознании, явилось привлечение внимания к проблемам национального языка, прежде всего к его литературной форме, рассматриваемой в ее монолитности и внутренней дифференцированности, а также в аспекте языковой культуры. Предметом живого интереса были дискуссии по стилистике в советских журналах; в 1953 году Фр. Травничек первым опубликовал небольшую работу о языковом стиле. В 1954 году при участии почти всех специалистов была организована конферен-

ция о стиле в Либлице (основные доклады, а также подведение итогов дискуссии были затем опубликованы в журнале «Slovo a Slovesnost») (1955, № 1, 2, 3).

Хотелось бы еще отметить, что специфика ситуации, характерной для этого времени, повлекла за собой то, что охарактеризованная нами выше довоенная традиция в некоторых своих аспектах не получила развития; был сохранен и получил дальнейшее развитие лишь функциональный подход к стилям, хотя концепция Гавранека о функциональных языках и отношении между (функциональными) языками и стилями не получила поддержки. Вместо двух понятий «(функциональный) язык и (функциональный) стиль» начали пользоваться (впрочем не совсем в том же значении) оппозицией «стиль» (с различной степенью и характером обобщения — от стиля отдельных сообщений, через индивидуальные стили, вплоть до в значительной мере общих типов стиля) и «стилистический слой (языковых) средств», включающий маркированные средства, характерные для сообщений, принадлежащих к данному стилю. Использование понятия «стилистический слой средств» позволило удачно отразить специфическое преломление отдельных интериндивидуальных стилей в системе (языковых) средств; осталось, впрочем, незанятым место, принадлежавшее функциональным языкам (в изложенном выше понимании Гавранека).

Продумывая позже вопрос об отношении между языком и стилем, я, однако, вернулся, правда, в самом общем виде, к данным стилистическим вариантам языка и пользуюсь в настоящее время следующей триадой понятий: 1) стили (с различной степенью обобщения) как интеграционные принципы структуры языковых коммуникатов; 2) стилистические слои средств, включающие стилистически маркированные средства; 3) стилистические варианты языка, представляющие собой целостные системы средств, используемых в коммуникатах, принадлежащих к различным интериндивидуальным стилям, и включающие, следовательно, как стилистически маркированные средства, объединенные в соответствующий слой, так и средства стилистически нейтральные. Таким образом, я выделяю, например, специальный стиль, специальный слой средств и специальный язык.

С точки зрения актуальности важнейшим участком проблематики отношения между стилем и языком, нуждающимся в теоретическом и систематическом изучении, является в настоящее время, по нашему мнению, единообразная обработка наблюдений, сделанных за два последние десятилетия в языкознании, стилистике и в особенности в науке о тексте (выступающей под различными наименованиями) и связанных с изучением средств, способов и нормы строения языковых коммуникатов на их самом высоком, текстовом уровне. В ходе этой работы, несомненно, будет необходимо сместить традиционные границы явлений, характеризующихся как языковые или же грамматические и т. д. Было бы очень полезно осуществить перераспределение внутри традицион-

ной системы наших научных дисциплин. Традиционная классификация, унаследованная, собственно, от времен научного позитивизма, ныне уже явно не удовлетворяет и служит одним из источников различных недоразумений при интерпретации идентичных или же смежных явлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мы оставляем в стороне целесообразность выделения интерлингвистики и экстралингвистики. Лингвистика неизбежно включает в себя и социальный аспект, занимающий в ней важнейшее положение. Впрочем, и социология не может оставаться безучастной к языковой проблематике.
- ² Определение «языковой, вербальный» в этом случае не говорит о том, что в структуре данного комплекса используются лишь языковые средства. Речь идет о том, что языковые средства являются в нем основными.
- ³ Используются и другие обозначения — так, например, Вл. Скаличка говорит об энунциации (Skalička V. Syntax promluvy (enunciace). — Slovo a Slovesnost, 1960). В наших работах отдается предпочтение термину «коммуникат» или же «вербальный или языковой коммуникат» в том случае, если необходимо отграничить их от коммуникатов иного вида, например, в музыке или же изобразительном искусстве. Таким образом, термин «текст» в некоторых случаях понимается более узко.
- ⁴ В чешском языкознании первой половины нашего столетия термин «řeč» чаще всего использовался как эквивалент к французскому langage для обозначения вышестоящего или же, скорее, недифференцированного понимания комплекса языково-речевых явлений вообще; под речью же понималась вообще способность людей коммуницировать посредством артикулированных звуков, как говорилось ранее, до распространения знаковой концепции языка.
- ⁵ Mathesius V. O potenciálnosti jevů jazykových. — Věstník Královské české společnosti nauk, třída historická, XVIII, 1911. Вновь издана Й. Вахеком. — In: U základů pražské jazykovědné školy. Praha, 1970.
- ⁶ В. Матезиус говорит о статичном колебании, то есть он употребляет термины статичный и динамичный применительно к оппозиции, позднее обозначаемой терминами синхронный и диахронный. Об этом обстоятельстве можно лишь сожалеть, поскольку синхронный подход к языку у В. Матезиуса носит как раз не статичный, а динамичный характер. Исходя из программы, он обращает внимание на диалектику противодействующих сил, прежде всего на диалектику индивидуального и коллективного, проявляющуюся в языке при доминирующем положении коллективного, общественного полюса.
- ⁷ Mathesius V. O potenciálnosti jevů jazykových. — Цит. по: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 61 (далее страницы указаны в тексте).
- ⁸ Nové proudy a tendence v lingvistickém bádání. — In: Mněma. Praha, 1926, s. 197.
- ⁹ Travaux linguistique de Prage, sv. 1, 1929.
- ¹⁰ Mathesius V. Reč a sloh. — In: Ctení o jazyce a poezii. Praha, 1942.
- ¹¹ Havránek B. Ukoly spisovného jazyka a jeho kultura. — In: Spisovná čeština a jazyková kultura. Praha, 1932.
- ¹² Havránek B. Stylistika. In: Ottův slovník naučný, d. VI. Praha, 1940, s. 470 n.
- ¹³ Havránek B. K funkčnímu rozvrstvení spisovného jazyka. — Casopis pro moderní filologii 28, 1942, s. 409 n.
- ¹⁴ Skalička V. Cesty k jasnému výkladu slohovému. — Slovo a Slovesnost, 1941, s. 28.
- ¹⁵ Kořínek I. M. O jazykovém stylu. — Slovo a Slovesnost, 1941, s. 28 n.
- ¹⁶ Trnka B. K otázce stylu. — Slovo a Slovesnost. Praha, 1941, s. 61 n.; Skalička V. Problémy stylu. — Slovo a Slovesnost, 1941, s. 191 n.
- ¹⁷ Večka I. V. Úvod do české stylistiky. Praha, 1948.
- ¹⁸ О понимании стиля см.: Hausenblas K. Výstavba jazykových projevů a styl. Praha, 1972.

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ
СИТУАЦИЯ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ И НЕКОТОРЫЕ
ЕЕ ИСТОКИ

На конференциях, посвященных проблематике языковой культуры и месту литературных языков в современном обществе, большое внимание уделяется одному из важнейших аспектов этой широкой проблематики, а именно: связи литературных языков с государственными образованиями, в которых они функционируют. Как показали многие дискуссии, здесь имеются в виду следующие ситуации.

Некоторые литературные языки развиваются в рамках одного государства «без какого-либо значительного влияния других языков»¹. Речь идет о том, что литературный язык, будучи официальным, государственным языком в стране, является в то же время родным языком для подавляющего большинства населения.

Представители национальных меньшинств являются носителями других языков, используемых в качестве средства коммуникации этих меньшинств. В том случае, если национальное меньшинство имеет свой литературный язык, оно не может его использовать в сфере официального (делового) общения.

Значительно чаще мы сталкиваемся с такой ситуацией, которую некоторые лингвисты пытаются определить как двуязычие². Подобная ситуация возникает тогда, когда в определенном государственном образовании наряду с официальным литературным языком существует другой язык, который находится «в сильной зависимости от основного официального языка»³. В качестве примера в подобных случаях указывают на соотношение между русским и белорусским языками, объясняя их языковую ситуацию следующим образом: в то время как русский язык не знал пуризма, так как он мог развиваться свободно, независимо от влияния других языков, и даже стать языком межнационального общения, белорусский язык развивался в такой ситуации, «для которой характерно параллельное развитие двух норм: белорусской и русской, причем подавляющее большинство белорусов владеет обеими нормами»⁴. Аналогичная ситуация наблюдается, как считают, например, между серболужицким и немецким языками, несмотря на то, что оба языка различаются типологически. В меньшей мере билингвизм проявляется в отношениях между русским и украинским языками. Аналогично оцениваются отношения, существующие между словенским и сербохорватским, македонским и болгарским (а также сербохорватским) языками.

В отношениях билингвизма до 1945 года находились также чешский и словацкий языки. «Поэтому в словацкой теории языковой культуры, в отличие от чешской, постоянно подчеркивалась необходимость обращения к говорам, к народному языку, поддерживались фольклоризаторские тенденции, длительное время велась борьба за признание словацкого языка в качестве самостоятельного литературного языка»⁵. Именно поэтому в Словакии пуризм получил широкое распространение, в то время как в других странах и в других государственных образованиях с развитыми литературными языками, имеющими богатые традиции, пуризм был уже анахронизмом.

После 1945 года, то есть в Чехословацкой Социалистической Республике, языковая ситуация становится совершенно иной по сравнению с языковой ситуацией межвоенного периода. Создавшуюся языковую ситуацию мы будем называть двуязычием, хотя этот термин полностью не передает сущности вышеуказанного явления.

Правовая сторона современной языковой ситуации в ЧССР — двуязычие — закреплена Конституционным Законом Чехословацкой федерации, принятым Федеральным собранием ЧССР 27 октября 1968 года. В этом конституционном законе говорится, что «чешский и словацкий языки равноправно употребляются при принятии законов и других, обязательных для всех постановлений. На официальных форумах, а также при других видах коммуникации населения оба языка употребляются равноправно»⁶. На практике этот закон реализуется таким образом, что на территории всего государства при официальном общении может использоваться любой из двух языков — чешский или словацкий — в зависимости от того, представителем какой национальности является говорящий, каким из двух языков он лучше владеет или же отдает предпочтение одному из языков по какой-либо другой причине.

Подобная практика, правда, предполагает, что оба участника коммуникации (государственный служащий и гражданское лицо) владеют обоими языками: одним активно, другим, по крайней мере, пассивно. Специфика двуязычия в ЧССР заключается не только в том, что функционируют два равноправных языка. Реализацию конституционного закона осуществляют, полностью того не осознавая, носители обоих языков — чешского и словацкого — и в других контактных ситуациях, то есть в условиях не только официального общения, но и неофициального. Словацкий и чешский языки поочередно используются и средствами массовой информации. Особенно широко это распространено во многих видах и жанрах теле- и радиопередач. Повседневной практикой стали контактные ситуации, в которых принимают участие двое или более актеров, ведущие передачи на обоих языках. Двуязычие наблюдается даже в тех случаях, когда участниками беседы являются дети, у которых не всегда можно предположить хорошее знание второго языка⁷. Но контактные ситуации на обоих языках

имеют место не только в передачах средств массовой информации. С подобными ситуациями мы постоянно встречаемся в повседневной жизни: в магазинах, на экскурсиях, на производстве и др.

Современное двуязычие в Чехословацкой Социалистической Республике, контактные ситуации, в которых чешский и словацкий языки беспрепятственно и одновременно функционируют в сфере неофициального (публичного) общения и в сфере официального непубличного (частного) общения⁸, — это не следствие случайного, стихийного развития или официального приказа, насильственной реализации конституционного закона или же какой-либо другой принудительной акции или процесса.

Современное двуязычие в ЧССР диалектически возникло в результате естественного развития, на которое интенсивное влияние оказывали политические, культурные, личные и прочие контакты носителей обоих языков, живущих сначала в непосредственной близости друг от друга, а затем — в рамках одного государственного образования. Немаловажную роль, правда, сыграло и близкое родство обоих языков.

Говоря о естественном развитии, которое предопределило современное языковое состояние, следует сказать, что его нельзя понимать как прямой, непрерывный процесс. Было время, когда взаимному сближению обоих языков препятствовали силы, пытавшиеся благодаря искусственному вмешательству насильственно затормозить и изменить направление этого естественного развития.

На страницах журнала «Слово и словесность» в 1935 году появилась серия статей под общим названием «Вопросы словацкого литературного языка сегодня». Под этой рубрикой редакция печатала статьи таких авторов, которых она считала способными сформулировать принципиальные позиции по поводу этой важной и при этом очень деликатной проблематики.

В дискуссии приняли участие и три словацких автора, представляющих в то время направления, характерные для тогдашней культурной жизни Словакии⁹. Все они наряду с проблематикой словацкого литературного языка обращаются и к вопросу сосуществования чешского и словацкого языков и высказывают по этому поводу свои суждения. Наиболее правильную позицию занял Ладислав Новомеский, который исчерпывающе охарактеризовал обе тенденции, тормозящие сближение или нормальное сосуществование чешского и словацкого языков. Одновременно он сформулировал свою точку зрения и свои представления об объективном, естественном развитии обоих языков в будущем. Когда Л. Новомеский принял участие в анкете журнала «Слово и словесность», он был редактором коммунистической газеты, известным поэтом, журналистом, который не только интуитивно пользовался языком, но и активно размышлял о нем, определяя его возможности и способности.

В своей статье Новомеский дает оценку тенденциям, оказавшим негативное влияние на развитие обоих языков — чешского и словацкого, — тенденциям, ведущим не к вышеупомянутому дву-

язычию, а к постоянным конфликтам между его носителями, к усилению пуризма, с одной стороны, и к великодержавному шовинизму — с другой. Причиной этого «была в первую очередь фикция национального чехословацкого единства, которая оставила глубокий след в истории словацкого языка, при этом одна концепция сменяла другую, начиная с ассимиляторских тенденций и кончая скромными попытками сблизить оба языка» (с. 171). Обращаясь к некоторым чешским лингвистам и другим деятелям культуры, Новомеский отмечает: «Это направление в языковой политике в отношении словацкого языка практически не подкреплено (следует иметь в виду «чехизацию» словацкого языка. — О. Ш.) никакой удовлетворительной научной логикой, а лишь стремлением унифицировать словацкий и чешский языки, однако мы стремимся на государственной политике или на каких-то других аргументах, не связанных с лингвистикой. Точно также, например, использование новых правил словацкого правописания явилось скорее проявлением политических взглядов, чем признанием авторитета их создателей или выражением необходимости их упрощения» (с. 172).

Вот краткая, но объективная характеристика тенденций, проявлявшихся со стороны чехов.

Это вызвало ответную реакцию со стороны словаков, вылившуюся в абсурдную ситуацию, когда «ведущий словацкий писатель» И. Разус, отказываясь от Правил словацкого правописания (вышедших под редакцией В. Важного), в полемике о словацком языке написал, что изменения в словацком языке, которые бы его сблизили с чешским языком, можно было бы принять в том случае, «если бы чешский язык отказался от своих принципов» (с. 172).

Официальную позицию словаков в то время по вопросу об отношении чешского и словацкого языков Л. Новомеский называет «национальным словацким движением после образования чехословацкой республики в 1918 году, которое «консервировало» словацкий язык без чувства надлежащей меры в своем стремлении быть непохожим на тот чешский язык, с которым его хотели объединить (или к которому его хотели приблизить)» (с. 171).

Нетрудно заметить, что Новомеский не разделяет ни первую, ни вторую точку зрения. Формулируя свою точку зрения, он сумел постичь действительное, объективное положение вещей, подчеркивая необходимость естественного развития языков. Позиция Новомеского по вопросу о взаимоотношениях между чешским и словацким языками, о жизненно важных проблемах для обоих народов, заключается в следующем: «Между основными тенденциями, первой, которая исходит из того, что словацкий язык является диалектом чешского языка, и второй, которая авторитарно отстаивает своеобразие словацкого языка, между чехофильской и чехофобской тенденциями все отчетливее вырисовывается третья, политический смысл которой заключается в том, чтобы решение вопроса о развитии сло-

вацкого языка было научным и только научным... близость тех или иных форм словацкого языка к чешским никогда не будет препятствием для их употребления в словацком языке, хотя последний противится всяким усилиям, направленным на трансформацию словацкого языка в чешский»¹⁰.

Точка зрения Новомеского — это не только его личное кредо, не только мнение высококвалифицированного практика, использующего язык как рабочий инструмент в своей журналистской и поэтической деятельности. Писатель здесь выражает мнение, которое родилось как следствие естественного процесса развития обоих языков и которое опиралось на действительно научное обоснование этого развития. Такая позиция позволяет увидеть проблему комплексно, в тесной связи с другими общественными явлениями, прежде всего в связи с социальным и национальным вопросами, решению которых Новомеский посвятил почти всю свою журналистскую деятельность.

Точка зрения Новомеского не осталась лишь лозунгом, лишь манифестом, оторванным от какой-либо реальности. Она находит конкретную реализацию, например, в методах работы редакции журнала «Творба», еженедельника, посвященного вопросам литературы, политики и искусства, который издается Коммунистической партией Чехословакии.

Примером реализации и конкретизации этой точки зрения является тот факт, что, например, в так называемой «фучиковской» «Творбе», в номерах, вышедших в 1930 году, которые поочередно редактировали Юлиус Фучик и Ладислав Новомеский (с 1929 по октябрь 1939 года он жил в Праге), а также в последующих номерах этого журнала печатались статьи на чешском и словацком языках (в зависимости от того, кто был их автором). Новомеский, например, писал и публиковал свои тексты на двух языках: стихи — по-словацки, статьи — по-чешски. Точно так же поступали издатели и редакторы коммунистических газет и в Словакии. Так же как словацкий поэт-коммунист, писатель, журналист и политик Ладислав Новомеский писал в чешских газетах по-чешски и по-словацки, в словацких газетах приблизительно в то же время чешский политик-коммунист К. Готтвальд писал по-чешски и по-словацки.

И не только это. Публично выступая перед чешской аудиторией, Новомеский говорит и по-чешски и по-словацки, и, наоборот, К. Готтвальд в своих публичных выступлениях пользуется как словацким, так и чешским языками.

Эти выступления, правда, не всегда были безупречны. В словацких статьях Готтвальда можно найти не один богемизм, в своих выступлениях на словацком языке он не раз употреблял чешские слова, формы, словосочетания. И, наоборот, в текстах Новомеского, написанных по-чешски, также немало словакизмов.

Так, экскерптируя журналистские работы Новомеского, написанные на чешском языке¹¹ мы обнаружили такие, например, словакизмы, как *žandár*, *umývať sa*, *protežant*, *gauner*, *gaunerský*

и т. д. Словакизмами можно считать также формы, употребленные в следующих словосочетаниях: *je dovolené, fabriky nejsou zařízené* и т. д. Влиянием словацкого языка можно объяснить и колебания различных форм в чешском языке *krimalisté — kriminalisti*.

Богемизмы в словацкой печати и словакизмы в чешской, по тем или иным причинам употребленные авторами, никоим образом не ставили под угрозу самобытность ни чешского, ни словацкого языков. Нельзя даже сказать, что они появлялись из-за незнания языка. Их употребление скорее было обусловлено спонтанным характером устных и письменных выступлений. Например, Новомеский осознал словакизмы в своих статьях, написанных по-чешски. Их видел также редактор и издатель «Творбы» Юлиус Фучик, который, находя подобные словакизмы в текстах Новомеского или в чьих-либо других текстах, всегда лишь дружески и сердечно улыбался, как об этом пишет в предисловии к собранию статей Новомеского издатель Карол Розенбаум¹².

Размышления об истоках и источниках современной языковой ситуации в ЧССР мы можем закончить утверждением, что одним из источников этой ситуации были коммунистические газеты и журналы и их авторы, коммунистические журналисты и политики, которые не насаждали в отношениях между чешским и словацким языками искусственные тенденции сближения, как это делали чешские шовинисты и «защитники» словацкого языка, стоявшие на позициях сепаратизма и стремившиеся под предлогом борьбы за чистоту словацкого языка провозгласить идеи националистических и сепаратистских политических кругов и партий.

Благодаря тому что на страницах коммунистических газет и журналов, а также в публичных выступлениях каждый мог использовать любой из двух языков, для читателей этих статей и слушателей устных выступлений появлялась возможность овладеть обоими языками, что создавало условия для их естественного сближения.

Существование двуязычия, характеризующее языковую ситуацию в ЧССР, может привести к ложному выводу о том, что происходит нарушение норм двух близкородственных языков, равноценно функционирующих в рамках одного государственного образования. Специальное исследование, однако, показывает, что этот вывод несостоятелен, что лишь время от времени возникают контактные варианты, число которых не превышает числа заимствований из других, неродственных и типологически отличных языков¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ H o g e s k ý J. Všeobecné a špecifické črty jazykovej kultúry v našich jazykoch. — In: Aktuální otázky jazykové kultury v socialistické společnosti. Praha, 1979, s. 21.

² Ibid., s. 22.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

⁶ Ustava Československej socialistickej republiky. Praha, 1973, s. 51.

⁷ Нередко ситуация двуязычия находит выражение в средствах массовой информации, например, при интервью, когда репортер говорит по-чешски, дающий интервью отвечает ему по-словацки или наоборот. Популярны конкурсы телевидения, участники которых говорят и по-словацки, и по-чешски. Часть членов жюри также объясняется по-чешски и по-словацки. Ситуацию двуязычия часто можно наблюдать и в радиопередачах. Обычными являются передачи, когда основной текст звучит по-чешски, однако чешский комментатор, корреспондент или диктор может вызвать своего коллегу из Словакии, чтобы тот включился в передачу, и передача продолжается по-словацки. Обычной является практика репортажа, когда в одном репортаже чередуются дикторы, говорящие по-чешски и по-словацки.

Ситуация не становится двуязычной только при реализации устного выступления. Во многих журналах общегосударственного значения публикуются статьи как на чешском, так и на словацком языках, например, в журналах «Новая мысль», «Прага—Москва», «Новая доба», «Советская литература», «Сполоченске веди в СССР», «Новинарж», «Сешиты новинарже» и др.

В настоящее время в ЧССР двуязычие уже настолько обыденное явление, что и в Чехословацкой народной армии приказы отдаются на двух языках, в зависимости от того, какой из них выберет отдающий приказ. Подобное употребление мы называем официальным непубличным общением.

⁸ См. прим. 7.

⁹ Ими были: Людовит Новак — представитель отделения лингвистики «Матицы Словацкой», который в журнале «Слово и словесность» написал статью «К проблемам языковой культуры в Словакии» (с. 166—171); гласист (сторонник направления, представленного журналом), Антон Штефанек написал статью под названием «Проблемы словацкого литературного языка и словацкий национализм» (с. 172—178) и Ладислав Новомеский, принявший участие в дискуссии статьей «К проблемам развития словацкого литературного языка» (с. 171—172). В дальнейшем при ссылке на эту публикацию страницы указываются в тексте. — О. Ш.

¹⁰ Это мнение Л. Новомеского хорошо известно и положительно оценено не только прогрессивными лингвистами. На него обратили внимание и его комментировали также историки. Например, словацкий историк З. Голотикова заняла следующую позицию: «[Новомеский] клеймил позором государственную идеологию чехословакизма и его носителей, официальные акты правящих кругов Чехословакии и закулисные интриги. Он указывал на социальный аспект и последствия социального гнета, однако не оставлял без внимания и сферу культурной жизни в Словакии, и влияние официальных идей и практики централизма, тормозящих развитие науки и искусства в Словакии. Он выступил против попыток чехизации словацкого правописания, предпринятыми в 1932 году, не только решительно, но и с большим знанием дела, присущим только выдающемуся поэту. Используя свои способности, он без колебаний выступил в защиту языка как против чехизаторов, так и против провинциальных консерваторов» (Holotiková Z. Laco Novomeský — revolučný novinár. — Sešity novináre, t. 8, č. 3, s. 122).

Позиция Новомеского по вопросу об отношениях чешского и словацкого языков нашла горячий отклик не только в Чехословакии, где ее принимали по-разному, но и за границей. Например, немецкий словакист Людвиг Рихтер, научный сотрудник Центрального института истории литературы Академии наук ГДР в Берлине и автор многих работ по словацкой литературе, позже писал: «Новомеский последовательно боролся против разнообразных концепций буржуазного национализма, против искажения и антиисторического продолжения идеи чешско-словацкой «взаимности», которая была распространена во времена буржуазной республики, против чехословакизма как империалистической ассимиляторской концепции чешской буржуазии, которая проявлялась в таких якобы незначительных акциях, как борьба за реформу правописания словацкого языка... но одновременно он выступал и против всяческих форм

словацкого «автонимизма» (Nenáhodné stretnutia. Bratislava, 1974, s. 116).

¹¹ «Tvorba». List pro literaturu, politiku a umění, r. 5. Praha, 1930.

¹² В публикации: Novomeský L. Včera a dnes. Praha, 1973.

¹³ Jedlička A. Spisovný jazyk v současné komunikaci. Praha, 1978, s. 86.

Проблематике взаимоотношения чешского и словацкого языков на современном этапе посвящены некоторые статьи и работы, которые вышли в сборнике, посвященном 30-й годовщине Словацкого национального восстания (Slavica Pragensia 18, Praha, 1975).

Предисловие	5
Вл. Барнет . К проблеме языковой эквивалентности при сравнении (Прага). <i>Перевод с чешского Широковой А. Г.</i>	9
Г. П. Нешименко. О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования (Москва)	30
М. Ромпортл . О сопоставлении систем мелодем в чешском и русском языках (Прага). <i>Перевод с чешского Горшковой И. М. и Петрухиной Е. В.</i>	52
П. Новак. О несостоятельности основных положений концепции общего значения в грамматике (Прага). <i>Перевод с чешского Скорвида С. С.</i>	64
И. Г. Милославский. К основам сопоставительного изучения падежной системы русского языка (Москва)	75
А. Г. Широкова. Проблематика транспозиции форм наклонений в славянских языках (на материале чешского и русского языков) (Москва)	83
Вл. Грабье. Семантика русского императива (Прага). <i>Перевод с чешского Широковой А. Г.</i>	105
С. А. Лебедь. Глаголы иноязычного происхождения в видовой системе современного чешского языка (в сопоставлении с русским языком) (Москва)	129
Е. В. Петрухина. Функционирование презентных форм глаголов совершенного и несовершенного вида (с точки зрения взаимодействия грамматических категорий вида и времени) в чешском языке в сопоставлении с русским (Москва)	152
П. Адамец. Функции указательных местоимений в чешском языке в сравнении с русским (Прага). <i>Перевод с чешского Скорвида С. С.</i>	173
А. Трнкова. О некоторых особенностях употребления местоимений kdo, со (и их производных) в чешском языке (в сравнении с русским) (Прага). <i>Перевод с чешского Скорвида С. С.</i>	191
И. М. Горшкова . О функционировании числовых парадигм в близкородственных языках (Москва)	196
Э. А. Брызгалова. Взаимодействие грамматических и лексических значений в предложно-падежных формах с предлогом <i>po</i> в русском языке (в сопоставлении с чешским языком) (Москва)	206
В. Барнетова, Д. Конечна. О значении чешских и русских первичных предлогов (Прага). <i>Перевод с чешского Петрухиной Е. В. и Скорвида С. С.</i>	222
Я. Порак. О сочетаемостных свойствах глаголов vědět, znát в чешском языке и их соответствия в русском языке (Прага). <i>Перевод с чешского Лебедь С. А. и Скорвида С. С.</i>	227
В. Ф. Васильева. Некоторые наблюдения над сочетаемостными особенностями качественных и относительных прилагательных в русском и чешском языках (Москва)	235
В. Будовичова. К проблематике сопоставительного изучения лексикологии родственных языков (лексические параллели в словацком, русском и чешском языках) (Прага). <i>Перевод со словацкого Лифанова К. В.</i>	252

- И. Штепан. Выражение временных значений в простом предложении в чешском и русском языках (Прага). *Перевод с чешского Лебедь С. А.* 272
- Ж. Гаузенблаз. Проблема соотношения языка и стиля в чешской лингвистике первой половины XX века (Прага). *Перевод с чешского Нецименко Г. П.* 288
- Ю. Шулцова. Современная языковая ситуация в Чехословацкой Социалистической Республике и некоторые ее истоки (Прага). *Перевод со словацкого Лифанова К. В.* 301

Vladimír Barnet. K problému ekvivalence při srovnání	9
Galina P. Něščimenko. K některým aspektům konfrontačního studia tvoření slov v slovanských jazycích	30
Milan Romportl. K porovnání základu systémů melodemů v češtině a ruštině	52
Pavel Novák. O obecné neadekvatnosti koncepce obecného významu v gramatice	64
Igor G. Miloslavskij. K základům konfrontačního studia pádů	75
Alexandra J. Širokova. K problematice transpozice slovesných modů	83
Vladimír Hrabě. Sémantika ruského imperativu	105
Svetlana A. Lebed'. Slovesa cizího původu ve vidovém systému češtiny (v porovnání s ruštinou)	129
Jelena V. Petruchina. Fungování přítomných slovesných tvarů dokonavého a nedokonavého vidu v češtině (v porovnání s ruštinou)	152
Přemysl Adamec. Funkce ukazovacího zájmena <i>ten</i> v češtině v porovnání s ruštinou	173
Alena Trnková. K otázce fungování zájmena <i>kdo</i> a <i>co</i> v češtině (v porovnání s ruštinou)	191
Irina M. Gorškova. Fungování číselného paradigmatu v blízké příbuzných jazycích	196
Elza A. Bryzgalova. K otázce vztahu gramatických a lexikálních významů v předložkových tvarech s <i>po</i> v ruštině (v porovnání s češtinou)	206
Vilma Barnetová — Dana Konečná. K významu českých a ruských pravých předložek	222
Jaroslav Porák. O spojitelnosti sloves <i>vědět</i> a <i>znát</i> v češtině a jejich ekvivalenty v ruštině	227
Valérie F. Vasiljeva. Několik poznámek k spojitelnosti jakostních a vztažných adjektiv	235
Věra Budovičová. Z. konfrontačnej lexikologie příbuzných jazykov—lexikálne paralely v slovenčine, ruštině a češtině	252
Josef Štěpán. Vyjadřování časových významů v české a ruské jednoduché větě	272
Karel Hausenblas. Výklad vztahu mezi stylem a jazykem v české jazykovědě I. poloviny 20. století	288
Olga Schulzová. Současná jazyková situace v československej socialistickej republike a niektoré jej zdroje	301

**Сопоставительное изучение
грамматики и лексики русского языка
с чешским языком и другими
славянскими языками**

Зав. редакцией *М. Д. Потапова*

Редактор *И. Л. Тимашева*

Мл. редакторы *Т. А. Крапивина, В. Г. Мелихова*

Переплет художника *Б. С. Казакова*

Художественный редактор *М. Ф. Евстафьева*

Технический редактор *Э. С. Кондрашова*

Корректор *Г. В. Зотова*

Тематический план 1983 г. № 152
ИБ № 1646

Сдано в набор 15.02.83.

Подписано к печати 11.10.83.

Л-96308 Формат 60×90/16

Бумага тип. № 1.

Гарнитура Литературная.

Высокая печать

Усл. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 22,82.

Тираж 1800 экз. Заказ 41.

Цена 3 р. 90 к. Изд. № 2503

Ордена «Знак Почета»

издательство Московского университета

103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Типография Ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ.

Москва, Ленинские горы